

Гай Юлий
Орловский

Ричард де Амальфи

Гай Юлий Орловский

Ричард де Амальфи

Доблестный сэр Ричард, паладин
Господа, а теперь и гость таинственного
замка в окружении вражеских соседей:
свирепого барона де Амальфи,
волшебницы Клаудии
к тому же на его землях
обнаружены "сверны"
королевства",
а через две недели
его ждет рыцарский
турнир и... рыцарский
суд!

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ричард Длинные Руки

Ричард Длинные Руки —
воин Господа

Ричард Длинные Руки —
паладин Господа

Ричард Длинные Руки — сеньор

Ричард де Амальфи

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

ФицАльф
де Амальфи

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О 66

Оформление серии художников
A. Старикова, M. Петрова

Серия основана в 2004 году

Художник *A. Дубовик*

О 66 **Орловский Г. Ю.**
 Ричард де Амальфи: Фантастический роман. — М.:
 Изд-во Эксмо, 2004. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длин-
 ные Руки).

ISBN 5-699-06503-2

Доблестный сэр Ричард, паладин Господа, а теперь и хозяин таинст-
венного замка, в окружении враждебных соседей: свирепого барона де
Амило, волшебницы Клаудии, к тому же на его землях обнаружены «свер-
нутые королевства», а через две недели его ждет рыцарский турнир и...
рыцарский суд!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-06503-2

© Орловский Г. Ю., 2004
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Часть 1

Глава 1

Сквозь сон донеслись далекие грубые голоса, конское ржание. Я поднял веки, минуту смотрел на стену из крупных каменных глыб. Из узкого окна ворвался золотой луч, на полу на шкурах неведомого зверя высветился скошенный квадрат, весело скачут колючие искорки.

Голоса и ржание слышны снизу, я вскочил и, на ходу протирая глаза, добрался до окна. Камень под моим животом теплый и надежный, как кора гигантского дерева, внизу во дворе после короткого ночных дождика унесло грязь с вымощенного бульжником пространства, камни блестят, как панцири черепах, а вода бежит в канавке под стеной, иногда выплескиваясь в неглубокие лужи. Дети пускают щепочки, над влажной землей под жаркими лучами дрожит воздух, утреннее солнце пронизывает чуть ли не насквозь.

Я оглянулся на разложенные на широкой лавке доспехи: пора к народу, что выбрать? Кожаные сразу пропитываются потом, от них пахнет, как от стада взмыленных коней, сохнут долго, однако и железо на голое тело не наденешь: придется сперва вязаную рубашку, она же поглотит и пот, но это в разгар лета нести на плечах наковальню...

Снизу со двора уже не просто голоса, а вопли. В дальнем углу семья человек упражняются в стрельбе из лука, мой чернющий конь с рогом посреди лба бродит между ними, помахивает хвостом, за

ним крадутся, страшась приблизиться, полные ужаса ко-
нююхи.

— Что случилось? — крикнул я сверху.

Задрали головы, разом сдернули шапки, поклонились, один прокричал:

— Ваша милость, мы уже и не знаем, как его остой-
лить!.. Это ж один из тех коней... что и не кони вовсе...
Съел овес, а потом и сами ясли! Железный запор понравился — съел, а еще ходил и высматривал гвозди. В кузни-
це две подковы скрумал, как бублики. Хорошо, кузнец
увидел, отогнал заклятием.

Я прокричал в ответ:

— Знающий у нас кузнец! Вот и спросите, каким закля-
тием можно такого коня... э-э... остойлить.

Конь поднял красивую мускулистую шею, багровые
глаза разгорелись ярче, стали алыми. Мне почудилось, что
это пламя гнева, но конь приветливо заржал, махнул хво-
стом и даже пряднул ушами.

— И я тебя люблю, — ответил я искренне. — Ты у меня
чудесный. Скоро приду.

Вздохнул, облачился в металл, при таком коне надо вы-
глядеть рыцарем, даже если не считаю себя им, — положе-
ние феодала обязывает.

Уже позднее утро, солнце над замком, но холодом тя-
нет от стен, пола, из неведомых щелей. Сквозняки просто
пронизывающие, а там, за дверью, вообще рвет и мечет,
как Тузик тряпку, заблудившийся ветер. Гунтер и даже
Зигфрид жалуются на ноющие суставы, я пока держусь,
прогитаминенный на две жизни вперед, но все равно с
тоской думаю про окна со стеклопакетами или хотя бы о
масляном калорифере.

Несмотря на утро, в массивных медных держаках по-
лыхают факелы. Я только на третий день заметил, что их не
меняют, а в светильники никто не подливает масла. Гунтер
объяснил как само собой разумеющееся, что таково жела-
ние предыдущего владельца замка, чтоб горели сами, я
кинулся с умным видом, если так, то, конечно, какие во-

просы, желание хозяина — закон для подчиненных, даже если в числе подчиненных — замок. Жаль, что хозяин не подумал о сквозняках, ах да, он же последние годы вообще не покидал своих покоев, а там не дует...

Мой личный кабинет, он, как и спальня, входит в понятие «мои покои», выходит на другую сторону двора, сюда с утра солнечные лучи не достигают, сейчас здесь ровный красноватый свет факелов, не слишком яркий, скорее — тусклый, но я уже привык, что при каждом моем движении черная тень колышется, двигается по стене, а в углах переламывается и хищно перепрыгивает со стены на стену изломанная, вытянутая и плоская.

Громыхая железом, я миновал кабинет и подошел к двери, как вдруг жуткая тень истончилась и пропала. Комнату залил чистый радостный свет, который не могут дать ни свечи, ни светильники, ни электрические лампочки. Разве что электрическая дуга... нет, и у той свет недостаточно чист, а этот просто незамутненный свет Первого дня...

Из стены вышла плазменная фигура. Широкие плечи, мощная грудь, квадратное лицо с тяжелой челюстью человека властного и вспыльчивого, массивные надбровные дуги, одну вроде бы рассекает шрам, но не рассмотреть в ярком переливающемся свете.

Я ахнул:

- Тертуллиан?.. Но в эти земли ты не мог! Или брехал?
- Теперь могу, — ответил плазменный человек могуим голосом, то ли полководца, то ли проповедника, привыкшего подчинять массы.
- Это из-за меня?
- Не стыдись, — пророкотал он утешающе.
- Да я вроде не стыжусь...
- Стыдишься, — уличил он. — Думаешь, не видно? Ну побей посуду, обругай слуг, ударь ребенка. Не понимаю, из какого ты мира, где стыдятся хорошего?
- Да вот из такого, — пробормотал я злой, что меня, такого сложного и загадочного — я же целый мир! — раскусили так запросто. — Вино будешь?

Он сделал вид, что не услышал глупой шутки, вообще я могу и лучше, но уж очень растерялся, а дураком выглядеть никому не хочется. Хуже, чем дураком, выглядеть разве что умным.

Комната разом потеряла запахи пота, горелой смолы, масла, из всех щелей исчезли тени. Тертуллиан светит, как солнце, только не слепя глаза и не заставляя щуриться.

— Ты вклинился в земли Врага, — произнес он серьезно.
Я зябко повел плечами.

— А что, Одноглазый, Клаудия, Вервольф, Кабан, Тудор и даже Крыса — слуги дьявола?

Он слабо усмехнулся.

— Не в том смысле, как понимает простой народ. Им кажется, что дьявол, сидя на черном коне, указывает дланью, а слуги носятся, выполняя его приказы. Все гораздо хуже именно тем, что незримее... Здесь, на этих землях, как бы ничья власть! Здесь нет ни бога, ни дьявола. А слово «слуги», кстати, в землях дьявола давно заменено на «слушающие».

Я сказал осторожно:

— Извини, но по мне самое лучшее — ничья земля и ничья власть. Сильному человеку не нужны костили. Ты же знаешь, я не из этого мира. Потому не суди строго.

Он отмахнулся, за рукой протянулась сверкающая полоса, словно рука на целую секунду превратилась в блистающий веер.

— Я же один из отцов Церкви! Создавшие Церковь могут ли быть слепо верующими? Даже просто верующими?.. Нет-нет, не отвечай, опасный вопрос, не надо вслух. Просто подумай и ответь для себя. Но не суди со всей решительностью, столь свойственной твоему юному возрасту. Пока не говори ни «да», ни «нет». Прими как аксиому, что свято место пусто не бывает. Вот не бывает — и все! Как не может плодородная земля не покрыться травой, а в траве обязательно появятся жучки, паучки, бабочки, стрекозы... Уже тем, что здесь нет храмов, здешние люди открыли сердца дьяволу. Ведь для него вовсе не требуется своих жерт-

венников или языческих храмов!.. Достаточно и того, что нет церквей!

Я спросил тупенько:

— А как же черные мессы? Вальпургиевы ночи? Прости, ты в самом деле не хочешь хотя бы присесть? А то как-то неловко... Стоим друг против друга, как на диспуте.

Он покачал головой:

— Я не могу сотворить накрытый стол, даже чашу с вином не могу, нам не доступно то, что делают даже слабые маги. А посыпать слугу...

— Да, — согласился я, — не хотелось бы, чтобы тебя увидели...

— И чтоб о тебе подумали лучше, — добавил он с иронией. — Так вот, о простом народе и вальпургиевых но- чах... Слабые люди стараются угодить господину, только не знают как. Словом, Дик, я еще не освоился, что ты уже стал рыцарем, потом паладином, а теперь так и вовсе де Амальфи.

— Де Амальфи?.. — переспросил я тупенько. — Я?

Он отмахнулся.

— Так вот я о чем: Церковь, как и дьявол, дает тебе свободу выбора. Будешь служить Церкви — получишь поддержку Церкви. Будешь служить дьяволу — тебя поддержит дьявол.

Я невольно выпрямился, повел плечами, доспехи слегка звякнули.

— Пусть собачки служат, — сообщил я. — А человек — звучит гордо, даже если это тварь дрожащая. И вообще тро- стник... Ты присядь, пожалуйста, если пить не хочешь!.. А то мне неловко, я уж так воспитан.

Он опустился в свободное кресло, чтобы мог сесть и я, вот такой я вежливый, но он, как старый римлянин, правила этикета знает, оценил, в огненных глазах одобрение, что я выждал, пока опустит задницу он, а потом лишь на- щупываю ягодицами сиденье сам.

— Я недолго, — сообщил он. — Захотелось прове- рить, в самом ли деле эти места открылись... и для меня.

— Ну и как?

Он задумался, кивнул:

— В какой-то мере. Ты позволил уцелевшему священнику восстановить церковь и начать службы. Влияние дьявола слегка ослаблено... во всяком случае — в церкви: И это позволило мне хоть с усилием, но прорваться через Мертвые Поля, Красные Реки и Черный Пояс Безысходности. Словом, в запретные для меня области.

— Но мы не в церкви!

Со стороны окна донеслись крики, звон металла, громко заржал конь. Тертуллиан посмотрел в ту сторону:

— Нравится тебе или нет, но церковь — во дворе замка. Правда, это ни к чему не обязывает.

— Еще бы, — сказал яsarкастически. — Меня вообще ничего не обязывает, уж извини. Я сам из всех существующих моделей... а их до черта, хорошо — до ангелов, выбираю те, которые меня устраивают. Только им и следую... Ладно, Тертуллиан, раз уж ты появился, нельзя ли к тебе с просьбой?

Он ухмыльнулся:

— Можно. Как ты говорил, услуга за услугу.

Я проговорил с некоторой неловкостью:

— Понимаю, ты человек святой, тебя со всех сторон донимают просьбами...

Тертуллиан кивнул:

— Ну-ну, говори. Для такого гордеца обратиться с просьбой, что живую жабу съесть.

— Тертуллиан, я все думаю, как бы сюда те волшебные мечи, что достались мне так по-дурному...

— По-дурному?

— Легко, — поправился я. — Слишком легко.

Он нахмурился, белые светящиеся брови на миг скрыли огненные глаза, покачал огромной головой:

— Пора уже знать, что если что-то достается легко...

— Знаю, — прервал я, — бесплатный сыр только в мышеловке, халавы не бывает, и все такое. Но я взял эти мечи! Теперь, даже если откажусь, расплачиваться все равно?

Ну вот... Их бы сюда, в мой замок. Видишь, я уже называю его своим.

Он взглянул мне в глаза, в глазницах свет немыслимой чистоты, я ощущил себя нечистым, отвел взор.

— Ах, Ричард, — проговорил он медленно, с печалью. — Ну не дано мне выполнять такие вот просьбы! Не могу съездить в Зорр, взять там твои мечи и привезти сюда!

— А шепнуть кому-нибудь? — сказал я дрогнувшим голосом. — Например, Сигизмунду? Хоть он и свободен от вассалитета, но по старой дружбе... Или Асмеру, Бернарду, даже Ланселоту. Мол, ваш приятель снова попал в переделку, просит доставить по такому-то адресу, в такую-то крепость, где примет без всякой описи.

Тертуллиан усмехнулся, я смотрел в его огненные глаза не шурясь, кажется, начиная без всяких формул понимать природу вещей и строение материи.

— Ричард, — ответил он сильным, слегка рокочущим голосом, — Ричард... ты не понимаешь. Пока ты один вот такой, что можешь общаться! Ну, не падаешь на колени, не захлебываешься благодарственными молитвами... не бываешь в экстазе... А бывают и такие, что считают мое появление поисками дьявола, начинают брызгать святой водой, приводят священников, устраивают крестные ходы... А самое главное, никто не слушает ни одного моего слова!.. Неважно, что говорю, одни бухаются на колени и начинают благодарить Творца за явленную им милость, да как многословно и одинаково!.. Другие пытаются изгнать с такой же страстью... А с тобой можно просто говорить. Ты меня понимаешь, хотя это очень странно.

Я спросил с неловкостью:

— Странно, что понимает неверующий?

Он отмахнулся.

— Я сам неверующий, уже говорил. Вообще, любая религия делается неверующими. Запомни, Ричард, основа всех великих религий мира — безбожие. И саму Церковь строили умные и абсолютно неверующие люди. Думаешь, верующие смогли бы построить?.. Ха!.. Я знаком со всеми

отцами Церкви, они все, представь себе, неверующие, однако признают необходимость веры не только для народов, но и для каждого отдельного человека. Вера нужна, Ричард, нужна.

Я покачал головой:

— Но не мне.

Он грустно улыбнулся:

— Даже тебе.

— Не думаю.

— Это сейчас, — сказал он серьезно. — Когда-то это тебе понадобится.

— Никогда, — отрезал я твердо.

— Никогда не женюсь, сказал трехлетний ребенок.

Я ощутил угрызения совести, слишком уж по-бараньи уперся, надо то же самое, но другими словами, повежливее, сказал уже мягче:

— У нас говорят: зарекалась свинья говно кушать...
Ладно, поживем — увидим. Лично я уверен, что есть установки, которые с возрастом не меняются.

Он поднялся, свет стал ярче. От всей огромной фигуры шло дружеское тепло.

— Еще появлюсь, — пообещал он.

— Только не распугивай мои привидения, — попросил я. — И моих домовых с троллями!

Он с укоризной покачал головой:

— Эх, Ричард... Когда повзрослеешь и начнешь обходиться без них?

Он исчез, в комнате сразу стало темно, только на всех стенах тускло зажелтели пятна масляных светильников.

Мои покои на втором этаже. И когда, громыхая железом, переступил порог в коридор, снизу донесся могучий рев двух десятков крепких мужских глоток. В нижнем зале пир по случаю прибытия герольда короля Барбароссы. Король устраивает турнир по случаю бракосочетания, герольд развозит приглашения. Привез и мне, а я сдуру ответил, что, дескать, а как же, без меня какой турнир.

До турнира месяц, на дорогу вычтем неделю, три в запасе. Ну ладно, пусть даже две на дорогу, в любом случае седлать коней рано. Вообще-то герольд — не велика птица, в его честь разве что бросят чистую тряпку в людской, чтобы выспался перед дорогой, но я еще не установил твердых правил, народ вольничает. Я для них не совсем хозяин, а пока только рыцарь, захвативший замок и принявший их на службу. И хотя присягу уже принесли, должны привыкнуть, что новый хозяин — я.

Правда, к этому должен привыкнуть еще и я сам.

Стражник в коридоре вскочил, стукнул тупым концом копья в пол:

- На страже, ваша милость!
- Вольно, — пробормотал я.

Пройдя мимо, услышал жестяной лязг за спиной, это страж тут же сел на ящик и приготовился дремать. Я иду медленно и даже как бы величаво, так пусть и понимают, на самом деле бдю, не заблудиться бы в собственном замке, еще не совсем орел в ходах странного назначения: кажется, прорыли пьяные муравьи, они же выстроили воздушные мостики с одной башни на другую, возвели галереи, проложили длиннющие коридоры, переходы, ходы вверх, ходы вниз, я пока что ориентируюсь только в самом донжоне, а все эти правые и левые крылья, сторожевые башни, под которыми столько многоэтажных подвалов, проходов, разных помещений...

Вот так в лесу смотришь на коричневую горку муравейника, думаешь, что это он весь, на самом деле только шапка, даже не шапка, а кончик шапки, муравейник же глубоко под землей, что и понятно: зимой там не промерзает, летом никакой лось не разворотит.

С лестницы посмотрел на нижний зал, украшенный стягами, гобеленами и, главное, огромным щитом с моей эмблемой. Народ пирует: одни празднуют освобождение из темниц, другие — повышение, третий просто рады пожрать и выпить. Ладно, мешать не буду, прошел дальше, стараясь не громыхать, спустился по боковой лестнице, минуя, пирующих и вышел во двор.

Один из слуг суетливо подбежал и с услужливостью преклонил колено. Я постарался удержать лицо от улыбки, а голову от благодарственного кивка. Я — сеньор, феодал, должен принимать эти знаки внимания как должное. И смотреть всегда либо поверх голов, не замечая эту шушеру, либо испепелять гневным взором.

Во дворе пахнуло теплым летним воздухом, пропитанным ароматом свежеиспеченного хлеба, горячим железом, запахами конских каштанов, выделываемых кож, доносящими стук молотов по металлу, конское ржание, сердитые вскрики конюхов, — привычный мир звуков и запахов жизни средневекового замка.

Мои подкованные сапоги с молодецким щелканьем расцеловали вымытую дождиком брускатку, ярчайшее, словно в космосе солнце ударились лучами в булыжники и рикошетом поразило глаза, я охнул и закрылся ладонью. С легким пощелкиванием трепещет прапорец на воротах, слышен звонкий цокот подков, но моего коня не видать. Наверное, заманили в конюшню. Посреди двора гвардия: Гунтер, Ульман, Тюригем, Хрут и Рассело, а также Зигфрид — единственный рыцарь, если не считать произведенного мною в это звание Гунтера.

Гунтер на шаг впереди — с красным, обожженным солнцем и морозами лицом, усы не просто в разные стороны, но и кончиками вверх, а так по-прежнему суровый, с топором в руках, на плечах плащ зеленого цвета, поверх кольчуги на груди накидка из грубого полотна с красным крестом на всю грудь.

На шаг позади — гигант Ульман, весь в красном, потому крест на груди вышит белым, и на щите тоже белым, железный шлем с широкими полями, как шляпа, на плече держит алебарду. Совсем недавно все они, исключая Зигфрида, были в простых кожаных доспехах, но после разгрома гадов, пытавшихся захватить замок, нам достались великолепные брони. Ульман, как и все, выпячивает грудь, смотрит с обожанием: оружие и доспехи — это же лучшие игрушки для взрослых детей.

Тюрингем в коническом шлеме с намертво приклепанной полоской стали, что защищает нос. Лицо составлено из отдельных кусков, соединенных грубо, неумело и небрежно, я часто засматриваюсь: что-то в нем странное, словно лицо Франкенштейна, да и речи бывают странные, как и манеры, но в то же время в отряде считается самым искусным копейщиком. Он сейчас с копьем в руке стоит в небрежной позе, поставил ногу на камень, щит на колене, опирается на него локтем. Он весь в сером, потому крест, как у Ульмана, нашит белый, только у того со слегка расщепленными кончиками, а у Тюрингема концы креста как будто расплюснуты тяжелым молотом.

Хрут в полных рыцарских доспехах, даже шлем самый закрытый: цилиндрическое ведро с узкой щелью для глаз, а ниже дырочки для дыхания, никаких вычурных прибамбасов вроде поднимающегося забрала. Доспехи тоже самые прочные, но при его чудовищной силе ему не в тягость, носит с радостью, снимает неохотно, вот так с виду его не отличишь от настоящего рыцаря, чем сильно гордится. Он единственный, кто в плаще прямо поверх стальных доспехов, никаких накидок или кольчуг.

Рассело с тонким длинным мечом в руке, он в кольчуге из мелких колец, поверх белая накидка с черным стилизованным крестом, это даже не крест, а меч острием вниз с крестообразной рукоятью. Шлем на нем походит на каску солдат Второй мировой войны, никаких лишних выступов, забрал, украшений, а кольчуга из таких мелких стальных колец, что я усомнился в ее прочности. В то же время это прекрасный воин, берет он больше скоростью и ловкостью, чем силой, на что делает ставку Ульман.

И последний — Зигфрид. Этот чуточек в сторонке, всякий раз подчеркивая, что он — настоящий рыцарь, хоть и однодышковый, то есть не владеет ни замком, ни землями, а все, что у него есть, — конь и меч, да еще простенькие доспехи, которые теперь сменил на лучшие из трофеиных. Но все-таки — рыцарь, потомственный, все его предки были рыцарями, все защищали или захватывали земли и все гибли в боях, никто не умер в постели.

Глава 2

Я издали улыбался им всем, а Зигфриду еще и подмигнул дружески, надо показать, что, как рыцарь рыцаря, выделяю из числа простого народа. Широкомордый и широкоскулый, он расплылся в улыбке. Хотя по генеалогии из рода Нibelунгов, младший сын владетельного сеньора Кунинга, но в лице ни следа арийскости, разве что рост и могучее сложение, сразу вспоминается, что в те времена по его землям проходили орды Аттилы, а германцы были у Бича Божьего основной ударной силой.

Широкий в плечах и выпуклогрудый, толстошней, с мускулистыми руками, толстыми, как бревна, теперь он встречает меня в новеньких доспехах, великодушно отдав старые кузнецу для перековки на подковы и гвозди. Верхняя половинка лба все так же нежно белеет, как украинское сало, остальная морда лица цветом напоминает поспевший желудь, словно и спит в солярии.

При моем приближении все вытянулись, стукнули мечами и топорами по щитам.

— Ну что, орлы, — сказал я вместо приветствия, — осваиваемся?

Гунтер ответил за всех:

— Спасибо, ваша милость, за доспехи!

— На здоровье, — ответил я. — Рад, что вам понравились.

Гунтер заулыбался, мол, понимаем шутки сеньора.

— Все наши люди, — сказал он счастливо, — уже в новом железе!.. Кузнецы день и ночь подгоняют, переделывают. Из всех наших... то есть ваших деревень кузнецов нагнали, железо у этих гадов такое, что не всякий молот берет!

— Зато и чужой меч не возьмет, — рассудил я мудро. — Что с луками?

— Еще двенадцать собрали, — сообщил Гунтер с гордостью, — ну, скажу вам, это луки! Всем лукам луки. Мы все по очереди пробовали: стальную пластину бьет навылет со ста шагов!

— Отлично, — сказал я с облегчением, но, как отец-командир, строго напомнил: — Но это заслуга лука, а не ваша. А как насчет точности и скорострельности? То-то!.. Давайте, шустрите. Предела совершенству нет. Тяжко в доспехах, легко... гм... потом, опосля. Пусть осваиваются и остальные прочие. Кстати, Гунтер, пора обеять наши владения. В прошлый раз я окинул вельможным взором село, а сейчас надо посмотреть кордоны... Ну, где мои земли со-прикасаются с землями соседей.

Все никак не приучу себя говорить «мои владения», но для них и «наши» звучит естественно, высокопоставленные о себе говорят во множественном лице, мы-де, Николай Второй, милостию порешили изволить отрубить вам голову, а вот вас повесить...

Тюрингем, оруженосец Гунтера, спросил ликующее:

— Когда поедем? Прямо щас?

— Попозже, — ответил я. — Может, после обеда. Или после завтрака.

Сказал и с трудом одолел естественный импульс идти в конюшню и седлать своего чудного коня.

— Проверь, — бросил Тюрингему небрежно, — чтобы все кони были... как кони. Ну там с подковами в порядке, старую сбрую заменить новой, коней заправить... в смысле накормить...

Он сорвался с места, словно спринтер на стометровке. Я проводил его взглядом, еще раз напомнив себе, что надо не просто привыкать к новому положению сеньора, а врастись, как в собственную кожу. В этом мире, во всяком случае в землях Амальфи, я отдаю приказы, и всякий бросается их исполнять, словно в армии. Здесь неважно, что я молод, что нет опыта жизни в этих условиях. Зато у меня звание, то есть статус феодала, а это значит, что всякий ниже по званию или чину слушается беспрекословно и мчится выполнять все, что бы я ни ляпнул.

С одной стороны, приятно, что не надо спорить и убеждать, с другой стороны, я должен отдавать только мудрые приказы — поправлять некому.

Тюрингем исчез в распахнутых воротах конюшни. Гунтер поглядел вслед, на лице тревожное раздумье.

— Ваш конь, ваша милость...

— Точно, — согласился я. — Конь.

— Чем больше смотрю на него, ваша милость...

Он умолк, не находя слов, я спросил настороженно:

— Что с ним?

— Да вот иногда просто шерсть дыбом!

Зигфрид хмыкнул:

— На спине. Он у нас как медведь. Сэр Ричард, мы все смотрим на вашего коня с завистью.

Вдалеке через двор идет толстенький человек в сутане, мне показалось, что кто-то новый, но когда по дуге обошел лужу, приподнимая, как девица подол, сутану, я разглядел лицо отца Ульфиллы, священника, которого я не звал, но миссионеры приходят незваными. Еще чуть укрепится — и начнет собирать народ на истребление исчадия дьявола. Исчадие дьявола, как он уже сообщил, — это я.

— Да, — ответил я нехотя, — послушный конь. Что еще воину нужно?

Гунтер кивнул:

— Хороший конь. Жаль, их все меньше и меньше. Я думал, вовсе не осталось... Где вы его, ваша милость, только и добыли!

— А что, — спросил я уклончиво, — куда смотрят здешние мичуринцы? Ну, святые или колдуны? Такие кони пронесли бы рыцарей со словом Божиим по всем странам, землям и прилегающим к ним островам!

Гунтер двинул плечами:

— Я простой воин, ваша милость.

— Уже не простой, — напомнил я.

Он поклонился:

— Да, теперь, благодаря вашей щедрости, уже рыцарь, хотя никак не привыкну... Но я не родился рыцарем, меня не учили слагать стихи и говорить красиво, так что я не знаю, откуда эти кони... Но есть человек, который просто должен знать.

Наши взгляды встретились, я оскалил зубы в хищной усмешке:

— Намек понял, как сказала Пелагея-ключница. Пойду вытрясу из этого человека всякие ответы! А пока собери небольшой отряд... ты тоже со мной, посмотрим где и что. Еще захвати трех-четырех лучников. Из тех, кто научился пользоваться. Заодно и проверим, что умеют.

— Как скажете, ваша милость!

Я направился к распахнутым воротам донжона, оттуда уже не доносятся песни: просыпали, что хозяин во дворе, бдит и трудится, разбежались. Гунтер дисциплинированно пошел слева, приотстав на полшага, как вышколенный пес на коротком поводке, я невольно замедлил шаг, придумывая, что спросить или какие задания он ждет, Гунтер идет молча, искоса посматривая в мое исполненное, надеюсь, благородной задумчивости лицо.

— Что будете делать, ваша милость?

Я тоже посмотрел искоса, язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли, ответил с веселым легкомыслием:

— Сперва обживусь... Здесь право первой брачной но-чи существует? Хватит спать у костра, получать раны, трястись на коне с утра до вечера и снова до утра, голодать по несколько суток... Отъемся, отосплюсь...

— А потом?

Он спрашивал настойчиво, мне не понравился блеск черных, как маслины, глаз.

— Потом буду обустраивать свои земли, — ответил я уже рассудительнее. Надеюсь, это прозвучало достаточно рассудительно. — Многое, как вижу, запущено. В Срединных королевствах хозяйство, надо сказать, на высоте, а здесь и коровы мелкие, беспородные, и свиньи худые, и гуси больше на уток похожи... Что это за коровы, спрашиваю, если молока, как от коз?

Он кивнул, соглашаясь, но я видел, что огонек в глазах не угас. Передохнув, сказал снова:

— Ваша милость, хоть режьте, но не поверю, что вот так и останетесь жить-поживать да добро... Не тот вы чело-

век... нет-нет, оставьте меч, я не сказал, что брешете, но часто сам человек не знает, что за первым шагом будет и второй, но второй уже совсем непохожий на первый...

Мы подошли к воротам, я остановился на грани солнечного света и полутьмы нижнего зала, поинтересовался с предельным равнодушием:

— Ну-ну, и чем я буду заниматься?

— Ваша милость, вы мудро сделали, что сразу же взялись укреплять оборону. Это сэра Галантлара страшились, а вот вас еще не раз прощупают на предмет податливости! Да и вы сами... Как насчет того, чтобы самому прощупать, скажем, Крысу? То бишь барона де Пусе? Воин из него никакущий, хозяин еще хуже... Да и земли, честно говоря, бедные, зато через них прямой выход к Лабе, а по ней можно хоть на плотах попасть в любое из Приречных королевств, а то даже доплыть до Великого Моря! Или попробовать как-то сладить с Кабаном, хотя тот покруче, покруче...

Я усмехнулся.

— Ну и кровожадный ты! Я рядом с тобой совсем голубь мира и прогресса. А кто наши соседи справа и слева?

— У Кабана сейчас заварушка с бароном Талибальдом, это его сосед с той стороны. Можно бы под шумок оттаять пару деревень, выйти на брод через Черную Речку, а у кого брод, тот шерстит мыто со всех проезжающих!

— Да, — согласился я. — Сидишь себе, а денежки капают...

Он приободрился:

— Ну я о чем и говорю!

— Ладно, — сказал я, — Мне надо сперва с замком и местным народом разобраться. А потом подумаем, что дальше.

Он не уходит, смотрит пытливо, ожидая указаний, я задумался, что же я не сделал срочного, что упустил из виду, старый начальник стражи ждет, лицо бесстрастное, темные, как чернослив, глаза смотрят с ожиданием, усы пока что как у Петра Первого, в стороны, кончики кверху. Разве

что не распушил, как первый наш император, а закрутил, сделал кончики острыми, как шильца.

Ага, мелькнула мысль, после того как я отпустил Сигизмунда, возникла проблема с оруженосцем. Дело не только в том, что рыцарю положено иметь оруженосца по рангу и по статусу, как офицеру — денщика, а затем — ординарца, но в самом деле часть бытовых проблем нужно спихивать на помощников. К тому же быть оруженосцем почетно: абитуриент обучается навыкам рыцарского умения, перенимает приемы, в конце концов и сам удостаивается высокого рыцарского звания.

Оруженосцами обычно становятся младшие отпрыски голубых кровей, рыцарские семьи суетятся, стараясь пристроить чадо повыше в служение, но в моем случае глупо рассчитывать, что ко мне пришлют что-то достойное. С другой стороны, это и к счастью: я не обременен старыми связями с местными феодалами, что обязывают оказывать обременительные услуги.

— Вот что, Гунтер, — сказал я солидно, словно только что вспомнив, — подыщи крепкого и смышленого парня мне в оруженосцы!

Гунтер помедлил, прежде чем ответить:

— Сэр Ричард, не урон ли вашему званию, если у вас оруженосцем будет простолюдин?

— Мы все произошли от одной обезьяны, — ответил я привычно и добавил поспешно: — И от Адама, как говорит Святая Церковь.

Он переспросил в некотором замешательстве:

— От Адама и обезьяны?

— Ну, — сказал я в затруднении, — ведь сказано же в Писании, что после убийства Каином Авеля их пapa, загоревавший Адам, сто тридцать лет не возложился... не возлегался на ложе к Еве. Есть различные толкования насчет этих ста тридцати лет, есть довольно... гм... хорошо разработанные сюжеты, в том числе в живописи и литературе... а также в анекдотах. К тому же история возникновения

СПИДа от чересчур интимного контакта с обезьянами... словом, это не совсем наше дело, ты согласен?..

Судя по его лицу, согласен, еще как согласен, тем более что ничего не понял.

— Да, — ответил он поспешно, — тем более что отец Ульфилла о таком не говорил...

— У отца Ульфиллы не переспрашивай, — строго сказал я. — Он не все знает, а тыкать незнанием такого толстого человека нехорошо.

— Да, ваша милость. Осмелюсь заметить, что у всех рыцарей в оруженосцах — сыновья баронов, графов, виконтов...

— Перекрестное опыление, — отмахнулся я. — Берут ничтожного сопляка в обмен на то, что пристраивают своего! Знаем эти штучки, проходили. К счастью, я никому ничем не обязан. Мне можно подобрать настоящего воина, которого со временем можно возвести в рыцарское звание.

Он спросил нерешительно:

— Может быть, возьмете Ульмана и Тюрингема? Ну зачем мне оруженосцы? Я так все сам делаю...

— Тебе положено, — отрубил я. — Ага, и вот еще... Ночное нападение показало, что защитная магия замка исчезла. Во всяком случае, так говорит наш маг Рихтер. Так что у нас одна надежда, на лучников.

Он выпрямил грудь, усы воинственно приподнялись, в темных глазах вспыхнул воинственный огонь.

— Одна?

— Так говорят, — отмахнулся я. — Словом, это наша не единственная надежда, но — основная.

Он слушал очень внимательно, брови сдвинул к переносице, отчего глаза стали совсем черными, солнце искрится на кончиках усов, как на отточенных лезвиях крошечных ножей, иногда произносил «да, ваша милость», «сделаем, ваша милость», а когда вспоминал, что отныне он тоже рыцарь, с трудом говорил «да, сэр Ричард» и замирал, ужасаясь своей смелости.

— Пока нападающие, — продолжал я, — будут бежать к

воротам по единственному мосту, их надо перестрелять, как баанов. Добежавших — перебить, когда начнут выбивать ворота. Тоже стрелами!

Он похлопал по эфесу меча:

— Ваша милость пожаловали мне такой клинок:.. и такие доспехи! Да пусть сунутся.

Я вздохнул:

— Знаешь, Гунтер, скажу тебе честно, я не был воином в своих землях, так что вовсе не рвусь в сечу. Если можно побить издали, лучше всего крылатыми ракетами, я это сделаю. Что может быть красивее, когда лучники красиво расстреляют стадо железных дураков?..

Он посмотрел на меня испытующе:

— Я понимаю, ваша милость.

Я переспросил подозрительно:

— В самом деле? А то мне уже чудится, что здесь одни блондинки.

— Понимаю, — ответил он почтительно, — почему не любите сечи. Почему уже не любите! Они для вас в прошлом, как у всякого полководца. Глупо тому в бой, кто мановением руки двигал в сечу тысячи рыцарей... Будет сделано, ваша милость! Только насчет защиты вы зря. Рихтер пояснил, что исчезла магическая защита внутри замка, но по мосту пройдут только по вашему слову!

Я сказал строго, стараясь не выдать некоторого облегчения:

— Хорошая новость, но знаю по опыту: любую защиту взламывают нехорошие гады. Так что будь готов отразить нападение простыми надежными способами. Иди, выполняй!

Скобы внутри башни поскрипывают под мои весом, прогибаются, как резиновые, даже повизгивают. Надо бы укрепить, здесь народ помельче, а подо мной могут обломиться. Да и вообще гарантийный срок давно истек, Рихтер признавался, что много лет не покидал свой уютный кабинет. Можно сказать, апартаменты. Даже пентхауз, если учесть, что поселился на самой верхотуре.

Голова уперлась в ляду, приподнял, в ноздри шибанул резкий запах трав и горелой коры. Все же так пахнет мышами, это зверье с поперечных балок свисает плотными гроздьями. В подобных серых узелках, покрытых пылью, старушки хранят сушеные ягоды и целебные корешки.

С десяток мышек спят вниз головами, зацепившись коготками за щели и неровности стены. Все пространство заставлено, на широких сундуках сундуки поменьше, на них ларцы и горы старинных фолиантов.

Одна из мышек раскрыла сонные глазки, но, признав своего, сладко зевнула красным вампирским ротиком.

Рихтер сидит спиной ко мне, худой, сильно сгорбленный, несмотря на толстый халат с гордо раздвинутыми, как у кавказского чабана, плечами. Из-под широкополой шляпы поблескивают серебристые волосы.

На скрип половиц маг оглянулся, косматые снежно-белые брови взлетели на середину лба. Седые волосы грязными сосульками ниспадают на грудь, но лицо розовое, как у младенца, хоть и видно, что стар, очень стар.

— Ваша милость! — воскликнул он, вскачивая. — Сэр Ричард!

Он поспешил сдернуть шляпу, я вскинул руку:

— Не вставай, не вставай. Да, вот такая у меня причуда, чтоб люди, намного старше меня, не вставали... Ладно, простолюдины пусть, а вот творческая интеллигенция — не надо. А то к соседним феодалам сбегут. Да и шляпу снимать не надо, это же не просто шляпа, а некий знак принадлежности к гильдии? Как у адмирала кортик, у панка ирокез, а у политика длинный язык? Словом, привет труженику науки от работника меча и топора. Как продвигаются работы над эликсиром молодости?

Он сел и еще раз поспешил поклониться. Получилось комично, очень хотел снова встать, но не решился, раз уж хозяину такая вожжа под хвост попала, ответил умоляющее:

— Ваша милость, да вы и так самый молодой в замке!

— А я не для себя, — ответил я сварливо. — Могу же я, как отец народа и правильный феодал, заботиться об элек-

торате?.. Ладно, это шутки. Ты мне скажи лучше, что знаешь про коней... да, тех самых, один из которых в моей ко-
ниющне. Тот самый, что с рогом. Не единорог, видно, раз
езжу, или я девственник в каком-то ином смысле?

Он сутился, скрипя суставами, старался усадить на почетное место, как будто в его кабинете такое отыщется, разводил руками и оправдывался, что он простой маг, таким важным делом, как коневодство, не увлекался, а все по таким мелочам, как устройство Вселенной, звезды, магические силы, дающие жизнь всему-всему...

Я смахнул с ближайшей табуретки книги на пол, сердце сжалось от такого варварства, но иначе нельзя, мягкого феодала уважать не будут, сел, чтобы не стоять перед человеком ниже рангом.

Маг промямлил жалко:

— Я только слышал, что эти кони были созданы...

Я насторожился, у меня с этим словом совсем другие ассоциации, переспросил живо:

— Созданы?

— Ну да, — ответил маг без всякой запинки, если у меня свои ассоциации, то у него свои, — после Великой Битвы Гигантов... когда земля и небо перемешались, когда все дороги были разрушены... уцелевшие маги искали способы снова связать анклавы людей... Пробовали приспособливать то птиц, делая их совсем гигантскими, то ящерицы... вы, ваша милость, занимаясь благородными рыцарскими делами, могли не знать, что почти после каждой такой битвы образовывались такие трещины, что достигали ада!.. Там в глубине расплавленная магма, а наверх поднимались огонь и дым. В ширину же никакая стрела не перелетит, так что о мостах и думать было нельзя. А вот на крылатых ящерах...

Я кивнул:

— Понимаю. Хотя на коне тоже не перепрыгнешь. А почему ящеры?

— Птицы сильно прожорливы, господин. Вы никогда не видели, сколько куры едят? Или воробы? Они ж все

время жрут, жрут, жрут... Если не будут жрать, просто замерзнут! Возьмите воробья в ладонь — он же горячий! А чтобы быть горячим, надо есть много. Зато у ящеров холодная кровь, спят себе, еду не расходуют. После каждой катастрофы земля беднела надолго, господин. Тот слой, на котором можно выращивать, уходил под скалы, под лаву, а на верх выбрасывалось слишком много камней, пепла, золы, шлака... Конь ваш, конечно, не летающий, однако может взбираться по горным тропинкам, перепрыгивать в лесу завалы, мелкие трещины...

Он беспомощно разводил руками, сам не очень-то убежденный в своих словах, смущался, то опускал глаза, то смотрел умоляюще, не вздумаю ли на костер за плохие ответы, наверняка же явился спрашивать насчет философского камня, я смолчал, в груди похолодело. Маг сам не понимает, насколько прав, хотя сам уже не очень-то видит смысл в словах, вычитанных в старых книгах. Он просто не знает, что автомобили признают только ровные дороги. Желательно вообще без выбоин, рытвин. А вот если дорогу расколет простейшая трещина, даже самые мощные и сверхскоростные автомобили замрут на краю. Тут надежнее обыкновенный конь... Конечно, все местные маги это поняли, принялись за коней. Возможно, у меня даже не конь, а что-то наподобие автомобиля, только вместо колес четыре ноги?.. И с кормлением, или заправкой, вопрос благополучно решили адекватно суровым условиям... Правда, автомобили тоже наверняка перерабатывали в топливо все, но насчет трещин маг прав, тут на каждом шагу эти жуткие провалы, разломы.

Маг смотрел с печальным ожиданием. Я сказал покровительно:

— Работай дальше!.. Но, глядя на звезды, подумывай хоть изредка и над обустройством замка.

— Господин!

Я вскинул ладонь, прерывая его слова:

— Борис, ты не прав. Чистая наука наукой, но будто не знаешь, что если кто-то захватит сие хозяйство, тебе тоже

придется... прервать свои занятия. А то и вовсе прерваться. На дыбе или как-то еще, что может быть намного забавнее. Для зрителей, понятно. Или же под пытками будешь срочно добывать философский камень. Так что подумай и о проблемах быта. Не потому, что я так вот из каприза велю, а надо, Федя! Надо. Мне нужны ответы на простые и ясные вопросы: могут ли через эти Двери в замок влезть еще какие-то твари?.. Ладно, сам догадываюсь, что могут, тогда подумай, как эти Двери закрыть. Или как-то обезопаситься. Второе: что там в ночи за всадник? Он так смотрит на мой замок, что мне это как-то не совсем нравится. Даже, можно сказать, несколько раздражает, если очень мягко. Потом, сколько в замке ведьм, вампиров, домовых и вообще не совсем людей?.. Хоть какая-то статистика да ведется? Нет-нет, я не собираюсь отдавать их в руки священника. Я не настолько дурак, чтобы вот так нерационально тратить трудовые и не совсем трудовые... что значит — творческие ресурсы. Это чужих всех можно и нужно на костер, мир надо чистить от нечисти и колдовства, но своих я должен защищать, это понятно, они же свои. Ты еще не знаешь, что есть свои террористы, а есть чужие, только свои уже не террористы, а благородные и пламенные борцы за... нужное дописать. Так что за наших ведьмов не переживай.

Он сидел с открытым ртом, вытаращив глаза, затаив дыхание, слушал трепещуще, половину моих сентенций не понимал, вторую толковал по-своему, возопил жалобно:

— Ваша милость, разве не важнее, что добываю философский камень? И даже эликсир вечной молодости?

— Не важнее, — отрезал я.

— Но как же...

— А вот так! Не сегодня-завтра мне свернут голову, как цыпленку, а я буду мечтать про эликсир вечной жизни? Знаю-знаю, что ты теоретик, все мы теоретики во всех вопросах, но когда жрать нечего или когда тонешь, то и теоретику надо шевелить руками. Мы сейчас тонем, понял?..

Он покачал головой.

— Вас вся челядь боготворит, а уж гарнизон так и вовсе на вашу милость молится.

— Это до первой неудачи, — заверил я, вооруженный чужой мудростью. — Сам знаешь, какой у нас народ. Каков народ вообще. Словом, я установку дал, а ты действуй.

Он проводил меня умоляющим взглядом, я не слушал, как заверяет в преданности и приложении всех душевных сил и знаний на благо моей благородной милости, спустился по тем же скрипучим скобам в коридор, подозрительно осмотрелся. Что-то изменилось или у меня от страха глаза велики?

Глава 3

По дороге к своим покоям выглянул в окно, снизу шибануло конским потом. Это неугомонный Гунтер вновь заставляет стрелков упражняться с утра до вечера: с рассвета стреляют в круглую мишень, отходя все дальше, стреляют на меткость, на скорость, стреляют против слепящего солнца, стреляют при ветре, стреляют в полумраке. Он хотел еще учить стрелять в лесу, но я указал резонно, что сперва пусть обучатся защищать замок, а лесные приключения — это на потом. Зато посоветовал научить стрелять в сумерках, а то и ночью, при слабом свете факелов, даже во все в темноте, стрелять в ответ на подозрительный шорох.

Уже со второго дня он учил их стрелять, сделав три круга бегом по двору, а потом с разбега взбежав на стену. Они должны были поразить движущуюся цель, как если бы враги уже ворвались в наш замок. Упражнялись усердно, большинство из них молодые парни из окрестных селений, очень жаждавшие приобщиться к вольной солдатской жизни, из таких можно веревки вить.

Правда, даже сам Гунтер недоумевал, не слишком ли, но я помню, как учат всяких там коммандос да беретников, зеленые они или краповые, тяжело в ученье — легко в бою, бери больше — бросай дальше, копай от забора и до обеда, словом, нагрузка сделала из обезьяны человека, из челове-

ка — творческую личность, а из творческой личности — слесаря пятого разряда.

Страж у двери моих покоев распахнул передо мной дверь, и снова я вовремя удержался, чтобы не поблагодарить кивком или словом.

Когда дверь захлопнулась, я развернул толстый рулон пергамента на столе, придавив края, как водится, кинжалами.

Зигфрид, устав уговаривать меня устроить великий пир в честь победы над злодеем, так предложил именовать предыдущего владельца замка, в одиночку обследует винные подвалы, снимает пробу — взялся составить каталог вин, это интереснее, чем разыскивать старый хозяйской. Я предпочел бы точные хозяйские планы замка, чем самому разбираться, куда какой коридор ведет, но такого не оказалось, наконец Гунтер отыскал какие-то схемы у ныне покойного сенешаля, и вот сейчас пора изучить в тиши покоев, что помимо спальни еще и кабинет, сопоставить с увиденным в замке. Коридоры соответствуют схеме, комнаты тоже, даже пропорции соблюdenы, только кухню, похоже, в последнее время перестроили: из огромной сделали крохотную. Впрочем, поправить нетрудно, я намерен хорошо кормить своих людей.

Плохо, что ни одного тайного хода. На карте прорисован только нижний этаж, но я-то хорошо знаю про тайные, а также залы, что ниже первого этажа, сам спускался с несколько странными проводниками!

Я высунулся из окна, крикнул:

— Гунтер, отыщй Зигфрида! И оба ко мне. Есть разговор.

Очень нескоро со скрипом отворилась дверь, через порог переступил толстенький человек в сутане. Даже не толстенький, а толстый, толстенный, за последние недели отъелся, из голодающего шарпеля превратился в откормленного борова, но мясистое лицо все еще в складках, показывая, что есть куда раздвигаться. Сутана как будто на стоге сред-

них размеров, священник обеими руками прижимает к груди толстую книгу.

Следом вошел Гунтер, брови сдвинуты, сопит, как бык перед дракой. Судя по тому, как отрезает путь к бегству, и по раскрасневшемуся священнику,льному негодования, можно догадаться, как мой начальник стражи принудил главу оппозиции к диалогу с исполнительной властью.

— Зигфрид сейчас придет, — сообщил он. — А пока что вот отец Ульфилла... Вы хотели ему что-то сказать, ваша милость.

— Отец Ульфилла, — сказал я без предисловий, переборов понятное желание предложить ему сесть, — я вам не нравлюсь, как и вы мне. Но жизнь такова, что надо сотрудничать, иначе нам придется хуже...

Он перебил тонким, пронзительным голосом:

— Я не желаю сотрудничать с человеком, продавшим душу демонам!

Гунтер грозно засопел, а я спросил:

— Отец Ульфилла, вам будет лучше, если на мое место придут демоны?.. У вас небогатый выбор! Либо встать рядом и бороться с демонами, либо помочь им одолеть меня. Правда, есть еще вариант — вообще не вмешиваться, но вы же не православный, вы католик с уклоном в протестантизм? Или даже протестантизм?

Он сказал тут же визгливо:

— Я всегда боролся и буду бороться с демонами! Но я буду бороться святыми молитвами и Священным Писанием...

— Прекрасно, — прервал я. — Вы знаете, каким оружием владеете плохо, а каким еще хуже. Хочу напомнить о той ночи, помните? Я уже велел Рихтеру поставить защиту, но больше надежды, как ни странно, на вас. Если и вы поставите свои заклятия...

Он взбеленился, мясистое лицо пошло пятнами, задвигалось, как океанские волны в бурю:

— У священников нет заклятий!

— Заклинания, — поправился я, увидел, что получи-

лось еще хуже, сказал примиряюще: — Словом, вы сами знаете, как перекрыть дорогу нечистой силе. Если нужна помощь, только свистните. Еще раз напоминаю, святой отец, что лучше плохой христианин во главе этой крепости, чем вообще демон. Подумайте!

Он смерил меня недобрым взглядом, повернулся, взглядел уперся в широкую грудь Гунтера. Я качнул головой, Гунтер отступил, священник вышел, гордо задирая голову, несломленный и непокобеленный.

Я вздохнул.

— Надеюсь, все-таки поймет.

Гунтер, к моему удивлению, кивнул:

— Ваша милость, здесь не самые благочестивые христиане. Но все-таки — христиане. Так что мы на вашей стороне.

Я снова вздохнул:

— Но Сигизмунд ушел. Не поверил...

— Чистая душа, — согласился Гунтер. — Еще крылья не горели! И священник этот... как будто его по ушам не били. Но возьмется, ваша милость, возьмется, чую. Заодно, конечно, и вас постарается святой водой окропить, уж и не знаю, хорошо ли...

— Почему?

Он поморщился.

— Да ведь тогда ваш молот опростеет?

— Вряд ли, — ответил я и пояснил, как нам объясняли еще в школе или в детском саду: — Молот — просто оружие. В хороших руках будет служить добру, в злых — злу.

Он слушал с уважением и почтением, словно я изрек невесть какую мудрость, а я в который раз подумал, что вот так те истины, которые получаем с молоком матери, здесь выглядят неслыханной и революционной мудростью.

В коридоре прогремели шаги, дверь распахнулась, Зигфрид почти вбежал, несмотря на свой огромный рост и вес, похожий на статую командора, только выполненную в металле. Ничто на нем не звякнуло, не грюкнуло, все как будто собственная кожа.

От него пахнуло вином, когда же успел — утро, я молча указал на карту. Гунтер и Зигфрид начали смотреть, как на новые ворота, я сделал неопределенное движение рукой над картой, словно творящий пассы маг.

— Пора сделать полную инвентаризацию. Я хочу хотя бы примерно знать, куда мы поедем и что увидим. Гунтер, объясни насчет соседей. А то я вломился, как медведь, еще с замком не разобрался, но уже лезут всякие... Где, говоришь, мой замок? Вот этот? Или этот?

Замок, если это замок, изображен черным квадратиком размером с ноготь младенца, от него прямая линия, изображающая дорогу, хотя, насколько я помню, прямых дорог в этом мире не бывает вовсе. Вокруг замка еще пять одинаковых квадратиков, бедная фантазия у местных картографов, корявые надписи: деревня Куманг, село Большие Сверчки, деревня Горелые Пни, село Большие Таганцы, село Большие Печенеги. Все это принадлежит мне.

Гунтер и Зигфрид сопят, всматриваются, для них картиграфия — предмет еще более трудный, чем для меня политический строй Зимбабве.

Итак, ближе всех к моим владениям земли сэра Гуинга, барона де Амило, прозванного Одноглазым, и сэра де Трюфеля, прозванного Кабаном. Эти земли охватили с двух сторон деревню Куманг, а сэр Одноглазый еще и прижал сельчан моих Больших Сверчков, буквально отрезав у них все пахотные земли. Дальше Горелые Пни, с ними граничат земли волшебницы Клаудии... с этой я уже знаком, знаком... но у нее земель еще меньше, чем у меня, впрочем, зачем волшебнице земли?

Пока я всматривался в карту, они тоже рассматривали, переглядывались, отходили в сторону, огибли стол и смотрели с другой стороны.

Я хлопнул в ладоши, в дверь заглянул страж.

— Пусть подадут вина, — велел я. — Только некрепкого!..

Зигфрид просиял, Гунтер не повел и бровью. Появилась Лесия, смазливая молоденькая девчонка, удивитель-

но похожа на Гунтера: глаза тоже как маслины, — в длинную золотую косу заплела голубая лента, обеими руками несла перед собой глиняный кувшин.

Я кивком указал на полку с золотыми и серебряными кубками. Леция быстро расставила их на втором столике и благородно исчезла: негоже молодой незамужней девушке долго находиться с мужчинами.

Да еще в то время, когда наливают вино в кубки.

Зигфрид осушил подряд два, Гунтер — половину своей чаши, я не пил, рассматривал карту.

Тудор по прозвищу Глиняный Берег — со стороны села Большие Таганцы, а последний из соседей, барон де Пусе по прозвищу Крыса, — со стороны Больших Печенегов. У всех, за исключением Клаудии, земель не просто больше, а неизмеримо больше. Только у Кабана двадцать деревень, а он выглядит нищим рядом с Тудором, его деревни обозначены точками, карта в части его владений выглядит как засиженная мухами.

Однаковой коричневой краской обозначены и реки, и скалы, даже лес и рощи тоже все в сепии, пороть таких картографов, нет условных значков для низин и возвышенностей, а здесь, как я сам видел, иногда дорога задирается к облакам.

Гунтер зашел сбоку, всмотрелся, неуверенно ткнул пальцем.

— Вроде бы это ваш замок, ваша милость... Да, это он. Вот и трещина, через которую мост.

— Какой мост? — возразил Зигфрид. — Это река!

— А почему прямая?

— Как нарисовано, так и течет.

Они посмотрели на меня, я проворчал раздраженно:

— Художники здесь... Перевешать бы.

Зигфрид с неодобрением покачал головой, Гунтер хмыкнул:

— Перевешали! Или сожгли.

— За что?

— За неблагочестие. Художники, они, простите, ваша

милость, еретики. Или богохульники. Так что карту пришлось рисовать истинно верующему.

— Понятно, — пробормотал я. — Эх, ради хороших карт можно бы стерпеть и неблагочестие. Свободомыслие в определенных пределах рекомендуется компетентными органами даже поощрять. Человек должен себя чувствовать свободным не только по команде «Вольно!». Ладно, так где же границы моих владений?

Гунтер склонился над картой, всматривался, наконец сказал серьезно:

— У вас неплохой манор, даже, я бы сказал, слишком. Нет-нет, это не упрек, просто не у всех такая плодородная земля, как пахотная, так и пастищная. А какие здесь заливные луга, залюбуешься!.. И вот здесь, за этой загогулиной... ух! Правда, вы уже заметили, в последние годы прежнего владельца замка перестали побаиваться, крестьяне ропщут от набегов, но пока что серьезно соседи не повредили...

Зигфрид фыркнул:

— Гунтер, Гунтер...

Гунтер нахмурился:

— Что «Гунтер»?

— Я слыхал, у сэра Галантлара деревень было не то двадцать, не то еще больше! Но он ими не интересовался, соседи потихоньку и прибрали к рукам.

Гунтер взглянул на меня с опаской, ответил Зигфриду тёroppливо:

— Так это все без драк, без ссор. Сэр Галантлар, вы верно подметили, ими не интересовался, вот деревни и уплыли.

Я пропустил их разговор мимо ушей, голова идет кругом, не силен в средневековой графике. По краям карты, захватывая ценное пространство, огромные морды с раздутьми щеками, это Зефиры, Бореи и прочие хореи, огромные чудовища и многолучевые звезды. Все это вырисовано намного тщательнее и детальнее, чем сама карта.

— А где границы моего манора на юге? Там лес, как вижу, а что за лесом? Он упирается в край.

— Всему есть конец, — заверил Гунтер, — вам принад-

лежит немалая часть леса, но справа владения Тудора, а слева — Крысы. Простите, барона де Пусе. Ваши земли вклиниваются, как боевой топор, и людям Тудора, чтобы напрямую возить к себе лес, приходится пересекать ваши границы.

Зигфрид нахмурился, прорычал:

— Полагаю, надо запретить.

— Зачем? — спросил я.

— А просто так, — упрямо заявил Зигфрид. — Взять и запретить. Чтоб знали! А то еще подумают, что уступаем по слабости.

Гунтер взглянул на меня умоляюще:

— Тудор — неплохой сосед. Не самый лучший, но с ним не было хлопот. А худой мир лучше доброй ссоры. Мы тоже, если рубим деревья в дальней части леса, возим через его брод. И ничего, всем только на пользу. Из-за чего ссориться?

— Ссориться не будем, — заявил я. — Мы мирные люди, хоть наш бронепоезд... словом, кто с мечом к нам придет, тот им и подавится.

Зигфрид покачал головой:

— Милорд, если бы я уже не знал вас, я бы решил, что это у вас от слабости. Но я вас знаю, другие... нет.

— Решат, — сказал я, — что об меня можно ноги вытират?

— Как о тряпочку, — подтвердил Зигфрид угрюмо. — Из каких краев вы прибыли?

— Из тех, — ответил я со вздохом, — где уже устаканилось.

— Срединные королевства, — сказал он понимающе. — Я слышал даже такую нелепость, что там ложатся без мечей. В смысле в спальню вообще не берут!

— Это правда, — ответил я. — Правда, в моей всегда висели два меча. Прямо над кроватью.

Он кивнул понимающее, вы-де воин, как же иначе, я же смолчал, что эти мечи продаются в магазине сувениров от десяти баксов за штуку до тысячи, их покупают и пацаны,

и солидные дяди, любовно вешают на стены: кто в спальне, кто в кабинете, а кто и в прихожей, чтобы гости сразу видели и восхищались.

В окно донесся яростный крик, звон железа, топот множества ног. Сердце екнуло, душа сжалась и попыталась спрятаться под стельку сапога. Вот тебе и похозяйствовал, кто-то уже на приступ... А луков готово меньше половины заказанных, лучников на нужды народного хозяйства только начинаем готовить.

Мы ринулись из замка, со двора я увидел на стенах народ, все тычут пальцами в небо. Там плывет, растопырив неправдоподобно широкие крылья, орел не орел, кондор не кондор, а нечто вроде птеродактиля, если по размерам, а так вроде птица, даже перья шевелятся на ветру. Однако что-то в этой птице не птичье, а я бы сказал, человечье... Или механизмье.

Птаха подплыла к замку ближе, именно подплыла, подпарила, ни крылом не шелохнув, ни хвостом, а как бы позволяла нести себя воздушным потокам. Один из лучников выпустил стрелу, однако та, описав дугу, бессильно упала по ту сторону крепостной стены.

Я пробежал по верху стены, стараясь не смотреть вниз, все не привыкну, хотя высотобоязнью не страдаю, в смысле — на балкон выходил без страха.

— Что там?

На мой окрик оглянулся Ульман, серые водянистые глаза стали совсем белыми от бешенства, лицо злое, прорычал:

— А, это вы, ваша милость... Хробойл появился!

Я крикнул:

— Что за хробойл? Быстро!

Он указал в небо.

— Да вон же он!.. Ах, вы таких еще не видели?.. И не слыхивали? Да, издалека вас занесло... Эта штука рассматривает нас!

Птица в самом деле снизилась, сделала над замком широкий полукруг. Мне почудилось, что огромные выпуклые

глаза слюдяно блеснули, словно там не живые глаза, а какие-нибудь фотоэлементы. Или не какие-нибудь, а то и вовсе фотоаппараты.

— Ненавижу! — заорал Ульман. — Ненавижу гадов, что вот так сидят за тысячу миль и рассматривают нас!.. Добраться бы, всем кишкам б выпустил.

Он потряс огромным топором, вылитый берсеркер, а я торопливо вытащил из-за спины лук. Другая рука нырнула в колчан за стрелами. Сам ненавижу, когда следят, человек должен быть свободным, это же нарушение моих прав...

Тугой лук послушно начал изгибаться, я оттягивал тетиву с кончиком стрелы до уха, задержал дыхание и оттянул еще, еще. Птица опустилась ниже, на этот раз круг меньше, окрестности ее не интересуют, только замок, его обороны, расположение укреплений...

Тетива звонко щелкнула по рукавичке, стрела исчезла. Мы ждали затаив дыхание. Синее небо рассекла крохотная черточка, птица дернулась, взмахнула крыльями, ее рывком подняло, но тут же провалилась еще ниже.

Гунтер, хоть и рыцарь теперь, орал и потрясал кулаками вместе с народом. Я быстро наложил еще одну стрелу, выстрелил, затем еще. Третья со страшной силой ударила в середину туловища. Перья выплетели роем, будто от крохотного взрыва. Птица вскрикнула, замахала крыльями. Ее понесло по дуге, пыталась подняться, но за нею оставался след из быстро выпадающих перьев.

— Ваша милость! — прокричал Ульман, мгновенно переходя от слепого бешенства к детскому ликованию. — Вы сбили ее, сбили!.. Что за лук у вас?.. Что за стрелы?.. Так им, гадам, и надо!

Птица медленно, но неуклонно опускалась, дальше лес, высокие зеленые верхушки деревьев, мне даже показалось, что я заметил, где она булькнула в зеленую ряску леса.

Гунтер сказал торопливо:

— Она упадет! Как Бог свят, упадет!

Подбежал Зигфрид с криком:

— Собираю отряд?

— Зачем? — спросил я гордо. — Вряд ли теперь клюнет.

Он потряс головой, смущенный и раздосадованный, что его могли заподозрить в трусости.

— Упадет во владениях Крысы!.. Там как раз его земли вклиниваются в наши.

— Но не держит же он там отряд! — возразил я.

Зигфрид и Гунтер переглянулись, Гунтер сказал со вздохом:

— Держит. Как раз там и держит. На случай, если попытаемся отрезать тот клинышек. Так что они первые будут возле этой птахи.

Я подумал, сдвинул плечами.

— А так ли уж она нужна? Сбили, ну и хорошо. Чтобы выслать вторую, понадобится время. Как думаешь?

Гунтер с неохотой кивнул.

— Вы правы, ваша милость. Эта птаха летела из самых-самых южных земель. Даже птице лететь неделями. Скорее всего, второй не будет. А если будет...

Он смолчал, но взгляд был многозначительным. Я кивнул. В самом деле, если прилетит вторая, значит, эта не просто фотографировала по заданным квадратам, а получила задание заснять во всех подробностях именно этот замок.

— Седлай коней! — велел я. — Побыстрее!

Глава 4

С тяжелым грохотом пронеслись по мосту, Гунтер сразу же взял направо. Кони идут тесной группой, приучены, впереди речка, всем отрядом промчались через брод так, что под конскими копытами оголилось дно, дальше снова лес.

Влетели в тень, по сторонам замелькали толстые стволы. Лес сосновый, деревья прямые и уверенные, настоящая корабельная роща, ветви на самой верхушке, а кустов нет, так что несемся, почти не сбавляя скорости.

Гунтер знаками велел всем, в том числе и мне, держать-

ся позади, он лучше знает места, дорога пошла под уклон, а на той стороне этого почти засыпанного временем огромного оврага уже густой лиственный лес.

Мы придержали коней вслед за Гунтером. Я чувствовал себя не в своей тарелке, не люблю в чужую квартиру без хозяина, а Гунтер, азартный и готовый к драке, еще и предупредил:

— Это уже владения Крысы! Будьте наготове!

Зигфрид, приподнявшись на стременах, заорал счастливо:

— Вот она!

И вломился в кусты напрямик, за ним метнулись еще двое. Я пустил коня неторопливо следом, несолидно для феодала нестись, как мальчишка или однолитковый рыцарь. И так ветви трещат, как сухая солома, мой конь ломится, подобно ледоколу через тонкий лед.

Деревья разбежались, как перепуганные олени, на небольшой поляне Зигфрид указывает вверх железной дланью. Один из лучников встал ногами на седло и пытается дотянуться до веток. Напарник подал копье, первый с усилием начал тыкать им сквозь зелень листвы. Наверху заметались растревоженные белки, злобно застремкали, а самая отважная с женским визгом запустила в человека сосновой шишкой.

В развилке толстой, как конское бедро, ветки застяло нечто коричневое, я не сразу вычленил взглядом обвисшие крылья и странное тело, покрытое не перьями, а короткими волосами, как у короткошерстного пса.

— Хробайл, — выкрикнул Гунтер ликующее, — самый настоящий!

— И так близко, — сказал лучник на коне, — никто еще... не сбивал... хробайла... Да что же он, гад, клювом вцепился, что ли...

Кончик копья осторожно шевелил странную птицу. Поляна заполнилась топотом, всадники теснились, готовые подхватить добычу.

— Погоди, — велел я, — приготовься ловить...

Рукоять молота вывернулась из моей ладони даже раньше, чем я разжал пальцы. Встревоженно зашелестела листва, раздался сухой треск. Толстая ветвь с развилкой подпрыгнула и начала крениться. Я напрягся, заранее поморщился и пошире растопырил пальцы. Бешено вращающийся от избытка дури молот несся в мою сторону, похожий на работающий пропеллер, рукоять смарно щлепнула по ладони. Я торопливо повесил молот на крюк, а воин на коне вскрикнул и повалился под обрушившейся на него тяжелой ветвью.

Второй ликующе закричал, тут же по ушам хлестнул тревожный вскрик Гунтера:

— Люди Крысы!.. Скачут сюда!

Я прокричал:

— Без драки!.. Только без драки!.. Давайте уважать их права.

— Какие права? — изумился Зигфрид.

— Суверенные!

Второй воин соскочил с коня, нырнул под ветку, то ли помогал выбраться напарнику, то ли выволакивал дивную птицу, а я заспешил на зов Гунтера. Зигфрид и Ульман встали с ним рядом, перегородив поляну. За нашими спинами с ахами и охами бережно вытащили хробойла.

Я оглянулся, птица сама по себе не больше собаки, но крылья — чудо, даже не крылья, настоящие паруса из тончайшей кожи, настолько тонкой, что почти прозрачные, ребристые, инженерно точно соединенные перетяжками именно в тех местах, где необходимо. Кровеносные сосуды исчезающие малы, даже не видно на этих прозрачных крыльях.

Затрещали ветви, загремели крепкие копыта. На поляну выметнулись всадники в блестящих панцирях. Троє крепких смуглых и жилистых, лица надменные — мне сразу не понравились. Я краем глаза проследил, как люди Гунтера уволакивают птицу за спины лучников, после этого я

повернулся и, выпрямив спину, надменно и вопрошающе посмотрел на всадников.

Все в металлических шлемах, кольчугах, поверх которых панцири, у каждого на поясе меч и боевой топор, а за спиной щиты. Тот, что впереди, статный мужчина в панцире с вычурными барельефами на груди, дал коню сделать еще пару шагов и прокричал:

— Вы во владениях моего благородного господина барона де Пусе!

— Знаю, — ответил я вежливо. — Я как раз собираюсь нанести визит вежливости благородному барону де Пусе, заверить в своем искреннем почтении и сообщить о желании жить в дружбе и согласии.

Всадник несколько мгновений рассматривал меня в упор маленькими злыми глазами.

— Я Жерар де Брюс, — сообщил он неприятным голосом. — Командую его ландскнехтами. Я передам моему господину ваши слова. А сейчас отдайте хробойла, мы вернемся в замок.

Я покачал головой.

— Сожалею, но это наша добыча.

Он выпрямился в седле, сказал гневно:

— Почему это?

— Я сам сбил ее из лука, — ответил я скромно, но с достоинством.

Жерар де Брюс опешил на миг, за его спиной заговорили, он вспыхнул и сказал еще злее:

— Это ложь! Хробойла не достать стрелой.

— Пари? — предложил я.

За моей спиной раздался сыйтий смех. Жерар де Брюс поколебался, сказал с нахимом:

— Никто не смеет охотиться на землях барона де Пусе без его разрешения!

— Я готов уплатить штраф, — предложил я миролюбиво, но ощущил себя задетым. Только что «хробойла не достать стрелой», а сейчас делает вид, что попасть в него проще, чем в привязанную утку.

— Просто отдайте хробойла, — отрезал Жерар де Брюс. — Извинения, думаю, будет достаточно.

Гунтер засопел, Зигфрид уже хрюпит от ярости, хватается то за рукоять меча, то щупает топор.

— Нет, — ответил я, — хробойл — наша добыча.

— Но ваша земля осталась за холмом!

Я выдвинул нижнюю челюсть, подражая Ланселоту, и сообщил все еще вежливо и внятно, что должно звучать особенно оскорбительно для тех, кто понимает:

— Однако воздушное пространство общее. Кроме того, этот хробойл рассматривал именно наш замок.

За его спиной задвигались всадники, трое наклонили в нашу сторону пики, остальные взялись за рукоятия мечей и топоров. Жерар де Брюс сказал громче, лицо перекосилось гневом, ноздри раздулись и задергались:

— Но это наша земля!.. И все, что попадает на эту землю, принадлежит моему господину.

За его спиной кроме двух всадников, что прискакали первыми, появлялись еще и еще люди, а стук копыт доносился снова и снова. Они выстроились в линию, восьмеро, все в одинаковых доспехах, все с мечами, боевыми топорами на длинных рукоятях, копьями, а за спинами этой восьмерки нестройной толпой встали еще человек семь-восемь.

Жерар де Брюс оскалил зубы в недоброей усмешке. Я тоже выпрямился, опустил ладонь на рукоять меча. Рядом со мной с облегчением вздохнули и вытащили до половины мечи из ножен Гунтер и Зигфрид.

— Я — Ричард Длинные Руки, — сказал я громко. — Новый владелец замка Амальфи. Прежнего хозяина отправил в ад вот этим мечом. Дева Мария видит, я желаю жить в мире со всеми соседями, но если кто-то полагает, что его башка тверже, чем была у Галантлара... что ж, могу, как поймут даже лесные жабы под этими деревьями, могу жить не только в мире.

Зигфрид и Гунтер встали справа и слева, Зигфрид не слишком близко, чтобы не мешать мне с броском молота. За спинами негромко переговариваются Ульман и Тюрин-

гем, а Хруерт и Рассело молча выдвинулись на края поляны и положили руки на рукояти мечей.

Лицо Жерара дрогнуло. Когда я сообщил, что храбой лорд рассматривал наш замок, он счел меня за одного из людей хозяина, владелец сказал бы «мой замок». Я выпрямился и уже до хруста выдвинул нижнюю челюсть, постарался смотреть надменно и непреклонно. Даже сдвинул брови и попробовал засопеть, как бык перед дракой. Еще бы ногой копнуть землю, да не достану с коня.

— Это неправильно, — ответил он все тем же голосом, но не повысил, что само по себе неплохой знак. — Есть за-коны!.. Ладно, я так и сообщу хозяину. А вам, сэр Ричард, придется ответить на рыцарском суде за нарушение имущественных и земельных прав.

Всадники расступились, он дернул повод и, еще больше выпрямив спину, пустил коня обратно в чащу. Зигфрид и Гунтер не промолвили ни слова, а за спиной послышался могучий выдох, явно Ульман. Похоже, здоровяк, несмотря на его рост и силу, не очень любит драться, прямо толстовец, а то и гандиец.

— Обалдеть, — сказал я. — Неужели здесь правовое пространство? Рыцарский суд?

Гунтер с облегчением проводил взглядом людей барона, тоже не большой любитель драться, хотя драк не избегает, покачал головой:

— Ну, как сказать... Рыцарский суд тоже разный. Но лучше уж такой, чем никакого.

— Согласен, — сказал я и оглянулся на Ульмана и Тюргема: — Птицу не помните!

Ульман вскрикнул:

— Ваша милость! Она еще живая!

Я повернул коня и оказался с ним рядом. Птица беспомощно обвисает в его огромных лапищах, Тюргем бережно поддерживает длинное крыло с прозрачной пленкой. Птица не двигается, я решил, что парни ошиблись, но огромные круглые глаза смотрят неотрывно, немигающее, в то время как у птицы уже закрылись бы кожистой пленкой.

— Суньте в мешок, — распорядился я, вздрогнув. — Или хотя бы голову.

— Как скажете, ваша милость, — ответил Ульман. — Жаль, крылья попортятся...

— Тогда залепи глаза, — велел я. — Смолой.

Гунтер посмотрел очень внимательно.

— И вы слышали, ваша милость, что колдуны могут смотреть через глаза птиц и зверей? Не хотелось бы самим внести шпиона в нашу крепость.

Деревья двигались навстречу неторопливо, расступались нехотя, тропинка петляла без спешки. Гунтер пустил коня рядом с моим.

— От рыцарского суда ничего хорошего не ждите, ваша милость. Здесь все сеньоры друг друга знают... и хотя не любят друг друга, но они — свои, местные, а вы совсем чужак.

— Засудят? — полюбопытствовал я.

— Наверняка, — согласился он. — Но вызов на суд — все-таки не самое худшее, ваша милость.

— Почему?

— Рыцари — не волшебники, враз не слетятся. Все сидят в своих замках, каждый чем-то занят, кто-то в отъезде... Много времени пройдет, а за это время авось что-то изменится.

Я посмотрел на него с подозрением:

— Ты из какой страны?

Он взглянул с недоумением:

— Не понял, ваша милость... Я из королевства Каледония. Есть такое...

— Да не королевства, — отмахнулся я. — Ах да, здесь еще не знают, что такое нации... Или уже забыли. Ладно, просто почудилось из-за одного словечка. Хорошо, если это еще нескоро, успеем пожить.

Мне показалось, что мы слишком уж забираем в сторону, едем совсем не той дорогой, к тому же очень долгой, хотя вроде бы понятно: ломились к месту падения птицы напрямик, а сейчас выбираем дорогу, но что-то слишком уж долго...

Лес отступил, кони достаточно бодро прут по зеленой равнине, копыта выбрасывают огромные ломти чернозема с кусками травы. После проливных дождей здесь долгое время вообще было болото, сейчас бурно растет сочная трава с толстыми мясистыми стеблями. Кони, правда, есть ее отказываются.

Я раскрыл было рот, чтобы спросить Гунтера, но деревья впереди расступились; распахнулся зеленый простор под синим небом. Впереди зеленое поле, небо начинает темнеть, с востока надвигается огромная грозовая туча. На землю пали недобрые отсветы, а на этом грозовом небе вдали темнеет замок. Невысокий, построенный, я бы сказал, хаотично, бессистемно.

Замок, стыдно сказать, целиком из дерева, словно боярская усадьба на Киевщине, обычный четырехугольный донjon, десяток пристроек, небольшая казарма, и все это убожество обнесено достаточно высоким забором, тоже деревянным, как будто хозяин опасается только медведей да гоблинов.

В десятке шагов, разделяя наши владения, если я правильно понял, мелкая речушка, играет красной от предгрозового солнца водой на высоких камнях.

Гунтер простер руку:

— Взгляните, ваша милость, на владения барона де Пуссе. А вон сам замок. Это ваш самый слабый противник.

— Ну почему же обязательно противник, — пробормотал я. — Предпочитаю со всеми жить в мире и существовании. Даже если у нас разная идеология, сможем ужиться. Уживались же штатовцы с Вьетконгом, талибаном и коммунистическим Китаем? Думаю, со сбитой птицей как-то уладим.

— Не все в мире делается, — ответил он со вздохом, — по нашим желаниям.

Лицо его на миг потемнело, я успел подумать, какие же у Гунтера заветные желания, поинтересовался:

— Но если здесь такие волки, что пальца в рот не клади, то почему сильные соседи еще не сожрали?

— Барон де Пусе, — объяснил он, — пророс, как гриб-мухомор, родней от этих земель и до... Господь знает до каких. Вот они как раз и могут доставить неприятности обидевшим их родича. Второе, как ни странно, лояльность народца к хозяину. Барон почти не вмешивается в жизнь деревень. Живут как хотят, подати платят крохотные, но деревень у него до черта... простите, ваша милость!.. земли хорошие, так что на сытную жизнь хватает. Потому крестьяне не хотят, чтобы все перешло к более сильному соседу, что выжмет соки. А это значит, любой, кто вторгнется, будет под присмотром множества глаз. О нем будут доносить барону де Пусе. Он будет знать, сколько у нас человек, сколько лучников, арбалетчиков, рыцарей, кто силен, кто храбр, а кто труслив, кто хромает, а кто мучается коликами. Нападающим придется везти все с собой, ибо в землях де Пусе не отыщут ни хлеба, ни сена, а по ночам будут не досчитываться часовых и тех, кто по нужде отлучился дальше, чем светит костер...

— Ого, — сказал я уважительно. — Вот это и есть истинный патриотизм. А то у нас мастера только языками болтать.

Мы тронули коней, замок поплыл мимо, Ульман по несся вперед, кони медленно забирали влево, замок ушел за спину и начал отдаляться.

— Отсюда по прямой к дому, — сообщил Гунтер. — Кстати, ваша милость, доблестный сэр Зигфрид предлагает дело.

— Ты о чем?

— Насчет пира. Можно пригласить всех соседних лордов. Повод есть, вы, новый хозяин замка Амальфи и его земель, желаете со всеми в мире и дружбе...

Я подумал, посмотрел внимательно:

— Думаешь, приедут?

Он развел руками:

— Все — нет. Приехать к вам — это как бы признать вас сюзереном... или что-то вроде. Ездят обычно к старшему. А к младшему тогда, когда точно выяснено и упрочено, кто

старше, кто младше. И от визита ничего не изменится... Но, думаю, кто-то да приехал бы из любопытства..

— Кто, барон де Пусе?

— Барон потому со всеми и в мире, что плохой вояка. Разве что появится шанс ударить в спину и самому не пострадать... но не приедет, труслив. Может приехать сэр Гуинг, барон де Амило, прозван Одноглазым, еще у него есть и такое прозвище, как Лис. Пронырлив, умен, хитер, всегда старается знать больше, чем другие.

Я кивнул:

— Молодец. Информация — тоже оружие.

— И еще Тудор Глинняный Берег. Благородный барон, благородный и отважный воин и вообще великий человек. Его уважают и враги, и друзья. Он бесстрашен, уж он не побоится ни удара в спину, ни того, что уронит достоинство.

Я подумал, кивнул снова:

— Надо подумать. Ведь тот же Тудор, да и сэр Гуинг Одноглазый, прибудет не один, а у нас единственная надежная защита — мост. Если провести гостей в замок, то не проще ли отдать сразу и весь замок? Нас всего трое рыцарей, а если прибудет десяток... В смысле десяток воинов с одним рыцарем, десяток с другим? Тогда нам проще самим с высоких башен на камни.

Он помыслил, почесался, осмотрелся по сторонам, куда бы сплюнуть, не решился, ибо справа я, слева — Зигфрид, оба «настоящие» рыцари, лицо покривилось в титанических раздумьях, нехотя признался:

— Да, это я просмотрел... Что делать будем, ваша милость?

— Давай-ка объедем наши владения, — сказал я, так и не заставив себя выговорить «мои владения», — проведем перепись... хотя бы на глазок, сверим карту, может что и подправим. Запись день, перепись — день, вот и начнем свою статистику.

— Запись день, перепись день, — повторил он в задумчивости, посмотрел на меня, опустил глаза долу, — очень интересно звучит... Как скажете, ваша милость.

— Надо сделать, — сказал я. — А то я толком видел только одну деревню Большие Таганцы, когда на нее напали те... как его...

— Генрих Гунландский, — подсказал он.

— Вот уже точно враг, — сказал я с горечью. — Он чей родственник, Черного Волка? Ах да, племянник Гуинга Одноглазого! Где он тут, что-то я совсем не ориентируюсь... Только отъехали от замка, и уже не знаю, в какой он стороне. Ага, с той стороны, где та деревушка... лады, учтем. Надо туда лучников. Там развалины старой башни, камни раскатились, придется собрать да поставить снова. Наверху смогут размещаться с десяток стрелков. Они и постараются защищать деревню от набега.

— Долго не продержатся, — сказал он предостерегающе.

— Пока дверь вышибут, увидим сигнальный огонь. А оседлать коней и успеть в деревню — раз плюнуть.

Он долго думал, прикидывал варианты, старый вояка, наконец чело прояснилось, посмотрел на меня с уважением.

— А это может получиться! У меня десяток лучников уже наберется. Четверо из Больших Таганцев!.. Так что могут, да, могут. Я пошлю людей, чтобы башню начали собирать заново?

Я кивнул, поинтересовался:

— А как они вообще тут друг друга не пожрали? Этот благородный Тудор каким бы ни был благородным, но не удержался бы, чтобы не расширить владения!

— Защищаться всегда легче, — ответил он.

— Да, — ответил я и щегольнул эрудицией: — потери при наступлении три к одному.

— Это когда простой бой, — уточнил он, — но если еще защищено магией, то тут уж совсем не просто. Чтобы сломить такую защиту, магия должна быть в десять раз мощнее. У нас край таков, что куда чаще попадаются штуки для защиты, чем для нападения. Так что даже барон де Пусе зашищен в своем логове. А за воротами, понятно, его и зайцы забьют. Если втроем-четвером.

Глава 5

В замок въехали, встречаемые мощным запахом свежего хлеба и мясной похлебки. Прямо во дворе на вертеле блестит, мерно поворачиваясь, коричневая туша крупного зверя, то ли оленя, то ли исхудавшего кабана. Мне лучше не браться определять такие вещи: в обязанности рыцаря входит умение снимать шкуру и красиво расчленять тушу добытого на охоте зверя, но в той стране, откуда меня занесло, несколько другие обычаи... гм, рыцарей.

— Птицу отнеси в мои покои, — распорядился я. — Время обеда, но не нажираться как свиньи! После обеда выезжаем на инвентаризацию земель... Возможно, земельный кадастр составим, чтоб как у людёв!

На меня смотрели с уважением, я часто произношу непонятные слова, что сразу выдает мое благородное происхождение.

— У вас неплохие земли, — заверил Гунтер.

— Нужен учет, — сказал я наставительно. — Мне двойная бухгалтерия ни к чему, как и черный налог. Налоги возложу небольшие, но чтоб платили! Когда люди нарушают закон, их надо наказывать, а когда ведут себя добродетельно — с них надо брать налоги.

Тюрингем взял птицу из рук Ульмана и бережно понес в донjon. Я бросил поводья подбежавшему слуге, хотя мой конь в таких случаях застывает, как статуя из камня, слез и посмотрел на небо.

Грозовая туча надвигается страшная, жуткая, но уже видно, что пройдет стороной, а самое главное — за ней уже виден край.

— Рыцари обедают со мной в верхнем зале, — распорядился я. — Остальные в нижнем.

Зигфрид и Гунтер, этот чувствует себя неловко, отдали коней и пошли со мной в донjon. В нижнем зале женщины торопливо ставят на стол миски, накладывают горячую кашу, принесли на вертеле зажаренную тушу, а мы поднялись на второй этаж. Зигфрид остановился на середине ле-

стницы, засмотревшись на мой герб, очень уж необычный, сам понимаю. Тогда я отнесся к этому слишком легкомысленно, нарисовав шесть эллипсов вокруг точки, знакомую даже детям эмблему атомной энергетики, но знающие люди вспомнили, что таким был герб древнейшего ордена Темных Паладинов, что существовал до каких-то там войн, что гремели еще и до Седьмой, и до Шестой...

Гунтер тоже посмотрел так, поглядел эдак, хмыкнул, сказал с присущей ему деликатностью начальника стражи:

— Герб... необычен, если честно. И хотя мы вас, сэр Ричард, знаем всего несколько дней, однако...

Он замялся, я спросил с подозрением:

— Однако что?

Он развел руками, Зигфрид пришел на выручку новоиспеченному рыцарю:

— Он хочет сказать, что на беглого каторжника вы, сэр Ричард, не сильно похожи... но если даже каторжник, то ему это до вчерашнего снега... Гунтер, я верно понял?

Гунтер вздохнул с облегчением:

— Именно это и хотел сказать!

Я насторожился:

— Ты это к чему?

Гунтер посмотрел в поисках поддержки на Зигфрида, тот кивнул с пониманием.

— Он верно намекивает, верно.

Мы вышли на большой балкон на высоте второго этажа, что опоясывает донjon, внизу во дворе опять упражняются лучники, а здесь слуги торопливо накрывают стол для троих рыцарей. Гунтер сплюнул через перила на головы стрелков.

— Пора бы, — пояснил он, — ваша милость, вам обзавестись какой-нибудь звучной приставкой к имени. Я имею в виду эти «де» или «фон». Можно и «ван», но с этими «ван» не совсем...

— Почему? — спросил я.

Он снова сплюнул на головы стрелков. Зигфрид и я сели за стол, появилась Фрида с кувшином вина и кубками,

двоє слуг бістро розставили срібляні тарілки з затейливими вензелями, неприметний слуга з двумя помочницами внесли жарене м'ясо.

Гунтер ответил с некоторой нерешительностью:

— Да «ван», как и эти самые «де» и «фон», хоть и одно и то же... а все-таки не то же, если вот так прямо.

— Ага, — удивился я, — даже так? А теперь объясни еще проще. Да ты садись, а то все пожрем, поедешь голодным.

Он осторожно подсел к столу, чувствуя себя младшим по званию, взглянул исподлобья, не изгаяюсь ли, сказал, осторожно подбирая слова:

— «Ван», «фон» и «де» — это все по-нашему «из». Де Амальфи — уже сразу понятно, что вы — владетель замка и земель Амальфи! То же самое и когда «фон» или «ван». Правда, «ван» могут прицепить даже к имени мужика. Конечно, зажиточного. А вот «де» и «фон» — только к знатным особам...

Он растолковывал подробно, с артикуляцией, внимательно смотрел мне в глаза, я наконец сообразил, что в самом деле считает меня кем-то вроде беглого каторжника да еще из таких дальних земель, где вообще об этих «де» и «фон» не слыхали.

— Благодарю тебя, Гунтер, — сказал я. — Вижу, заботишься. Другие сопят в две дырочки, помалкивают. А ты вон все растолковал, спасибо! Я в самом деле из таких дальних земель, что ни о каких фонах не слышал. У нас другие знаки отличия для всяких там знатных доярок, механизаторов и героев защиты и взятия Белого дома. Но, как я слышал, дворянством жалуют короли?

Он повернулся в сторону балюстрады, словно намеревался в третий раз смачно сплюнуть на головы стрелков, но то ли те наконец перебежали на другую сторону двора, то ли Гунтер не желал плевать не глядя, передумал, сказал по-крестьянски основательно:

— Это там, в тихих землях. Здесь дворянство берут сами. Конечно, графство или герцогство так не возьмешь, надо чтобы пожаловал король или хотя бы утвердил, графы

и герцоги наперечет, товар штучный, зато дворянином можно стать и самому, если есть военный отряд и свой замок. А у вас славный феод с богатыми землями. Хоть деревень осталось маловато, зато лес, пашни, река, заливные луга...

Я поразмыслил, кивнул:

— Спасибо, подумаю. Мне это все по фигу, но с общественным мнением считаться приходится. Как думаешь?

Он проворчал:

— Раз уж не в лесу живете...

— Спасибо, Гунтер.

Он засопел, смущенный и довольный, я за день наговорил ему «спасибов» больше, чем он слышал за всю прошлую жизнь.

Слуги расставили блюда с жареным мясом, перед Зигфридом по его заказу — запеченного жирного гуся, фаршированного перепелами, рыцарь сразу с довольным ревом вонзил нож и распахнул надвое, я довольствовался странной красной рыбой, что очень напоминает форель, такая же нежная и тающая во рту, а мысли постепенно поднимаются над столом, абстрагируются, я напомнил себе, что рыцари правы, я уже не Ричард Длинные Руки, вернее, не просто Ричард, а благородный сэр де Амальфи. Здесь, как и везде, в первую очередь срабатывает идентификация, накладываемая обществом, а не самоназвание. Мало ли, что немцы зовут себя дойчами, все равно для нас их страна — Германия, для украинцев — Немеччина, для испанцев и всей Латинской Америки — Алемания, якуты себя называют — саха, а грузины — картли, ну и что, Эльбрус и есть Эльбрус, пусть для туземцев он трижды Джомолунгмавприсядку.

То есть, говоря проще, сперва были люди, которых называли по их повадкам или внешности Волками, Медведями, Орлами, Окунями, а дети их отвечали на вопрос «чьи»: Волковы, Медведевы, Орловы, Окуневы... Но это простой народ, а вот крутых называли по тем землям, которые им удалось захватить. Вернее, по тем, которые сумели удер-

жать и с которых собирают дань. Так, вожак банды, орудующей в Долгопрудненском районе, зовется Мишней Долгопрудненским, босса Солнцевского района звали Михасем Солнцевским, а главаря Люберец — Геной Люберецким. Доблестный гасконец по имени Шарль так и остался для всех де Артаньяном, сокращенно — д'Артаньяном, то есть хозяином местечка Артаньян.

То, что наивные считают именем, на самом деле всего лишь кликуха, вроде Долгопрудненский, Питерский, Люберецкий, Казанский...

Штирилиц тоже не фамилия, как думают, а кликуха, ибо Макс Otto не просто «герр», а еще и «фон», что значит — немецкий дворянин, владеющий местечком Штирилиц. Вернее, его далекий предок владел, из-за чего потомок не просто Макс Otto, а Макс Otto фон Штирилиц. Правда, не понимаю, куда вообще у дворян деваются фамилии? Имя есть, а фамилии нет...

Но это еще ничего, а бывает, когда даже по именам не зовут, как того же графа ла Фера или виконта де Бражелона! Да и то, что гасконца, владевшего поместьем Артаньян, зовут Шарлем, многие ли знают?

Так что я Ричард де... или лучше фон? Гунтер прав: эти «де», «ля» и «фон» — идентичны, но лучше все-таки «де», чем «фон»: «фон-барон» у нас с детства дразнилка, к тому же рыцарство больше привыкли соотносить с французами из-за их куртуазности и воспевания баб-с, в то время как немцы лишь хорошо воевали и доблестно сражались, молча блюдя рыцарские заповеди. К тому же французы, тогда еще будучи норманнами, завоевали Англию и занесли на эти туманные острова свои вкусы и понятия о рыцарстве. Так что решено, буду Ричардом де Амальфи. Можно даже Ричардом де ля Амальфи!

Нет, с «ля» еще рано. Для этого надо утвердиться, получить признание соседних баронов и особенно — короля или герцога, сюзерена этих земель. Тогда будет и «ля». Ибо «де» — это название владеемой местности, а «ля» — фор-

мальное право на это владение и вместе с тем отличительный признак высшего сословия.

Зигфрид, работая быстрее камнедробилки, перемолол гуся, пожрал перепелов с их нежнейшими косточками и уже откупоривал глиняный кувшин.

— Знатное вино, — сообщил он с одобрением. — У вас, сэр Ричард, винные подвалы — не нахожу слов! Не у всякого короля такие. А кроме вина в бочках там, в подземелье под северной башней, сотни три вот таких, в кувшинах.

— В амфорах, — подсказал я. — За столько лет разве не превратилось в уксус?

Он изумился, взглянул с укором:

— Сэр Ричард! Разве в вашем королевстве не накладывают заклятия? Чтобы отогнать порчу?

— Накладывают, — пробормотал я. — Но есть мнение, что пастеризация портит продукт. А стерилизация так и вовсе...

Он вздохнул:

— Да, я тоже слышал что-то, хоть я колдовские слова сразу забываю, я ж христианин. Но если не чувствую порчи, то ее нет.

— Хорошо сказано, — одобрил я. — Однако предпочитаю подниматься в седло с ясной головой. А вы пейте, пейте! Но если хоть один из вас покажется мне пьяным...

С другой стороны, продолжал додумывать туповатый мозг, судя по истории, один мужик вообще взял все три префикса или артикля, как их правильно: и «де», и «ля», и «фон». Имя у него было простое: Тен, что значит — Десять, во многих семьях детей называют просто по номерам, так в Риме пошли всякие Децимии, Секунды, Квартии, Окта-вианы, а у нас — Перваки, Третьяки, Шестаки, Осьмаковы... У того мужика с именем Тен получилось круто — де ля фон Тен. У нас его так и писали: де Ляфонтен. Как фон Визина в России до сих пор пишут чисто по-русски: Фон-визин... Да у нас и про Дон Кихота думают, что Дон — имя, а Кихот — фамилия, потому «Дон» пишут с прописной.

— Нет, — проговорил я вслух, — одно дело — самого

себя назвать... э-э... назвать, ну, понятно кем, другое дело — когда другие...

Они смотрели на меня с вопросом в глазах. Я широко улыбнулся:

— Что, Ричарда де Амальфи не видели? Еще успею надеяться.

Солнце заливало мир расплавленным золотом с зенита, конюхи вывели трех оседланных коней, лучники уже в седлах терпеливо ждут в сторонке. Гунтер отобрал пятерку молодцев, я осмотрел, понравились, выглядят крепкими. Руки сильные, жилистые, а луки у всех чуть короче обычных, зато композитные, с удлиненными стрелами. Жаль, с коня на полном скаку из таких не постреляешь. То ли дело мой, ариантовский...

Я кивнул Гунтеру, вставил ногу в стремя, за спиной Гунтер прокричал:

— На выход — шагом!

Во двор высыпала челядь, молоденькие девушки строили глазки всадникам, слышались крики, напутствия, смех. Явился отец Ульфилла, осенил всех общим крестным знамением, прочел короткую молитву, а моего коня окропил святой водой. Постаравшись брызнуть мне на сапог.

К его разочарованию, ни конь, ни я не закричали дурным голосом и не испарились в жутких корчах и клубах дыма. Я пустил коня шагом через двор в сторону ворот, поинтересовался у Гунтера:

— А кто вообще сюзерен здешних земель?

Зигфрид промолчал, он, как и я, нездешний, Гунтер почесал в затылке, оглянулся по сторонам, словно стены не только помогают, но и подсказывают.

— Сюзерен?.. Да здесь земли на самом кордоне, можно сказать. Тут всяк по себе. Но если вообще-то, то благородный и мудрый Вильгельм Блистательный. Но ни он здесь не бывал, ни его люди. Так что в этих краях каждый хозяинчает сам по себе. А суд творят сами сеньоры. Если вы о хробойле, то соберутся, скорее всего, не больше сорока

рыцарей. В первую очередь, правда, это барон де Пусе, сэр Гуинг Одноглазый, Черный Волк, он же Вервольф, сэр де Трюфель, сиречь Кабан, Тудор...

— Леди Клаудия, — вставил Зигфрид.

За нашими спинами, где едут тесной группой Ульман, Тюрингем, Рассело, Хрурт и лучники, кто-то хихикнул, кто-то заржал.

Я кивнул.

— Понятно. Соседям захочется посмотреть на меня. Остальные будут или нет, а эти уж точно.

Ворота начали открывать, завидев нас, загодя. Когда мы приблизились, тяжелые створки уже разошлись в стороны, кони бодро прощокали подковами по каменному мосту, но ушами прядали, все старались держаться середины.

Гунтер спросил почтительно:

— Куда отправимся, ваши милость?

— Объедем по кордону, — решил я. — Три села и две деревни? Да, ты называл: деревня Горелые Пни, село Большие Сверчки... Пора бы запомнить, хотя не царское дело — бухгалтерия, но руководить я должен! А еще больше — бдить кордоны!

— Село Большие Таганцы, — подсказал Гунтер запоздало.

— Так, что еще?

— Село Большие Печенеги...

— Господи, — вздохнул я. — Все такие большие, прям огромные! Наверное, по три хаты, а то и по четыре в каждом селе.

— И еще деревня Куманг, — закончил Гунтер.

— Тоже большая?

— Нет, просто Куманг, — пояснил Гунтер. — Это ж не село, а просто деревня.

— Ага, — сказал я и постарался запомнить разницу между селом и деревней, она куда больше, чем между плотником и столяром или человеком и собакой. — Просто деревня... ну да ладно, на безрыбье и сам... А в каком месте

мы позволили свершиться быстрому и праведному пролетарскому суду Линча над Генрихом Гунландским?

— В Больших Таганцах, — сообщил Гунтер. — Это самое большое и богатое село.

— Села и деревни, — сказал я, — оставим на потом. Один раз я в них уже побывал, теперь надо посмотреть на кордоны. Замок Крысы видел, но, боюсь, другие соседи выглядят повнушительнее.

Гунтер смотрел исподлобья, сказал осторожно:

— Это точно.

— Объедем наши земли по краю, — решил я, — посмотрим, на крепком ли замке государственная граница, не проползет ли подлый враг. Сразу определим, есть ли какие-то метки, легко ли к нам вторгнуться.

Проехав мост, кони снова взбодрились, лучники с гиканьем понеслись вперед, рассыпались в стороны: хозяина надо оберегать.

После получасовой скачки открытое пространство осталось за спиной, кони на рысях влетели под высокую зеленую крышу леса. Сильный запах молодых листьев, муррывиной кислоты, аромат вытекающей из разломов могучих стволов янтарной смолы...

В лесу пришлось перейти на шаг, деревья по обе стороны тропки поплыли неспешно, исполненные моцци титанов: толстые, приземистые, с покрученными ревматизмом ветвями. Черные дупла пугающие бездонны, иногда такие огромные, что вообще внутри деревьев пусто, сам ствол вздымается, как тонкостенная труба, однако ветви зеленые, роскошные, тянутся во все стороны, везде множество гнезд, птицы долбят кору, вылавливая короедов, есть деревья страшно расколотые молнией либо чем-то еще ужасным, обугленные, но из уцелевших частей развиваются побеги, что берут на себя фамильное имя и все обязанности погибшего исполина.

Гунтер направил коня по едва заметной тропке, проторенной то ли людьми, то ли зверьем. Впереди медленно приподнялся горбик земли прямо там, где мы должны бы

дем проехать, осыпались комочки, в щель проглянуло нечто страшное, белесое, скользкое. Гунтер, однако, не обратил внимания, конь спокойно переступил через подземное существо, и когда я с сильно бьющимся сердцем приблизился, понял, что это просто толстый корень дерева, что расширяет жизненное пространство.

По сторонам то и дело вспучивается зеленый мох, иногда — гора опавших листьев, но все это должно свершаться медленно и величаво, в смысле — незаметно для человека. Мы должны видеть только вздутости, но чтоб вот так прямо на глазах, да еще на утоптанной до твердости камня тропке...

По спине пробежал нехороший холодок. И хотя знаю, что нежные шампиньоны взламывают асфальт и бетонные плиты, но одно дело читать о каких-то ненаших грибах, другое дело — видеть такое вспучивание. Жутковато живущие деревья, невольно поверишь в деревья-людоеды и прочую дурь.

Почти все стволы покрыты толстым зеленым, а иногда и коричневым до красноватости мхом. Иные до самого верха, будто укрылись шубой от холода, ветра и насекомых, другие только с одной стороны, третьи даже без коры, блестят как политые жидким стеклом, жуки и муравьи на глазах скользят и срываются наземь.

Мой конь то и дело останавливался почесать морду о ствол, чего раньше никогда не делал. Я наконец пробурчал:

— Если чешется спина — растут крылья. Если грудь — выпускаются шасси, если нос — к выпивке... А морда? Гунтер, к чему чешется морда?

— К чесотке, ваша милость, — ответил он мудро.

— Хороший ответ, — буркнул я. — Мудрый. Взвешенный. Быть тебе, Гунтер, помимо всего, еще и сенешалем замка... Ноздря чешется, как известно, к крестинам, губа — к орбакайтам, стюардесса по имени Жанна чешется понятно от кого, а мой конь, который никогда не чесался...

Конь остановился перед могучим дубом и трижды ударили рогом в ствол. Брызнули щепки, на белой коре оста-

лись глубокие вмятины, будто дерево на полном ходу задел танк.

— Хорошо-хорошо, — сказал я успокаивающе. — А теперь пошли, пошли дальше...

Промелькнул зверек, толстенький и неуклюжий, как крохотный медвежонок, круглоголовый. Оглянулся, прежде чем исчезнуть, помедлил в нерешительности, словно что-то побуждало подойти к незнакомцу. Поразила круглая мордочка с большими печальными глазами, мне остро захотелось схватить его на руки и прижать к груди. Зверек застыл, смотрит умоляюще, но когда я сделал движение к нему, вздрогнул и отступил в кусты.

Гунтер коротко хохотнул:

— Понравилось?

— Да, — ответил я. — Что это было?

— Никто не знает, — ответил он с сожалением. — То ли пользуется какой-то магией... но зачем, не знаю. Людям не вредит. Никто не говорит, что от них зло. Но зачем они здесь, никто не знает.

Глава 6

Двое стрелков, повинуясь взмаху руки Гунтера, унеслись вперед. Дальше Гунтер ехал молча, сеньору нельзя докучать, а я снова вспомнил зверька с умоляющими глазами, задумался над желанием схватить и прижать к груди. Либо детеныш, к нему всегда животная симпатия, все любят хватать на руки и тискать щенков, котят, хомячков. Даже лягушат не боятся брать в руки те, кто ни за что не прикоснется ко взрослой лягушке... либо в самом деле защитная магия внушает всем, что я маленький, безобидный, никого не трогаю, пожалейте...

Но ведь в самом деле и маленький, и безобидный, если Гунтер точно знает, что этот зверек не губит людей.

Мелькнула мысль, что это вполне мог быть одичавший пес или кот... ну, в смысле, домашний любимец, не знавший другой жизни, как в квартире человека. Выведенный

для удовольствия, для тисканья и целования, как выводим породы декоративных кошек и собак, абсолютно не пригодных для жизни на воле. Этот, правда, как-то прижился. Или прижилась одна из пород, ведь одних собачьих пород сотни.

Миновали открытое пространство, Гунтер поерзal в седле, а когда понял, что проедем вдали от весьма роскошной рощи, вздохнул с немалым облегчением.

— Что-то не нравится? — спросил я.

— Нет-нет, — заверил он, — все хорошо! Просто ту облюбовала стая собак... Не смотрите на меня так, ваша милость. Не простые собаки! Пока что никому не удалось с ними справиться. Потому все объезжают. Земли хватает, люди селятся в хороших местах. А куда не стоит ходить — узнают быстро. Там гибли и крестьяне, и воины, и даже рыцари, так что теперь объезжают.

Я поморщился, оскорбительно опасаться на своей же земле каких-то одичавших собак, но по старому опыту знаю, что собаки вообще-то опаснее волков и любых других зверей, так как многому научились у человека, а их мушкетерский девиз: «Один за всех, все за одного» — выручает стаю всегда и позволяет доминировать в любом ареале, вытесняя даже львов и тигров.

— Хорошо, — ответил я нехотя, — объедем. Но когда-нибудь разберемся. Сейчас просто некогда.

Гунтер перевел дыхание.

— Вот и хорошо, ваша милость. Не дело с каждой собакой драться. Но вот там слева густые заросли осоки, хоть болота давно нет...

— И что там?

— Цапли, — ответил он хмуро. — Но странные какие-то... Научились в землю зарываться. Кто подъедет ближе, они прямо из-под земли бьют клювами. Не один там потерял коня...

Я кивнул.

— Объедем. Не рыцарское дело — с цаплями драться.

— Правильно, ваша милость, — согласился он очень

поспешно. — Вы же убиватель драконов, как настоящий рыцарь, а что вам эти пернатые?.. Так, смешно даже. Урон рыцарскому званию. Как и вон те болотные черви... которых можем увидеть, если сдуру попрем прямо. Там такое нехорошее болото... Говорят, со дня сотворения мира не меняется. Что в нем еще живет, никто не знает! Нет сумасшедших, чтобы подойти и заглянуть. В старину бывали, от них только кости на берегу остались...

Я пробурчал:

— Объедем и болото. А вот тот лесок чем опасен?

Гунтер проследил взглядом за моим пальцем.

— Этот? — переспросил он, просияв. — Да ничем, там все хорошо! И олени там водятся, и зайцы, и кабаны!.. Ручей там хорош. Если бы и вот тот, что за ним, тоже таким был — цены бы этим местам не было бы...

Я вздохнул.

Лес оборвался так же вдруг, как и начался, впереди зеленый простор, тоже окаймленный лесом. На этой гигантской поляне разместилась бы не одна деревня, а то и целое село с богатыми полями, пашнями и лугами: вон речушка, небольшая, но для жителей свежей воды вполне хватит.

Гунтер, заметив, как я хмурию брови, пустил коня рядом с моим однорогом, сказал с почтительностью гида:

— Совсем недавно эти земли были наши, христианские. Беда в том, что сразу же после победы бросаемся отмечать успех, а потом празднование затягивается... насколько я знаю, там затянулось чуть ли не на столетие. А то и больше. И с каждым годом победа выглядела все сокрушительнее, а враги разгромленными, уничтоженными, стертymi в пыль.

Я буркнул:

— Знакомо.

Он проворчал:

— Думаю, так везде. Такой род человеческий... И потому для всех было как гром с ясного неба, когда в лазурном чистом море вдруг — черные паруса! Но даже тогда сбежа-

лись на берег глазеть, вместо того чтобы созывать всех, кто мог носить оружие!

Я насторожился, поинтересовался:

— А что, близко море?

— Нет, до ближайшего залива две сотни миль. Если по прямой.

— Понятно. И что насчет чужаков под черными парусами?

— Я ж говорю, сбежались глазеть, как дураки.

Я кивнул:

— Знакомо. Еще как знакомо. Везде дураки поступают одинаково. А в чем-то мы все... не гении. Отпор дать не сумели?

— Как раз сумели! — возразил он. — Отважный король Ридьярл вывел всю дружину. Захватчики грабили прибрежные села, а он обрушился всей мощью. Завязалась кровавая битва, пришельцев начали теснить, они уже начали отступать к кораблям, началась резня убегающих... И тут сосед Ридьярла, король Гудлум Залесский спешно ударил на беззащитный стольный град Ридьярла, выбил врата и захватил город, где полонил всю семью Ридьярла. Нет, он не был на стороне чужеземцев из-за моря, но как не воспользоваться удобным случаем? Словом, Ридьярл бросил избивать чужаков, спешно вернулся с потрепанной дружиной, сгоряча осадил собственный замок, но Гудлум успел ввести туда сильный гарнизон, а когда Ридьярл пытался штурмовать, с другой частью ударили в спину. Битва была кровавая, Ридьярл погиб, а сам Гудлум, все-таки король был отважный, трижды ранен. Короче говоря, хотя Гудлум и сумел удержать в своих руках захваченное королевство, но недолго наслаждался двумя коронами... Захватчики вернулись, и бескровленная дружина Гудлума была разбита в первом же сражении.

Я спросил хмуро:

— А что другие короли? Хотя нет, не надо, уже догадываешься.

— Вы правы, ваша милость. Все больше думали, как

нагреть руки на несчастьях соседа, чем о совместном выступлении. Чужаки — это что-то непонятное, к ним нет даже вражды, кроме памяти, что когда с ними воевали пропрапрадеды, а вот проклятый сосед то лес тайком рубит, то уток бьет на его лугу, то пошлину с купцов незаконно взял...

Зигфрид прислушивался с некоторой ревностью, все-таки мы с ним единственные настоящие рыцари, а Гунтер... не совсем, но разговариваю больше с Гунтером, вмешался:

— А что с местным населением?

— Простым людям приходилось на время войны прятаться, — объяснил Гунтер, — а потом отстраиваться снова. Только замок Тудоров никто и никогда не мог захватить! Мы его сегодня увидим, ваша милость.

Я спросил заинтересованно:

— Почему не могли захватить?

— Говорят, такая судьба. Тудорам дарована неуязвимость... в своем замке. Здесь проходили армии не только императора Карла, Иммануила Третьего или Рогнара Дикого, но и те, древние, которых уже забыли! Но замок всегда оставался за Тудорами!

Я подумал, что-то не состыковывается, поинтересовался:

— Замок Тудора, как понимаю, не заброшенная деревушка.. Его должны были обязательно захватить, если построить осаду грамотно. В замке хорошо отбиваться от разбойников, годится и для обороны от такого же барона, но против армии...

Гунтер хмыкнул, сказал странным голосом:

— Поговаривают, что не только войска, даже нечисть обходит земли Тудоров стороной. Как будто им кто-то сказал, вот по эту сторону луга грабить можно, а по эту — нельзя!..

— Нечисть? — спросил я.

— Да, ваша милость.

Я смолчал. Нечисть я отношу к широкой популяции животных, которым приказать невозможно. Есть, правда, и разумные, какой-то мутационный вывих, но эти твари, к счастью, индивидуалисты, в стаи не сбиваются. Трудно представить, что ими можно хоть в чем-то руководить.

— Может быть, — предположил я, — в том замке святой? И своей святостью сумел оградить...

Оскеся, лицо Гунтера слишком ясно выражало, что он думает о святости Тудора.

Он начал рассказывать их историю, но я уже не слушал.

С полчаса кони шли резво, некоторое время ничего не попадалось, кроме беспрестанно выпрыгивающих из-под копыт зайцев и взлетающих птиц, — богатая здесь земля, затем впереди послышались крики, лучники рассыпались, как вспугнутые воробьи.

Мы пришпорили коней, Гунтер выхватил меч, со стороны лучников свистнули первые стрелы. В густой траве раздался скрежещущий звук, вихрем взлетели комья земли, словно в почву с огромной скоростью зарывалась газонокосилка.

— Близко не подходить! — прокричал Гунтер.

С высоты седла я видел нечто бледно-зеленое, что быстро уменьшается, остатки травы трепещут, в небо взлетают комья, а стрелы со злым вжиканьем втыкаются в это зеленое.

Когда я наконец замахнулся для броска, в земле чернела темная нора, лучники подъезжали безбоязненно, но первым у норы оказался Гунтер, сплюнул, спрятал меч.

— Развелось их... Видать, осенью наводнение будет.

Лучники снимали тетивы и укладывали люки в чехлы, я спросил Гунтера:

— Это кто, крот-мутант? Или медведка-переросток?

— Ламарк, — ответил он хмуро. — Если проворонить, то может утащить в нору. А так не очень опасны, если знать... наверное, в самом деле будет наводнение. Говорят, у деревни Большие Таганцы тоже видели двух ламарков.

Когда взъехали на очередной холм, справа в долине открылась деревня с множеством домов, не меньше сотни, по внешнюю сторону тянутся огороды, а в середине, на площади, массивный каменный храм с крестом на крыше.

Зигфрид благочестиво перекрестился, однако Ульман прорвorchал злобно:

— Не спеши, благородный рыцарь... Я слыхивал, что здесь укореняется ересь.

Зигфрид охнул, побледнел. Я промолчал, все понятно, еретики — это свои же христиане, но не так толкующие ту или иную строчку в довольно туманном Писании. Такие всегда кажутся опаснее не только мусульман, но даже заморских чудищ, нежити, дивов...

Зигфрид бросил ладонь на рукоять меча, грудь сразу колесом, глаза выкатил так, что вот-вот выпадут.

— Может быть, вызвать людей, чтобы окружить деревню?

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы ни один не улизнул! — ответил он с готовностью. — Еретики — люди заразные. Вот, помню, в землях Каролингов появился лжепророк, утверждавший, что Господь после великой битвы с Сатаной разделил мир: светлым — небо, темным — ад и геенну огненную, а тем ангелам, которые не присоединились ни к тем, ни к другим и стали таким образом серыми ангелами, отдал всю землю и все народы... Так что, мол, надо забыть о Боге, а вместо него...

Он умолк, настороженно посмотрел в небо. Гунтер тоже вскинул голову, буркнул:

— Мне тоже не нравится тот орел, но что мы можем сделать?.. Он не опустится ниже.

А любопытный Тюрингем спросил нетерпеливо:

— И что с тем пророком?

Зигфрид отмахнулся:

— Сожги, дабы очистить душу, но он успел посеять свою веру в сердцах нестойких. Пришлось на костер отправить еще с десяток, а потом долго искоренять огнем и мечом по всему kraю, где он прошел. Жгли села, людей пришлось убивать, очень уж крепко держались за ложную веру... Потому и надо успеть как можно раньше! Чтобы меньше невинных душ пострадало.

— Души мы спасем, — ответил Ульман. — На костре.

А вот с телами, которые так нужны для работ, придется расстаться.

Я нахмурился и, чтобы в голосе звучала угроза, заговорил медленно, внушительно, веско:

— Ульман... Ты, никак, начинаешь распоряжаться? Ты даже не рыцарь, даже оруженосцем Гунтера стал недавно, а уже дерешь нос и начинаешь рулить?

Все замолчали, я ощутил, что в самом деле в моем голосе звучит неприкрытая ярость. Ульман побледнел, вскрикнул:

— Ваша милость!.. Простите, с языка сорвалось! Просто когда касается еретиков, то мы все, христиане-братья, должны, как один, вместе и дружно...

— ...идти резать кавказцев, — договорил я. — Вот что, Ульман!.. Да и вы все, слушайте внимательно. Я — паладин, не забыли? Это значит, что я облачен доверием высших иерархов Церкви и даже святых угод... тыфу, праведников. Я определяю, кто еврей, а кто ариец... в смысле кто еретик, а кто даже наоборот. Запомнили?

— Да, — почти прокричал он, — да, ваша милость!..

— Как скажете, — ответил и Тюрингем с поклоном.

— И еще, — продолжил я, — это чья деревня? Если на моей земле, то моя?

Гунтер замялся, Ульман и Тюрингем сделали вид, что не слышат моего вопроса и усиленно рассматривали село, прикладывая ладони козырьками к глазам.

— Это племя савиров, — ответил наконец Гунтер. — В основном они на той стороне, там владения сэра Уландра... которого чаще называют Волком или Вервольфом. Он сам, кстати, зовет себя Волком. У него на щите черный волк, и вообще вроде бы весь его род ведет начало от огромного волка, что в древние времена спустился с гор в долины и превратился в человека. Благородный сэр Уландр много раз пытался подчинить их полностью, заставить работать в замке, служить челядью, но савиры, не отказываясь платить налоги, упорно держатся за остатки свободы.

— Вполне понятное желание, — проронил я.

Гунтер вздохнул:

— Но кому-то и работать надо? Словом, когда раздраженный Вервольф высыпал вооруженные отряды, савиры уходили в леса, там из-за деревьев наносили такой урон, что барон всякий раз отзывал карательные отряды, подтверждал прежние налоги и льготы, клялся больше не требовать добавочных поборов.

— А что эти, которые со стороны реки?

— Общаются через реку, издавна перероднились, частично переняли их странноватые обычай, даже одежду, а савиры, чувствуя доброжелательность соседей, делятся секретами изготовления добротного оружия, продают удивительно быстрых коней, оказывают помощь в сборе лечебных трав.

Я покачал головой:

— И что в этом плохого?

— Ваша милость, зараза проникает вместе со сладким.

Зигфрид смотрел с недоумением, смолчал. Гунтер тоже хмурился, я молча пустил коня шагом, чтобы не напугать сельчан видом скачущих в их сторону вооруженных людей.

С пастбища пастух гонит в сторону села огромное стадо ухоженных ленивых коров, а от озера идут, важно гогоча, крупные белые гуси. С поля, со стороны садов двигаются вереницами женщины, донесся веселый смех. Многие едут на подводах, сидят на краю, свесив босые ноги.

Из домов на окопицу выбегают подростки, молодые девушки, совсем редко — немолодые женщины. У всех в руках хворостины, им навстречу двигается, поднимая пыль, ленивое стадо, мычащее, помахивающее хвостами, оводы и слепни пользуются последним моментом попить кровушку. Со смехом и веселыми криками разбирают скотину, отделяют, гонят домой. Иных коров, как я заметил, никто не встретил, эти дорогу знают и двигаются прямо домой, затем толчок лобастой головой в калитку, а дальше знакомый хлев, тихий и защищенный.

На телегах везут бревна, пойманную рыбу, забитую дичь, какую-то рыжую землю, рыхлую и неприятную... ну да, это

же руда для кузницы, все стягиваются в село перед приходом ночи, когда нужно запереть все двери, обезопасить заклятиями от нечисти, а для защиты от волков спустить с цепи здоровенных злющих псов.

Зигфрид сказал многозначительно:

— Вон то здание... это что? Церковь? На пороге трава моему коню до брюха.

— И от часовни одни развалины, — добавил Гунтер.

Я ответил, не оборачиваясь:

— Насколько знаю, только в православии с Богом общаются через посредника, будто Богу надобны толмачи. В католицизме с Богом можно разговаривать и без церкви. У нас ведь католицизм?

Они переглянулись в недоумении. Наконец Зигфрид проговорил медленно:

— Сэр Ричард, я не знаю, что это такое, но с Богом предпочтительнее общаться в специально отведенных местах. В самых красивых и благородных! Из уважения. Общаться в других местах — все равно что принимать короля в свинарнике. Мудрый повелитель ничего не скажет, но разве самим не стыдно?

Гунтер и остальные молчали, но во взглядах я видел осуждение.

— Ты прав, — сказал я с неловкостью. — Прав, извини. Он развел руками.

— Вам не за что извиняться, сэр Ричард. Вы — паладин, с Господом говорите напрямую, но остальной народ сперва должен вымыть руки и вытереть ноги.

— Извини, — повторил я. — Я в самом деле все примению к себе.

Гунтер пробормотал:

— И к своему коню...

— Что? — переспросил я. — А конь при чем?

— Ваша милость, у нас не столь резвые кони...

Я перевел взгляд на их взмыленных животных. Под Гунтером роняет хлопья пены, у остальных блестят бока и морды в мыле.

— Виноват, — сказал я. — Но дареному коню кулаками не машут. Какого мне Бог дал...

Они поспешили перекреститься, в глазах Зигфрида мелькнул восторг, на лице Гунтера — страх и замешательство.

По широкой улице женщина несет впереди себя, сильно откинувшись назад всем корпусом, огромную глиняную кринку с парющим молоком, сверху густая кружевная пена в несколько этажей. Завидев нас, опасливо свернула с дороги и прошла под стеной дома.

Гунтер шумно потянул носом, вечерний воздух наполняется ароматами отварных овощей, печеної рыбы, жареного мяса, пахучим дымком дров из старых вишн.

— Люди здесь, — сказал он с сомнением, — все же нехорошие... Раз уж остались в этих краях, то им пришлось... гм, как-то с нечистью уживаться.

Я насторожился:

— Сдружились?

— Нет, — ответил он с той же запинкой, — однако... вот рыцари в горном kraю Ливадии уже семьсот лет как остали коней, сражаются только пешими, там везде камни, горы, кони не пройдут и шагу, но человек... человек везде пройдет! И рыцари там все бесконные. А в Уларии голая степь, рыцарям пришлось отказаться от тяжелой брони, иначе не могли сражаться с юркими степняками на неподкованных конях... Увидите тех рыцарей — ни за что не поверите, что рыцари. Так и здесь, ваша милость, чтобы воевать с нечистью, пришлось кое-что позаимствовать у самой нечисти. Священники таких предают анафеме, а упорных жгут на кострах, но что делать, если священники поспеваю не везде? Приходится крестьянам самим...

Я взглянул искоса:

— Ты вроде бы одобряешь? Нет-нет, можешь не отвечать. Я понимаю, что когда тебе и подножку, и ниже пояса, и в спину, то и ты, чтобы не проиграть, начинаешь по их правилам... но в этом есть что-то и нехорошее. Не пойму что, но не нравится это «...нам нужна победа, одна на всех,

а за ценой не постоим...». Что-то в этом очень уж нехорошее. Подленькое. Нет, не подленькое — ошибочное. Иная победа хуже поражения. Здесь не слыхивали о пирровой победе? Пирровой может быть не только по людским потерям, но и... как бы это сказать... я не хотел бы оказаться победителем в бою на мечах или копьях, но потерять при этом душу. Или даже честь.

Гунтер кивнул, он отвел взор, пробурчал с неохотой:

— Вы не один такой, ваша милость. Немало христианских рыцарей отправлялись в эти края, чтобы снискать любовь Господа, признательность короля и нежный взгляд дамы сердца. Мало вернулись, но проредили нечисть так, что уцелевшая затаилась в самых дремучих лесах, укрылась в болотах, пещерах. Конечно, на одиноких нападает, но здесь никто не рискует поодиночке.

Мы въехали в середину села, оставив позади десяток домов, Зигфрид проговорил негромко, но таким напряженным голосом, что услышали все:

— Советую всем ехать, как едем. С обеих сторон в нашу сторону смотрят арбалеты.

Они с Гунтером чуть подали коней вперед и закрыли меня с обеих сторон. Я подивился, с какой легкостью и без колебаний все сделано: само собой разумеется, что сеньор первым скакет в бой, но так же само собой, что вся команда старается не дать его убить.

— Вот почему, — проговорил я, — они все еще сохраняют независимость. И почему я хочу вооружить своих крестьян хотя бы луками.

— Композитными, — пробормотал Гунтер. — Это не просто луки...

Улица впереди пустела на глазах, только однажды выскочил подросток и быстро-быстро закрыл окно толстыми ставнями из дубовой доски. Теперь и я видел блеск на отполированных частях арбалетов. В нас целились из всех щелей, спина напряглась, а во внутренностях, напротив, разлилась неприятная слабость.

— Да, — пробормотал Зигфрид, — это было мудро, сэр Ричард.

— Что?

— Ваше решение въехать в село шагом.

— А-а-а... ну да, я же умный, сам удивляюсь. Иногда даже впопад.

У самого большого дома на пороге сидел очень дряхлый старец с седой бородой до пояса. В белой одежде, похожей на халат, он напоминал большую полярную сову.

При нашем приближении поднялся, с кряхтением перегнулся в медленном поклоне. Я помахал рукой и сказал самым доброжелательным тоном:

— Я — Ричард Длинные Руки, а теперь еще и де Амальфи. Это значит, что овладел замком, теперь вот объезжаю землю, знакомлюсь.

Гунтер проговорил с достоинством:

— Его милость не собирается здесь останавливаться, нам еще до заката смотреть кордоны с Кабаном и Тудором.

— В следующий раз, — пообещал Зигфрид, — пробудем дольше.

Я наклонил голову, подтверждая. Старик поклонился еще ниже, в его выцветших глазах я увидел огромное облегчение. Старые люди ненавидят насилие, и даже то, что сельские арбалетчики могут положить нас всех, не прибавит радости. За убитого сеньора придут мстить другие, оставят здесь только пепел, не считаясь с потерями.

На околице Тюрингем оглянулся, бледный до синевы, прошептал:

— Никогда еще так не трусил!

— Я тоже, — неожиданно сказал Ульман. — Одно дело сражаться, другое — вот так...

Я велел, не оглядываясь:

— Гунтер, ускорь подготовку лучников.

— Ваша милость, только ночью отдыхают!

— Зачем им такая роскошь? — спросил я.

От реки идут двое крепких молодых мужчин, но с совершенно белыми головами. Промокшие портки засучены

до колен, у каждого мешок через плечо, там трепыхается, я уловил сильный запах рыбы. У одного еще и свернутый бредень.

С пастбища возвращается еще стадо, заполняя улицу во всю ширь, постепенно редеет, со дворов слышится муканье, донеслась брань. Я оглянулся, одна корова поленилась идти до калитки, проломила ветхий плетень и пошла напрямик через огороды.

Гунтер тоже оглянулся, хохотнул:

— Вот так за лень расплачиваются! Есть коровы, что каждый день ломают. Из вредности. Проще бы поставить забор из крепких-кольев.

— Уже привыкла, — заметил я. — Теперь будет ломать и колья.

Гунтер призадумался, кивнул.

— И то верно говорите, ваша милость. Надо приучать народ пораньше.

Глава 7

На холме слева проплывают развалины могучего замка, даже не развалины, каменный дом еще почти цел, только обветшал, если подправить, подлатать, заделать пару дыр в стене, снова можно гордо поднять флаг владельца.

— Странно, — заметил я, — не так уж и много работы. Группа отважных могла бы укрепиться. Места здесь сравнительно тихие! И снова начинать завоевывать мир.

Гунтер тоже посмотрел на замок, перекрестился:

— Кто знает, что там... Может быть, пытались уже не раз. Охотники за сокровищами начинают рыться по подвалам, да там и остаются. А самые счастливые хоть выбираются, так порча сжирает по дороге... Говорят, иные старые поместья прямо завалены костями.

— И что же, народ все равно лезет?

Он снова перекрестился:

— Вы же знаете людей!

— Знаю, — ответил я. — И что, крестное знамение не защищает? Как и святая вода?

Он не уловил иронии, ответил очень серьезно:

— Даже амулеты из Святой земли не действуют. Видимо, Господь наш считает такие дела небогоугодными, нехорошими. Даже если там язычники похоронены, то и тех покой нехорошо тревожить. Если демоны наказывают обидчика; Господь за таких не вступается...

Голос прервался, лицо застыло, глаза устремлены в одну точку. Я проследил за его взглядом: в синее небо поднимаются черные струи дыма. Даже не поднимаются, а победно ввинчиваются, значит, там, внизу, за деревьями, много пищи для огня. Я пришпоривал коня, за спиной услышал тревожный крик Гунтера:

— Ваша милость!.. Не огрывайтесь... Отря-я-яд, от сеньора не отставать! Деревня Куманг горит!

Сильный ветер ударил в лицо, за спиной дробно стучат копыта, деревья скачками побежали в сторону, чаща — не проломиться, конь несся, выбрасывая в сторону ноги, на-клонялся на длинном вираже, я проверил, на месте ли молот, сердце колотится часто-часто, нагнетая давление, ветер бьет в лицо все яростнее.

Лесной массив повернулся, открылась горящая деревня. Нет, горят только два дома, еще успели заняться сараи. Несколько неподвижных тел в лужах крови на улице, один прямо на пороге дома, кровь из разбитой головы заливает ступеньки. На месте двери черный пролом, торчат ноги еще одного, из дома доносится женский плач.

С молотом в руке я зло оглядывался, вроде бы удаляющийся стук копыт, затем цокот с другой стороны, появился отряд со скачущими впереди Зигфридом и Гунтером. Лучники на ходу соскакивали и бросались кто к колодцу, кто к горящим домам, молодцы, сразу видно деревенских жителей, без приказа знают, что делать, а я дурацки хлопаю глазами, умею только драться да отдавать вельможные приказы.

Зигфрид подбежал к дверям ближайшего дома, куда

огонь вот-вот доберется, дернул, не поддалась, с силой за-
котил рукоятью меча.

— Вылезайте!.. разбойники убежали!.. Ваш дом сейчас
загорится!

Гунтер быстро организовал цепочку от колодца, дере-
вянные ведра передавали из рук в руки, с размаха плескали
в огонь. Из забаррикадировавшихся домов начали появ-
ляться жители, бросились кто гасить огонь, кто растаски-
вать сараи, чтобы не дать перекинуться огню на их хозяй-
ство.

Пытаясь помочь, я со всей дури шарахнул молотом в
сараи, где уже занялась крыша. Грохот, треск, доски и раз-
битые жерди разлетелись в щепки, словно я вспорол ог-
ромную подушку, набитую стружками. Народ в страхе бро-
сился врассыпную, Гунтер заорал люто, самые смелые вер-
нулись и принялись сбивать огонь с рассыпавшихся по
земле досок.

Один дом выгорел начисто, сгорели сараи и дом кузне-
ца, второй удалось спасти. Гунтер привел крепкого стари-
ка с белыми волосами до плеч и коротко подрезанной бе-
лой бородой. Старик поклонился, Гунтер сказал настави-
тельно:

— Это ваш новый лорд!.. Ричард де Амальфи. Ответст-
вуй ему, кто был, почему напали?

Старик поклонился еще ниже, уже как хозяину,

— Люди Волка, ваша милость, — ответил он горько. —
Почему напали?.. Почему нападают на тех, кто слабее?

У дымящейся ограды мужчина с плотницким топором
в руках, в двух шагах старик вниз лицом, раскинутые руки
загребли по горсти земли и застыли, из спины торчит опе-
ренная стрела.

Староста развел руками:

— Враги услышали вас, ваша милость. Иначе бы всех
сожгли.

Гунтер потемнел лицом, смолчал, но подошел Зиг-
фрид, разгоряченный, но разочарованный: не удалось вы-
казать доблесть в схватке.

— Сэр Ричард, вас начинают испытывать на прочность. Как и Галантлара.

— Что от меня хотят?

Зигфрид хохотнул:

— Познакомиться!

Гунтер пояснил:

— На деревни нападали и раньше, ваша милость. У сэра Галантлара были куда богаче угодья, чем ныне. И деревень у него было, было... Но в последние годы он почти не показывался из замка, так что соседи обнаглели. Если не дать отпор, то и эту захватят. Сейчас нам просто показывают, что мы защитить ее не в силах.

Я стиснул челюсти, чувство бессилия накрыло, как холодный дождь среди открытого поля. Я в самом деле не в состоянии защитить деревни, расположенные далеко от замка. А они все далеко, что и понятно: если прямо у замка, то хоть и защищеннее, но зато развеселившийся хозяин то девок потребует себе и солдатам на потеху, то ради шутки велит кого-нибудь повесить или поставить вместо жи-вой мишени...

— Прислать сюда лучников, — сказал я неуверенно. — Все-таки защита!

Гунтер в сомнении покачал головой.

— Ваша милость, у нас нет их столько. Вы обещали дать лучников на охрану Больших Сверчков от сэра Гуинга Одноглазого. Это значит послать всех, кто уже научился бить из составных луков. Кампа... кумпо...

— Композитных, — подсказал я.

— Да-да, их самых. Хорошие луки, ничего не скажешь! С одной стрелы прошибают рыцарские доспехи. Но научить стрелять из них не просто. Да и не каждого научишь... так что сюда послать просто некого.

Я зажмурился, помотал головой. В череп стучат горячие волны, на миг в глазах покраснело, я опомнился: негоже мне, интеллигенту, впадать в примитивную ярость первобытного викинга или рыцаря, что почти одно и то же.

— Возвращаемся, — сказал я. — По дороге будем ду-

мать, как защитить своих людей. Возвращаемся! Я не могу посмотреть им в глаза и признаться, что ничего не могу поделать.

Тюрингем, стараясь быть самым услужливым из оруженосцев, то и дело заезжал далеко вперед, проверял дорогу, как он объяснял, хотя что ее проверять, едем не через дикую сельву, здесь обжитые земли, но однажды мы увидели, как несутся навстречу, едва не загоняя коня, с истошным криком:

— Войско сэра Гуинга Одноглазого и лорда Гелейна осадили замок волшебницы Клаудии!

Гунтер покрутил головой:

— Давно пора. После того как граф де Гелайн выдал дочь за сэра Одноглазого, их общая мощь выросла даже больше, чем вдвое. А земли, что теперь практически под одной рукой? С трех сторон окружили клочок, на котором замок Клаудии. Ее земля как клин в их владения... Любой бы постарался округлить!

Я поинтересовался:

— А что, не отобьется? Она ж волшебница!

Гунтер подумал, сказал с осторожностью:

— Одна львица против стаи волков... Все зависит от того, сколько волков. К тому же Одноглазый и сэр Гелайн все обдумали заранее. Такие вещи рассчитываются загодя, загодя... Еще до того, как решили о женитьбе, уже в планах захватили замок волшебницы и осадили туда внуков... так что не думаю, что она устоит.

Не устоит, подумал я. Слишком уверовала в свои силы, думает только, как пробраться в подвалы Галантлара, а теперь уже мои. Спит и видит, как будет там шарить, а я, прикованный к стене, стою и жалобно прошу ее дать хотя бы напиться...

Гунтер смотрел с ожиданием, в глубине глаз мелькнули веселые искорки. Я легонько сжал конские бока, единорог сделал первый скачок.

— Посмотрим, — крикнул я.

Ветер ударили в лицо с такой силой, как будто я налетел на подушку безопасности. Пригнувшись, я несколько мгновений слушал стук копыт, выпрямился, и конь, выскочив на вершину холма, тут же остановился.

По ту сторону долины на таком же пологом холме чистым желтым огнем горит в лучах полуденного солнца изумительный замок. Прошлый раз я видел его в лучах заходящего солнца, тогда он казался высеченным из непомерно огромного рубина: красный, даже багровый, а сейчас как будто из непомерно огромной глыбы янтаря изумительной красоты...

Внизу, в долине, шесть серых требушетов, все установлены в ровную линию. Требушеты похожи на колодезных журавлей, жуткий скрип доносится даже сюда. Я видел, как длинная неопрятная ложка描画了а дугу, вылетел огромный камень и понесся в сторону замка. Я машинально проследил за ним взглядом, камень уменьшался в размерах, донесся глухой стук. Не видно, появилась ли вмятина на янтарной стене, но, возможно, один из блоков в стене треснул. Внизу целая россыпь этих массивных булыжников, похожих на гору гниющего мусора. Когда стена будет разрушена хотя бы наполовину, по этой горке вскарабкаются нападающие.

Перед требушетами мельтешат крохотные фигурки всадников, пеших ратников. Все пялятся на замок, вылезки не ждут, иначе выслали бы на охрану дорогих метательных машин народу побольше. Один всадник понесся в сторону замка, что-то выкрикивает, машет руками.

По эту сторону требушетов в полусотне шагов два шатра: ярко-красный и красный с оранжевым. Красный побольше, что естественно, да не сравняется вассал даже в такой мелочи с господином, костры, вокруг огня народ, что-то жарят, пекут, просто жгут поленья, бездумно глазеют в огонь. Чувствуют себя вольготно, склончи.

За спиной простучали копыта, на взмыленных конях появились Гунтер, Зигфрид. В глазах Гунтера я увидел страх и почтение, Зигфрид смотрит почти с ужасом.

— Что у вас... за конь... — прохрипел он.

А Гунтер сразу сказал деловито:

— В красном — Конкейн, брат Гуинга Одноглазого, в оранжевом — Орандж, он всегда носит цвета своего имени. Неистовый воин, страшный в бою, с ним всегда его два брата. Им навстречу лучше не попадаться.

Зигфрид добавил с осторожностью:

— Да и вообще там человек сорок, если не пятьдесят.

— Но рыцарей только пятеро? — уточнил я.

— Не меньше, — согласился Гунтер. — Это Конкейн, Орандж с братьями, но среди тех, кто у костра, могут оказаться два-три однощитовых рыцаря.

Я задумался. Рыцари, как уже знаю по школьным урокам истории, — товар штучный, не так просто собрать рыцарей в одном месте больше трех, если не для пира или турнира. В тыща двести девяносто пятом году в Эссексе, крупном графстве Англии, было всего двадцать четыре рыцаря, не считая одиннадцати старых и больных, которые не в состоянии были даже взобраться на коня, а все потому, что снарядить рыцаря дороже, чем в нынешней деревне купить бронетранспортер. В сражении при Линкольне, едва ли не самой крупной битве в Англии в тыща двести семьдесят первом, с одной стороны яростно сражались восемьсот рыцарей, с другой — шестьсот. Погиб только один рыцарь, да и это считалось крупной потерей. Правда, сколько полегло простых воинов — никто не считал, да и зачем — простых набрать и снарядить проще простого. Простых везде как мух. И берутся откуда-то сами, как мухи.

— Похоже, — признал я, — леди Клаудии придется туда.

— Не просто туда, — сказал Гунтер с удовлетворением.

Я молчал, стараясь врубиться в ситуацию, но в голове пусто, ведь женщины и мысли вместе не приходят. В жизни обманывают только три вещи: часы, весы и женщины, видимо, этот Конкейн решил ответить на обман чисто по-мужски. Вроде бы и нехорошо так поступать с женщиной, все-таки слабый пол, но если этот слабый пол вздумать играть по правилам сильного, то что ж...

Зигфрид быстрым взглядом окинул расположение трех бушетов, количество всадников.

— Ей не выстоять, — произнес он. — Не знаю, что у нее за колдовство внутри замка, но отсюда ее замок разнесут по камешку.

— Не за одну неделю, — предположил я.

— Да хоть за год, — сказал он. — Насколько я слышал, у нее нет друзей?

— На помошь никто не придет, — подтвердил Гунтер злорадно. — Она всегда держалась от всех в сторонке. Все-таки... гм... колдунья, а здесь земли христианские...

— Зря не вышла замуж, — сказал я. — За кого-нибудь из соседних лордов. Или за дальних — неважно. Воинская мощь колдовству не помеха.

Гунтер хмыкнул.

— Иногда женщина не может найти себе мужа потому, что пьяные ей не нравятся, а трезвым не нравится она.

— Но она достаточно красива, — заметил я.

— Да, но колдуний у нас боятся... А ж говорю, что только по пьяни, когда ничего не страшно...

Даже в этом мире, мелькнула мысль, где еще не установлены общие законы, а всякий феодал вводит свои, существует все же некая база, которой придерживаются все, пусть даже инстинктивно. Одни из таких законов зовутся моральными, это те, которые внутри нас, а другие — житейские, в том числе и такие, что всякий охраняет свой замок, не прочь, чтобы все остальные сгорели синим пламенем, однако же худой мир лучше доброй ссоры, и потому ссора со старым соседом хуже, чем с неизвестным, вторгшимся пусть даже к соседям.

Потому в этом крае, как и везде, сложилось некое равновесие, все следят друг за другом, никто не хочет, чтобы сосед вдруг внезапно нарастил мускулы, захватив замок другого соседа. Не потому, что тот был хороший, а потому, что растолстевший захватчик теперь сможет угрожать и мне...

Авантюрист либо должен пытаться захватить чужой за-

мок с наскока, успеть до того, пока не подойдут с войсками соседние лорды и не заставят снять осаду, либо...

Гунтер повторил за спиной с нескрываемым злорадством:

— Теперь ей точно каюк.

Я вздохнул, окинув взглядом янтарный замок. Солнце чуть изменило угол, и стены заблестели чистейшим золотом. У меня чаще застучало сердце, словно смотрю на дивное произведение искусства.

— Но взять непросто.

— Камней вдоволь, — заметил Гунтер. — И дерева, из которого можно построить еще требушеты.

— А ее колдовство?

— Сюда не достанет, — заверил Гунтер. — Волшебники сильны только у себя, где все камни пропитаны магией. Но и там не спастишь, вон Конкейн привел священника, видите? Тот с тонзурой рассеет все чары. Или хотя бы большую часть.

Я оглянулся на темно-зеленую стену леса. Над вершинами встревоженно кружат птицы, не решаясь опуститься в гнезда.

— Тудор и Кабан в той стороне?

— Да, — ответил Гунтер, — но на помощь не придут, если об этом думаете. А в том березняке сейчас кто-то из людей барона де Пусе. Уж я его хитрые повадки знаю. Смотрят, потом поскачут с донесением к барону.

— Подумал, — признался я. — А что?

— Не придут, — убежденно повторил Гунтер.

— Здесь нет взаимовыручки?

— Только не с колдуньей, — сказал он с отвращением. — До этого она как-то ладила с Галантларом... Даже не ладила, у них была своя война друг с другом, но все-таки колдуны, друг друга поддерживали. А теперь одна. Конкейн просто успел напастить на нее первым. А так бы и Кабан тоже мог бы попытаться, хотя у него сейчас людей хватит только для обороны своего замка, но не для осады чужого.

— Значит, — произнес я, — выполняя в уме несложные

подсчеты, — среди осаждающих рыцарей не больше восьми, это максимум... А вообще будем надеяться на пятерых. А раз однощитовые, то... однощитовые и есть однощитовые.

Я не хотел, чтобы звучало уничижительно, вон Зигфрид тоже однощитовик, но, с другой стороны, Зигфрид так и не сумел нигде закрепиться как сеньор, что тоже черточка к характеру.

Гунтер кивнул:

— Пятерых? Хорошо, но будем готовы и к восьми. Ваша милость, мы последуем за вами хоть к черту в пекло. Но все-таки помните: мы с Ульманом не настолько хороши против рыцарей, как против таких же, как мы сами.

— Теперь ты рыцарь, — напомнил я.

Гунтер выпрямился, глаза сверкнули:

— Я не посрамлю, ваша милость!

— Он не отстанет, — подтвердил Зигфрид покровительно. — Наш Гунтер слишком скромничает.

Я оглянулся, Ульман, Тюрингем и лучники уже подъехали, подозвал Ульмана.

— Видишь вон тех мерзавцев?..

Ульман посмотрел на осаждающих, потом на мой палец, снова на ведущих осаду, выискивая мерзавцев, но, судя по его честному лицу, увидел лишь большой отряд воинов под началом рыцарей, что осаждает замок проклятой Колдуньи.

— Доставайте тетивы, — велел я, — готовьте стрелы. Сейчас проверим, научил ли вас чему-нибудь Гунтер. Ваша задача — поразить как можно больше этих героев, что напали на одинокую женщину. Не старайтесь достать рыцарей, у них настоящие доспехи, только стрелы зря изведете.

Ульман продолжал смотреть на требушеты и людей вокруг них тем взглядом, каким мясник осматривает приведенных на бойню коров.

— Эти луки пробивают и рыцарские доспехи!

— Но не всегда, — поправил я, — и не наверняка. Так что пока бейте всех прочих, у кого в руках оружие. Их вам

сразить проще. А мы постараемся вывести из строя рыцарей.

Он посмотрел на меня с опаской:

— Втроем на пятерых? Это не турнир, ваша милость!.. К тому же там могут оказаться еще рыцари. Мы не видим, кто в шатрах.

Гунтер вклинился в разговор:

— Вот так и нападем?

— А что бы ты хотел? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Ну, я слышал, рыцари бросают друг другу вызовы...

Даже перчатки прямо в морды!

— Обойдутся, — ответил я твердо. — Так на всех перчатках не напасешься! Одну бросишь, а что со второй делать? Кто ее купит без пары? Эти требушетные герои вызов бросали, прежде чем напасть на слабую бедную женщину? Да еще и красивую? Шерше ля фам, то есть на войне, как на войне.

Гунтер и Зигфрид опустили забрала, пальцы на древках копий сжались так, что побелели костяшки. Я за их спинами вытащил из чехла лук Арианта, а когда пустили коней с холма, быстро наложил стрелу.

— Начали!

Стрела исчезла, звонко щелкнув тетивой по кожаной перчатке. Справа и слева треск сгибаемых луков, сухие щелчки, свист стрел. В небо взвился плотный рой и начал расходиться в стороны, пальцы выхватили вторую стрелу, быстро наложили на тетиву, одним движением отодвинул правую руку вперед.

Вторая и третья стрела еще в воздухе, когда моя первая ударила в шлем высокого рыцаря у требушета. Он только-только услышал топот рыцарских коней, обернулся, сдвинулся в сторону, быстро выхватывая меч, я поморщился: стрела пройдет мимо... однако то ли я промахнулся, то ли еще чего, но стрела ударила в то место, которое я держал взглядом.

Сердце стучит часто, чуть не захлебывается, вторая стре-

ла ударила другого, а третья поразила тоже рыцаря. Именно в голову, как я и хотел. В этот момент Гунтер и Зигфрид уже налетели на требушеты, стрелять поздно, я вскочил в седло, конь сразу же ринулся с холма, земля замелькала под копытами, как шоссе на высокой скорости.

Я едва успел спрятать лук и выхватить меч, единорог ворвался в толпу воинов, где свирепствовали Гунтер и Зигфрид. Вдвоем завалили могучего рыцаря, еще одного стоптал мой конь, опрокинув вместе с яростно визжащим жеребцом, следующего я достал кончиком меча по плечу. И тут раздался крик, воины начали опускаться на колени с криками: «Сдаемся!.. Сдаемся!».

— Прекратить! — заорал я во всю мощь легких. — Они сдаются!

Гунтер и Зигфрид опустили мечи, оба тяжело дышат, еще не верят, что получилось так быстро и просто. У обоих помятые доспехи, но чужие рыцари повержены все, потому простые латники с такой готовностью побросали оружие.

С холма торопливо бегут наши лучники. Коленопреклоненными, то есть сдающимися в плен, мы насчитали тридцать человек, на земле стонут и корчатся раненные стрелами, я кивнул пленным, чтобы они сами же занялись своими ранеными, несколько человек с готовностью поспешили им на помощь. Гунтер и Ульман с подозрением осматривали павших рыцарей. Троє убиты моими стрелами, еще двое пострадали от моего меча, живы, но у одного разрублено плечо, второй стонет на земле, ударившись с такой силой, что как бы не сломал позвоночник. Шестой уже не поднимется: Гунтер раскроил ему череп боевым топором, а Зигфрид нанес с правого плеча ужасающую рану почти до середины грудной клетки, вот уж не думал, что рыцарь обладает таким ужасающе точным и сильным ударом.

Я вёл лучникам:

— Возьмите топоры и разрушьте все требушеты!

Гунтер вмешался:

— Проще сжечь, ваша милость.

— Молодец, — одобрил я. — Гунтер, ты не жмись, по-

правляй всегда, когда брякну. А брякнуть можно только дурость, верно?

— Это не дурость, — сказал он смущенно, — просто сжечь быстрее.

— Я и говорю, молодец!

Зигфрид перевернул раненного в плечо, а разбившегося при падении приподнял и усадил, прислонив спиной к огромному валуну. Раненый застонал, с трудом вскинул руку. Зигфрид усадил и его, я соскочил с коня.

— Ну что, орлы, — поинтересовался я, — не выгорело?

Первый рыцарь смотрел на меня затуманными болью глазами:

— Кто вы... сэр? Почему?

Я подошел ближе, смотрит без ненависти, в голубых глазах недоумение и страдание. Кровь все течет, уже не спасти, разве что быстро высвободить из железной раковины, разрубленной моим мечом; и сразу же на стол хирурга.

— Я не считаю правильным нападать на одинокую леди, — ответил я. — Сиди тихо.

Глава 8

Я опустился перед ним на колено, хотел было возложить на железные плечи ладони, заколебался, двое стрелков поняли, мигом сорвали шлем, потные светлые волосы хлынули такой волной, словно передо мной Жанна д'Арк или Ким Бэйсингер. Он зло сверкнул глазами, но я властно опустил ладонь на лоб.

— Терпи, чадо неразумное.

Он дернулся, застыл. Я подержал пару секунд, оглянулся на второго. Зигфрид заботливо придерживает, все рыцари — братья, тот все пытался завалиться в сторону. С него тоже сорвали шлем, я возложил ладонь, ощутил слабость, этого расшибли куда серьезнее, явно срациваю кости и внутренние органы, даже затошило чуточку, перевел дыхание и отступил.

Первый вздрогнул, подвигал руками и шеей, проверяя себя. Медленно поднялся.

— Кто вы, сэр? — повторил он уже со страхом.

— Ричард де Амальфи, — ответил я. — Просто еду мимо, на птичек смотрю. Не скажу, что мы с леди Клаудией друзья... но повторяю, с моих христианских и вообще бо-гоугодных позиций... эх, услышал бы меня отец Дитрих!.. я считаю, что недостойно нападать на одинокую женщину. Я вас вылечил, но вы все еще мои пленники. Не могу оставаться здесь, чтобы вас держать за руки, нам ехать дальше. Так что выбирайте: либо повешу прямо здесь, либо даете клятву никогда не воевать против леди Клаудии.

Они переглянулись, помялись, первый сказал хмуро:

— Глупо лечить от тяжелой раны, чтобы повесить... Но если другого выбора нет, то я даю клятву.

— Как? — переспросил я.

Он вздохнул, взял в правую руку нагрудный крестик и сказал громко:

— Именем Господа клянусь, что если захочу выступить против леди Клаудии, то сперва испрошу у вас освобождение от моей клятвы.

Я подумал, кивнул:

— Логично. Это даже лучше, признаю. А то вдруг в самом деле леди и мне покажет ядовитые зубки... Ну а вы, благородный рыцарь?

Второй посмотрел на первого, сказал совсем желчно:

— На этом кресте Господом клянусь, что без вашего позволения ни словом, ни делом не причиню леди Клаудии вреда. Только на вашем месте, сэр, я бы поостерегся!..

Я спросил с подозрением:

— Чего?

— Сделать женщину счастливой очень легко, — пояснил он. — Только это бывает очень дорого.

Я вздохнул с облегчением:

— Ах это... Учту. На этом и покончим. А то мне, право, совестно брать с вас какие-то клятвы, как будто вы и без клятв не поступили бы именно так, как велит вам совесть

порядочных людей. Мы вас оставляем здесь... В смысле у вас тут дела уже другие, нетребушетные, а мы едем дальше. Пленных ратников связать и отправить под охраной в Амальфи, там решим их судьбу. Думаю, половина, если не больше, восхочет наняться к нам. Кстати, священник куда делься?

Ульман ответил раздраженно:

— Скрылся, как сквозь землю провалился! Да и священник ли? Что-то не верится. Священников люди с крестами на плащах не бьют, так он явно не совсем священник...

Остальные переглядывались, переставали улыбаться. Гунтер напомнил:

— Ваша милость, доспехи!

— Что? — не понял я.

— Доспехи побежденного — добыча!

Я отмахнулся.

— А у нас доспехи не лучше?.. Разве что коней... ладно, собирайте что хотите, только быстро.

Стрелки, быстро обшарив карманы убитых и пленных, собрали монеты и, когда Зигфрид и Гунтер осмотрели и отобрали двух коней, уже сидели в седлах. Гунтер с жалостью оглянулся на сказочный замок.

— Ваша милость, к спасенной даже не заглянем?

— Не приглашали, — напомнил я.

— Так пригласят! Просто не успели.

— А колдовства не страшишься?

Он заколебался, сказал уже нерешительно:

— Но мы же ее спасли! Не станет же...

— Мы поедем мимо и дальше, — ответил я гордо. — Так красивые, понял? Рыцари должны быть красивыми. Умными пусть будут другие, кому они нужны, умники, а вот красивые — нарасхват. А теперь еще и обязательно — сексуальные.

— Истинную правду говорите, ваша милость, — сказал кто-то за спиной подобострастно. — Про умных кто вспомнит, о красивых — поют!

Все в седлах, заводные кони на длинных поводах, стрел-

ки хващаются наперебой, кто кого сшиб с седла, все восторгаются неожиданно быстрой и легкой победой. Лишь двое получили небольшие ранения, даже не раны, а ушибы, да еще Гунтер и Зигфрид выдержали несколько тяжелых ударов. У Гунтера кровь из носа, я хотел полечить, но он воспротивился: мол, уже зажило, а вам, ваша милость, надо поберечь силы.

Мне казалось, что в окнах высокой башни замка поблескивает солнечный зайчик, но вряд ли у леди Клаудии есть подзорная труба... хотя у волшебницы все может оказаться.

Шли на рысях, напрямик не получится, сперва река с обрывистым берегом, потом небольшая пологая гора с не приятным косогором, где не только сапоги стопчешь, но и шею свихнешь.

А когда наконец гора растаяла, как пластилин под жарким солнцем, а река милостиво предложила брод, на другой стороне совсем близко во всей грозной красоте поднялся огромный замок, сложенный очень тщательно из массивных глыб, обработанных с ювелирной тщательностью.

— Замок барона Тудора по прозвищу Глиняный Берег, — объяснил Гунтер почтительно и напомнил: — Все века этой землей владеют Тудоры.

Я придержал коня, с некоторой завистью рассматривая замок, самый классический замок, в классическом понимании. То есть возведен в наиболее стратегически важном месте: на высоком холме, с трех сторон обрывистые склоны, пологий только с одной, рядом река да еще удобная дорога, где веками, если не тысячелетиями, идут караваны. Понятно, что владельцу и его отряду разбойников потребовались кузнецы, оружейники, булочники, кожевники, конюхи, что сперва селились в самом замке, а потом уже и за его пределами.

Теперь это уже целый город вокруг замка. Правда, город еще в том старом значении, когда горожане кормятся с огородов, у них пашни, сады, домашний скот и несметные стада уток и гусей. Пройдут десятилетия или даже века, го-

род разрастется еще, уже сам защитится высокой крепостной стеной, а потом дома станут появляться и по эту сторону стены. Ведь сейчас трудно поверить, но когда-то все население Москвы жило за стенами кремля, который теперь пишем с прописной, чтобы отличать от всех остальных кремлей: ростовских, новгородских, орловских, владимирских... Сейчас Кремль — крохотное пятнышко на территории огромного мегаполиса.

Можно даже сказать, где будет крепостная стена: вон прямо от реки, чтобы заодно отгородиться еще и глубоким рвом, пустив в него реку.

— Молодцы, — признал я. — Верное решение. А у меня не замок, а черт знает что!..

Гунтер посмотрел, возражать не стал, все верно, здесь город под защитой могучего замка и его гарнизона, а у нас, увы, — один замок, города нет вовсе, все деревушки и села живут обособленно, своего сюзерена страшатся едва ли не больше, чем враждебных соседей.

— Здесь барон Тудор, — сказал он так, словно я сразу должен был сказать «ага» и снять шляпу. — Сам он силен, свиреп и бесстрашен, у него под рукой отряд головорезов, что пойдет за ним в огонь и воду.

— А он какие деревни у меня оттяпал?

Гунтер качнул головой, ухмыльнулся:

— Никакие. Он недавно вернулся из долгого путешествия в Скрытые земли. Переведет дух, залечит раны, снова отправится. Наши мелочи его не интересуют.

Дальнозоркий Ульман сказал с тревогой:

— Нас заметили!

— Ну и что? — спросил я. — Мы на своей земле?

— Да, но...

— Что?

— Тревожно как-то. До его замка ближе, чем до нашего.

Я посмотрел на крепостную стену, темные фигурки двигаются, вроде бы указывают в нашу сторону. Ульман что-то говорил, я повернул коня в сторону замка. Гунтер, что неожиданно остался на месте, догнал, с тревогой заглянул мне в лицо. Я вздохнул:

— Надо напроситься к ним на разговор. Этот хотя бы не враг.

— Ваша милость... Но зачем?

— Гунтер, меня тоже интересуют эти Скрытые земли. Он покачал головой.

— Правда? Вы никогда не говорили.

Да, хотел было ответить я, потому что впервые о них слышу, но лишь выпрямился, загадочно усмехнулся и вперил взор в приближающиеся врата. Дорога поднимается, мы выехали на самый верх вала, дальше глубокий ров с темной, но непахнущей водой, довольно широкий, берега обрывистые, не выбраться. Дощатый мост поднят, решетка опущена, на воротах рядом с одинокой фигурой появились несколько человек, я видел, как нагибаются, и даже услышал скрип натягиваемых арбалетов.

Громкий голос прозвучал строго и требовательно:

— Назовитесь, благородный сэр!

Я выпрямился, открыл рот, но Гунтер остановил меня взмахом руки.

— Погодите, ваша милость. Я кое-что слышал про обитателей этого замка... Позвольте мне.

— Вали, — буркнул я.

Он выехал вперед и прокричал непривычно бундючно и напыщенно:

— Благородный сэр Ричард де Амальфи желает выказать почтение благородному сэру Тудору и заверить в дружественных чувствах и желании жить в мире и добрососедстве.

На воротах один из стражников исчез, мы ждали терпеливо, пока приведут старшего, никто нас не ждет, надо посоветоваться с руководством, руководство с еще более высокими боссами: никто не желает брать на себя ответственность, что впустили тех, кого впускать нежелательно.

Гунтер смотрел на замок холодно и бесстрастно, я тоже напустил на себя вид благородного человека, что значит выдвинул вперед нижнюю челюсть и постарался смотреть на все, как глядит верблюд на весь мир.

Минут через десять решетка ворот заскрипела и начала подниматься. Некоторое время ползла вверх, я это видел, но проход оставался закрытым, наконец появились на свет толстые железные штыри в руку толщиной с острыми, как у копий, кончиками.

Мы медленно пустили коней, копыта звонко стучали по брускатке, а на границе ворот звонко ударили по металлу. Я невольно скосил глаза вниз, — в широкой металлической плите, вмурованной в землю и стиснутой булыжниками, чернеют отверстия, откуда вылезли длинные копья решетки.

За спиной решетка опустилась с тяжелым грохотом. Мы остановили коней в каменном туннеле башни, впереди светит залитый солнцем двор, тоже вымощенный булыжником, решетка поднята, лишь зловеще блестят на солнце острые кончики. Если обрушится в то время, когда будем проезжать, нас пронзит вместе с конями.

Со стороны двора показался человек в легких доспехах, помахал нам.

— Доблестные рыцари! Проезжайте во двор. Нет-нет, здесь не сдают мечи на входе. Все остальные пусть заезжают тоже. У нас хватит места, чтобы накормить всех.

Гунтер с облегчением вздохнул, все мы без оружия чувствуем себя почти не мужчинами. Кони охотно вынесли во внутренний двор. Набежала толпа расторопных слуг.

— Мы позаботимся, — сказал один торопливо. — Будут накормлены и напоены. Славный у вас конь, ваша милость!.. Таких, почитай, в этих краях лет сто не видели.

— Конь как конь, — буркнул я. — У вас разве не все такие?

Навстречу вышел пышно одетый дворецкий, старый и дряхлый настолько, что не отходил от дверей, чтобы не рассыпаться от ветра. Проблеял дребезжащим голосом:

— Лорд Тудор а ля Герд, изволит вас, доблестные рыцари, принять в малом кабинете. Следуйте за мной.

Гунтер тихонечко отступил, Зигфрид занял его место, все-таки он рыцарь из рыцарского рода, я ответил дворецкому учтиво:

— Следуем.

— Ваши люди останутся здесь, — предупредил он дребезжащим голосом. — За них не беспокойтесь.

— Что вы, что вы, — сказал я учтиво, хотя на душе за скребли кошки.

На удивление, булыжником вымощена не узкая дорожка, а вся площадь перед донжоном. Дворецкий шел медленно, с трудом, я видел, как хочется остановиться, перевести дух, чуть было не подхватил его под локоть, но здесь такое не принято, и хотя фронтир, но уже четкая граница между господами и слугами, так что топай, Ричард из Амальфи, ты теперь уже не просто Ричард, а Ричард де.

Рядом со мной идет, тоже выпятив подбородок, Зигфрид, а Гунтер увильнулся, остался с лучниками. Распахнулись огромные двери, больше похожие на ворота. Мы вошли, задирая головы, надо выглядеть сурово и внушительно, даже внушающее.

Дворецкий провозгласил:

— Ричард де Амальфи, гость благородного Тудора а ля Герда!..

Люди в одеждах несколько старомодного покроя поклонились, отступили к стенам, давая дорогу. Я огляделся, где же сам хозяин, но дворецкий повел сквозь расступившихся дальше, мы с Зигфридом старались особо не рассматривать обстановку, не деревенщины, но я был впечатлен: замок изнутри куда богаче и значительнее, чем снаружи. Огромный холл, знамена, прапора и гербы на щитах, многие щиты со следами жестоких боев, два вообще расколоты: то ли взяты в боях от знатных врагов, то ли достались как реликвии прадедов, много развшанного по стенам оружия, везде роскошные gobelены.

Лестница повела на второй этаж, я уж подумал, что придется дворецкого вносить на руках, но дед как-то сорвался, поднялся, лишь вроде бы слегка и ненадолго завис на перилах. Мы прошли через анфиладу небольших залов, установленных рыцарскими статуями в нишах. Из стен торчат медные светильники старинной и очень искусной

работы, горят через один, вообще-то зря, из узких окон и так льется достаточно яркий свет.

Мы остановились перед богато украшенной львами, коронами и скрещенными мечами дверью киноварного цвета. Дворецкий перевел дыхание, с трудом распахнул обе половинки и провозгласил достаточно громко, хотя и дребезжаще:

— Сэр Ричард де Амальфи к лорду Устинаксу!

Почему к Устинаксу, успел подумать я, но, повинувшись взгляду Зигфрида, вместе с ним шагнул в помещение, названное дворецким кабинетом. Если не обращать внимание на размеры, это в самом деле кабинет: огромный стол с письменными приборами, старинные шкафы с обилием книг, часть книг на столе, часть стопкой на соседнем столике.

За столом в массивном кресле восседает, глядя строго и неприязненно, совершенно седой, очень старый человек с высохшим пергаментным лицом. Длинные волосы падают на плечи жидкими прядями, плечи покрывает меховая мантия, это понятно, стариков кровь уже не греет, щеки запали, нос крючком, но глаза смотрят интенсивно, в них ни грана старческой немощи, слабоумия.

Дворецкий еще раз провозгласил:

— Сэр Ричард де Амальфи со своим спутником сэром Зигфридом!

Старик несколько мгновений рассматривал нас, наконец сделал небрежное движение дланью.

— Возьми, — произнес он тоже дребезжащим, но тем не менее властным голосом, — сэра Зигфрида и... зайди его чем-нибудь.

Дворецкий вопросительно взглянул на Зигфрида, тот нахмурился, вздернул голову, реагируя на оскорбление, молча повернулся и вышел. Когда дворецкий прикрыл за ними обоими дверь, старик сказал так же ровно:

— Мой сын Тудор, едва вернувшись из дальних земель, сейчас гоняет в лесу какого-нибудь несчастного оленя. Или кабана. В таких случаях замок снова на мне, как было все это время.

Я учтиво поклонился:

— Уверен, что в такие дни он в более умелых руках.

— Умелых в чем? — спросил он.

— В управлении, — пояснил я. — Гонять оленей и воевать можем все, для этого не нужно ни ума, ни умения. А вот управлению нужно учиться долго и старательно. Да и то получится не у всех.

Он некоторое время рассматривал меня из-под снежно-белых бровей, на фоне жидких волос, где просвечивает розовая лысина, брови выглядят заснеженными торосами, наконец милостиво указал взглядом на кресло сбоку от стола.

— Вы можете сесть, сэр...

— Ричард, — подсказал я. — Ричард Длинные Руки.

— Сэр Ричард, — повторил он. — До нас уже дошли слухи, что замок Амальфи поменял хозяина. Не могу судить пока, к добру это или к худу, с прежним хозяином вообще не имели дела. Ни дружбы, ни вражды, что, сами понимаете, уже хорошо в наше время.

Я вежливо наклонил голову:

— Вы совершенно правы.

— А сейчас вы с визитом дружбы?

— Да, — подтвердил я. — Будучи наслышанным о доблести и благородстве сэра Тудора, счел долгом первым за свидетельствовать почтение ему и заверить, что ни в коем случае не хотел бы оказаться ему врагом.

Старый лорд несколько мгновений рассматривал меня молча, а я рассматривал его. Он выглядел как генерал елизаветинской, а то и вовсе екатерининской эпохи, предельно чопорный, строгий, оскорбительно учтивый, но в то же время защищен возрастом и положением, так что я сидел с самым непроницаемым лицом, подпустив в него почтительности, и старался выглядеть предельно корректно, то есть чтобы по моему виду ничего нельзя было понять, угадать, сообразить.

— Раз уж вы сумели справиться с Галантларом, — проговорил он наконец, — то у вас нет нужды страшиться моего сына.

Я улыбнулся как можно правильнее, в меру сдержанно, с точно отмеренной долей почтительности, чтобы не дай бог не показалась угодливостью.

— Я вообще не хочу ни с кем ссориться. И хочу со всеми дружить. По крайней мере, жить в мире. Вот такой у меня миролюбивый нрав.

Он остро взглянул в мое лицо.

— Я слышал, вы повесили молодого Генриха Гунландского, премянника сэра Гуинга Одноглазого. Тот в ярости, уже послал за своей родней. Они прибудут со своими отрядами.

— Встретим достойно, — заверил я. — Я еду-еду не свищу, а как наеду — не спущу. Желание жить в мире вовсе не значит, что дам сесть на шею и свесить ноги.

Он рассматривал меня все так же интенсивно, затем что-то в пергаментном лице изменилось, губы чуть дрогнули в подобии намека на усмешку.

— Странные речи от столь молодого рыцаря... Всяк рыцарь стремится в бой! Добро пожаловать в наш замок, сэр Ричард!.. Не соизволите с нами отбедать?

— Сочту за честь, — ответил я.

Глава 9

Обед накрыли в большом зале, очень строгом, церемонном настолько, что напоминает церковь, даже костел, только со стен вместо икон смотрят портреты благородных рыцарей, в чертах которых я находил фамильное сходство с сэром Устинаксом. Посреди стола подсвечник с дюжиной свечей, на стенах ровно горят светильники, по комнате плывет аромат восточных пряностей.

Тroe молчаливых слуг появлялись и пропадали бесшумно, вышколенные так, что я начинал чувствовать себя несколько не в своей тарелке, будто время сдвинулось на пару веков назад.

Мы сидели на противоположных концах настолько длинного стола, что, если бы сэр Устинакс попросил меня пере-

дать солонку, я попросил бы привести коня и сел верхом. К счастью, за спинкой его кресла стоят двое молчаливых слуг, за моей, наверное, тоже, не знаю, не оглядываюсь, вертеть головой неприлично.

Сэр Устинакс посматривал из-под снежных бровей, я старался держаться по-рыцарски, кромсал мясо своим длинным ножом, шумно обгрызая мясо с костей и бросал под стол, где тут же появились два пса, однако в чем-то прокололся, хозяин снова улыбнулся чуть-чуть, взор потеплел.

— Как вам мясо оленя, сэр Ричард?

— Превосходно, — отозвался я с энтузиазмом. — Чувствуется, что убито доблестным охотником после долгой скачки по лесу и по оврагам!

Он кивнул.

— Угадали. А отведайте вот это не столь благородное мясо. Это простая телятина.

Телятина таяла во рту, Устинакс понаблюдал за мной с интересом, в глазах пропустило понимание.

— А как это?

— Конечно же, — ответил я, — оно целиком и полностью уступает вкусу мяса зверя, убитого на охоте... но я — паладин, а паладины должны смирять свои желания и вкусы. Потому я заявляю, что благородное мясо красиво убитого на охоте оленя пусть едят более достойные, а я довольствуюсь телятиной. А это рядом гусь, подстреленный вашими охотниками?

— Да, — ответил сэр Устинакс и посмотрел вопрошающе, — но если вы предпочтете птицу попроще...

— Да, — ответил я поспешно. — Устав моего паладинства велит быть проще и ближе к простым людям, которых защищаю со всем смирением и кротостью. Мне бы лучше обычновенного домашнего гуся, откормленного в тесной клетке орехами. Или молодого каплуна.

— А зажаренный в масле из виноградных косточек пойдет?

— Вполне, — сказал я небрежно. — Убитых на охоте жилистых птиц, да еще зажаренных прямо в лесу на углях

костра, пусть едят настоящие мужчины, доблестные рыцари и отважные охотники, а я, не стремящийся к героизму, как-нибудь перебьюсь зажаренным на простой сковороде. Не постыжусь даже посолить, поперчить и посыпать зеленью.

Он кивнул:

— Наши вкусы сходятся. Я допускаю возможность, что с таким соседом мы поладить сможем... при определенных обстоятельствах.

Вышколенные слуги заносили на серебряных подносах блюда с изысканными кушаньями, а не какой-нибудь едой, я еще по нежным ароматам определял, что здесь ценият не только сервировку, но и качество: молодой каплун — просто чудо, мелкие обжаренные пташки тоже таяли во рту, я уже не считал, сколько пожрал их, будто приехал с Крайнего Севера в столицу, все это запивалось пребосходнейшим вином — легким, чистым, с дивным ароматом.

За окном раздался хриплый рев охотничьего рога. Устинакс не повел и бровью, но появившийся дворецкий молча поклонился, словно испрашивая разрешения удалиться, отступил и растушевался за пределами бокового зрения.

Я застыл с наколотым на острие ножа куском сочного мяса.

— Надеюсь, ничего враждебного?

Он скрупульно улыбнулся:

— Сын возвращается с охоты.

Я посмотрел на стол, на хозяина, показалось, что чего-то ждет, спросил осторожно:

— Может быть, его нужно встретить?

Он покачал головой.

— Это необязательно, но... может быть любопытным. Вас проводят, сэр Ричард. А я... подожду сына здесь.

Снова с тем же дворецким спустились во двор в тот момент, когда из-под арки снаружи въезжали рыцари.

Впереди на огромном гнедом жеребце слегка покачивался в такт коню рослый воин с непокрытой головой, короткие седые волосы и такая же короткая седая бородка.

Вернее, седые волосы переходят в такие же на щеках и подбородке, а сожженное солнцем красно-коричневое лицо кажется обрамленным белой шерстью. Тонкая кольчуга блестит, как рыбья чешуя, из доспехов только на плечах стальные пластины да от локтя до кисти такие же щитки, сапоги из толстой кожи в стременах выглядят как влитые, конь идет гордо, в глазах здоровый блеск и желание подраться с другими жеребцами.

За рыцарем целый отряд, шумные и веселые, у многих к седлам приторочены туши косуль, зайцев, но я смотрел с изумлением на Тудора. Он стар, безумно стар, однако в изрезанном морщинами лице столько жизни и веселой ярости, что хватит на весь отряд. Он широко улыбнулся, зубы блеснули странно белые, крупные, неизъеденные, а здоровье исходит не только от лица, а вообще от всей фигуры, как пар из кипящего котла. В то время как некоторые всадники, притомившись, сидят, распустив животы, этот с прямой спиной, едва не привстает в стременах от избытка сил и энергии.

Он лихо соскочил на землю, я поразился легкости движений, снова и снова всматривался в красивое мужественное лицо. Да, много шрамов и шрамиков, но не от падения пьяной мордой на камни: следы от железа ни с чем не спутаешь, а вон та белая звездочка — отметина от попавшей стрелы. Хорошо, морда у Тудора как вырезана из старого дуба, другому бы уже разнесли голову, как переспелый арбуз, а этот отделяется легкими ранами. А может, и серьезными, но, как видно, не потерял ни удачи, ни веселья.

Когда-то белая туника вся в следах ржавчины, кое-где небрежно заштопана. Вообще-то сейчас Тудор мог бы и побогаче одеть, уже не в далеком походе, я по-новому посмотрел на него, вот уж в самом деле пренебрегает красотами. Слуги его отца, лорда Устинакса, одеты богаче, их одежда из чистого льна, а башмаки из хорошо выделанной кожи.

Он краем глаза посматривал на меня, без неприязни, скорее, как на будущего собутыльника. Дворецкий удариł жезлом в каменные плиты пола, сказал торжественно:

— Доблестный сэр Тудор, ваш отец поручил мне назвать имя вашего соседа, Ричарда де Амальфи, который здесь с изъявлениями дружбы. Он со своим другом сэром Зигфридом, доблестным рыцарем, в гостях...

Тудор развернулся и с распростертыми объятиями подошел ко мне.

— Позвольте обнять вас, сэр, — сказал он торжественно. — Говорят, сэр Галантлар в последние годы стал недостойным рыцарского звания, к тому же увлекся чернокнижниками. А по вас сразу видно: настоящий воин, настоящий рыцарь...

Мы обнялись, он отодвинул меня на расстояние руки, всмотрелся в мое лицо. Зигфриду кивнул тоже по-дружески, разговаривал лишь со мной, как один сузерен с другим сузереном.

— Ха-ха, что за кабана встретили за речкой! — сообщил он с веселым хохотом. — Не поверите, сэр Ричард, с сарай размером, а быстрый... куда там оленям!.. Альфакс, скажи, если бы я сдуру не попробовал с мечом, уже жрали бы кабанью печень!

Молодой рыцарь, к которому обратился за поддержкой, сказал с кривой усмешкой:

— Ну так и надо было с копьем.

— А я что говорю? Копьем бы добыл, это так же верно, как и то, что я — Тудор!..

— Но ведь вы, сир, — сказал Альфакс почтительно, — не взяли копье.

— Я ж говорю, понадеялся... Кто ж знал, что это такой кабан? Я думал, просто кабан, а это всем кабанам кабан! Ну просто черт знает что за кабан, просто и не кабан будто, а я даже не знаю, что такое!..

Он похлопал по плечу проходившего мимо оленя на плечах невысокого воина:

— В следующий раз мы его завалим. Гастеринг!

Воин на миг остановился; взглянул снизу из-под туши.

— Вряд ли, сир, — ответил он хрипловатым голосом. — Такого не завалим.

— А вот завалим, — возразил Тудор с воодушевлением.

Он повернулся ко мне, обнял за плечи, повел к дверям замка. — Видишь, сэр Ричард, что за народ?.. Во всем сомневаются, ни во что не верят!.. да мы этого кабана, как... да как зайца!.. А что? Любит ли сэр Ричард благородное искусство охоты?

Конечно, нет, ответил я мысленно. Что за блажь гоняться за беззащитным зверем по лесам и полям, рвать штаны о сучья, когда домашние намного вкуснее, но посмотрел в раскрасневшееся лицо, полное задора и отваги, и ответил, конформист проклятый, как от меня и ждет общественность в лице Тудора:

— Да, конечно! Что может быть лучше для мужчины?

Тудор довольно хрюкнул, а Зигфрид сбоку уточнил:

— Лучше только винные подвалы соседа. Конечно, в перерывах между охотой на оленя и охотой на кабанов.

Тудор захохотал, развернулся к своим, помахал рукой:

— Разделывайте, — распорядился он громовым голосом, — катите бочки вина в зал, готовьте пир!.. А мы с моим новым другом сэром Ричардом отправимся за этим проклятым кабаном и вырвем ему клыки!

Я мысленно ахнул, а Зигфрид сказал с сомнением:

— Сэр Тудор, вы только с охоты!

— Ну и что? — удивился Тудор. — Разве для мужчины охота — не лучший отдых?.. Эй, Чизелло, пусть подадут свежего коня, лучше — Черногривого, мы сейчас же возвращаемся, пока этот проклятый кабан не удалился в другие земли.

Я чувствовал отчаяние — не до охоты, — Зигфрид старался не морщиться, поглядывал на меня осторожно, я поколебался, но дружбой с таким человеком пренебрегать не стоит, видно же, что нрав переменчив, это сейчас я лучший друг, а если откажусь, с такой же легкостью могу стать и самым лютым врагом, что оскорбил отказом и гнусно надругался для святыми чувствами охотника.

Из конюшни вывели моего коня. Оказывается, он и здесь сожрал ясли, потом начал чесаться о каменную стену и частично ее развалил.

— Да, — согласился я с беспокойством, — у него рог чешется. Наверное, кого-то наколоть пора.

Слуги побледнели и попятились.

Через полчаса мы вломились в лес. Я полагал, что оставим коней, а дальше пешком, но Тудор велел остановиться только слугам и ждать нашего возвращения.

Солнечный свет заливает просветы между деревьями, зелень чистая, изумрудная, здоровая, на той стороне поляны листья желтые и оранжевые, но тоже чистые, яркие, как из золота. Косые солнечные лучи широкими полосами падают на траву. Тудор придержал коня, я взглянул в ту сторону, куда он устремил жадный взор, внезапно переменившись в лице.

На той стороне поляны у тоненькой березки девушка в голубом костюме с луком в руке и огромным серым, почти седым, волком у ноги. Оранжевые волосы, как золото, крупными прядями ниспадают с обеих сторон лица, оставляя в тени, я рассмотрел юное и полное жизни девичье лицо, чистое и нежное, самую малость тронутое загаром, как могут загорать только блондинки. Брови вразлет, глаза синие, а губы полные и алые, на груди глубокий вырез, на цепочке крупный синий камень, круглый и блестящий, похожий на гигантскую слезу. От камня на коже голубой отсвет.

Из-за плеча строго смотрят оперенные стрелы, мне показалось, чересчур велики для такой хрупкой девушки. Впрочем, лук тоже великокат, в то же время руки не выглядят мускулистыми, толстыми. Правда, и чересчур хрупкими тоже не смотрятся, а кожаные перчатки на ней из толстой кожи.

Тудор смотрел и смотрел, боясь даже дышать, я тоже замер. После напряженного молчания над головой отвратительно громко затрещали сучья, по вершинам деревьев пронесся крупный зверь, похожий на раскормленную белку размером с леопарда, девушка в голубом напряглась всем телом, готовая исчезнуть в любой миг, но все еще оставалась на том же месте.

— Кто это? — спросил я шепотом.

— Если бы я знал, — ответил Тудор так же тихо, все еще почти не дыша, будто дуновением может спугнуть, развеять видение. — Говорят, местная богиня... но разве они остались после рождения сына Господа Нашего?.. Разве не стали все демонами?

— Плохие стали, — ответил я, — а хорошие... зачем им становиться демонами?

Он спросил жадно:

— Вы в самом деле так думаете, сэр Ричард?

— Конечно, — соврал я с наибольшей твердостью. — Мы хорошими или плохими считаем тех, кто плохо или хорошо относится к вере Господа нашего, но если человек всю жизнь прожил в лесу и ничего от рождения о ней не слыхал?

Он почти всхлипнул, сказал тихо:

— Спасибо, сэр Ричард! Ни от кого я еще не слышал таких животворных слов.

Охотница легонько оттолкнулась от березки, деревцо закачалось, среди зелени мелькнуло голубое, золотые волосы слились с оранжевой листвой, охотница исчезла.

Тудор глубоко вздохнул, ладонь в булатной боевой перчатке поднялась, готовая смахнуть капли пота с лица, но застыла на полдороге. Он прислушался, сказал негромко:

— Кто-то ломится слева.

Его конь, повинувшись движению колена хозяина, послушно отступил вбок, Тудор прошептал:

— Это кабан... мой кабанчик!

Я прислушался, поспешно вытащил меч, хотя с мечом, понимаю, на кабана глупо, надо рогатину толщиной с весло, да к тому же с железным древком, деревянный кабан перекусит, как сухую соломинку.

Тудор вытащил длинный нож с узким лезвием, это умнее, но в другой руке все же меч. Еще я слышал, как он всхрапнул, как бык перед схваткой, прошептал что-то. Надеюсь, молитву.

Треск раздался громче, я смотрел непонимающее, затем

холод прокатился по всему телу: трещат не кустики, трещат и вздрагивают вековые деревья. Топот все громче, внезапно раздался могучий рев, он показался мне львиным, лев умеет так зарычать, пуская звук по земле, что рык становится мощным, как голос могучего дизеля, но тут я сообразил, что это просто-напросто кабан хрюкнул.

— Да что это за... — сказал я негромко и, всхлипнув, умолк.

В полусотне шагов зелень распахнулась, словно разорванная рукой великана кисея. На прогалине появилось нечто темное, похожее на зубра, разве что раза в два крупнее, массивнее.

Я застыл, не веря глазам: голова кабана занимает половину туловища, а весу, пожалуй, будет раза в три тяжелее. Чудовищные клыки размером с наши мечи, пасть похожа на адскую печь.

Напряженную тишину прорезал ликующий вопль Тудора:

— На этот раз не уйдет!

Я ахнул, вышколенный конь Тудора бездумно помчался в сторону кабана. Тудор орал и заносил руку для разящего удара.

Кабан с разбега мотнул массивной головой. Конь с Тудором взвились в воздух, словно подброшенные катапультой. На высоте верхушек дерева Тудор вылетел наконец из седла, я услышал треск ветвей, но уже не следил за ними: кабан хрюкнул так, что закачались деревья и вздрогнула земля, посмотрел на меня налитыми кровью глазами, наклонил голову.

— Да что же это такое... — пробормотал я в панике. — Такого просто не может быть!..

Кабан нагнулся голову, земля затряслась. Хрустнуло и переломилось, как соломинка, деревцо на его пути, но кабан даже не вздрогнул. Пальцы сами по себе сорвали молот с пояса. Я вскрикнул, поспешно швырнул, держа глазами покатый лоб. Кабан несся, как бронетранспортер на полном ходу. Молот ударил со всей мощью, раздался сухой

треск, словно раздробилась гигантская глыба кварца. Молот понесся обратно, но я уже судорожно давил коня коленом в левый бок. Конь отпрыгнул, туша пронеслась мимо. По раскрытой ладони хлопнуло рукоятью молота, а за спиной раздался второй удар, от которого дрогнула земля.

Чудовище на полном ходу врезалось в стену исполинского дуба в пять обхватов, дуб затрясся, как одуванчик, но кабан упал на бок, ослепленный и оглушенный. Визг раздался такой силы, что у меня ослабели руки и весь я покрылся потом. Конь вздрогнул и запрядал ушами. Я спрыгнул на землю, ноги подкосились, едва не упал, с мечом в руке бросился к зверю. Молот даже не проломил череп, но вмятина есть, судя по всему, кабан оглушен, я подбежал вплотную, лезвие меча с размаха рассекло кожу, но мышцы сопротивлялись, тугие, как не знаю что, не может плоть быть такой плотной, я выдернул лезвие, поспешно выбрал место на шее и воткнул лезвие, держа меч обеими руками.

Кабан завизжал, дернулся, все еще лежа на боку, раздвоенное копыто лягнуло меня с такой силой, что я полетел вверх тормашками.

— Чтоб ты подох, — закричал я в отчаянии, вскочил и, выставив меч, снова бросился к чудовищу, что уже перевернулось на брюхо и пыталось подняться на ноги. Кровь широкой струей плескала из длинного надреза.

За спиной слышался треск. Но я ни на что не обращал внимание, подбежал, снова всадил меч в рану. Кабан завизжал, дернулся, мои руки едва не вывернуло. Я упал, хватаясь за рукоять, кровь залиvalа меня с головы до ног, ступни оскальзывались в горячей крови.

— Держитесь, сэр Ричард!

Голос прогремел, как гром. Хромающий сэр Тудор появился из перемолотых, как под танковыми гусеницами, зарослей, меч в обеих руках, я услышал мощный рев, Тудор вонзил острие чуть выше того места, где прорезал я. Кабан завизжал еще громче, кровь брызнула тугим фантомом. Я оглох и ослеп, меня отшвырнуло, а секундой спустя

спиной влетел в заросли сэр Тудор. Толстое дерево от удара затряслось, посыпались сухие ветки, сучья.

Кабан почему-то не нападал, хотя уже поднялся на все четыре. Я кое-как встал, кабан пошатывается, вот-вот рухнет. Кровь хлещет и хлещет, я по щиколотку в крови, красными горячими лужами впитывается под корни деревьев, сзади рев, это сэр Тудор встал на четвереньки, потом сумел воздеть себя вертикально, сжал рукоять меча и бросился на кабана.

Ему удалось вонзить лезвие в горло, навалился всем телом. Кабан упал, Тудор тоже рухнул, так и лежали, я слышал только хриплое дыхание, затем затрещал кустарник, на поляну выметнулся запыхавшийся Гунтер на взмыленном коне.

— Ваша милость! — закричал он в испуге. — Сэр Ричард, вы ранены?

Я ответить не успел, Тудор заворочался и задыхающимся голосом прохрипел:

— Это... кровь... победы...

Гунтер спрыгнул, я вытер лезвие меча и сунул в ножны. Теплая кабанья кровь проникла во все щели, одежда липнет к телу, гадко и противно, я сделал довольное лицо и сказал утыво:

— Сэр Тудор, поздравляю с победой!

— Сэр Ричард, — немедленно отозвался он, — этой победы без вас не было бы!

— Но вы нанесли последний удар, — возразил я.

— А вы — смертельный, — отпарировал он. — Ладно, не будем спорить, оба поразили чудовище. Такого, сэр Ричард, никто не помнит в наших лесах. Как оно нас, а?.. От моего коня остались только клочья кожи на сучьях дерева.

— Бог вас любит, — ответил я. — Вы же падали с такой высоты!..

Он отмахнулся.

— Я в доспехах. Хотя кровоподтеки будут с неделю. И нога что-то... Но какого кабана, а?.. Эй, как вас... Сэр

Гунтер? Сэр Гунтер, вы уж там распоряжайтесь и моими людьми, поработайте пока мясником.

Гунтер отозвался почтительно:

— С превеликим удовольствием. Мне будет, что рассказать. Такого кабана еще никто не только не разделял — даже не видывал.

Через час двенадцать человек разделяли под его руководством чудовищного кабана. Голову по настоюнию Тудора отделили сразу же и с великим торжеством, продев через шест, понесли в замок. На самом деле не шест, понятно, а бревно с бедро взрослого человека толщиной. Несли двенадцать человек, да и те изнемогли, пока вынесли из чащи к дороге.

Уже на телеге привезли в замок. Голова заняла всю подводу, кони чуяли кровь страшного зверя, храпели и пытались понести, возчики едва удерживали их туго натянутыми вожжами. Тудор разрывался между страстным желанием собственоручно разделать чудовище полностью: порыться в его теплых внутренностях, подержать в жадных ладонях еще живое вздрагивающее сердце, вытащить печень и вцепиться в нее зубами, чтобы мощь убитого хищника перешла в его жилы, но и жаждал поскорее похвастаться великолепнейшим трофеем перед отцом, гостями и соседями.

Гунтер поглядел по сторонам, понизил голос и сказал сильнейшей завистью:

— Везет же этой зверюке!

— Что все-таки прикончили?

— Я о сэре Тудоре, — пояснил Гунтер. — Куда кабану до него по живучести!.. Говорят, в самом деле перенимает силу зверей, печень которых жрет. А еще говорят, что он не совсем человек...

— Как это? — спросил я, но вспомнил о Гуголе, замолчал, а Гунтер пояснил:

— Да иногда бывает, что люди находят утром на пороге дома сверток с младенцем в очень непонятной одежке: то

ли из травы, то ли из тонких звериных жил... Сэр Устинакс и леди Цигилла жили бездетными, у них дети все умирали во младенчестве, так что обрадовались, возвлаждали Бога, приняли и воспитали. Говорят, это работа Лесных, на самом деле дети сэра Устинакса и его жены не умирали, их забирали эти Лесные, а взамен подкидывают своих.

— И часто такое?

— В этих краях такое бывает, — ответил Гунтер, — к тому же иные так маскируются, что до конца жизни их не распознают.

— А зачем это Лесным?

— Это одному Господу ведомо, — ответил Гунтер благочестиво. — Но раз уж допускает, то какая-то цель в этом Божьем промысле есть.

Я задумался, пытаясь представить, кто эти Лесные, почему и зачем такое странный обмен, мысли поползли с межвидового гибридинга до перекрестного опыления, но в это время громко пропели трубы, я очнулся и увидел трепещущие на башнях красные флаги, блеск на широких лезвиях копий и опускающийся нам навстречу подъемный мост.

— Любить так любить, — громогласно провозгласил сэр Тудор, поднимая чашу с вином, — чтобы сердце стучало! Пить так пить, чтобы лежа качало!

Гости дружно взревели, кубки и чаши с радостным звоном столкнулись над столом, щедро орошая каплями жареное мясо. Я тоже совал кубок в общее месиво, надеясь, что прольется как можно больше.

Увы, вино можно не любить, но на таких пирах не пить нельзя. К тому же, как говорится, много пить вредно, а мало — скучно, потому здесь пьют так, будто готовятся к переходу через пустыню в образе каравана верблюдов.

На таких обильных пирах можно и не пить: походил, подышал, закусил, однако пить приходится, выплеснуть под стол или в кубок отвернувшемуся соседу удается ред-

ко, ведь я, как и сам Тудор, — герои удачной охоты, от меня тоже ждут подробностей.

Я пил, ел, то есть закусывал, хотя вообще-то ел, и в промежутках между рассказами про охоту все ломал голову, как подступиться к деликатному разговору о Лесных, о всяких странностях этого мира, ведь сказал же Гунтер, что Тудор недавно вернулся из Скрытых земель, а ведь, кроме него, что-то нет смельчаков, кто бы шастал туда-сюда. А рассказы, что некто побывал там и вернулся, богатый и счастливый, обычно оказываются обыкновенной брехней, вызванной примитивной тягой к необычному.

Тудор отрезал широкие ломти кабаньего мяса, челюсти работали, как жернова, я слышал хруст, треск, довольноное сопение, глаза Тудора горели счастьем и удалью. Я жевал с трудом, мне бы годовалого поросенка, а еще лучше — молочного, но у мужчин должны быть мужские вкусы, тем более у тех, кто хочет заручиться поддержкой отважных соседей, и я жевал, с трудом проглатывал, отрезал новые ломти и с широкой приkleенной улыбкой, от которой уже болят мышцы лица, рассказывал о доблести отважного сэра, что аки лев бросился лоб в лоб на гигантского кабана.

Гости ревели от восторга, поднимали кубки и сдвигали над серединой стола, красное вино щедро плескало через края.

Солнце давно опустилось за края черного как деготь леса, в зале зажгли факелы и светильники, воздух наполнился запахами горящей смолы и душистого масла.

Тудор кивнул слугам, один подбежал ко мне с узкогорлым медным кувшином, позеленевшим от старости. В таком мог бы сидеть джинн, запихнутый туда еще царем Соломоном.

— Сэр Ричард, — обратился ко мне через стол Тудор, лицо его светилось счастьем и радостью, он вскинул наполненный до краев кубок, — не хотите ли отведать самого старого нашего вина?

Не хочу, ответил я внутри себя, улыбнулся широко и протянул кубок, чтобы мне наполнили.

— Единственный раз, когда я ответил, что не буду пить, был тогда, когда я не понял вопроса!

Тудор захотел так, что расплескал вино, а гости вокруг ржали и смотрели на меня как на человека, с которым можно и в разведку, и на турнир, и по бабам.

Глава 10

Лишь на рассвете я с превеликим трудом сумел откастаться от требования немедленно продолжить пир, выбрался кое-как во двор. Легко в веселье, тяжело в похмелье, но я, если честно, и в том веселье чувствовал себя как на экзамене, что, однако, от противного похмелья не избавило.

Вчера я заканчивал пир в дым пьяным, сегодня голова трещит, как лед на морозе. Выговора, однако, нет, с работы не выгнали, а впрочем, кто меня теперь выгонит? Даже не знаю: с одной стороны, хорошо быть феодалом, с другой — освинаю без дисциплины. Я, как и всякий человек, привык, чтобы меня кто-то дрючил сверху, самодисциплина не для интеллигентного человека...

Моя дружина, что пировала с людьми Тудора в нижнем зале, выползает во двор едва живая. Пошатываясь, я направился к конюшне, меня догнал Зигфрид.

— Кто пьянствовал с моей рожей и помял ее? — спросил жизнерадостно. — Сэр Ричард, неужели уезжаем?

— Только похмелье заставляет задуматься о смысле жизни, — ответил я. — Не так ли?

Он подумал, подвигал бровями, но, видимо, до смысла жизни еще недоставало двух-трех цистерн вина, спросил с беспокойством:

— Сэр Тудор не обидится?

— Я скоро лопну, — огрызнулся я. — Паладин я или не паладин? У меня, понимаешь, ограничения. Обет, значит. Я так и сказал Тудору.

— А он поверил?

— Он сам со странностями.

Подбежал конюх, я дал ценные указания насчет своего

коня, чтобы его вывели и оседлали, Зигфрид с сомнением посмотрел вслед конюху.

— Я слышал, что есть кони, — сообщил он, — что жрут мясо. Особенно — человечину. А Тудор поверит, он всему верит...

Я нахмурился, спросил резче:

— Сэр Зигфрид, вы на что намекаете? Что я врал?

Зигфрид запротестовал:

— Что вы, сэр Ричард!.. Я просто говорю, что Тудор — хороший человек. И настолько силен как воин, что может позволить себе такую роскошь, как самому не врать и другим верить. Вы Гунтеру какие-то указания дали?

— Только выбраться живыми.

— Выберутся, — заверил Зигфрид. — Они того кабана перепьют, которого добыли. Ну и чудовище, скажу вам... Не будь Тудор неуязвимым, от него бы одни косточки!..

Я вспомнил, на какую высоту кабан подбросил Тудора, а после падения он всего лишь жаловался на пару ушибов.

— А он правду неуязвим?

— Говорят. Это семейное наследие рода Тудоров. Поэтому их замок за все века не смогли завоевать, хотя здесь проходили всякие армии.

— А если отрезать от подвоза продовольствия?

— Говорят, — ответил Зигфрид уже чуточку неуверенно, — что, если прижмет, Тудоры могут жрать даже землю. Как если бы нам пришлось грызть немолотое зерно... Во всяком случае, все замки захватывали, а их — никогда.

Я пробормотал:

— Тогда я поздравлю себя с большой дипломатической победой.

— Сэр Ричард?

— Я помню, что, перед тем как свалиться под стол, мы клялись друг другу в вечной дружбе и сотрудничестве. Да, вроде бы сотрудничестве. Теперь понять бы, как Тудор это понял...

Конюх наконец вывел моего черного красавца, уже оседланного, конь шел спокойно, ничем не отличаясь от за-

урядного коня. Зигфрид исчез в донжоне. Вернулся с Тудором, тот, к моему облегчению, не обиделся, что отбываю, к тому времени он раскраснелся от выпитого вина и бахвальства, обнял меня на прощание, взял клятву, что еще загляну, у него в дальнем лесу живет странный земляной дракон: огромный, как сарай, выскакивает из-под земли всегда так, что заикой может сделать даже каменного великан...

Я поклялся, что еще приеду, поохотимся, сдерем шкуру с дракона, и мы галопом пролетели по опущенному мосту. Лучники, похоже, пьянствовали тоже всю ночь, Зигфрид и Гунтер держатся лучше, оказывается опыт, но их тоже сейчас забьет любой встречный заяц, так что мы мчались галопом прямо к замку Амальфи.

Правда, не удалось миновать Больших Таганцов, где я повесил этого злосчастного Генриха Гунланского, мы замедлили скачку уже на середине улицы, я огляделся, велел созвать народ и приказал властным голосом урожденного феодала голубых кровей:

— Вон там на околице башня... ладно, остатки башни. Камней раскатилось столько, что на малую крепость хватит. Теперь вижу, почему у вас коровники да свинарники из тесаного гранита!.. Нет, пока не велю их ломать, но если не восстановите башню в самые короткие сроки, то не только коровники, но и дома пойдут на слом.

Они молчали, покорные и напуганные, я ощутил злость, это не то вольное село, где за нашим приближением наблюдали со взвешенными арбалетами, те любому дадут сдачи, выдвинул по-лансеротти нижнюю челюсть и сказал громче:

— Я не могу жить в вашем селе, чтобы защитить вас! И не могу прилетать на крыльях, едва сюда прибудут чужие с оружием. Так что вы должны уметь защищать себя. Хотя бы некоторое время. Как только восстановите башню, пришлю лучников. Они будут кормиться у вас. Кроме того, обучим ваших мужчин владеть составными луками.

Гунтер подсказал:

— Да и вообще кто чем.

— Да и вообще, — повторил я, — кто чем может. Защищайтесь!.. Я снимаю с вас вину за убийство рыцаря или любого, кто вторгнется в ваши владения ради грабежа. Вернее, отвечаю я. Так и скажите городу и миру.

Мы пришпорили коней и погнали в сторону замка. Я старался не слишком вырываться вперед, прислушиваясь к уже привычному стуку множества копыт. По рангу я не могу брать с собой меньше, чем десяток всадников: дело даже не в безопасности, а в умалении престижа. Хотя мне-то понятно, что вооруженный эскор特 берут именно для безопасности, но, чтобы не заподозрили в трусости, правило эскортирования здесь, как и везде, введено в законы этикета.

Когда миновали гору и показался мой замок, солнце поднялось уже высоко, каменные стены постепенно теряют золото и превращаются в серые громады. Мой конь трижды останавливался почесать морду о деревья, а когда миновали мост, подбежал, не слушая удил, и стал теряться головой об угол каменной башни.

Я посмотрел на небо, подумал, что вернулись почти к обеду, а могли бы и раньше, вот такие у меня просторы, как в средневековых германских королевствах, где нельзя было стрелять даже из самых крохотных пушечонок: ядро обязательно упадет на земле соседа.

Челядь разобрала коней, пара стрелков принялась перетаскивать на кухню дичь и широкие ломти, нарезанные из туши удивительного кабана. Во дворе поспешно разожгли костер, это значит, что будут весь день, а потом и ночь жарить мясо и пьянствовать, одни начнут рассказывать о наших подвигах, другие растопырят уши, и даже если все будут говорить, какой вот я удалой рыцарь, то этим словно бы хвалят и себя. Здесь слово «верность» не пустой звук, а прославляя меня, прославляют и себя, так как неотделимы, они — мои.

Я поднялся наверх, помыл руки, ополоснул лицо. Снизу раздались крики, одни встревоженные, другие ликую-

шие. На всякий случай подхватив перевязь с мечом, я бросился во двор.

Люди прижимались к стенам, а посреди двора стоял, широко расставив ноги, мой конь. Он хрюпал, дико вращая багровыми глазами, мотал головой. Черная пышная грива взлетала роскошными волнами.

Все ахнули, что-то черное оторвалось и взлетело в воздух, а потом, описав дугу, ударилось в вымощенный камнем двор с такой силой, что высекло искры. Я рассмотрел черный рог, перевел изумленный взгляд на коня.

— Что с тобой... Неужели?

Из барака выскочил Гунтер, обошел коня по дуге. За ним спешили Ульман и Тюрингем, уже снявшие доспехи, но с мечами в руках.

— Ваша милость, — ахнул Гунтер. — Он... он что, как все рогатые?

Я ответил, все еще не прия в себя от великого изумления:

— Да, как олень или лось... Но как же тогда...

Появился Зигфрид, огляделся, сразу все понял и метнулся к рогу. На лице Гунтера вспыхнуло острое сожаление. За моей спиной кто-то горячо зашептал, объясняя соседу, что если какой охотник в лесу или в горах отыскивает вот такой рог, то может стать богачом. Колдуны и маги охотятся за сброшенными рогами единорогов, надеясь отыскать в них волшебную силу, наделать амулетов и талисманов!

Я с осторожностью подошел к коню, он фыркнул и потянулся по мне теплыми мягкими губами. На середине широкого лба пламенеет свежая ссадина, капли крови собирались в крупные бусины, некоторые ползут, оставляя алые следы, в сторону ноздрей.

— Я тебя люблю, — прошептал я. — Ничего, еще отрастет... А пока потерпи, не расчесывай.

Расталкивая народ, прорычнулся человек, которого я ожидал увидеть меньше всего: маг Рихтер, нелепый в теп-

лом стеганом халате и широкополой шляпе с высоким верхом, сказал мне еще издали:

— Ваша милость!.. Ваша милость!

— Ого, — сказал я, — как это ты так... сразу?

Он чуточку смущился, бросил вороватый взгляд на моих соседей.

— Иногда удается... Ваша милость, нельзя ли рог... для магических нужд?

Я развел руками:

— Рог подобрал Зигфрид, торгуйся с ним. Правда, рог все-таки мой... в смысле с моего коня, а не то, чему лыбящься, потому думаю, что сумеешь получить, если предложишь доблестному рыцарю пару кувшинов очень хорошего вина. Повторяю, очень хорошего!

Он торопливо кивнул:

— Да-да, у меня совершенно случайно на древних пергаментах есть пара рецептов, которые я все еще не соскоблил... Благодарю вас, ваша милость!

— Как думаешь, — спросил я вдогонку, — рог скоро отрастет?

Он оглянулся, задумался, словно из ниоткуда в руках появилась толстая, как сундук, книга, я сразу ее не заметил, а Рихтер уже то пролистывал старые выцветшие страницы, то захватывал горстю и перебрасывал целые главы и разделы.

— Не уверен, — пробормотал он, — ваша милость... Если бы в его родных лесах, тогда отрос бы, а вот здесь...

Я кивнул.

— Понятно, эндемичный вид. Как вон женьшень растет в Уссурийской тайге — женьшень, а в других местах это простые корешки. Или пантокрин только на Дальнем Востоке... Честно говоря, даже не знаю, хорошо это или плохо.

Маг посмотрел исподлобья с немалым удивлением:

— Как? Вы согласны, чтобы единорог лишился рога?

— А что, — спросил я в свою очередь, — превратится в простого коня?

— Нет, — пробормотал Рихтер, — но... так все издали

видят, что едет герой, благородный и неустрашимый рыцарь. Если уж сумел подчинить себе единорога, то, понятно, герой! А без рога это же простой конь... с виду.

Я отмахнулся:

— Это меня не волнует. Я — сама скромность. Да и когда рог растет, он жутко чешется, верно?.. А чесать нельзя — сперва и очень долго это всего лишь мягкий отросток, наполненный кровью... Любое прикосновение — и олень с ума сходит от боли! Нет, пусть уж без рога. Если очень понадобится — съездим в тот эндемичный лес, поедим местной травы...

Зигфрид сказал, прижимая к груди рог:

— Да и, гм, репутация девственника...

Я нахмурился, сказал Рихтеру сварливо:

— Сэр Зигфрид прав. Какому мужчине нравится, когда принимают за девственника?

Коня повели в стойло, появился отец Ульфилла, победно воздел крест и завопил истошным голосом при рожденного оратора:

— Это я окропил его святой водой!.. И это исчадие диаволово превратилось в простого коня!.. А так пришлось бы сжечь на огне, как надлежит со всеми, кто пользуется благоволением Врага рода человеческого...

Он выразительно посмотрел на мои ноги, словно надеялся увидеть раздвоенные копыта сквозь сапоги прекрасной выделки. Я нахмурился, сказал громко:

— Все-все, цирк закончен, хоть главный клоун как раз появился!.. Всем по местам, дважды повторять не буду.

Народ благоразумно рассеялся, никакой лорд не потерпит, чтобы столько челяди болталось во дворе без работы. Конюхи с конем скрылись, отец Ульфилла ожег меня злым взглядом, повернулся и степенно удалился в церковь. Рихтер поклонился и тоже начал пятиться, я остановил его вельможным жестом.

— Погоди. Что насчет заградительной полосы заклятий в подземелье? Установил?.. Мне надо, чтобы всех нарушителей границы в ключья без всяких там прав человека.

Он побледнел и переспросил блеющим голосом:

— В клочья?

— Можно в туман, — сказал я небрежно. — Или в лепестки розы, если ты буддист... в душе. Я прагматик, как все олигархи. Мне важно, чтобы граница на замке, а враги исчезли. А как — неважно. Я не такой уж и общечеловек в душе, как с виду.

Он огляделся по сторонам, но никто не придет на помощь, лицо стало несчастным. Уже пожалел, что выскочил, польстившись на приманку, промямлил:

— Я вообще-то сделал все, чтобы снизу никто не про ник... Все нужные заклятия, все нерушимые и уникальные... Увы, увы...

— Что случилось?

— Ваша милость, не гневайтесь...

— Давай, рассказывай.

— Мои заклятия нерушимы для любых смертных и даже для магов. Однако, простите, против священников мы почти бессильны. Отец Ульфилла тоже спускался в подземелья...

Я ощутил неладное, спросил резко:

— Что он там делал?

— Он... все порушил.

— Что?

— Все мои заклятия, — ответил Рихтер опечаленно, — потеряли силу.

Я раздраженно огляделся. Во дворе по-прежнему пусто, только Гунтер вывел на дальний край лучников, устанавливают мишени. Гунтер поглядывал в мою сторону и, едва я сделал ему знак приблизиться, прибежал тяжелой рысью, придерживая подпрыгивающий на поясе короткий меч.

— Да, ваша милость!

— Пошли кого-нибудь за отцом Ульфиллом, — сказал я. — Но только пусть пригласят, а не ташат за шиворот, как вы привыкли обращаться с духовными лицами. И не надо святого отца колоть сзади пикой, чтобы бежал быстрее, хо-

тя, признаю, это потешно. Эх, вам бы еще банановые корки... Или тортами пошвыряться...

Гунтер сказал бодро:

— Я сам приведу. Он здесь, в церкви.

Я обернулся к Рихтеру:

— Но после того, как отец Ульфилла изломал твои магические ловушки и заборы... он что-то делал?

Рихтер пренебрежительно поморщился.

— Что может этот тупой и грубый человек?.. Бормотал, брызгал водицей, снова бормотал. Я не жду от него толку. Дело священников — спасать души, а обезопасить тела лучше умеют маги.

Отца Ульфиллу если и разыскивали недолго, то явно будили не слишком деликатно. Когда он явился в сопровождении Гунтера, вид у него был усталым, лицо помятое, будто только что собрался соннуть, а ему не дали.

— Патер, — сказал я со всей почтительностью, — по некоторым агентурным данным, хоть и непроверенным, можно ожидать повторения атаки нечисти. Вы какие-то меры приняли?

Он кивнул, глаза с неприязнью окинули меня с головы до ног. Понятно, если бы я зарос, не стриг волосы и ногти, не мылся бы хотя бы пару лет, как делают христианские подвижники, то показался бы ему куда угоднее и благочестивее.

— Да, — ответил он коротко, не в силах назвать меня «сын мой», — я со всей несокрушимой верой в сердце обошел все выходы из подземелья, обошел двор и вообще везде окропил святой водой, прочел молитвы, окурил святым ладаном и велел дворне возжечь свечи и обратить свои сердца к Господу. Это тройная защита, сэр Ричард. Никакая нечистая сила не проломит!

Гунтер вздохнул с великим облегчением, верит священнику безоговорочно, а вера, как известно, двигает горами. Вон как Магомет двигал ими туды-сюды, туды-сюды.

— Лады, — ответил я после паузы, — будем считать вас, патер, ответственным за оборону супротив нечисти.

Он посмотрел на меня исподлобья.

— На все воля Господа, но ни один пособник Сатаны не должен проникнуть через входы, запечатанные именем святого Михаила и архангела Гавриила!..

Я подумал, что между «не проникнет» и «не должен проникнуть» щель шириной с Дарданеллы, но смолчал, обернулся к Гунтеру.

— Вели подать рассолу... да побольше, побольше. День только начинается, а у меня в голове такое...

— Да, — поддакнул Гунтер, — Бог дал день, а дьявол — работу. Но, может быть...

Он замялся, я спросил:

— Что?

— Не лучше ли вина? — спросил он. — Как обычно?

— Если похмелье не лечить, — пояснил я, — оно проходит за один день. Если лечить — за десять...

Он исчез, я посмотрел вслед с мыслью, что потому и клянем дьявола, что работать не любим. В райском саду жили на халаву, там даже штаны были не обязательны.

Глава 11

В покоях я с наслаждением содрал с плеч доспехи, все железо с металлическим грохотом обрушилось на пол. Одно из преимуществ рыцарства, что оруженосец либо сам подберет все и приведет в порядок, либо проследит, чтобы это сделали слуги. Во всяком случае, я не забочусь насчет доспехов: стоит возжелать их одеть или даже надеть — сразу оказываются предо мной вычищенные, надраенные, ремни смазаны маслом, а потертые заменены новыми.

В комнате, которую приспособил под кабинет, я стащил сапоги, швырнул в огобеленную стену. Голые ступни тонут по щиколотку в мягкой шкуре с длинным мехом, из окна льется золотистый свет, из-за него вся комната выглядит погруженной в полумрак.

На отдельном столике лежит, свесив крылья до полу, дивная птица, зовомая хробойлом. Голову тоже свесила, я

потрогал пальцем, качнулась, как маятник. Мертвая, как я слышал, должна вроде бы застывать. А эта либо не мертвая, либо... резиновая.

— Ничего, — проговорил я, — и до тебя доберемся. Вот только-только разгребусь...

Блеснул плазменный свет, комната вспыхнула таким ярким огнем, что даже солнечный луч исчез, растворившись в море огня. Я зажмурился от неожиданности, но и через опущенные веки узнал призрачную фигуру.

Тертуллиан заговорил первым:

— Не удивляйся, Ричард, я... правда, сам удивляюсь, так что и ты можешь... Знаю, вы зрели разрушенную часовню, что уже травой проросла. Мой совет: восстанови ее.

Я отмахнулся:

— Тертуллиан, я уважаю твои религиозные взгляды, но...

— Что не так?

— У меня несколько иной подход. Каждый человек волен общаться с Богом без посредников...

Он вскинул огненную ладонь, за рукой остался ряд призрачных силуэтов.

— Погоди. Я не об этом. Знаю, в твоем мире святость — пустой звук. Но здесь ты мог бы заметить, что святыни обладают некой мощью. И если восстановишь часовню, там на десятки шагов будет свободно от нечисти!

Я всмотрелся в его пылающий облик, похожий на миниатюрную звезду на краю галактики.

— Так ли?

— Ну, крупный враг пройдет, — ответил он с неохотой, — однако чаще приходится драться с мелочью, не так ли? Я думаю, комары тебе докучают больше, чем волки!

Я подумал, развел руками:

— Сдаюсь. Ты прав. Завтра же пошлю каменщиков. Тем более мне это почти ничего не стоит.

Он поблагодарил кивком, свет начал тускнеть, из гаснущего облака донеслось:

— Спасибо, Ричард. Ты увидишь, что это нужно больше тебе, чем мне.

Я смолчал, а потом как будто толкнул кто-то, взглянул на исчезающий силуэт, промяглил нечто, махнул рукой:

— Извини, чуть дурь не ляпнул, не обращай внимания. Так, минутная слабость...

Свет, что уже таял, разгорелся, Тертуллиан возник в прежнем блеске. Огненные глаза впились в мое лицо, прощепти, я ощутил себя червячком, распластанным на стеклышке под окуляром микроскопа.

— Слабость? — повторил грохочущий голос. — Все мы в вечной борьбе прежде всего с собой, а уж потом... Что тебя тревожит?

— Не тревожит, — ответил я с досадой. — Понимаешь, я человек такого мира, где все стараются приспособить, запрячь в работу. Ветер у нас крутит ветряки и носит дирижабли, вода вертит лопасти турбин и... словом, вырабатывает магию... нашего времени, собаки пасут скот, атом взрывает горы и прокладывает дороги...

Он слушал терпеливо, а я все не мог остановиться, ибо остановиться — ляпнуть то крамольное, что засело... нет, пока что зародилось в башке, но я знаю, что такие мысли так просто не испаряются.

— И что же? — спросил он наконец.

Я взглянул в его пылающее лицо и понял, что он видит меня насквозь.

— Тертуллиан, — проговорил я с трудом, — меня унижает и оскорбляет то, что в этом мире есть люди, которые пользуются знаниями... скрытыми от других! Это нечестно... по законам моего старого мира. Я говорю о магии. И хоть убей, но я не считаю, что пользоваться магией — плохо. Другое дело — кто ею пользуется...

Он вскинул руку, прерывая, хотя именно сейчас я вступил на твердую почву и мог бы разглагольствовать в духе общечеловека часами: мол, все зависит от человека, вообще нет плохих наций, террористы не имеют национальности, атомная энергия худо или благо — в зависимости от того, кто ею владеет...

— Погоди, — сказал он, — я понимаю, что тебя гложет.

Более того, зная тебя, могу сказать, что не остановишься. Да-да, будешь и дальше стараться овладеть этим отвратительным знанием и... погубишь душу.

Голос его впервые прозвучал с невыразимой печалью. Я запнулся с ответом, развел руками:

— Тертуллиан, прости... Но это не просто вызов мне, понимаешь? У меня другое мировоззрение. Я продолжаю верить, что все зависит от того, в чьих руках, к примеру, лук со стрелами. Можно охранять овец, стреляя в волков, а можно грабить путников. Так и магия. Она не может быть хорошей или плохой!

Он кивнул, свет слегка померк, а когда зазвучал голос снова, я поразился глубине скорби в нем:

— Ричард, Ричард... Господь да хранит твою мятущуюся душу... Ричард, сама магия на самом деле просто магия, однако на человека, владеющего ею, действует... не могу подобрать слово... как вино на слабого человека!

Теперь уже он запинался, с трудом подбирал слова. Я слушал с недоверием, потом вспомнил о наркоманах, что не могут без дозы.

— Возможно, понимаю, — сказал я. — Да-да, понимаю. Да вот понимаю, и все! У нашего бога, как говорится, тоже были такие же проблемы... Но ты прав, меня уже прет, не остановлюсь. В моем мире знание дороже иной раз власти. Я буду стараться овладеть им... даже если оно и бегает с ярлычком «магия»! Так что скажи прямо: в чем же препятствие? Или надо надевать рясу, или, как маги, — колпак и мантию?

Он помолчал, я чувствовал несогласие, сам подумал, что, может быть, для мага надо какое-то и физиологическое состояние, к примеру — отсутствие половых гормонов, а они у меня вырабатываются ежеминутно, или что-то еще, связанное с возрастом, наконец Тертуллиан заговорил с нерешительностью:

— Препятствие — в вере. Или, чтоб тебе было понятнее, в мировоззрении. Христианство и чудеса — несовместимы.

— А как же плачущие иконы?

Он отмахнулся:

— Суеверие невежественных крестьян. Но когда доходит до официального их признания, Церковь всякий раз мягко ставит под сомнение и... не признает. Ричард, Господь не творит чудеса на Земле, как мелкие языческие божки... Он... сотворил мир!

Последние слова он договорил медленно, странно сдавленным голосом и с таким трудом, словно ворочал гору. Я спросил негромко:

— Но чудеса... были?

— Да, — ответил он с великой неохотой и, как я понял с изумлением, великим стыдом. — Это наша слабость... мы — отцы Церкви, аскеты, подвижники... иногда, только иногда!.. понимаешь, по разным причинам... кто-то ради спасения, кто-то по слабости души...

Я сказал торопливо, сам чувствовал себя неловко, Тертуллиан не должен так стыдиться чисто человеческих стремлений проверить свою мощь:

— Я все понял.

— Не все, — возразил он. — Не пользуйся, Ричард, даже если сможешь!.. Это очень опасно для тебя же. Душа... Ричард, она... есть! И потерять ее очень легко.

— Я понял, — ответил я серьезно. — Опасно пользоваться допингами, наркотиками и чудесами. Опасно для себя. Хоть и... очень хочется. Тертуллиан, я буду очень осторожен.

Он вздохнул:

— Мне кажется, я скоро потеряю тебя, Ричард. У меня такое предчувствие.

— Я буду очень осторожен, — повторил я.

Возможно, мелькнула мысль, это и погубило Галантлара. Христианнейший рыцарь, шел с крестом на плаще, крестиком на шее и верой в правоту и торжество Христа. Он не мог вот так взять и отаться магии, что противна его христианской сути, которую он выжигал огнем и мечом.

А вот чудесам... да, мог. Обладая помимо мускулов еще

и огромной духовной силой, как-то получил доступ... или возможность творить то, что христианенные простолюдины называют чудесами, а проще говоря — магией. Тертуллиан не догадывается, что я очень серьезно воспринял его слова. Я знаю, что такое допинги. Я видел, как сжигали спортсменов, за пару лет превращая в дряхлых стариков.

Тертуллиан кивнул в сторону тусклого окна:

— Начало положено: восстанавливается церковь. Если будешь не рушить их, а поддерживать, то сила твоя, как паладина, будет расти. Ты уже знаешь, что паладин залечивает раны соратников... однако паладины не могли лечить себя, это делали другие паладины. Это мудро, это правильно! Ты стал исключением, когда начал лечить и себя. Понял?

— Увы, — ответил я. — Даже не знаю, радоваться ли?

— Кому больше дано... — сказал Тертуллиан.

— Это я понимаю, — заверил я. — Я прохожу по статье «...в особо крупных размерах». Спросят так спросят!

— Тогда мне добавить нечего, — произнес он невесело. — Разве еще вот что... Мы, adeptы Церкви, можем только создавать. Сколько бы ты ни произносил «разрушься», «уничтожься», «провались», «сгори» и ни желал всем сердцем разрушений или смерти — ничего не выйдет. Магия, которая доступна нам, может только лечить, творить, создавать...

Свет разом исчез, комната стала темной и мрачной. Едва-едва краснеют пятна чадящих светильников, со всех сторон начали подползать нечистые запахи, появление Тертуллиана их выжгло так же легко, как темноту в углах комнаты.

Я рухнул в постель, задумался. Я не тот простак, которому надо объяснять прописные истины христианства. Возможно, как раз понимаю возможности и цели христианства чуточку иначе, чем Тертуллиан. Хотя, конечно, Тертуллиан — отец Церкви, гигант, а я мошка, но я мошка, сидящая на плече этого гиганта, я знаю о христианстве все-таки больше...

Я знаю о других ветвях христианства, знаю о Варфоло-

меевской ночи, слышал про этих гугенотов, католиков, кальвинистов, лютеран, а ведь простой и малодумающий народ не понимает даже такого простейшего иносказания, как случай с Магометом, когда он объявил, что сумеет приблизить к себе гору. Толпы собирались смотреть на такое чудо, Магомет появился и велел горе приблизиться. Гора не сдвинулась, тогда Магомет спокойно сказал: если гора не идет к Магомету, Магомет пойдет к горе.

На самом деле он всего лишь выполнил то, что пообещал: сумел приблизить к себе гору, а еще в иносказательной форме показал простакам, что к любой цели есть разные пути и если один не подходит — ищу другой, обязательно отыщется. Но дурачье просто гыгыкало, уверенное, что хитрый жулик надул лохов. Что ж, каждый понимает в меру своего развития.

Я — понимаю больше. Возможно... Впрочем, Тертуlian подсказал путь, как наращивать свою мощь.

Дверь отворилась, вошла с заставленным подносом в руках юная служанка, золотые волосы заплетены в длинную косу с неизменной голубой лентой, широкий и скрывающий формы тела сарафан до полу, но я успел увидеть маленькие босые ступни.

Вид у служанки был донельзя испуганный, чуть-чуть выступающие над краем глубокого выреза белые нежные полушария часто вздыхают.

— Ваша милость, — пролепетала она, — простите, но... дверь была закрыта! А из-под нее в щель такой свет, такой свет... что я даже не знаю!

Я сел на ложе, проследил взглядом, как она поставила поднос краем на стол, ловко переставляет медный кувшин, блюдо с гречневой кашей и жареным мясом. Отдельно — соленые огурчики в дополнение к затребованному мною рассолу. Крупная грудь, совершенно не тронутая загаром, стыдливо прячется под грубой тканью.

— Тебя зовут Леция? — спросил я. — Помню-помню...

Она вздрогнула, уставилась на меня расширенными глазами.

— Да, ваша милость...

— Не затягивай пояс так туго, — посоветовал я. — Ты хорошая девушка, это даже отец Ульфилла подтвердит... может быть. А если нет, то я скорее его прикажу повесить, чем позволю тебя обидеть.

Она вздрогнула сильнее, отступила от стола, прикрываясь деревянным подносом, как щитом.

— Не понимаю вас, ваша милость...

— Я знаю, — сказал я как можно ласковее, — что у тебя под платьем. И, как догадываюсь, знаю не я один. Так что не трясишься уж так...

Ее большие чистые глаза наполнились слезами. Я быстро встал, обогнул стол и подошел к ней вплотную. Она дрожала и смотрела на меня снизу вверх умоляющими глазами.

Я взял поднос, бросил его в сторону дверей. Леция вздрогнула, когда я взялся за лямки ее сарафана. Взгляд стал диким, она повела глазами, стараясь не упустить из виду того, что я делаю.

— Не трусь, — повторил я, — ты — хорошая девушка.

Плечи ее нежные, не целованные солнцем, тугие лямки сползают с трудом, Леция дрожит, близкая к обмороку, дыхание вырывается частое, веки опускаются, а ресницы трепещут, как крылья вылезающей из кокона молодой бабочки.

Наконец я опустил лямки до локтей, обнажилась грудь. Леция охнула, залилась краской так сильно, что даже запылали уши, а шея стала красной, будто ее ошпарили. Я продолжал опускать края сарафана, словно очищал банан, обнажилась вторая пара грудей, чуть поменьше, а затем и третья, еще меньше, размером с яблоки.

Как и в первый раз, когда я невольно подсмотрел за нею, первая пара с широкими розовыми сосками, вторая — с коричневыми, а у третьей соски почти черные, но, как и у обоих верхних, сейчас на глазах приподнимаются, вытягиваются кончиками.

— Не трусь, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал как обычно, — ты мечта каждого мужчины, а не то, что ты думаешь. Ты — сокровище, тобой каждый бы любовался... и кому-то повезет! Так что не старайся все это богатство прятать себе во вред. Вон след от поясного ремешка, сумасшедшая. Так грудь передавишь. И вообще пояс нужно носить на талии, а не так высоко...

Ее тряслось от ужаса, и я так же бережно и целомудренно поднял края сарафана, вернул лямочки на прежнее место.

— Не трусь, — повторил я уже строго. — Если кто вздумает тебя обидеть, обращайся ко мне. Если меня боишься, скажи Гунтеру!

Она опасливо открыла глаза, быстро повернула голову направо и налево, проверяя, в самом ли деле лямочки сарафана на месте.

— Ах, ваша милость, — прошептала она, — я вся дрожу...

— Тебя это не портит, — заверил я. — А поясок опусти, опусти.

Она покачала головой.

— Это мужчины носят на бедрах, а женщины — под грудью. Я и так... Но откуда вы, ваша милость...

Она запнулась, лицо все еще красное от стыда и смущения, а я сказал как можно более легко:

— Я же паладин, забыла?.. Многие вещи, закрытые от простого смертного, я зрю, как... В общем, зрю.

Она торопливо выскользнула за дверь, на ходу подхватив с пола поднос. Рассол оказался редкостной гадостью, меня хватило только на два глотка. Мясо пошло лучше, а затем, расстелив на другом столе карту, я пытался свести воедино обрывки полученной за поездку инфы. Попытка проехать по кордону мало что дала, к тому же я ее прервал, не побывав на стыке моих земель с землями Вервольфа и Кабана.

Если бы, конечно, не эта дурная охота на кабана да пьяника, успел бы, может быть, объехать все кордоны, но и сейчас убедился: никаких пограничных постов или таможен-

ных терминалов не существует, в чужие земли можно ходить незамеченным. Потому и возникли замки, они не столько для самих феодалов, сколько для крестьян, которым есть куда прятаться.

Замок у меня неплох, всех защитит, но это в случае нашествия, однако от мелких нападений крестьяне должны уметь защищаться сами. Я не только даю феодалье соизволение защищаться от всех, даже от благородных, это любой феодал может в отношении своих крестьян, но если в самом деле думаю о народе, своем, конечно, то надо спешно способствовать самообороне.

Первое, что пришлось сделать сразу, когда перевербовывал Гунтера, Ульмана и других, — снизил налоги, а сейчас, наверное, стоит вообще отменить на неопределенное время. Не потому, что такой уж добрый, но золота в подвалах Галантара с избытком, могу покупать все, что понадобится, а пока что намного важнее наглядная реклама: под новым хозяином жить можно, при нем еще лучше, чем при старом.

А когда запасы золота начнут истощаться, налоги восстановим, а то и приподнимем, чтобы доходы соответствовали расходам, это вроде бы именуется балансом. К счастью, предыдущая власть золота и прочих драгметаллов накопила с запасом. Мне, как при развале СССР, хватит надолго на любую дурь, это уже потом придется браться за ум.

Повеселев, отчасти от возможности выхода, отчасти от рассола, я спустился во двор, где Гунтер — его никакое похмелье не берет — приидирчиво осматривает пополнение. Я подошел, когда он выстроил вдоль стены десяток деревенских увальней — сопят, чешутся, глупо таращат глаза, невпопад кланяются. Ульман, как лучший лучник, принес три композитных лука и объясняет деревенским, в чем их отличие от простых цельных, из которых те стреляют зайцев и оленей.

Я приблизился, окинул взглядом самого здоровенного парня, покрутил пальцем в воздухе, словно размешивал невидимый чай, парняга послушно повернулся спиной, а

потом снова лицом. Крепкий, здоровенный, румянец во всю щеку, а кулаки, как кувалды.

— Хорош, — определил я. — Из лука стреляешь хорошо?

— Не знаю, — ответил он басом. — Не пробовал.

Солдаты заржали. Я нахмурился, поинтересовался:

— Про меч не спрашиваю, как насчет копья?

— Не пробовал, — ответил он угрюмо.

Солдаты заржали громче.

— А что умеешь? — спросил я нетерпеливо.

— Коней люблю, — ответил он. — У меня кони самые чистые...

Ульман сказал весело:

— Когда леди Клаудия вздумает нас затопить дерьмом, будем знать, кого отважно послать в бой впереди всех!

Я махнул рукой:

— Кони тоже должны быть в порядке. Что, если поручим подобрать в соседних деревнях или на ярмарке десяток для наших воинов? Или ты только по крестьянским лошадкам?..

Он то краснел, то бледнел, то гордо выпрямлялся от важности поручаемого дела, то сникал, едва в голову приходила мысля о великой ответственности, сильным мужчинам тоже иной раз хочется спрятаться за женскую юбку, а он явно совсем недавно прятался за мамину.

— Я... — пролепетал он, — я... знаю коней. И они меня знают...

Я не понял, но Гунтер кивнул со смешком в глазах:

— Ваша милость, кони ему верят. Я знаю, такие попадаются. В нашей деревне есть один, с волками разговаривает! Его не трогают, а если пошепчет им, как пролезть к соседу и утащить овцу, обязательно сопрут. А еще говорят, есть такие, даже с рыбами разговаривают...

Я отмахнулся:

— С рыбами потом. Нам нужны кони. Лучники — первый шаг к выживанию. Отbitься еще могут, но догнать разбойников можно только на очень хороших конях. Ты

это учти, помоги парню. А про рыб потом напомни, есть одна идея...

Гунтер кивнул, очень довольный, это же расширяются его силы: вслед за стражниками замка теперь еще и отряды лучников, а впереди создание собственного конного отряда.

Я прошелся вдоль строя, осматривая парней, что уже в отряде, и этих, что могут стать отрядниками. Гунтер двигался рядом, под его взглядом они выпрямлялись, старались выглядеть большими и грозными.

Двое бросились расставлять у дальней стены мишени. Лучники встали на линии, на меня посматривают искоса, готовые показать растущее мастерство.

Все они стреляют из тридцатифутовых луков, я опробовал несколько луков по возрастающей, дошел до семидесятифутового, но чувствовал, что если потренируюсь, то без труда смогу осилить и стофутовый. Акселерация ли виной, или же в самом деле увеличивается не только рост, но и крепость мышцы, количество нервной ткани, скорость и ловкость?

— Композитные луки требуют крепкой руки, — заметил я Гунтеру. — Как у тебя с этим?

— От добровольцев нет отбоя, — заверил он. — А еще троих я посадил, чтобы готовили стрелы специально к этим лукам, ваша милость. Они же на треть длиннее обычных!.. И почти вдвое тяжелее.

Я заметил:

— Зато ветер не сносит. И летят дальше. С луками у нас как? Что-то медленно, медленно...

— Изготовлено полтора десятка! — воскликнул Гунтер. — Куда уж быстрее? И два десятка в полу собранном виде, там особый клей нужен. Стрелы тоже готовят непростые. Вот только такие луки не очень-то для боя в помещении... Если в самом деле попрут из подвалов, то длинным мечом не больно размахнешься, там потолок низкий.

Я покачал головой:

— Гунтер, Гунтер... Мы в замке как-то отобьемся. На-

до, чтобы крестьяне могли отбиваться от мелких шаек разбойников, бродящих троллей, всякого крупного зверя! Ты же видел, даже гоблины начали нападать на скот и женщин, что ходят в лес собирать хворост!

Глава 12

Оставив их с Ульманом муштровать новобранцев, я поднялся на самую высокую башню, там неплохая площадка с небольшим каменным ограждением, так и вижу, как Галантлар обозревал свои владения...

Вон те дальние земли, наполовину заболоченные, хорошо бы осушить, это ж всего-навсего вырыть не самую длинную на свете канаву! Заодно постараться заменить мелких коровенок, похожих на коз, на крупных, что дают молоко ведрами, а не по кружке в день, еще неплохо бы наладить обмен с теми хозяйствами, где овец в избытке...

Рядом послышался довольный смешок. Я вздрогнул, никто не поднимался со мной, прислушивался, не поворачиваясь, и ощущил присутствие, как вот появление Тертуллиана всегда замечаю по свету вольтовой дуги.

Медленно повернулся, в двух шагах от меня, чуть перегнувшись через парапет, смотрит на зеленый простор средней солидности господин. Еще не банкир, но уже и не средневековый ростовщик, а так, предприниматель, в общем. Как обычно, в темном костюме, даже черном, прямые до плеч волосы цвета воронова крыла блестят на непокрытой голове, умное лицо с заостренными чертами задумчиво, но в глубоко посаженных глазах играет одобрительная насмешка.

Он показался мне похожим на Гоголя, даже накидка на плечах та же, в которой Гоголь на всех картинах и даже в памятнике.

— Прекрасно, — произнес он, добавил с чувством: — Прекрасно, сэр Ричард!.. Поздравляю!

Я нахмурился. Если хвалит противник, то где-то у меня промашка, а Сатану все равно отношу к противникам.

И даже не потому, что с детства внушали такое, а вот что-то не нравится, и все. Может быть, все еще потому, что он пытался сразу на «ты», чего не терплю. Или еще из-за какой-то мелочи. А какой, даже сам не могу сказать.

— И что же вызвало такое одобрение Князя Тьмы? — спросил я.

Он обвел рукой окрестности, повернулся к парапету спиной и указал на внутренний двор замка.

— Да практически все. Везде доброта, разве это не дивно в такое жестокое время? Убраны эти ужасные клетки, где томились несчастные... А журавль, на котором людей окунали в дермо? Я всегда смотрел на это с омерзением! А у вас трудятся не из страха перед жестоким хозяином, как было при Галантларе и его предшественниках!

— А почему? — спросил я невольно. Вряд ли кто-то сумеет заставить себя возражать, если хвалят.

— Люди видят, — пояснил он, — что делают не бесмысленную работу. И потому, что за нее платят. Я бы сказал, в вашем замке воцарилась гармония... Да-да, гармония! Самая главная гармония: между хозяином и слугами. Я бы даже сказал, да простите это сравнение, но они чувствуют себя не столько слугами, сколько тоже... маленькими хозяевами.

Я сдвинул плечами:

— Ничуть не оскорбляюсь.

— Правда?

— А почему должно задеть?

— Ну, все стараются держать дистанцию как можно шире между собой и слугами.

— У меня нет комплекса неполноценности, — объяснил я. — Потому не поддерживаю так... искусственно. Если есть авторитет, то он есть. А если нет, то никакой дистанцией не спасешь. Будут за спиной хихикать, придумывать клички, обзывают, а распоряжения выполнять спустя рукава, что и погубило коммунизм. Ну, это я вспомнил о строителях одного величественного и очень амбициозного проекта в моем родном королевстве, простите.

Он с прёжним восхищением осматривал замок. Из мастерских поднимаются сизые дымки, доносится стук молотов, к кузнице подвезли новые вязанки березовых поленьев, они дают самый большой жар, из булочной на тележке отправили горячий хлеб в главное здание.

— Хорошо, — повторил он, — просто замечательно!.. Что вас беспокоит, сэр Ричард?

— Одобрение, — ответил я честно. — Одобрение Князя Тьмы. Сразу начинаешь искать, что же сделал неверно.

Он смотрел пытливо, покачал головой:

— Дважды назвали меня Князем Тьмы не случайно? То, что Тьмы, ладно, но почему всего лишь князем?

Я развел руками:

— Простите, что умалил титул, теперь это понимаю.

— Ничего, не вы первый. Просто подумал, почему столько разных детских обзывалок. Если я князь Тьмы, то кто же царь, король, император, владетелин? Дурь какая-то... И никто даже не задумывается. А я как раз люблюдумающих, все подвергающих сомнению. Если бы я тогда не постарался подбить первого человека на бунт, подумайте, был бы весь этот мир?.. Вся земля оставалась бы пустынной, и только в одном уголочке цвел бы сад Эдема, а в нем жила бы одна пара, Адам и Ева, по развитию ничем не отличающаяся от животных!

По телу прошел озноб, я постарался не показать вида, что меня это ужаснуло, но Сатана, похоже, все понял по моему побледневшему лицу.

— Я бунтарь, — проговорил он, — и все, кто пошел за мной, — бунтари. Нас низвергли на землю, но там мы научили людей пахать землю, ковать железо, строить дома и плотины, приручать животных, плавать по морям и рекам, ориентироваться по звездам... А Церковь противилась всем-всем начинаниям, будь это приручение собак или коней, использование плуга... да-да, представьте себе, сэр Ричард, Церковь противилась, чтобы землю пахали! По словам священника, надо довольствоваться тем, что по воле Божьей произросло само. Если вы помните, именно за это ското-

вод Авель был так угоден моему оппоненту, а несчастный Каин, который пахал землю и защищал взращенные им плоды от стад младшего брата, оказался оклеветан и впал в немилость... Да-да, еще до того, как он, нестерпев постоянных потрав стадами брата своих полей... гм... Да что там пахать землю, взгляните на то, что носите!.. Само понятие одежды подсказано мною, Церковь наконец-то умолкла, но раньше твердила, что раз Бог сотворил человека нагим, тот нагим и должен оставаться!

Он остановился, рассерженный или умело прикинувшийся рассерженным. Все, что говорил, настолько неопровергимо, что я ощутил себя мошкой, пытающейся пробить головой каменную гору.

— Церковь, — проговорил я в затруднении, — всего лишь посредник между Богом и человеком. Хреновый посредник, согласен. И хреновый толмач. Хреновый потому, что чаще всего Церковь сама не понимает, что Бог ждет от человека... Но другие толмачи еще хуже, потому либо вымерли, либо довольствуются составлением гороскопов да прочей хрени для дураков и дур.

Он нахмурился:

— Ах да, вы же позиционируете себя не как слугу Церкви, а слугу Господа!

— Не слуга, — поправил я, — паладин.

— Но именно Господа?

Я покачал головой.

— Не служу ни Господу, ни Дьяволу, ни бабам, имеющим прекрасными дамами. Паладин служит Истине.

— В понимании Церкви?

— Я паладин на своих условиях, — объяснил я сдержанно. — Что-то в моих поступках совпадает с теми условиями, что необходимы для паладинства. А что-то и не совпадает...

Он кивнул, лицо стало задумчивым, глаза слегка потемнели. Опершись о край парапета, обвел взором окрестности, скулы слегка заострились, на миг поджал губы.

— Скажу честно, сэр Ричард, хоть это вас почему-то и

не радует, но ваши взгляды гораздо больше совпадают с дорогой прогресса, по которой я веду все человечество. Вы перестроили жизнь в своем хозяйстве абсолютно по моим планам. Не нравится, что по моим? Хорошо, но ваши полностью совпадают с моими.

Я стиснул челюсти, очень уж победно звучат слова этого, чуть не сказал, человека, похожего на преуспевающего менеджера.

— И все-таки я не ваш человек, — ответил я сдержанно.

Он улыбнулся, развел руками:

— Когда-нибудь вы это признаете, сэр Ричард. И станете выполнять мои прямые указания. Потому что служить прогрессу... вовсе не зазорно.

Отступил, улыбнулся широко, дружески. Легкий хлопок, на кратчайший миг я увидел клок звездного неба, в следующее мгновение взгляд уперся в дальний луг с рассыпавшимся по нему стадом коров.

Он прав, стучало в мозгу. Он прав, и все идет по его предначертаниям. Церковь прямолинейна, а он гибок, вон даже сразу же перестал звать меня Диком, как только я выразил неудовольствие. Теперь только «сэр Ричард» — уважительное и кошке приятно.

Ветер подул холодный, я окунул взглядом простор, слишком все запущено, повернулся и пошел вниз по ступенькам, замечая, как пощербились, вытерлись, искрошились, третья надо заменить немедленно, третью попозже....

Во дворе все те же лучники под могучей дланью Ульмана, слышится его рыкающий голос. Вездесущий Гунтер заметил мое появление и тут же подбежал, к сеньору нужно бегом, как в армии, точно так же надлежит бегом кидаться выполнять высокое указание.

— Ваша милость, — спросил он осторожно, — с вами ничего не случилось?

Голос звучал необычно, я помедлил, всмотрелся в его лицо. Когда и успевает бриться: как всегда — до синевы, темные глаза смотрят настороженно, усы по-кошачьи торчат в стороны, но подрагивают, будто ловят чужие запахи.

— А что, — спросил я, — плохо выгляжу? Сбледнул?

— Нет, — ответил он медленно и с еще большей осторожностью, — просто... ну, когда вы стояли там на башне, вроде бы темное облачко...

— Что, опустилось с неба?

— То ли с неба, то ли там разрослось, но день ясный, и вдруг облачко... Временами даже вас бывало не видно.

— Глюки, — ответил я с небрежностью. — Это у тебя видения, скоро святым станешь.

Он покачал головой, все еще не отводя взгляда:

— Видения посылают не только силы Господа Нашего, но и Врага Его.

Я поморщился, сказал невпопад:

— Знаешь, сегодня готовьте лучников, а остаток кордона осмотрим завтра. Чего сегодня ехать? Только приедем, надо галопом обратно, чтоб успеть до ночи.

Он ответил серьезно:

— Да, ваша милость, ночи здесь... бывают очень неспокойные.

Я осмотрел оружейную, помахал мечами, которые мои умельцы приспособливают из трофейных, бросил пару ножей в деревянную стену: у меня такое неплохо получалось в Срединном королевстве, раздал указания, стараясь не вдаваться в детали, а то вдруг да сделают по-моему.

Летом ночи короткие, а световой день настолько резиновый, что, как говорят в народе, «заря с зарей встречается», то есть не успевает догореть кровавое зарево заката, как тут же начинает разгораться алый румянец рассвета. Мы приехали от Тудора к обеду, уже полдня прошло, а солнце все еще в зените. Вообще-то можно бы успеть... ладно, завтра с утра закончим рекогносцировку моих владений и прилегающих земель.

Герольд не вылезал из людской пару суток. Мне сообщали, что он не столько рассказывает новости и распевает песни, как старается выведать обо мне: кто, откуда, какие цели, что обо мне известно. Я порылся в памяти, вроде бы

ничем себя ни запятнал и ни в чем себя не раскрыл. Выждал, может быть, герольд перед отъездом зайдет поблагодарить за прием, на его месте так стоит делать обязательно: вдруг да придется снова побывать здесь же?

Турнир через три недели, на дорогу — две, так что у меня еще дней семь на обустройство замка, перестройку хозяйства, создание новых для моих людей видов оружия, это о композитных луках, а также хорошо бы установить какую-то систему взаимопомощи феодалов по типу ООН или Варшавского договора.

Мол, нападет какой-то дурак спяну или от переоценки сил, тут же все обязаны приходить на помощь. Чтоб, значит, статус-кво поддерживать. По крайней мере до тех пор, пока я вернусь с турнира. Это две недели туда, две — обратно, и на турнире неделя или две...

Остаток дня даже не заходил в донjon, дыр в укреплении замка отыскалось столько, что уже и сам себе не верю. Если повторится ночное нападение, то кто знает, отобъемся ли так же удачно... Правда, в качестве трофеев доспехи и оружие достались великолепные, теперь мои ребята вооружены до зубов. Лучники упражняются до седьмого пота, я велел челяди, чтобы мастера-лучники ни в чем не знали отказа, да-да, ни в чем, ибо в свою очередь умельцы должны создавать такие луки, чтобы пробивали любые доспехи. Ладно, любые, кроме волшебных, заговоренных, найденных в раскопках, выкованных гномами или кобольдами. Хотя нет, кобольды ковать не умеют, они вроде бы только роют и добывают, хотя, думаю, за тысячи лет могли бы и научиться кое-чему еще, чем только быть сырьевым придатком Запада.

Поздно вечером поужинал среди стражей, охраняющих ворота, чем явно добыл еще очко к рейтингу. Все любят, когда сиятельство нисходит к простому народу и жрет вместе с ним из солдатского котла, слушает их байки, отечески журит, а потом отывает под заверения, что костьми лягут, но не пропустят врага в замок такого заботливого лорда.

Лишил когда не только багровое солнце закатилось за темный лес, но и багровое небо стало лиловым, а потом черно-звездным, я потащился в донjon. Пара светильников освещает нижний зал ярко, без привычного аромата масла, это из тех светильников, что выполняют повеление прежнего хозяина, мой гербовый щит выглядит необычно даже для меня, перемудрил я с этим гербом, перемудрил, теперь вижу...

Чувствуя в ногах свинцовую усталость, я потащился по лестнице на второй этаж, в голове стучит мысль, что с Тудором почти сдружился — прекрасно, но как с остальными, надо бы как-то связаться со всеми, заявить о желании жить в мире и дружбе, но все идеи сводятся к тому, чтобы бросить мессаги по мылу, емеле или пусть даже емэйлом, если такие уж дикие, то эсэмэску, а то и быстро решить все в чате, но этот мир как-то перебивается без устаревшего Интернета, тот остался в далеком дикарском прошлом, а я без Сети жить не могу, человек без доступа к Вебу — это не человек, а некая тля...

И вот эта тля и есть сейчас я... Я вздрогнул, обнаружив, что уже поднялся на этаж и бреду, как лунатик, по неосвещенному участку коридора, светильник мертв, перегорел, наверное. В темноте стена потеряла серый оттенок, однако и чернота постепенно уходит, камни выглядят странно зеленоватыми, слегка прозрачными, каким бывает булыжник после сильного дождя. Я ощутил толчок в груди, отодвинулся от этой пугающей зелени, но и с другой стороны стена такая же зеленая, двинулся как можно ближе к середине, и вдруг слева в стене, именно в стене, что-то шелохнулось.

Я остановился не потому, что восхотел по праву хозяина грозно спросить «Хто там?», просто ноги застыли, как сосульки. И устрашился сдвинуться, чтобы не сломались, как тонкие льдинки.

Из стены пугающе медленно выдавливается лицо, пропадает барельеф, все из того же зеленоватого камня, нет, чуть более серый, лицо крупное, по размерам просто нече-

ловеческое, великанское, но черты людскиe: высокий лоб и красиво изогнутые брови, длинный тонкий нос...

Лицо застыло, перестав выдвигаться, я смотрел, не дыша, каменные веки медленно поднялись, невидящие глаза уставились на меня, даже в меня. Я не различил зрачков, но неизвестный смотрит именно в меня, подсказало то самое седьмое чувство, что подсказывает летучим мышам или рыбам-сонарам. Каменные губы дрогнули, шевельнулись, вздулись складки у губ, высокие скулы стали резче.

Некоторое время неизвестный пытался сказать нечто, каменные губы с огромным усилием шевельнулись, а я, осмелев, сказал тихонько:

— Не слышу... Если можешь, вруби звук.

Губы снова задвигались, но все так же беззвучно. После двух попыток неизвестный умолк, в смысле — перестал двигать губами. Лицо начало вдавливаться обратно. Я чувствовал, что делает это не по своей воле, его именно выдавливает нечто из более враждебного и чужого, может быть даже более плотного, чем камень, воздуха.

Стена стала ровной, отесанные валуны на этом месте такие же, как и на противоположной, мышцы мои, что едва не лопаются от напряжения, расслабились. Я перевел дыхание, вспомнил некстати о черном рыцаре, что с неведомого холма неотрывно смотрит на замок, потом о статуе в замке, что по ночам оживает и разъезжает по дальним краям, еще подумал о той деве из кованой меди, у которой я так бездумно взял тогда посмотреть меч, зябко передернул плечами и сказал вслух:

— Неужели опять ночка будет еще та?..

Собственный голос не придал бодрости, напротив, прозвучал под сводами жалко, как порослячий писк. Хорошо, никто не слышит, перед челядью я должен быть сильным и уверенными, движения четкие, голос громкий, нижняя челюсть вперед, а взгляд... даже не взгляд, а взор — надменный и властный. Словом, человек, которому никто не смеет указывать, а сам знает, что делать с этой экономикой.

В спальню я вошел с молотом на поясе, мечом за пле-

чами, еще раз проверил кольцо на пальце. Разве что доспехи Арианта не напялил, ну что за жизнь в собственном замке: ходить и вздрагивать при каждом скрипе, подпрыгивать при виде каждой тени, шарахаться от обыкновенных при-видений. Скоро в доспехах буду спать, а вокруг постели на-ставлю самострелы.

Глава 13

Раздеваясь, я нечаянно повернулся к зеркалу, вспомнил, что давно не смотрелся, а ведь раньше высматривал каждый прыщик, старательно выдавливая, чтобы не порезаться при бритье, а сейчас скоблю щетину, почти не глядя: если и останется где клок, так я же мужчина, суровый и мужественный.

Исхудал, морда вытянулась, у губ твердые складки, взгляд вроде бы жестче. Что-то еще изменилось, пока не соображу, разве что складка между бровей стала глубже...

Пока всматривался, подсознание уловило нечто, ужас стегнул по нервам животный, безотчетный, меня отшвырнуло от зеркала раньше, чем успел понять, что же там не так, а когда понял, сердце заколотилось еще чаще, дыхание пошло со всхлипами, словно бегу по вязкому болоту.

Мое отражение по ту сторону рамы в станинном красном камзоле, рассстегнутом небрежно, свитер крупной вязки, очень похож на кольчугу, но не кольчуга, и вообще выглядит все так, словно век мечей сменился веком шпаг. На плечах только сейчас я различил нечто вроде пелерины, может быть, спасает от непогоды, но скорее всего — рудимент широких наплечных лат, оберегающих плечи от мечей и сабель.

Я снова поднял потрясенный взгляд на свое лицо, похолодел: двойник торжествующе улыбается. Уж я точно знаю, что мне не до улыбок, а он смотрит с победным оскалом, слегка откинулся назад всем корпусом, чтобы при равном росте все же смотреть свысока.

Холод прокатился до самых внутренностей, я с трудом

выдохнул замороженный воздух, голос вздрагивал, но я пообещал злобно:

— Я сотру эту улыбочку с твоей хари!.. Не сегодня, но сотру.

Меня трясло от непонятной ярости, хотя в этом отражении, возможно, ничего зловещего: могло же быть просто неким подвидом искусства, игры, поэзии или новым течением живописи? Хотя, с другой стороны, даже безобидные компьютерные технологии, предназначенные для развлечений, приспособили же для недобрых дел?

— А теперь, — велел я властно, — отправляйся, урод, в постель. И спи, пока не изволю соизволить проснуться и восхотеть побриться.

Лег, укрылся одеялом, последней мыслью было недоумение: все мы знаем с детства, что такое кривое зеркало в парке аттракционов, но... не настолько же?

Кривое зеркало, повторил я твердо. Всего лишь кривое зеркало.

С этой спасительной мыслью уснул.

Ночка была еще та: после Санегерийи прилетал ее сынок, повеселились и побегали по замку, потом я разговаривал с гоблинами, троллями, домовыми — все это населяет замок с древнейших времен, это они, оказываются, хозяева, а я так, нечто временное, сколько таких приходило с мечами, а еще раньше приходили с булавами, до них же являлись с такими вот странного вида топорами, пойдемте, покажем...

Последнюю фазу сна я укреплял кордоны своих земель, а вынырнул из призрачного мира с мыслью, что граниту между моими землями и владениями Кабана и Одноглазого уже посмотрел, ничего утешительного, хотя бы разделительное болото какое или горная грязь, а так нападающие запросто перейдут реку вброд и вторгнутся без помех. Не забыть бы дать указание восстановить церковь, кстати где она? Вроде бы между селом Савиров и деревней

Куманг, а также рядом с ней на холме развалины могучего замка...

К счастью, село Большие Печенеги и деревня Куманг несколько на возвышении, это чтобы в весенне полноводье дома не заливало, так что чужих всадников заметят издали. Через пару недель крестьяне смогут дать отпор, надо им еще раздать копья и пики, топоры из арсенала. Лучники займут позицию на верху каменной башни, а пикейщики прикроют башню снизу.

И хотя хороший отряд с легкостью сметет оборону простолюдинов, но сам при этом потеряет треть состава, такая перспектива остановит кого угодно. Рыцари обожают сражаться, но даже самых отважных ужаснет мысль, что можно пасть от стрелы простолюдина или под топором дровосека, которым рубил дерева или, упаси Господи, свинью.

По хлопку в ладоши явился слуга, я велел подать воду для умывания и доспехи. Он исчез, а через пару минут молодая женщина явилась с большим тазиком с подогретой водой, следом оруженосец внес доспехи и застыл в ожидании, когда же господину изволится одеваться.

Женщина, что принесла таз, молодая и с большой грудью, роскошной копной волос... я внезапно поймал себя на том, что и у этой крупная грудь, торчащие кончики сосков, хорошо прорисованные губы, а ведь гораздо больше женщин, у которых грудь плоская, и губы тонкие и бледные, и вообще, наверное, на свете гораздо больше умных, чем красивых.

Едва эта мысль пришла в голову, как я вспомнил, что в замке вообще-то полно женщин: старых, молодых, совсем малолеток, толстых и тонких, как тростинки, на кухне заправляет стряпуха, даже при стойке «смирно» виляет мощными бедрами, но я ее не замечаю, так как толста до безобразия, в комнатах часто попадаются девушки-швеи, робкие как мыши и такие же незамечаемо-серые... Ну да, у них сиськи мельче, чем фига младенца, так что понятно, почему мой царственный, а на самом деле здоровый мужской взор скользит дальше, останавливаясь только на та-

ких, у которых и грудь, и бедра при тонкой талии, и масса волос в виде толстой косы или в прическе.

Женщина удалилась, вместо нее в комнату прошмыгнула быстрая, как лисенок, Фрида, в руках огромное полотенце. Она сразу же наткнулась на мой пристальный взгляд, насторожилась.

— Сеньору что-то нужно?

— Пока ничего, — ответил я медленно. — Вот почему я вижу только таких, как ты, Фрида...

Она испуганно вскинула четко очерченные густые брови:

— Почему, сеньор?

— Красивая ты, — пояснил я честно.

Она вспыхнула, засияла, щеки окрасились нежнейшим румянцем, глаза заблестели, пухлые сочные губы приоткрылись в робкой улыбке.

— Сеньору постелить сегодня?

— Сейчас уезжаю, — ответил я с некоторым сожалением. — Не знаю, вернусь ли к ночи... А ты не боишься стереть паладину? Ведь я одним присутствием заставляю криком кричать нечистую силу..

Она замерла, побледнела чуть, прислушалась к себе, робко улыбнулась:

— Сеньор шутит...

Но я видел, что сейчас ей уже хочется убежать из этой комнаты.

— Да, наверное. Беги, тебя ждут.

Она оставила полотенце, исчезла. Я умылся, вытерся, старший слуга смотрел на эту непонятную процедуру с недобрением, дважды перекрестился украдкой, потом уже намного охотнее помог облачиться в доспехи.

Слуги дождались, когда я облачусь, начали вносить на широких блюдах салаты, рыбу, неизменное мясо — разве может быть трапеза для мужчины без мяса! — а в завершение Леция расставила по столу кубки и налила вина.

К завтраку явились Зигфрид и Гунтер: только они допущены к высокой чести завтракать с сеньором. Гунтер — скованный до чрезвычайности, Зигфрид — шумный и ве-

селяй, этот и с императором будет так же острить, шуметь и бросать под стол кости. Кстати, надо собаку завести, а то я какой-то нетипичный феодал. Даже целую свору.

Фрида уже знает мои вкусы: все не только отменного качества, но мясо — нежнейшее, рыба — деликатесная, фрукты отборные. Мясо не подгорело, тает во рту, словно у меня вовсе нет зубов, но я не чувствую стыда и, как вижу, Зигфрид и Гунтер тоже без нареканий жрут, да еще как жрут.

— Где мы еще не были? — спросил я. — Мы добрались только до границ с Тудором, а что дальше?

— Владения Волка и Кабана, — заверил Гунтер. — Ваши земли с Кабаном разделяет ручей, он сейчас вовсе пересох, и потому...

Он виновато замолчал. Я стиснул челюсти. Все понятно, крестьяне Кабана вовсю хорчивают на моей земле, рубят лес, охотятся, а то и начинают распахивать. Еще год другой, и те земли Кабан объявит своими.

— Вели седлать коней, — распорядился я. — Посмотрим, что сможем сделать.

— И сможем ли, — уточнил Зигфрид. Перехватил мой взгляд, развел руками: — Человек предполагает, а Господь...

Гунтер торопливо отпил вина, дескать, позавтракал в полной мере, отбыл с моего разрешения. Когда мы с Зигфридом спустились во двор, там под его присмотром Ульман и Тюрингем отбирали для поездки лучших лучников.

Гунтер оглянулся, сказал вполголоса:

— Ваша милость, но если вздумаете ввязаться в драку, то людей надо брать побольше. Вообще — всех!

— Мы едем только посмотреть, — объяснил я. — Феодализм — это учет, как сказал основатель научного феодализма.

— Но людей брать сколько?

Я подумал, подвигал бровями:

— Гунтер, ты хоть отныне и рыцарь, но все еще и главнокомандующий всеми войсками нашего замка! Сам ре-

шай. Я занимаюсь стратегическим планированием, а ты — тактикой.

Гунтер нахмурился, все предпочитают быть стратегами, потому что стратеги никогда не виноваты. Ульман поклонился, сказал густым басом:

— Можно, конечно, пяток лучников и кого-то из местных, кто хорошо знает лесные и прочие дорожки, но... не мое дело настаивать, ваша милость, но если вы изволите осмотреть кордоны Кабана, то лучше, как я и говорю, взять людей побольше.

Я насторожился:

— Если и ты это советуешь, то дела серьезны, да?

— Просто замок Кабана близко к кордону, — объяснил он уклончиво. — С башен увидят нас наверняка. А если еще и кони оседланы, то сразу же могут выслать... встречу.

— Даже если я буду смотреть на его замок со своей земли?

Он хмыкнул:

— Со своей тоже надо смотреть так, чтобы за спиной блестели доспехи и наконечники копий.

Мне подвели коня, без привычного рога выглядит странновато. Кожа на середине лба уже стянулась, закрывая вчерашнюю рану, конь смотрит кроткими глазами, багровый огонь странно приутигас, будто без рога чувствует себя как рыцарь без доспехов, ковбой без кольта, а я без доступа в Инет. Шумно вздохнул, потянулся, потрогал мягкими замшевыми губами меня за ухо.

Я осторожно коснулся кончиками пальцев места, где был рог. У обычного коня пустяковые раны заживают неделами, у этого же настоящий метаболический вихрь, сам себя лечит почище паладина.

— Все в порядке, — шепнул я ласково, — все в порядке... Никто не будет тебя больше пугаться. Да и на меня перестанут указывать пальцем. Тоже девственника нашли... А надо будет — отрастим тебе рог еще длиннее. Я люблю тебя...

Я заколебался, как назвать это такое огромное и в то же

время такое дружелюбное создание, все прежние клички, которые ему придумывал: Рогач, Черный Вихрь, — кажутся слишком грубыми.

— Мой зайчик, — сказал я. — Мой черный зайчик... Я буду звать тебя Зайчиком, хорошо? Хотя, конечно, бегаешь ты быстрее любого зайца. Может быть, птенчиком? Крыльев у тебя нет, но птиц ты обгоняешь... Ладно, пусть пока будет Зайчик!

Гунтер стоял с вытянутым лицом и опасливо посматривал на зайчика, что на голову выше всех коней и чьи копыта оставляют следы размером с тарелки.

Я обернулся.

— Возьми людей столько, сколько считаешь нужным.

По залитому солнечными лучами двору прошел, низко поклонившись, чтобы я не рассмотрел его глаза, герольд. Капюшон надвинут на глаза, мне с высоты седла видно только острый подбородок.

— Значит, — спросил он глухо и с неясным мне сомнением, — вы участвуете в турнире, сэр Ричард? Так и передать?

— Участвую, — ответил я.

Герольда выпустили через калитку, он исчез, и снова мне почудилось, что исчез даже раньше, чем проскользнул в открытую калитку.

Поворачивая коня к воротам, я подумал, что герольд вел себя как-то странно: его дело оповестить рыцарство, а там уже дело самих рыцарей — ехать или не ехать, а он добивался именно моего заверения, что я там буду, обязательно буду...

Гунтер вскочил на своего поджарого жеребца, по двору слышится бодрящий цокот подков по булыжнику, скрип кожаных ремней и седел, конское фырканье.

Покрикивая, Гунтер указывал, кому за кем ехать и какой строй держать, я выждал, пустил бывшего единорога к воротам. Страж смотрел вопросительно, отворил калитку, я кивнул одобряющее. Хоть я и феодал, но не фига всякий раз отворять ворота, если можно и через калитку, а то пет-

ли перетрутся. Теперь это мой замок, надо быть хозяйственным. Экономика должна быть экономной, как говорил древний законоучитель, самый великий из героев.

Мост красиво выгнулся над жуткой бездной, я постарался оторвать взгляд от клубящегося внизу тумана, спросил, не поворачивая головы:

— Гунтер, но если замок Кабана так близок, то, значит, он не отхватывал у меня... у Галантлара земель?

Гунтер, отвечая, повернулся ко мне всем корпусом, подчеркивая уважительность и подчиненность:

— Абсолютно точно изволили подметить, ваша милость! Кабан, то есть сэр де Трюфель, несмотря на лютость, единственный, кто почти не оттяпал деревень у господина Галантлара. Ну, если не считать Тудора. Тот уж точно ничего у вас не отрезал...

— Тогда, может быть, с Трюфелем можно как-то подружиться?

Он покачал головой:

— Я же сказал «почти», а так деревеньки три оттяпал. Плохенькие такие, бедненькие. Кабан явился полтора года тому из неведомых земель. С ним десяток головорезов, самых подлых людей на свете, которым резать младенцев — одно удовольствие. Его замок раньше принадлежал благородному сэру Магнусу Тихому, владельцу земель, но Кабан захватил всех врасплох, убил его самого и всю семью. Спаслась только дочка, загостила у соседей. Кабан вырезал гарнизон и засел хозяином. Все ждали, что попирит и уйдет, но то ли старость почувствовал, то ли в самом деле захотелось осесть, но вот уже второе лето владеет замком. Первый год пировал, грабил своих же крестьян, насиливал и распинал на воротах замка, только недавно сообразил, что это его же овцы...

Я выслушал, кивнул:

— Понятно, теперь сообразил, что пора расширяться. А от него неприятностей будет больше, чем от Крысы или даже Одноглазого, так?

— Боюсь, что так, ваша милость.

— Сэр Ричард!

— Простите, ваша милость, сэр Ричард.

Кони бодро неслись по каменистой местности, затем звон подков перешел в сухой стук, наконец увяз в шорохе и шелесте сочной травы. Верхушки хлещут в подошвы, упрятанные в кованые стремена, в сторонке зазывно блеснул игривый ручей, но тропка повела к приближающемуся лесу.

Гунтер оглянулся на Зигфрида, тот едет сзади, увлечен разговором с Ульманом, спросил, понизив голос:

— А это правда... что сэр Зигфрид всегда готов драться за леди Кофанну? И что ни с одной женщиной никогда...

— Правда, — ответил я серьезно. — Рыцари — это люди чести и слова. Я сам знал одного, он как-то говорил одной красавице: «Если ты мне откажешь, я умру». И она... жестокая, отказалась.

Гунтер вздохнул, спросил:

— И он... умер?

— Ну да, — подтвердил я. — Через шестьдесят три года.

Он кивнул, потом отшатнулся, посмотрел обалдело, глаза оловянные. Потихоньку отстал, подъехал к Зигфриду и начал расспрашивать, что это за метод такой воспитания, о котором говорит сэр Ричард: кнута и пряника?

Зигфрид, не смущаясь, объяснил, что это когда воспитуемому заталкиваешь пряник в задницу и кнутом по ней, кнутом.

Мне показалось, что едем в другую сторону, подозревал властным движением длани Гунтера. Гунтер, уже несколько дней как рыцарь, тут же оказался рядом со своим: «Что угодно вашей милости?»

Я скривился, но поправлять не стал, а то забуду, что хотел сказать, кивнул на зеленую в солнечных лучах стену леса:

— Едем верно?

— Верно, — ответил он бодро, чересчур бодро.

Ко мне и так начинают присматриваться как к человеку, который читает мысли и вообще видит всех насквозь: очень уж люди здесь простые и не умеющие скрывать чувства и мысли, а у меня, как у всякого из усложненного технологичного мира, сенсоры отточены, я сказал спокойно:

— Гунтер, не бреши. От чего-то оберегаешь, понимаю. Но я не дитяtko тупое, неразумное.

Он поерзal, седло протестующе заскрипело. Взгляд, который Гунтер украдкой бросил на подъехавшего Ульмана, говорил: вот видишь, ему лучше не врать, он все видит!

— Ваша милость, — сказал он понуро, — мы приедем куда задумали, но только обогнем одно проклятое место!

— На моей земле? — спросил я и подумал, что брякнул глупость, мы же не собираемся заезжать на чужую. — Эх, Гунтер!.. Да это же как тряпка на быка. Красная тряпка на молодого и дурного быка.

— Ваша милость, но вы же не бык?

— Мужчины все быки, — ответил я, — в некоторых случаях.

Над верхушками деревьев пролетела крупная птица, так показалось, затем почудилось, что летит человек. И хоть я тут же усомнился: люди не летают, а с такого расстояния проще принять за крупного орла или за птеродактиля, даже за мелкого дракона, но нечто очень человеческое... даже не знаю, во взмахах ли крыльев, в манере полета или в чем-то еще неуловимом, что отличает человека от всех остальных существ.

— Это что? — спросил я.

Гунтер проследил за моим взглядом:

— Их называют просто летягами. Никто не знает, народ это или же просто уроды.

— Как это уроды?

Он сплюнул в дорожную пыль.

— Иногда рождаются всякие. То руки с перепонками, то тело с шерстью. Говорят, иногда бывают даже с жабрами, но эти всегда мрут сразу. А вот крылатые могут удрачить. Если, конечно, мать спрячет такого ребенка, пока крылья отрастут. Правда, потом саму мать на костер, чтобы не укрылась дитя с печатью дьявола. Но дело сделано...

Из-за наших спин раздался густой голос Ульмана:

— Это уроды и ничто больше. Народ из них не получится. Все равно даже у крылатых дети чаще всего нор-

мальные. Или же тоже с жабрами, шерстью, копытами или тремя глазами.

Они заспорили, я сперва прислушивался, говорят спокойно, так что это не гиблое еще место, потом засмотрелся на лес, наконец в уши ворвался злой голос Ульмана:

— Дурень, от собак — собаки, от кошек — кошки, от коней — кони! Если бы от крыланов крыланы всегда — тогда народ, а если иногда, то уроды!

Резонно, подумал я. Интуитивное понимание законов природы. Вот так же древние греки додумались до атомарной структуры вещества, измерили диаметр Земли, вычислили расстояние до Луны и Солнца, мастерили игрушечные паровые машины, пользовались совершеннейшей оптикой. А если вот так же кто-то нащупает путь, как усилием воли управлять силовыми полями или холодными термоядерными реакциями, то это и будет стопроцентной магией.

Вообще, по словам Гунтера, уродов бывает так много, что крестьяне рассказывали, будто видели драку вервольфа с вампиром. А то и целых стай вервольфов с вампирами. Правда, чем больше выпито у камина холодными зимними вечерами, тем больше вервольфов дерется с вампирами, но то, что говорят об этом упорно, само по себе знаково. Значит, этих мутантов достаточно, если в одной экологической нише такие разные bestии.

Задумавшись, я вздрогнул от крика одного из лучников:

— Дракон!.. земляной дракон!

Я инстинктивно задрал голову, в небе только пара баранистых, даже овечистых облачков, летун исчез, а впереди на тропку выполз... самый настоящий крокодил. Разве что очень уж огромный, но кто знает, какие они на воле, я видел только худосочных в зоопарке.

Двое лучников схватились за оружие, Гунтер бросил резко:

— Оставить!

— С дороги не уйдет... — возразил один из лучников. — Прямо баран какой-то.

— Стрелами шкуру не пробить, — бросил Гунтер, — а в глаза вам не попасть, руки еще кривые.

Он с надеждой посмотрел на меня. Все нарушено, подумал я. Ну не могут крокодилы жить в средней полосе. Там, на юге, — да, но в европейских реках крокодилы немыслимы. А здесь что-то стяслось... То ли в старину генетики побаловались, приспособливая, то ли, скорее, что-то более... да, более. Это я хватаюсь за спасительную мысль насчет генетиков, все объясняю своим неандертальским умом, а на самом деле с крокодилами и некоторыми странными смещениями... намного более странными, вполне могло быть что-то «более», да, «более».

Крокодил замер посреди дороги, огромный, как крестьянская телега, привстал на передних лапах. Непомерная пасть раскрылась навстречу лошадям. Под Гунтером и Ульманом, что выехали вперед, загораживая сеньора, то есть меня, кони захрипели и начали приседать, как гигантские кенгуру.

Гунтер сказал просительно, не отрывая взгляда от крокодила:

— Сэр Ричард, а не шарахнете ли своим богопротивным молотом?

— Богопротивным? — переспросил я.

— Ну да. Крокодил тоже богомерзкое создание. Его дьявол создал!

— Да это же редкость, — пробормотал я неуверенно, но пальцы нащупали молот. С другой стороны, в этом мире еще или уже не знают проблемы сохранения видов. — С другой стороны, нечего коней пугать... И дорогу старшим уступать обязательно.

Молот вылетел, как засидевшийся сокол, залопотал рукоятю по воздуху. Сухой глухой удар, крокодила отшвырнуло по дороге шагов на пять, череп вдрывг, тело некоторое время еще дергалось, перевернулось на спину, солнце заиграло на плоских квадратиках белого пуз, к бокам зеленоватого.

— Хороший у вас молот, — произнес Гунтер с глубоким уважением. — Его бы к священнику, чтобы святой водой окропил, да боязно...

— Почему?

— А вдруг не станет сильнее, а напротив — чары потеряет? — ответил Гунтер рассудительно. — Хоть и орудие дьявола, но побило же его порождение? Когда черти дерутся, выигрываем мы, воины Христовы.

Последнее он произнес тихо, поглядывая на меня с со мнением. Кони обошли крокодила по дуге, крупный экземпляр, метров двадцать в длину, в зубатой пасти поместилось бы половина лошади. Ничего необычного, мутантного: крокодил как крокодил. Только и всего, что здесь не Бенгалия.

А вообще-то начинается, подумал я. Наверное, это и есть Гибкие земли. Конечно, если все ограничится крокодилами или павлинами — то терпимо. Пусть даже кенгуру скачут.

Глава 14

Конь Гунтера фыркнул, запрядал ушами. Слева от дороги в чаще послышался треск. Стрелки мгновенно натянули луки, в руках Гунтера заблестел топор с широким лезвием.

Ульман, прислушавшись, крикнул весело:

— Медведь!.. Спугнули бедолагу...

Он остановился в чаще, возвышаясь головой и плечами над зелеными ветками кустарника. Любопытствуя, я пустил своего единорога в ту сторону, все понятно, в бесконечность тянутся непролазные заросли малинника, трава не просто смятая, а втоптанная в землю, нажратый медведь здесь и спит в ожидании, когда к утру созреют новые гроздья малины.

Лучники, не покидая седел, с удовольствием рвали налитые соком крупные ягоды. Я осматривался, странное чувство овладело мной, ощущалось нечто знакомое, но само чувство оформить в мысль не мог, глупо таращил глаза на гогочущих людей, что отпускали шуточки по поводу медвежьей болезни, все старался сообразить, что же такое знакомое в этом лесу, вернее, в этом малиннике...

Сам по себе малинник невысок, обычно в неухожен-

ном месте, куда не достигает рука садовника, вырастает выше человеческого роста, даже выше человека на лошади, а здесь всаднику на уровне стремени, ни один стебель не выше, ветви усеяны ягодами одна к одной, все крупные, очень крупные, размером с куриное яйцо, и все такие же одинаковые...

Однаковые, подумал я и постарался уцепиться за эту странность. Обычно ягоды малины, как хорошо помню, размером от булавочной головки до грецкого ореха, хотя такие крупные — уже огромная редкость, но все равно разброс велик, а здесь одинаковые, налитые соком, поспевшие одновременно, не тронутые жуками, гусеницами и другими вредителями...

Постой-постой, что-то я, привыкший к изобилию супермаркетов, принимаю как должное, что на моем столе отборные груши, яблоки, земляника с лесной орех, а клубника с гречкой, кстати, насчет орехов: мне доставляют как волоцкие, греческие, земляные, так и миндалевые, кедровые, хотя, как мне смутно кажется, в Средневековье такого обилия не было. Может быть, я плохо знаю историю, но тогда питание было скучное, многие деревни страдали от голода, а то и вымирали. Но по моим Большими Таганцам или Большими Сверчкам, да и Горелым Пням, как и по тем, где раньше проезжали, признаков недоедания не видно.

Вообще овощи и фрукты даже на самых захудальных и диких огородиках выглядят чересчур отборными, элитными, словно в образцово-показательных совхозах. Нет, даже в образцово-показательных такого еще не было, это пришло только с первых попыток вмешательства в генетику, когда начали, естественно, с самого простого: модифицировали некоторые растения. Сперва ввели ген, чтобы их не жрякали вредители, потом увеличивали размеры, процент сахара, витаминов, минеральных солей...

Сердце застучало чаще, я оглядел малинник по-новому. Такое ощущение, что это дичающий мод. Никто за ним не следит, не ухаживает, и вот за тысячи лет снова возвращается к дикой жизни. Пока еще далек от дикого предка,

чии ягоды были мелкие и несладкие; да и те беспощадно пожирали вредители, но постепенно-постепенно...

Когда выехали снова на тропку, Гунтер вздохнул:

— Еще повезло, что Кабан в постоянной борьбе с Талибальдом. Это барон с южной стороны. К счастью, ваши земли, ваша милость, с владениями Талибальда не соприкасаются...

— Очень силен?

Гунтер вздохнул:

— И силен, и коварен, гад. Если бы не он, Кабан бы все земли господина Галантлара за этот год захватил!.. А так две трети войска держит на границе с Талибальдом. Чуть ли не раз в месяц у них стычки, а раз в полгода то один, то другой пробуют захватить замки друг друга.

Я кивнул.

— А полгода на то, чтобы восполнить людские потери?

— И запастись новыми доспехами. Сражения бывают лютыми, сэр Ричард! Мечи ломаются, панцири вдрывги... Чтобы закупить новые, приходится дожидаться ярмарки оружейников! Там дешевле. Да и выбор больше.

Он говорил и говорил, громко и оживленно, я насторожился и начал осматриваться, даже привстал в стременах. Впереди и слева от направления, по которому едем, нечто подобное темному туману. Как будто там сумерки, деревья и кусты едва-едва просвечивают, а дальше и вовсе ночь. Я вскинул голову, солнце сияет все так же, справа и слева листва зеленеет, трепещет под ветерком, носятся стрекозы и бабочки, но впереди...

Плечи мои сами передернулись, я спросил севшим голосом:

— Это ты из-за этого места отговаривал ехать напрямик?

Гунтер помялся, буркнул:

— Заколдованное место. Гиблое.

— И давно?

— Говорят, всегда было.

Я повернул Зайчика, сзади ругался Гунтер и пытался заставить своего коня приблизиться к гиблому месту, тот

фыркал, дрожал, садился на круп, дико вращал налитыми кровью глазами. Под сумрачным местом трава зеленеет такая же сочная, странное пристанище ночи выглядит мирно, места занимает с просторную поляну, метров семь в диаметре, не так уж и много захвачено под гибельность. Да и подзол здесь, не чернозем, не велика потеря.

— И это все? — поинтересовался я. — Что колдовство — видно, с чего бы клок ночи среди бела дня?.. Но если не вредит...

— Вредит, — ответил Гунтер убежденно.

— Чем? — спросил я.

— Не знаю, — признался он. — Только чую, вредит!

Я двинул плечами и поехал мимо. Гунтер с шумным вздохом облегчения пустил коня рядом, остальные всадники приотстали. А ведь в самом деле вредит, мелькнуло у меня в голове. Унижает человека, привыкшего быть хозяином.

Гунтер покачал головой, лицо оставалось мрачным:

— Волчонок тоже не вредит, пока щенок...

— Чего-то ждешь?

Он снова качнул головой:

— Не жду. Но еще никто оттуда не вернулся. Были такие, что совались... Кто от храбости, кто от дури, кто в надежде на сокровища. Был такой правитель Еланций, привел целое войско и половину загнал в эту вот тьму...

— И никто не вернулся?.. Понятно. Все равно пошли сказки, что там медом намазано, потому и не возвращаются?

— Да... Но все-таки соваться больше не стали. Рассказы рассказами, но народ здесь простой: ждут, когда кто-то придет оттуда, расскажет подробнее, укажет тропку...

Я прищурился:

— И что же, неужели никто?

— Если вы, ваша милость, спрашиваете про ловких людышек, то были такие, были. Но их просто вешали, когда на брехне ловили. Непонятно, зачем врали. Хотя бы прибыль какую... Так нет же, просто мололи языкком. Рассказывали дивные истории.

Я спросил заинтересованно:

— А что же рассказывали?

— Да что в этих пятнах скрывается целое королевство! В десять раз больше нашего. Свернутое, дескать...

— Свернутое?

— Да, так и называли. Да брехня это все. Причем не новая. Я про эти свернутые королевства слышу с детства. Где их только ни находят! Да только пока правды в тех рассказах ни на грош.

Я вспомнил охоту на чудовищного кабана, посмотрел на Гунтера очень внимательно.

— Никто не вернулся, говоришь? А как же Тудор?

Он помялся, буркнул очень неохотно:

— Ваша милость, я говорю про нормальных. А Тудор... он не совсем уж и человек, если на то пошло. А если и человек, то не совсем, а что-то в нем есть и от нечеловека. Хотя, конечно, каждый из нас предпочтет иметь в друзьях такого не совсем человека, чем иного праведного и богоизбранного.

Я подумал, кивнул:

— Да, ты прав.

Гунтер вздохнул с великим облегчением, когда мы объехали заклятое место по широкой дуге. Это сейчас объезжаю, сказал я себе. Придет время, вернусь. И взгляну, что там внутри.

За отодвинувшимся как зеленый занавес мыском леса открылась речушка, в замысловатой петле уютно расположился бревенчатый дом, к моему удивлению — двухэтажный. Он осел почти что на перекрестье дорог, а со стороны реки к нему перекинут довольно широкий мостик.

— Постоялый двор? — удивился я. — В такой глупи?.. Логичнее бы держать в городе. Или хотя бы в большом селе.

За моей спиной Ульман громыхнул:

— Да, что-то нечистое здесь, ваша милость.

Я повернулся к Гунтеру.

— А ты что скажешь?

Он развел руками:

— Ваша милость, я знаю всех в замке, иначе каким был

бы начальником стражи?.. А по землям — не особенно. Это знал Марк, сенешаль, но сейчас у него уже не спросишь.

— Но что-то слышал?

Он снова развел руками, чуть более суетливо, чем следовало, слишком прямо посмотрел в глаза, мол, не брешу, вот не отвожу же взгляду.

— Ваша милость, где я хорошо все знаю, там мы еще вчера проехали.

— Ах да, сюда ты отговаривал...

— Потому что не знаю здешних мест, — ответил он. — А слава у них нехорошая. Поедемте дальше, ваша милость. Мы уже близко...

Подъезжая, мы рассмотрели просторный огороженный двор, небольшую пристройку к дому, в дверном проеме виднеется коричневый круп лошади. Еще до того, как наши кони приблизились к воротам, дверь распахнулась, по ступенькам сбежал немолодой грузный человек, весь заросший ложматой нечесаной бородой, однако коротко подрезанной. Серые, как у волка, волосы падают на лоб, почти скрывая глаза, а борода начинается прямо от глаз, так что из бороды блестят глаза и торчит нос с по-звериному вывернутыми ноздрями.

Он распахнул ворота, поклонился.

— Милости просим, господа!.. Наш постоянный двор к вашим услугам!

Из дома вышла толстая, как медведица, женщина, а за ней выбежала целая куча подростков. Старшие подбежали к коням и ухватились за уздечки, младшие остались на крыльце, рассматривая нас с любопытством.

— Коней накормим, — заверил он, — напоим!.. Если надо, могу даже копыта осмотреть.

— Конский лекарь? — спросил я.

— И кузнец тоже, — ответил он с готовностью. — Все приходится самому.

Дом довольно просторный, сравнительно чистый, много сухой травы под ногами, приятный, но слишком сильный запах, столы из струганых досок выскоблены ножом.

Хозяин быстро оглядел, как мы рассаживаемся, спросил с предельным почтением:

— Что подать на стол, благородные господа?

Все молчали, посматривая на меня, я вспомнил, что первым раскрывать рот мне, я же сеньор, подумал и поинтересовался:

— А что-нибудь фирменное есть?.. В смысле особенное, чего нет у других?

Он посмотрел настороженно:

— Что благородный сеньор имеет в виду?

В голосе звучало что-то еще помимо обычной услужливости и такого же обычного опасения не угодить богатым гостям.

Я отмахнулся.

— Ладно, забудь. Давай лучшее из того, чем кормишь путников. Лучше свежее мясо, чем солонина или вяленое, и хорошее вино, чем слабое пиво.

Он поклонился:

— Как скажете, господин. А что вашим спутникам?

Я отмахнулся:

— В походе все равны. Им то же самое, что и мне. Вот задаток.

Я выудил горсть золотых монет, отделил пару и бросил на середину стола. Хозяин подхватил, с медвежьей грацией поклонился:

— Есть свежий сыр, форель, фрукты...

Зигфрид подумал, сказал важно:

— А я хотел бы три яйца!

Хозяин сдвинул плечами:

— А кто не хотел бы?.. Увы, благородный сэр, птицы уже вывели птенцов, а мы все никак не заведем кур...

— Тащи, что есть, — прервал я, — у всех желудки камни перетрут, так что сожрем все, что приготовлено... хорошо.

— И вина, — напомнил Зигфрид. — Вина — лучшего! И побольше.

— Сэр Зигфрид, — сказал я предостерегающе, — не увлекайтесь. Да не придется вас везти, привязанным к седлу.

— Есть прекрасное алазонское вино, — проговорил с

нерешительностью хозяин, — есть также цинское, небольшой запас вин из Диоса. Но если вы любители молодых свежих вин, то я только вчера получил три бочонка прекрасного вина этого года...

Я кивнул, широким жестом разрешил заказывать доблестным рыцарям и даже лучникам. Какое-то предчувствие не давало спокойно насыщаться олениной, лакомиться форелью и запивать в самом деле нежным вином с богатым ароматом. Наконец, улучив момент, я сказал Гунтеру, что чуть прогуляюсь, провожать не надо, до такого места сам найду дорогу, он поинтересовался подозрительно, до какого, я объяснил, что пойду помою руки, он бесконечно удивился странному ритуалу, тогда я доходчиво объяснил, что подразумевается под этим эвфемизмом, и, оставив всех за столами, вышел из помещения.

Хозяин тут же возник рядом, как будто материализовался из воздуха, во дворе еще больше похожий на циркового медведя.

— Что изволите, благородный господин?

— Просто вышел подышать свежим воздухом.

Он испугался, красный нос побледнел, из-за чего мясистые внутренности ноздрей, заросшие черными волосами, стали заметнее.

— У нас плохой воздух?.. Много дыма?

— В меру, — успокоил я, — в меру. Это что у тебя, подвал?

— Да, благородный господин. Желаете осмотреть?

— Надо, — согласился я. — Если учесть, что я, Ричард де Амальфи, являюсь владельцем этих земель, то я должен знать, что на моих землях, как думаешь?

Его затрясло, он стал меньше ростом, согнулся в поклоне. Взгляд прикипел к маленькому серебряному крестику, что заблестел у меня на груди в расстегнутом вороте рубашки.

— Да-да, сэр... мы наслышаны, что из северных земель явился могучий паладин и... теперь он правит здешними землями.

— А что насчет сэра Галантлара? — спросил я. — Как относились к нему?

Он заколебался, что уже само по себе хороший признак, не бросился уверять, что прежний хозяин был негодяем, а вот теперь пришел красивый и замечательный, я разглядывал его с интересом, наконец, он промямлил:

— Сэр Галантлар... последние годы не выходил из замка. И не интересовался, что в его землях.

Я кивнул, потому в его землях, а теперь в моих, всякой чертовщины больше, чем, скажем, у Крысы или у Тудора, хотя Тудор сам не совсем, как уже уши прожужжали, человек.

По каменным узким ступенькам сошли в длинный и просторный подвал с низким потолком. В углу нечто вроде склада старой мебели, мешки с тряпьем, кипы запыленных кожаных доспехов, немного железных, топоры и пики, с поперечных балок свисают окорока, связки колбас, ветчины, а под стенами ряды бочек и бочонков. Аромат от них ни с чем не спутаешь.

В правом углу с десяток кувшинов, штук тридцать раздутих бурдюков. Заметив мой взгляд, хозяин сказал услужливо:

— Там диосское!.. Ваши оруженосцы и слуги сейчас как раз его...

— ...осваивают, — закончил я. — Неплохое вино, неплохое. А что в кувшинах?

— Тоже вино, но только старое. Начиная от тридцати лет и старше.

— А сколько самому старому?

Он помялся, развел руками.

— Кто знает... Как-то раскопали целый подвал с такими кувшинами, я закупил почти половину. Пока еще не оправдал расходы, желающих на такое редкое вино мало. Вернее, желающих много, но стоит оно очень дорого...

— Сколько?

Он замялся, лицо стало совсем несчастным, сказал со вздохом:

— Разве я могу осмелиться взять что-то со своего хозяина, который позволил... может позволить поселиться на его земле и держать постоянный двор?

Я кивнул.

— Хорошо говоришь. Но все-таки сколько? Сколько взял бы с постороннего?

— Благородный сэр Ричард, для чужака каждый кувшин обойдется в десять золотых монет. Сами понимаете, на такие деньги можно купить табун прекрасных коней и нанять сорок хорошо вооруженных всадников. К тому же купить комплект доспехов на рыцаря.

Я вытащил горсть монет, подавил естественное желание пересчитать, я ведь фёodal, а благородному рыцарю надлежит быть благородным и великодушным, щедрым и даже расточительным.

— Держи. Доставиши в замок. Но смотри, чтоб ни на кувшин больше! Я не собираюсь подрывать экономическую стабильность непомерными налогами или демпинговыми ценами.

Насыщались долго, настолько долго, что многие уже забыли, зачем и куда едем, пошли песни, рассказы о подвигах и способах заточки мечей.

Разве что Зигфрид, раскрасневшись от вина, решил напомнить всем, что он не из медвежьего края, побывал и повидал всего, небрежным жестом подозвал хозяина и спросил строго:

— Что это за дермо ты мне принес, да еще так мало?

Наши кони, напоенные и накормленные, лениво обмахиваются хвостами, как фараоны опахалами, у колоды со свежей водой, двое подростков вытаскивают из колодца бадью и выливают в это деревянное корыто.

— Седлать, — распорядился я.

Как по мановению волшебной палочки, на пороге появились Гунтер и Зигфрид, за ними лучники, Ульман, все на ходу подтягивают пояса, на глазах трезвеют, выпрямляются, подбирают животы.

Пока влезали в седла, подошел тихонько Ульман, прорвorchал негромко:

— Так что с ними, ваша милость? Сжечь или просто порубить, а там пусть воронье растаскивает?

Я спросил так же тихо:

— А что ты заметил?

— Да вурдалаки это, ваша милость, — ответил он шепотом. — Целая семья вурдалаков.

— А что Гунтер? — спросил я зачем-то.

— Тоже почуял. Да он и раньше про этих вурдалаков слыхивал, потому и хотел объехать.

Я в задумчивости поднял руку к груди, пальцы сами по себе потеребили серебряный крестик. Он разогрелся и приятно согревал кожу, по руке к плечу прошла теплая волна, растворилась в теле. Да, если следовать первому побуждению, то, естественно, все порубить, истребить, а также сжечь и по ветру развеять, чтобы другим неповадно. Но вспомнил слова Гунтера, что постоянный двор здесь вот уже двадцать лет, налоги вроде бы платят, доход здесь есть, расположились на самом перекрестке дорог, что идут из северных земель в южные, а также связывают восток и запад.

С другой стороны, нелишне вспомнить, что английские колонизаторы закрепились в Индии прочно лишь потому, что не трогали местные обычаи, местную религию. Лишь бы, как говорится, налоги платили да пушечное мясо для туземных войск поставляли. Однако там религия — смешные пляски да смешные песни, когда взрослые тетки поют детскими голосами, а здесь вроде бы что-то похуже.

Все уже разобрали поводья и готовились для быстрой скачки. Ульман, снабдив меня информацией к размышлению и тем самым свалив ответственность на меня, впрочем, она и так на мне, свистом подозвал своего коня, тот прибежал, волоча вцепившегося в повод мальчонку. Ульман тяжело поднялся в седло, его крупные руки ухватили повод, развернули коня в сторону ворот.

Я проверил молот, чтобы рукоять хороша видна, влез на безрогого единорога и лишь затем властным жестом подозвал хозяина. Тот подбежал, глядя снизу вверх, на лице тревожное ожидание.

— Вот что, милейший, — сказал я высокомерно, — ты, я вижу, содержишь двор в исправности. И хозяйство добротное, милостиво хвалю.

— Благодарим покорно, ваша милость!

— Но вот что, — сказал я значительно и поймал его бегающий взгляд, — поговаривают, что в этих окрестностях без следа исчезают люди...

Я сделал паузу и посмотрел оловянными глазами. Хозяин бухнулся на колени, взмолился:

— Ваша милость!.. Да где они только не пропадают! Разве ж только здесь?..

Я подумал, кивнул:

— И то правда. Но как насчет полнолуния?

Он побледнел, затрясся, поклонился до земли, даже стукнулся лбом об утоптанную до твердости камня почву.

— Ваша милость!

— Ну-ну, слушаю.

— Ваша милость, не велите казнить... но все враки, что рассказывают! Все враки и вражеский поклеп!

Я выдержал паузу не столько для значительного ответа, сколько потому, что сам не мог решить, что же с ними делать. Чувствуется, врет, все-таки в полнолуние пошаливает. Вся семейка пошаливает. С другой стороны, раз в месяц. К тому же если небо в такой день затянуто тучами и луны не видать, то и звериный зов не так слышен, могут воздерживаться, чтобы не терять прибыльное дело с постоянным двором. Но даже раз в месяц много ли народу задерут? Думаю, одного им вполне достаточно. А если учесть, сколько тех, кто считается нормальным человеком и добрым христианином, но спивается до свинского состояния, зверски бьет жену и тиранит детей, пакостит соседям, а потом дохнет в канаве от белой горячки, то кажется, что этот... э-э... инакомыслящий не так уж и чужд обществу. Во всяком случае, не настолько, чтобы от него избавляться именно в первую очередь.

Ладно, мелькнула спасительная мысль. Надо гайки затягивать понемногу. По мне лучше приличный вурдалак, чем опустившийся алкоголик, от которого пользы обществу нет, а заниматься им и лечить почему-то надо.

— Хорошо, — сказал я строгим голосом, — пока верю.

Постоялый двор у тебя в исправности, люди довольны.
Действуй так и дальше. Но помни...

Он стоял на коленях, лицо просветленное, словно с неба ушла туча и на него снова упали оранжевые лучи умытого дождем солнышка.

— Да-да, ваша милость!.. Все исполним, благодетель!

— Буду следить за тобой, — сказал я с расстановкой и дал ему понять взглядом, что знаю о нем все, вижу насквозь, от меня не спрячешься ни за магическими стенами, ни за дальними лесами и высокими горами, а также глубокими реками. — Если в этих краях начнут пропадать люди... больше, чем пропадают, я приеду и сожгу здесь все. Ты понял?

Он закивал радостно. Из дома высыпала детвора и тоже бухнулись на колени рядом с папаней. Мне стало совестно смотреть в испуганные детские глаза, детей надо брать на руки и подбрасывать в воздух, а потом даже ловить, а я вот так, с высоты седла огромного боевого и страшного коня, руки сами дернули повод, конь развернулся боком, я бросил через плечо:

— Плати налоги и спи спокойно!

Конь пошел рысью, за спиной топот коней Гунтера и отряда. Чувствую себя несколько скверно, все-таки практически дал лицензию на несколько неправомерные действия, но, с другой стороны, ежедневно кто-то гибнет под упавшим деревом, тонет в болоте, нажирается ядовитых грибов или ягод, кого-то задирает зверь, так что трудновато вычислить с абсолютной уверенностью, что задрали именно вурдалаки постоянного двора, а не стая волков. Презумпция невиновности на их стороне, ничего не скажешь, а я, если это надо, могу быть даже демократом. Да и медведёв в здешнем лесу немало, не говоря уже о всякой нечисти, что пробирается темными лесами из южных краев в северные... нечисть всегда готова навредить, а то и сожрать доброго христианина, хотя, конечно, нечисти без разницы, кто из них добрый, а кто проклятый еретик. Для них бывают только вкусные и невкусные, но для пропаганды, понятно, лучше говорить, что вся нечисть старается истребить именно учение Христа.

Снова двойные стандарты, сказала совесть с горьким укором. А где иначе, возразил я. Нет, ты скажи, где иначе, и я опровергну с легкостью. Ибо двойные они везде. Мир делится на «своих» и «чужих», «наших» и «ненаших».

Так вот, руки прочь от наших вурдалаков.

Глава 15

Постоялый двор еще маячил за спиной, намереваясь уплыть за угол темнеющего леса, а впереди с каждым конским скоком начал вырастать храм.

Я сразу понял, что это храм. Так потрясенные европейцы находили в тропических джунглях заброшенные города, совершенно целые, с богатыми дворцами, высокими башнями, роскошными лестницами из мрамора, но вокруг дикий лес, лианы карабкаются по стенам, корни взламывают мозаичные полы, в королевских покоях скачут бандерлоги, на крышах башен свили гнезда яркие птицы...

Лучники и даже Зигфрид, как я заметил, объехали храм по дуге, оглядывались, будто опасаясь, что кто-то выскочит и погонится следом. Гунтер тоже намерился объехать, я решительно пустил прямо невозмутимого коня. Под копытами сочно чавкают мясистые стебли, затем сухо загремел камень.

Вблизи от храма повеяло такой древностью, что я ощущал, как моя кожа покрывается морщинами, начинают скрипеть раздувшиеся суставы, доспехи на плечах стали неимоверно тяжелыми. Даже массивные плиты основания и красноватые камни стены ни на что не похожи, таких не бывает, что-то из допалеозоя, в наше время превратившееся в приличный цивилизованный гранит или песчаник.

Конь остановился на входе, ворот нет, истлели. Я тронул повод, заставляя ступить вовнутрь, он уж точно не христианин. В конце концов, не знаю здешних обычаев, может быть, сюда надо как раз на коне, как вон при входе в мечеть обязательно снимать обувь, на пороге церкви — шапку, а в синагогу... не знаю, но тоже не так, как у людей.

Проход принял нас без протеста, в мертвой тишине

подковы звякают непристойно громко. Это от цокота копыт бьет из стены в стену, внутри храма полумрак, из стен смотрят барельефные лики богов, есть и десяток статуй, от небольших, мне до пояса, до гигантов, головой в потолок. Это выглядело бы как музей, куда собрали птицеголовых богов Египта, богов в облике быков и львов Персии, скифских «золотых баб», добавили прекраснотелых богов Эллады, а между ними наставили что-то вообще невообразимое: то ли мутанты, то ли пришельцы со звезд, то ли химеры, явившиеся в воспаленном сознании накурившихся шаманов... если бы не чувство того, что это храм и только храм, всегда был храмом, даже я вижу и чувствую дух храма, храмовость, слышу голоса молящихся, паломников, песнопения священнослужителей.

От входа донесся голос Гунтера, он так и не решился въехать или войти:

— Это... вот, ваша милость, много раз пытались разрушить.

— И как?

— Бесполезно.

— Крепкие камни?

Он покачал головой.

— Камни в самом деле не разбить, не раздробить. Даже непонятно, откуда такие. Но, думаю, наши умельцы сумели бы растащить на коровники. Однако...

— Ну-ну?

— Что-то защищает это место.

Я осмотрелся, по спине ползет предостерегающий холодок, а кожа на руках пошла пупырышками.

— Что-то очень доброе, — пробормотал я. — Или бесконечно равнодушное.

— Почему?

Я указал кивком на богов и божков в нишах и в стенах.

— Редкий бог потерпит других богов. Весь повергая чужих, восславляешь своего. А здесь такая непривычная терпимость.

Снова пришла мысль о музее, но отогнал. Музей — признак зрелости. Музеи появляются, когда старые культуры

погибли и уничтожены, когда в мире остаются редкие обломки, тогда победители спохватываются и бережно собирают реликвии своих побед, чтобы потомки смотрели и дивились подвигам отцов. А этот мир слишком юн.

Уже юн, напомнил я себе. Снова юн, совершенно забыв, что нынешний — только зеленый боковой побег на огромном и древнем могучем дубе, разбитом не то небесным гневом, не то своей дурью, не то еще какой напастью.

Я огляделся, поворачиваясь в седле, конь, как статуя, вроде бы ничего, кроме разных статуэток, от гигантских до микроскопических. Некоторые вообще непонятно что изображают, это даже не химеры, те знакомы каждому: голова от одного зверя, туловище от другого, а лапы и крылья — от третьего, а это вообще... Ни мутация, ни генетические изуверства такое не создадут.

Гунтер кашлянул, позвал шепотом:

— Ваша милость...

— Да, Гунтер?

— Опасное место, ваша милость.

— И ты чуешь?

— Да. Тут все еще осталось нечто большое.

Я вздохнул, повернулся коня.

— Ты прав, надо ехать. Вернемся как-нибудь в другой раз. Когда руки дойдут. Сейчас вообще бы выжить, не до фитнеса.

Он с великим облегчением тоже повернулся коня, тот как чувствовал беспокойство хозяина, сразу пошел галопом. Мой зверь с легкостью догнал, мы уже настигали неспешно едущих лучников, как вдруг Гунтер приподнялся в седле, поднес руку козырьком к глазам:

— Этого еще не хватало!

Между лиловых облаков красиво и величественно плывет, медленно взмахивая крыльями, розовый дракон. Не тот уже знакомый, чуть ли не привычный ящер с перепончатыми крыльями, а в самом деле розовый, даже слепящее солнце ни при чем, с просвечивающими тонкими крыльями, изысканный, похожий на змею с длинной шеей.

— Отступаем, — сказал Гунтер быстро. Он оглянулся

ся. — Нет, к лесу поздно, далековато... Что делать, ваша милость?

Я огляделся по сторонам..

— Что делать... в тот храм!

Лучники побледнели, но дракон в небе все отчетливее, зрение наверняка не хуже нашего, иначе как высматривать добычу? Я показал пример, повернув Зайчика, лучники разом пришпорили коней. Я замешкался, Гунтер оглянулся, крикнул:

— Быстрее, ваша светлость!

Сухая земля загремела под копытами. Дракон заметил нас, а может видел и раньше, но только теперь среагировал на быстро скачущих коней, виртуозно совершил в воздухе поворот, удивительный при таком огромном теле, убрал половину крыльев и ринулся вниз, не в пике, правда, но снижается быстро, выпуклые глаза на змеиной морде смотрят, кажется, насквозь.

Зайчик понесся как стрела, мы догнали и обогнали Гунтера, а потом и других. Появились и выросли величественные стены старого храма, мы влетели на полной скорости, Зайчик уперся всеми четырьмя, под копытами заскрежетало, оттуда снопы искр, справа и слева замелькали статуи.

Нас остановило только у противоположной стены перед жертвенным камнем, оформленным с особым изыском умелым дизайнером.

Сзади донесся крик, вроде бы даже пахнуло жаром. Устыдившись — ведь это мои люди, а я — вожак, надо привыкать к этому статусу, — я круто развернул коня, пальцы уже сорвали с крюка молот.

Позади сплошное море огня, словно вспыхнуло озеро бензина. Из пламени выметнулись всадники, последним в храм на полном скаку ворвался Гунтер. Его конь обезумел от жалящих искр, шерсть кое-где тлеет, пытается сбросить седока и унести куда глаза глядят.

Дракон пронесся у зияющего входа, как крылатая ракета. Я никогда не видел, чтобы летали с такой скоростью и легкостью. За пределами видимости он развернулся и появ-

вился снова. Я увидел горящие глаза и медленно распахивающуюся пасть...

— Ах ты ж... гадюка, — прошипел я и пустил коня ближе к выходу, — ну тогда не скули...

— Ваша милость, — вскричал Гунтер вдогонку, — он огнем бьет!

— У меня огнетушитель.

Всадники спрыгивали с коней под защитой стен, хватали под уздцы и накидывали на конские головы мешки. Я напрягся, ухватил взглядом стремительно вырастающего в размерах дракона, с силой метнул молот. Дракон распахнул пасть шире, для огненного плевка напалмом, молот с шумом влетел в пасть, как в жерло огненной печи.

Я не успел отодвинуться, дракон не сумел выровняться, его тряхнуло, всхрапнуло, огромное красное тело мелькнуло у входа и со страшной силой ударились о камни. Нас подбросило, на каменных плитах вспыхнуло пламя. Я держал ладонь раскрытой, сильно и победно шлепнуло рукостью. Зайчик попятился, я закрылся локтем свободной рукой, чувствуя, как горят волосы, ресницы, брови. Вокруг ад, у входа все горит, воздух в храме как в печи, кои испуганно ржут, кричат люди.

Мы с конем пятались, я все еще держал молот наготове, прокричал:

— Гунтер!.. Гунтер!

Из-за спины донесся крик:

— Мы здесь! В укрытии...

Огонь быстро затухал, по ту сторону огненной завесы простила распластанная по земле туша. Голова на длинной шее оказалась внутри храма почти на середине зала, а сам дракон едва не закупорил вход. Казалось, огромную медузу бросили с высоты многоэтажного дома, окровавленные кости прорвали мясо и кожу, тонкие, острые, слишком тонкие, чтобы этот зверь мог сражаться, как те драконы, которых я уже видел, крылья изломаны, хрупкие, как у воздушного змея. Даже голова от удара треснула и почти рассыпалась, удерживаемая только кожей.

Мы кое-как протиснулись наружу, кони ржали, вырывались из рук и не желали покидать храм.

Я окинул взглядом крылатого исполина. Впечатление такое, что потерпел катастрофу гигантский биплан братьев Райт или же огромных размеров воздушный змей, какие умеют запускать только в Китае: многоэтажный, коробчатый, цветной, обтянутый яркой материей. Но так кажется только из-за исполинских крыльев, где между тонкими гибкими костями натянута пленка, а сам дракон достаточно огромный, распластался шагов на двадцать в длину и на два в ширину.

Из храма вылез, вытягивая за повод коня, Гунтер. Оба оскальзывались на вытекающей бесцветной крови, странно густой и тягучей, Гунтер ругался в отличие от коня, а тот только дико всхрапывал, таращил глаза, пена капала с удила. Лицо моего начальника стражи почернело от копоти, но в глазах страх быстро уступает место ликованию.

— Великолепно, ваша милость!.. Прикажёте разделать?

Он торопливо привязал коня к обгорелому, все еще дымящемуся дереву. Зигфрил с рычанием выдернул из ножен длинный нож, Ульман, влюбленный в Зигфрида, тоже вытащил нож и смотрит на рыцаря в ожидании сигнала. Зигфрил бросился к дракону, зачем-то полез на спину.

Я повесил молот на пояс, спросил осевшим голосом:

— А что, мясо... деликатес?

Гунтер отмахнулся:

— Одни жилы. Зато чешуя на вес золота. Та, что на спине. Можно неплохо продать и ту, что с боков, а вот кожа с головы особо ценится для королевских чехлов... Это же такая редкость, ваша милость!.. Такие драконы появились только в первый натиск Тьмы, а потом их истребили... Неужели где-то выжил?

Я уже восстановил дыхание, осмотрел небо.

— Если так, то еще хорошо.

— А что плохо?

— Если второй натиск, — ответил я. — Ну, настоящий натиск, а не просачивание одиночками или мелкими группами для террора и паники.

Двое лучников торопливо разложили костер, еще двое вытаскивают из храма упирающихся коней. Я вспомнил, почему у медведя от ушей и хвоста одни отметины: когда уговаривали попробовать мед — уши оборвали, а когда оттаскивали — оборвали хвост. Сейчас уже никто и не вспомнил, что старинного храма надо бояться: ни кони, ни люди.

Я заставил себя перевести дыхание и окунуть все орлиным, надеюсь, взором. Я сеньор, а это значит, вместе с правом первой брачной ночи на меня обрушилось намного больше обязанностей. И как на отца-командира, и как вообще на хозяина, ведь я не просто командую, я — владею. А это значит, что жизнь, здоровье и благополучие этих людей в моих руках.

Ульман, как оруженосец, хоть и не мой, сбежал в храм и вывел под уздцы моего коня. Ничего не придумав лучшего, я вскочил в седло, в самом деле: не разделывать же тушу, на это есть мясники и, как теперь вижу, благородные рыцари. Но я не просто рыцарь и даже паладин, я — сеньор, феодал, что вообще-то отмазка, на самом деле брезгую вспарывать живот и рыться во внутренностях, отыскивая драконьи печень и сердце. Ну не виноват, что успел вкусить жизни с телевизором и холодильником, ездил на машине, пусть даже на такси, со скоростью сто пятьдесят километров в час, а сейчас на конях, не знаю, даем ли хотя бы тридцать.

Зигфрид и Гунтер, единственные кроме меня рыцари, разделяют дракона, остальные устраиваются с привалом так, будто намереваются ночевать. Наверное, кроме чешуи с этого дракона все у этих хозяйственных людей пойдет в дело, начиная от печени и заканчивая когтями на задних лапах.

Я сказал с высоты седла:

— Вы тут эта... Словом, ага, все чтоб путем. А я пока...

Гунтер вскрикнул мне вслед испуганно:

— Ваша милость, а вы?

— Сюзерен должен зреть и бдеть, — ответил я высокопарно. — Или бдить, пока подданные подданничают в своих повседневных заботах. Моему коню отдыха не требуется.

Он счастливо засмеялся:

— Почаще бы нам эти повседневные!.. Но вы, ваша ми-

лость, далеко не отъезжайте. Хоть места здесь мирные в основном, но вы человек новый, еще во что-то вляпаетесь...

— Я буду смотреть под ноги, — пообещал я. — Сколько печень дракона жарится?.. Нет, сердце жрите сами, а мне поджарьте либо из печени, но нарежьте узкими ломтиками, либо из запасов, что положила Фрида. Ее стряпне я доверяю больше, чем вашей.

Не слушая обиженных заверений, что к моему возвращению все будет готово, даже если я вон от того дерева поверну обратно, я пустил коня в галоп, он сразу же пошел длинными скачками, ничуть не удивившись, не пытаясь перейти на рысь, как обычно делают другие, я прислушался, пригнулся чуть, и конь сразу же ускорил бег. Все правильно, сказал я себе и с бьющимся сердцем склонился к гриве. Встречный ветер превратился в штурм, мы ломились сквозь упругую стену, я почти лег на шею, прячась от ревущего урагана, несколько мгновений выдерживал этот хаос, когда не видишь, где ты и что за серый мир струится справа и слева, уже резко выпрямился, а когда застыл, ровный, как вбитый в седло столб, конь тоже остановился.

Я провел ладонью по его шее, ничуть не вспотела, все та же гладкость эпоксидной смолы, не чувствуется учащенного дыхания, даже не разогрелся, как разогревается все на свете, будь это конь или скоростной «Феррари».

Впереди чуть правее возник прекрасный дворец, выплыл из воздуха, даже не дворец, а целый город, невероятно сложный, изумительный, волшебный, словно из дивных арабских сказок и в то же время с западноевропейской основательностью...

Я взглянул пару раз, но коня не повернул, и прекрасное видение, не дождавшись от меня ясно выраженной реакции, задрожало и рассеялось. Не думаю, что мираж, откуда миражу в такой местности, скорее — творение рук художника или поэта, призванного будировать, пробуждать, наполнять томлением, затрагивать и так далее — струны души.

Прав Экклезиаст насчет ветров, что дуют и дуют по кругу. Ничто не меняется. Невозможно даже представить, что здесь случилось: то ли эксперимент пошел криво, то ли

внезапный метеоритный дождь, то ли атомная буря из глубин галактики... кто уцелел? Разве что те, кто застрял на глубоких станциях метро, на подводных лодках, рубил уголь в сверхглубоких шахтах или сидел в батискафе на дне Тихого океана? Увы, горстка не может воссоздать прежний мир. Как я, например, хоть и знаю, как пользоваться телевизором или холодильником, но и за тысячу лет жизни не смогу их воссоздать. Даже объяснить, если честно.

Все эти чудовища, полулюди, призрачные звери — кто они, мутация или одичавшие домашние животные?

Зайчик шел ровным галопом, очень красивый и быстрый аллюр, когда не трясет, не подбрасывает, сижу, как будто в автомобиле без ветрового стекла...

— Жизнь хороша, — сказал я с чувством, — и жить...

Зайчик без разбега оттолкнулся от земли с такой силой, что у меня едва не оторвалась голова. Инерция опрокинула на конский круп, несколько страшных секунд я был уверен, что сползаю в бездну. Встречный ветер раздувал рот и выворачивал веки, ноги опалил перегретый воздух, словно меня перебросили над поверхностью озера из расплавленного олова, затем конские копыта сухо ударились о землю, меня с粗ра бросило на конскую шею, где и застрял, вцепившись зубами и руками в гриву.

Отышавшись, оглянулся, бросило в такой мороз, что капли пота превратились в льдинки. Позади пропасть шириной метров в пятьдесят, отсюда с седла видно только уходящую вниз красную, как разделанная семга, стену из блестящего камня. Перегретый воздух сминается волнами, я ощущал сухой жар, закрыл лицо ладонью, Зайчик послушно отошел от края.

Я всхлипнул:

— Зайчик!.. ну что же ты так... предупредил бы! Насчет ремни пристегнуть, не курить... я ж не на крылатой ракете, правда? Ладно, я и так не курю, отвыкать не пришлось.

Он повернул голову, посмотрел виновато, вздохнул. Я сказал дрожащим голосом:

— Ладно, поехали. То-то ахнут, когда вернусь заикой.

Интересно, волосы у меня все еще темные?.. Или враз стали белыми, как пишут в дамских романах?

Зайчик двинулся ровным шагом, косит в мою сторону добрым умным глазом, слушает. Пока я в отряде, вообще-то еду молча или разговариваю с людьми, ведь я же отец народа и верховный главнокомандующий. Но уж ни в коем случае не с конем. Сейчас же никого в пределах слышимости, я ласково треплю Зайчика по шее, перебираю ему гризу и разговариваю так, как говорил бы... не знаю, но с конем я так не говорил бы.

Но это не просто конь, маг сказал, что эти кони «созданы», хотя так и не смог объяснить, что значит это слово. Этот конь пришел из предыдущей эпохи, так что если не бессмертный, то уж очень долгоживущий. Конечно, его тоже можно убить, но пока он жив, то не видно, чтобы так уж сильно постарел. Хотя, правда, жеребеночьей ревности не замечаю, а к кобылам совершенно равнодушен. Правда, мы не встречали еще самок черных единорогов.

На всякий случай я рассказал, пользуясь отсутствием посторонних ушей, про мой мир, про автомобили, самолеты и прочие средства передвижения, посетовал, что у них свои достоинства, но и свои ограничения. Упомянул, что я не совсем дурак, могу понять и оценить то, что другие не поймут, так что со мной можно быть более откровенным, чем с другими.

Зайчик ничего не ответил, да я, честно говоря, не очень-то надеялся, это просто бросаемые наугад в темноту камешки: вдруг да какой попадет в нужную кнопку. Ничем не рисую и ничего не теряю, разве что посотрясал воздух, я же не орал и не пел, а почти шептал: если у коня есть сенсоры, то услышит. А сенсоры еще какие: мой свист различает черт-те откуда!

Зайчик, как я понял, возвращается по своим следам, я в следах не разбираюсь совершенно, не феодалье это дело, я бы попер просто по вектору: тогда солнце жгло в правое ухо, а теперь пусть печет в левое.

Местность слишком быстро перешла в гористую, нехорошо гористую: слишком свежие эти обрывистые утесы,

разломы, трещины. В геологическом, понятно, смысле: если нормальным горам по миллиарду лет, а самым молодым — по триста миллионов, то этим не больше пяти-шести тысяч лет, а это мгновение для таких процессов.

Впереди шумел и грохотал водяной поток, я его не видел, пока впереди не показался узенький каменный мостик совершенно без перил. Даже без крохотного бордюра, каким отделяют проезжую часть от пешеходной: ширина около полутора метров, ровный камень, мостик выгнут дугой...

Я вздрогнул и остановил коня. Мост перекинут над страшной пропастью, где на самом дне ревет и несет воды эта жуткая горная река. Стены отвесные, безжизненные, хотя и успокаивающие поросли зеленым мхом и даже травой, больше похожей на водоросли.

— Я здесь не пройду, — сказал я нервно и пугливо оглянулся, никто ли не услышит. — Не селенит, чтобы вот так над пропастью во ржи по бревнышку.

Зайчик фыркнул, в нетерпении топнул копытом. Из-под подковы брызнули красноватые искры. Я привстал в стременах и взглянул вперед, стараясь не смотреть вниз. Там далеко мои спутники разделяют дракона. Сюда сможем добраться разве что к вечеру, но все же доберемся... возможно. Но если проедут они, то для меня будет позор...

— Ладно, — сказал я хриплым голосом, — уговорил. Ведь как-то же попал на эту сторону? Только закрою глаза.

Я в самом деле чуть опустил веки и вскинул голову, стараясь смотреть на облака и верхушки деревьев, но ни в коем случае не опускать взгляд ниже. Все мы такие: легко пройдем по бревну, что лежит на полу, но обязательно сверзимся, если его поднять хотя бы на метр выше.

Прогрохотали копыта, потом сильный толчок, короткий полет и снова грохот копыт, я поспешил перевел Зайчика на обычную иноходь. Какой же все-таки здесь древний мир: среди леса, древнего и дремучего, возвышаются исполинские статуи, явно высеченные из цельных кусков камня, каждая высотой с трехэтажный дом, изображает массивных птиц, если это птицы, во всяком случае клювы я распознал, головы сидят на узких плечах, дальше тулови-

ше расширяется, уходя в землю. На теле старательно вырезаны крупные перья, наползающие слоями, наподобие чешуи. Видны остатки гребней, темные впадины на месте глаз, ноздри на массивных клювах, но мелкие детали сгладили дожди и ветра.

Сердце стиснулось, как будто попал совсем на другую планету. Что за народ здесь жил, что изобразил настолько чуждых богов, а если это не боги, то кто?

Конь шел быстрой рысью, но не успел в галоп, из леса громкий треск, через кусты ломится какой-то зверь. Рука метнулась к рукояти молота, над зелеными ветвями мелькнула храпящая конская морда, кусты распахнулись, на конской спине почти лежит всадник, обхватил коня за шею. Кровь залила лицо, кожаный кафтан и штанина пропитались кровью.

Он увидел меня, прокричал слабым голосом:

— Ваша милость!.. Ваша милость, там моя госпожа...

Он начал сползать с седла, я двинул коленом, Зайчик мигом оказался с ним рядом. Придержав его на седле, я спросил быстро:

— Ты чей?

— Люди Черного Волка...

— И что с нею?

— Напали, — прошептал он. — Все убиты!.. Мы победили, враг бежал, но госпожа осталась одна... и тоже...

Он умолк, глаза закрылись. Я помог сползти на землю, Зайчик вскинул голову, всхрапнул. В багровых глазницах полыхнул огонь, из глаз пошел алый свет. Я чуть стиснул коленями, направляя в ту сторону, откуда примчался раненый.

Часть 2

Глава 1

По обе стороны замелькали деревья, кое-где я пригибался, чтобы не снесло череп проносящимся над головой сучком, взгляд хватал капли крови на листве, сломанные ветви, вообще путь всадника легко проследить, пусть даже конь не ломает ветви: потревоженные листья обычно переворачиваются другой стороной, а у всех тыльная сторона обязательно светлее...

С грохотом копыт мы выметнулись на широкую поляну. Я остановил коня и, с ладонью на рукояти меча, огляделся. Примяя траву, лежат, раскинув руки, люди с оружием в руках. Кровью забрызганы не только земля, но и корни деревьев, а на том краю поляны к невероятно толстому дереву привязана женщина. Засмыкая глаза, она вскинула голову, в глазах страх и стыд, отчаянно замотала головой. Роскошные золотые волосы красивой волной заходили из стороны в сторону. Я узнал таинственную незнакомку из подземного каземата моего замка.

— Иду, — крикнул я.

Конь в один гигантский прыжок оказался рядом с нею. Я соскользнул с седла, оставил на нем меч, и с ножом в руке бросился к ней. Она замычала, округляя глаза, рот заткнут грязной тряпкой, руки и все тело туго перетянуты толстой веревкой.

— Сейчас-сейчас, — успокоил я. — Одну минутку...

Глупо пилить ножом веревки до того, как дать ей возможность заговорить, вдруг да успеет сказать о чем-то важном, я осторожно подцепил свисающий краешек тряпки, потянул. Ее лицо мучительно исказилось, я потянул сильнее, удивляясь, как это столько рванья впихнули в такой крошечный женский рот, но вытянул до половины, и тут сзади лязгнуло железо.

За спиной прогремел металлический голос:

— Замри!.. А теперь поворачивайся медленно. Если не хочешь получить десяток арбалетных стрел в спину.

Спина застыла, будто к ней приложили льдину. Я повернулся как можно заторможеннее. Из кустов блестят наконечники стрел и металлические ложи арбалетов, а также шлемы самих арбалетчиков. Осторожно огибая их, чтобы не становиться на линии прицела, выходят с мечами наголо. Последним выбрался высокий человек в полных рыцарских доспехах. Закованый с головы до ног в сверкающую сталь, он казался отлитой из металла статуей, где нет ни щели, ни зазора. Даже в узкую прорезь в шлеме нельзя рассмотреть глаза.

— Сработало, — произнес он с мрачным удовлетворением. — Вот так дураков и ловят.

Остановившись в трех шагах, он медленно поднял заbralо. Судя по всему, я должен содрогнуться, увидев злую ухмылку на этом жестоком лице. Сразу три шрама на щеке и подбородке, дьявольская усмешка на красивом мужественном лице.

— Барон Уландр де Венден, — назвался он, — по прозвищу Черный Волк. Не знаю, почему черный, доспехи у меня всегда светлые. Даже герб: красный волк на зеленом поле... А ты и есть Ричард Длинные Руки, убивший сэра Галантлара?

— Я, — ответил я. — Можно мне опустить руки?

— Нет, — ответил он резко. — Не двигаться... Связать его!

Справа и слева подбежали крепкие воины, ухватили за руки и, опять же стараясь не оказываться между мной и ар-

балетчиками, привязали к дереву. Толстые веревки больно врезались в тело. Я попытался напрячься, бесполезно, Волк заметил, жестоко расхохотался.

— Напрасно!.. Мои люди вязать узлы умеют. И рубить головы — тоже.

Женщина, оказавшись рядом и в то же время почти на той стороне дерева, выкрикнула с гневом:

— Неужели не разгадали простой ловушки?

Я промолчал, спорить с дурочкой — сотрясать зря воздух, спросил Волка:

— И что ты хочешь? Выкупа?

Он покачал головой.

— Зачем?.. Если ты сумел захватить замок Галантлара, то смогу и я. Ты мне сейчас скажешь, сколько там человек, где стража...

Подошел толстенький человек в полудоспехе, с угодливым видом что-то пошептал, ухитрившись изогнуться, как разжиревший угорь. Волк выслушал, кивнул, глаза вперили жестокий взгляд в мое лицо.

— А также скажешь, как тебе удалось обойти заклятия Галантлара.

— Какие заклятия? — спросил я.

Он прорычал лютно:

— Не прикидывайся! Замок был защищен колдовством. Это все знали. Кто не верил — узнавал на своей шкуре.

— В самом деле?

Он ухмыльнулся:

— Я здесь давно. И знал прежнего хозяина Амальфи. Когда этот Галантлар сумел его побить, я уж думал, что Галантлар вообще бессмертен... Но ты мне зубы не заговори-вай. Какие заклятия, как сумел обойти, кто помог?

— Я сам.

— Врешь, ты не похож на колдуна.

— На церковников магия не действует.

Он хохотнул еще злее:

— С тебя церковник... Посмотри на свою рожу. Я ско-

рее поверю, что по ночам под мостом караванщиков ждешь.
Говори, кто помогал?

Воин, что привязывал меня, с силой ударил по лицу.
Голова дернулась, на губах ощущался соленый привкус.
Волк неотрывно смотрел в мое лицо, потом кивнул в сторону женщины.

— Девку отвязать.

Стражник спросил жадно:

— Ее нам?

— Тешьтесь вволю, — отмахнулся Волк. — Но не здесь, иначе вас воробы заключают. Заберем в замок, а там прямо в казарму.

Женщина вскрикнула яростно:

— Мерзавец! Ты за все ответишь!

Стражники отвязывали ее с жадным гоготом, один воровато цапнул за грудь, женщина ухватила зубами за руку. Он выругался и ударил по лицу. Голова ее запрокинулась, из ноздрей потекли алые струйки. Волк равнодушно отвернулся, острый взгляд стальных глаз снова впился в мое лицо.

— Значит, попробуешь молчать?

— Не обещаю, — ответил я честно.

Стражники и арбалетчики загоготали, Волк прищурился.

— Это что значит? Заговоришь?

— Нет.

— А что?

— Я не стальной солдат китайской армии, — признался я. — Когда больно, я ору. Но зря рассчитываешь, что расскажу такое, что хочешь услышать. Как будто не понимаю, что едва расскажу — сразу перережешь горло.

Он двинул плечами:

— А чем плохо? Расскажи — и получишь легкую смерть. Разве плохо?

— Плохо, — ответил я. — Меня устроит только твоя смерть. Даже легкая.

Стражники коротко хохотнули, но замерли под взглядом хозяина. Он остановился передо мной, осмотрел внимательно с головы до ног.

— Ты крепок, — признался он, — но не выглядишь бы-
вальным и закаленным. Скорее, похож на изнеженное чадо
каких-нибудь герцогов, живущих в глубинах безопасных
земель. Не думаю, что сумеешь продержаться долго. Пле-
вач!

На призыв прибежал кривоногий приземистый воин в
кожаном панцире и кожаной шапке.

— Да, хозяин?

— Займись, — распорядился Волк и указал в мою сто-
рону. — Так, как мы поработали над Гендом и Уларцем.

— Будет сделано, хозяин! А если что, тогда как с Честе-
ром?

Он отмахнулся:

— Делай все, лишь бы заговорил. Если на этом дереве
останется окровавленный кусок мяса с выколотыми глаза-
ми и с обрезанными ушами, мне все равно. Только язык не
выдирай.

Лицо кривоногого расплылось в радостной ухмылке.

— Все сделаю, хозяин! Он у меня не только все расска-
жет. Он у меня петь будет!

Жутко пахло горелой плотью. Ледяная вода обрушива-
лась в лицо, я захлебывался, распухшие губы пропускали
потоки в рот, я глотал — это все, что мог сделать, а когда
зрение очистилось, оказалось, что вовсе не распростерт на
земле, а все так же привязан к дереву. Фигура Волка слов-
но бы померкла, это солнце перешло на другую сторону
неба, уже окрасило кровавым огнем запад.

Волк тоже взглянул на заходящее солнце, багровое и
разбухшее, махнул рукой. Лицо его посерело, под глазами
повисли круги, на щеках обозначились резкие морщины.

— Ладно, мы и без рассказов возьмем его замок. Без
него защитники просто разбегутся. Попрактикуйтесь на
нем в стрельбе... и собираемся обратно.

Арбалетчики с довольным гомоном поднимались на
ноги. Арбалеты у всех на смятой и уже размолотой подко-
ванными сапогами траве, подхватывали, поспешно крути-

ли вороты, натягивая стальные тетивы. Я обвел взглядом обширную поляну. Женщина привязана к коню, а тот, в свою очередь, — к дереву. Двое воинов при ней неотлучно, с жадным интересом вытягивают шеи, еще бы: вот-вот железные стрелы продырявят тело хозяина замка Амальфи.

Старший арбалетчик суетился, не давая стрелять тем, кто успел взвести тетиву, выстраивал ряд. Оглянулся на Волка за разрешением, тот отмахнулся:

— Командуй сам. Я займусь женщиной.

Он пошел к пленнице, а старшина арбалетчиков вскрикнул тонким голосом:

— По одному слева...

Послышался короткий зловещий свист. Я боялся поверить, что это, однако лица арбалетчиков побледнели, кто-то успел развернуться, кто-то сделал движение, чтобы оглянуться, остальные только шире распахнули глаза: длинные стрелы, похожие на дротики, обрушились на поляну, как град раскаленных метеоритов.

Стальные острия пробивали кожаные доспехи, словно те из папиросной бумаги. Ближайший ко мне арбалетчик упал, пронзенный двумя стрелами, одна высунула окровавленный клюв из спины. По всей поляне стоял крик, стоны, проклятия. Барон Уландр лишь на секунду помедлил, меч уже в руке, в следующее мгновение по-волчьи припал к земле, стремительно подбежал к своему коню, прыгнул в седло и протянул руку к узде привязанного коня, поперек седла которого — связанная женщина.

Одна стрела ударила его в затылок, срикошетировала от округлого шлема. Волк клюнул головой и едва не упал с коня, вторая попала в спину и, пронзив железо панциря, осталась торчать. Волк зарычал, ударил коня в бока, тот ринулся в чащу.

С другого конца на поляну выбегали вооруженные люди, а за пешими лучниками показались конные. Впереди всех торопил коня Гунтер.

Меня сняли с дерева, разрезав веревки, отпаивали горячим, я лежал, собираясь с силами, прошептал Гунтеру:

— Погоди... Дай понять, живой я... или уже нет...

По телу трижды прошла горячая волна, я ощущал слабость, но исчезла боль, которую приходилось смирять усилием воли. Я полежал на спине, всматриваясь в угрюмые озабоченные лица, что нависли надо мной, как налитые семечками подсолнухи.

От глаз Гунтера побежали мелкие морщинки, он сказал с великим облегчением:

— Ваша милость... раны-то затянулись!

— Намекаешь, — ответил я, — что надо вставать?

Он всполошился:

— Нет-нет, соорудим носилки.

— Вы слишком слабый, — вставил Тюрингем заботливо. — Мы вас донесем.

— Слабый, — согласился я, — но не слишком.

Протянул руку, но никто не решился прикоснуться к ладони благородного лорда, подхватили под руки, придержали. Я поднялся, пошатнулся, но с каждым мгновением все больше приходил в себя. Гунтер все понял, поспешно развязал походный мешок, я увидел ветчину, покачал головой.

— Лучше меду...

Гунтер сказал виновато:

— Только мясо. И хлеб с сыром.

Ульман сказал услужливо:

— У Тюрингема есть мед, он сладкоед.

Все тело отчаянно чесалось, словно по мне носились миллионы раздраженных муравьев. Я едва сдерживался, чтобы не начать драть себя когтями, начиная от макушки и до кончиков пальцев ног. Руки дрожат от жадности, схватил истекающие медом соты и вгрызся, как умирающий с голода моряк Колумба. Желудок кричал от холода, ничего не дается даром, при всем чудодействе паладинного исцеления оно идет за счет ускоренного метаболизма, а это означает потерю веса и сильнейший голод.

Проглотив, к благоговейному изумлению лучников, два огромных пласта меда, я ощутил прилив сил, сравни-

тельно бодро прошел на тот конец, где лучники растирали руки и ноги спасенной леди.

— Приветствуя, — сказал я, добавил в ответ на ее недоумевающий взгляд: — Мне почудилось, что я не успел поздороваться. Как и в прошлый раз.

Ее щеки покраснели, в глазах блеснул гнев от неосторожного напоминания, что впервые встретил ее в казематах своего замка. В то же время я видел на ее лице неподдельное изумление: только что я был истерзан пытками, в то время как ее всего лишь держали связанной, однако это ее руки чудовищно распухли и посинели, а я лишь похудел и чуть осунулся. Надеюсь, выгляжу красиво и загадочно.

— Благодарю, — произнесла она суховато, — вы так благородно бросились... наверное, посмотреть? Это было, признайтесь, глупо.

— Благородство умным не бывает, — произнес Гунтер значительно.

Она поморщилась, кивнула.

— Да, конечно. Тем больше я его ценю, что это безотчетное. Как у моей собаки.

Я поклонился, чувствуя смутное раздражение.

— Сожалею, что вы потеряли своих сопровождающих. Если хотите, я выделю двух-трех человек, чтобы вас проводили к вашим... э-э... к вашим.

Она покачала головой:

— Достаточно, если вернут мою лошадь. Об остальных конях, на которых ехали мои люди, даже не спрашиваю.

Гунтер сказал веско:

— Правильно делаете. Кто их теперь разберет, какие ваши, а какие людей Волка? Теперь они все наши. Но если мой лорд восхочет, отыщу для вас какую-нибудь лошаденку в заводные.

Она вспыхнула:

— Спасибо, не нужно. Я люблю передвигаться быстро.

С помощью Тюрингема поднялась в седло, хотя намеревалась явно вспорхнуть, увы, такими распухшими руками едва-едва разобрала поводья. Лошадь послушно повер-

нула в сторону едва заметной тропки. Мы некоторое время смотрели вслед, а когда умолк стук копыт, я поинтересовался:

— Гунтер, я обязан тебе жизнью. Но как ты сумел наткнуться?

Он серьезно смотрел мне в глаза.

— Ваша милость, здесь что-то нечисто. Мы разделали дракона и только-только начали жарить печень, как вдруг на дороге появляется заяц, да такой огромадный, каких свет не видывал! Не меньше, чем с откормленного барана, сразу видим, молодой, толстый, мясо нежное, сочное... да что там сочное — он же почти насквозь просвечивал, такое нежное мясо! Это же не просто заяц, а принц зайцев! Может быть, даже король. Вон сэр Зигфрид считает его императором.

— Это я сказал, — возразил Тюрингем.

— Да? Ладно, пусть ты. Ну, бросились к нему, а он скакет по дороге, в чащу и не думает прятаться!.. Потом я опомнился, остановил ребят, попробовали достать стрелами, но он сразу же прыгает в кусты. Да только стрела проletит, как снова из кустов на дорогу. Наконец я сообразил, что заяц то ли зовет, то ли заманивает. Сели на коней, поехали за ним, но с осторожностью: по одному, цепочкой. А когда передний из-за кустов услышал конское ржанье, мы спешились и ползком-ползком... Словом, вроде бы успели, хотя лучше бы раньше.

— Мне тоже хотелось бы, — признался я. Плечи передернулись. — Знаешь, даже паладину хреново, когда раскаленным прутом тычут в ребра. А когда начал выжигать крест... Сволочь, у меня ни к одному здесь не было злобы или ненависти, но этого гада...

Пальцы сжались, я мстительно представил, как сам вот так же... нет, просто брошу в выгребную яму, чтобы по горло, и там оставлю, посмотрю, сколько простоит... на цыпочках.

Гунтер смотрел понимающе, я с шумом выдохнул, спросил уже спокойнее:

— Кто послал этого зайца?

— Или кто им был? — спросил Гунтер в задумчивости. — Ума не приложу. Кто-то помог, но не признается.

Я невольно посмотрел на зеленую стену, окружающую поляну. Да нет, к нам не подкрадутся, Гунтер — опытный воин, везде расставит стражу.

— Ладно, — сказал я, — может быть, это раскроется. Во всяком случае, лучше неожиданный союзник, чем ожидаемый враг.

— Мудро глаголете, ваша милость, — сказал Тюрингем преданно, хотя я сам не понял, что сказал, главное — произвучало внушительно и глубокомысленно, как речь депутата в Думе.

А Гунтер заметил скептически:

— Если союзник.

— А что еще? — спросил я.

— Кому-то, может быть, невыгодно, чтобы вас убили... сейчас. Тут ведь местные лорды все время враждуют, дерутся, стараются ослабить один другого. Равновесие шаткое, да и то вы качнули, смеcтив сэра Галантлара. Кто знает, что остальные лорды замышляют теперь, когда все так изменилось.

Мне подвели коня, я поставил ногу в стремя.

— Возвращаемся, — сказал я. — Говоришь, начали жарить печень? Поспешим, пока не подгорело.

— Там Зигфрид, — сообщил Гунтер. — С ним двое копейщиков.

Глава 2

Зигфрида с копейщиками мы встретили, едва выехали из леса. Он бросился с объятиями, мял, проклинал себя, что отпустил сеньора одного, потом терзался, что не поехал с Гунтером, когда тот погнал этого странного зайца, надо было догадаться, что не простой заяц...

Через полчаса обратной дороги заметили дымок своего оставленного костра, а когда поднялись на пригорок, как

на ладони и костер, пахнуло ароматом жарящегося мяса, по ту сторону костра к небу торчат белые, очень тонкие ребра дракона, красные крылья бережно распластаны по земле.

Зигфрид соскочил с коня и бросился проверять мясо, горестно покачал головой. Что-то сгорело, что-то подгорело, но, к счастью, три четверти печени даже не порезаны.

Коней расседлали и отпустили, лучники торопливо нарезали широкие ломти и насадили на вертела. Ульман и Тюрингем отправились сколупывать оставшиеся на шкуре дракона чешуйки. Двое лучников, раздевшись до пояса, помогали отдирать от кожи эти непробиваемые пластинки, таскали к выручным мешкам.

Гунтер самолично поджарил шмат и протянул мне:

— Ваша милость, отведайте. Печень, как вы и заказывали. Прожарилась так, что ни капельки крови. Извольте.

Я слез, Зайчик сразу же ушел смотреть на остатки дракона, я взял в обе руки увесистый ломоть, понюхал, осторожно попробовал на вкус. Горячий сок брызнул по зубам, запершило в горле. Мясо оказалось на удивление вкусным, таяло во рту, как будто я держу на языке форель... нет, даже семгу, она нежнее. И вообще привкус не столько мяса, сколько рыбы. Для меня, человека к еде равнодушного, рыба тоже мясо, ведь не фрукт и не овощ, но знатоки почему-то пишут делят на мясо, рыбу и даже птицу, так вот мясо дракона с мясом коровы и близко не лежало, на птичье похоже больше, но с рыбным можно перепутать, если не предупредить, что едим дракона.

— Неплохо, — одобрил я. — Весьма. Даже весьма. Не ожидал.

— А вы, — осторожно осведомился Гунтер, — уже ели драконью печень?

Я запнулся с ответом, Ульман и Тюрингем остановились с тюками в руках и тоже смотрят, я промямлил с набитым ртом:

— Гунтер... если скажу, что ел даже папайю, это покажется либо хвастовством, либо брехней. Потому лучше смолчу.

Они переглянулись, что такое папайя не знают, но яв-

но же пострашнее дракона, сок стекает по моим пальцам, желудок ликующе набрасывается на каждый кусочек, такое чувство, что мои предки уже ели драконов и вот теперь организм порылся в генопамяти и вспомнил старое лакомство.

— Хорошо, — определил я. — Чуточку бы помягче... а так все хорошо.

Гунтер покачал головой:

— Уж куда мягче, ваша милость. Это же совсем молодой дракон, у него все мясо нежное.

— И чешуя нецарапанная, — добавил Ульман ликующе: — И вся кожа нетерпая! Эх, не увезем всю...

Гунтер отмахнулся:

— Я уже послал двоих в деревню за подводами.

— Вот спасибо!

— Чему радуешься? — строго сказал Гунтер. — Дракона сбил его милость. Как решит, так и будет.

— Дракон — общее достояние, — решил я милостию. — Это как недра... воздушные недра. А ты, Гунтер, распорядись... как надо. Ты у нас хозяйственный.

Потом я феодальным оком наблюдал, как прибыла телега, на нее погрузили все, что срезали с дракона. Оказалось столько, что все не влезло, Гунтер велел послать еще за одной.

Я поморщился, сказал нетерпеливо:

— Оставь человека, а мы, пожалуй, вернемся. Что-то у меня руки дрожат, а ноги так и вовсе подкашиваются... Знаю, что надо держаться орлом, но что-то мне совсем хреново.

Он с тревогой посмотрел в мое лицо. Мне показалось, что в темных блестящих глазах промелькнуло облегчение.

— Да, ваши милость, я уж подумал, как это вы держитесь... Даже для паладина чересчур. Надо возвращаться.

Я почти не помнил, как добрались, по дороге впадал в забытье, по мосту и в ворота въехал, поддерживаемый сзади, иначе свалился бы в клубящийся внизу туман, еще

мелькнуло испуганное лицо Фриды, служанки. Дальше в памяти провал, а очнулся от затяжного обморока только утром.

На мне толстое меховое одеяло, и еще я ощутил, выныривая из сна, что меня сзади обхватывают горячие женские руки, и еще прижимается горячее и очень мягкое женское тело. Несмотря на теплое одеяло и это горячее тело, я все еще чувствовал не то, чтобы озноб, но и не жарко, хотя за окном солнечный день середины июля.

Медленно повернувшись, я увидел серьезное и немножко испуганное лицо Фриды.

— Ваша милость, — прошептала она, — вы простите, что я взяла на себя такую смелость... Но господин Гунтер велел, когда вам было совсем плохо...

Она смущалась, натягивала на грудь край одеяла. Плечи ее, округлые и нежные, как у чеховской Душечки, полны чистоты и невинности. Кожа кажется такой тонкой, что, если проглотит маслину, я увижу, как двигается по горлу темный комок.

— Насколько плохо? — спросил я, закашлялся, в горле как прорвали наждаком, голос звучит, будто пытаюсь дуть в найденную при раскопках Вавилона трубу. — Я хоть не обгадился?

— Нет-нет, — заверила она поспешно, но что-то в ее глазах подсказало, что лучше эту тему оставить, чтобы не докопаться до опровержения. — Вам было только холодно, очень холодно. Я знаю, что, когда холодно очень-очень, сердце перестанет биться... Господин Гунтер...

— А он откуда знает?

Она потупила глазки.

— Простите, ваша милость, но он так беспокоился, что готов был всех порубить в замке...

— За что?

— Он... он знает, что среди челяди есть такие, кто знает немножко больше... других. Вот и орал, что если сэру Ричарду не помогут, если вы вдруг умрете, то он своими руками перебьет всех...

— Гунтер?

— Да, ваша милость.

Я покосился на ее раскрасневшееся лицо, подавил импульс разрешить называть меня просто по имени, это будет крахом феодализма в отдельно взятом регионе, сказал с неловкостью:

— Похоже, я в самом деле завоевываю электорат.

— Кого, ваша милость?

Она все натягивала одеяло до подбородка, наши тела уже не соприкасаются, но я чувствую жар ее юного сочного тела.

— У тебя температура, как у ворон? — спросил я. — В смысле как у пернатых?.. Наверное, это как-то связано с некоторыми особенностями, о которых говорил Гунтер.

Мелькнула мысль, что при повышенной температуре ускоряется и метаболизм, а это и ускоренное старение, что так страшит женщин, но, с другой стороны, хоть и укороченная жизнь, зато яркая, наполненная приключениями, полетами на шабаш, Вальпургиевыми ночами, жаром языческих страстей...

Я вздохнул, выбрался из-под одеяла. Фрида стыдливо закрыла глаза и даже отвернулась. Румянец расползся по щеке вниз по шее и даже покрыл тонкие, красиво вылепленные ключицы. Вряд ли видит через опущенные веки, но наверняка помнит, как именно разогревала, как потом разогревались оба, как только еще одеяло не задымилось, хотя серой вроде бы попахивает...

Пока я одевался, повернувшись к ней спиной, услышал едва слышный шелест, волосы колыхнулись от движения воздуха, Фрида торопится набросить на себя длинное платье, это быстро, нижнего белья в это время еще не знают, трусики придумают через много столетий...

Во дворе привычные окрики Ульмана, но лучники, как я заметил, уже другие. Тех, кто наловчился стрелять быстро и точно, с утра отправили на постой в пограничную деревню Куманг. Силами крестьян и двух умелых каменщи-

ков в спешном порядке восстанавливают сторожевую башню. Не бог весть какая защита, но пока нападающие будут выбивать забаррикадированные двери, лучники перебьют половину, если не всех. А там из замка прибудет помощь, как только увидим сигнальный огонь на башне.

Фрида ускользнула на кухню, выполнив долг простолюдинки спасать хозяина любой ценой, хотя цена для нее, похоже, не показалась чрезмерной. Да и остальные женщины скорее позавидуют, чем осудят.

Подбадривая себя таким соображением, я спустился в нижний зал. Слуги быстро вскочили, кланяются, смотрят блестящими от любопытства глазами.

— Вольно, вольно, — проворчал я, стараясь сделать голос отеческим, это не просто, учитывая, что почти все старше меня намного, а половина — вдвое, а кое-кто втрое. — Все нормально, никакого спада рубля, никакой инфляции, правительство функционирует в прежнем режиме.

Один из самых старых челядинов, не помню его имени, с белой головой, поклонился и сказал осторожно:

- За чудесное спасение... восславим Господа.
- Слава Иисусу, — сказал кто-то.
- Слава Деве Марии, — произнес другой голос, женский.
- Благодарю тебя, Господи, — сказала толстая кухарка.
- Спасибо вам, пресветлые ангелы, — сказал за моей спиной кто-то.

И Фриде, подумал я без иронии. Она сумела не только согреть, но и разгрузить так, как никогда бы не смогла Санегерий, та специализируется только на излишках. Я бодр, мысль кристально чиста и не замутнена никакими животными побуждениями, разве что зверски хочу есть, но это и понятно, одной крови тот гад нацепил из меня с полведра.

— Где Гунтер? — спросил я. — Подайте на стол... лучше жареного мяса и рыбы, можно еще козьего сыра... он полезнее коровьего... вина не нужно! И позовите Гунтера.

Гунтер прибыл запыхавшийся, сбледнувший так, что я забеспокоился, что же такое случилось, что даже усы по-

висли. Он остановился в ожидании, я указал на стул по другую сторону стола. Гунтер присел с очень серьезным лицом, спина прямая, хотя теперь на стульях моей конструкции можно сидеть откинувшись и с комфортом.

— Да, ваша милость. Мы все счастливы, что вы уже в полном здравии.

— А как я счастлив, — откликнулся я. — Слушай сюда. Какие-то заколдованные места у нас на пути к Кабану. Кстати, угощайся. Фрида приготовила оленину, пальчики оближешь.

— Да, ваша милость, — ответил он и вытащил из-за пояса длинный нож. — Один заколдованный туман чего стоит!

Я отмахнулся:

— С ним разберемся. Но на кордон посмотреть надо. Чую, со стороны Кабана еще будут неприятности. Деревне Куманг наша помощь нужна, еще как нужна. Вдруг да он в перерывах между схватками с Талибальдом восхочет удастить по более легкой цели?

Гунтер деловито нарезал мясо тонкими ломтиками, подражая мне, накалывал на острие ножа и отправлял в пасть.

— А что мы можем? — проворчал он с набитым ртом. — Только запереться в замке.

— А деревни?

— С той стороны защитить не сможем. Наверное, не сможем.

Я нарезал сыра, никак не приучу подавать хотя бы по половинке сырного круга. Слуги постоянно ставят на середину стола нечто подобное мельничному жернову, это символизирует наш достаток. А мужчины, понятно, должны съедать за раз по кабану, по кругу сыра и запивать не меньше, чем кувшином вина.

— Кто знает, — пробормотал я, — кто знает... Я так и не увидел, где и как наши земли граничат с кабаньими. Может быть, там есть такое, что может помочь укрепить...

Я смешался и умолк под его сочувствующим взглядом, а Гунтер поспешно отвел глаза в сторону.

— Да, ваша милость.

Я допил козье молоко, кружка с грохотом опустилась на стол. Гунтер вскочил, опередив меня на мгновение.

— Ты прав, — признал я, — надеяться на случайность — удел слабых. Но все равно надо там побывать и все осмотреть. Одно дело крестьяне, они видят только своих коров и не заметят то, что может защитить их деревню.

Гунтер прямо смотрел мне в лицо.

— Да, сэр Ричард, — произнес он, — вы своего добьетесь! Даже если сама судьба помчится навстречу с опущенным забралом и копьем наперевес...

Утром прибыли подводы с остатками дракона, во дворе ликование, высыпала вся челядь, со стен спустились страхи, кому не выпало счастье сопровождать нас в поездке.

День прошел в мелочных разборах всяких пустяковых жалоб, я-де еще и верховный судья, пришлось разбираться с прошениями крестьян, почувствовали демократа, ничего, я вам покажу свой вариант демократии, потом навалились заботы о композитных луках, сам отбирал в лучники новобранцев, поездку пришлось отложить до завтрашнего дня.

Я посчитал по пальцам, до отъезда на турнир еще десять дней, надо торопиться. Похоже, успею смыться на турнир еще до рыцарского суда по жалобе барона Пусе, а турнир, надеюсь, причина уважительная.

На следующий день выехали на демаркацию кордонов сразу на рассвете. К моему удивлению, в отряд напросился отец Ульфилла. Я собирался проявить характер и указать ему его шесток, но священник, толстый, как гигантский боров, стоял передо мной неустрашимо, явно напрашиваясь стать великомуучеником или хотя бы просто мучеником, это тоже святой, только районного масштаба.

Гунтер проговорил в нерешительности:

- Ваша светлость, в дороге всякое встречается...
- Ну и что? — прорычал я.
- Только священник может отогнать нечисть, ваша милость. Его защищает сан, в то время как нас — только мечи.
- Считаешь, этого мало? — спросил я, быстро подумав.

мал, вспомнил, что священник был и с теми орлами, кто осаждал замок леди Клаудии, да только исчез подозрительно быстро, вообще вожаки рыцарских отрядов стараются брать священников в походы, извлекая из их присутствия какую-то пользу, а я, дурак, сам отказываюсь. — Ладно, пусть едет. Но, Гунтер, он едет только по твоему слову! Так что следи, понял?.. Чем больше будет докучать, а наверняка докучать будет, тем хуже тебе.

Я свистом подозвал Зайчика, конь рванулся и, проволочив зазевавшегося конюха по каменным плитам двора, остановился только передо мной.

Конюх поднялся, стряхивая пыль, колени и локти ободраны, виновато раскланялся и поплелся, прихрамывая, к конюшне. Я потрепал по шее Зайчика, он повернул голову и понаблюдал, как я вставляю ногу в стремя.

Отцу Ульфилле подвели мула, я ничего другого и не ожидал, с мула до земли падать ближе, и мы выехали через боковую калитку.

На этот раз обеспокоенный Гунтер держался рядом с отцом Ульфиллой, что-то старательно объяснял, тот, судя по багровой роже, вот-вот лопнет в праведном гневе, со мной ехали Зигфрид и Ульман, вперед унеслись на легких конях трое лучников, еще с десятка два поехали сзади, прикрывая сюзерена от удара в спину.

Правда, по указаниям Гунтера разведчики пытались объехать опасные, по мнению Гунтера, места, я сурово напомнил, что если закрывать на опасность глаза, она не исчезнет, а вот подкрасться может. А то и нападет без всякого подкрадывания. Гунтер поскрипел, но велел держать курс прямо.

Хотя я не уверен, что ехали так уж и прямо: все равно приходилось огибать слишком густые рощи, ручьи с обрызгистыми берегами, болотца и вообще топи, их Гунтер и все остальные замечали издали, а я не мог отличить самую что ни на есть топь от простого болотца, где вода едва покроет конские копыта.

Дорога снова неожиданно вильнула в сторону. На этот

раз есть хоть повод: въехали на вершину холма, отсюда хорошо видно, как тропка, на бегу виляя бедрами, ринулась в сторону небольшой рощи, а затем выползла оттуда сытая и довольная, поползла ближе к скалам. Даже не роща, сказал я себе, а три невероятно могучих дерева, чьи привольно раскинутые ветви могут укрыть от палящего солнца целое войско. Из-под корней выбегает ручей, даже отсюда видны на поверхности воды крохотные зеркальца.

— Место для привала? — поинтересовался я. — Как будто нарочно поставлены. Когда-то был караван-сарай, верно?

Зигфрид заметил осторожно:

— Не знаю, совместимо ли ваше христианское благочестие паладина с... гм... словом, это непростые деревья. Таких больше на свете нет. Семян не дают, а как размножать отводками или подвоем — давно забыто. В смысле — пробовали, но не получается. Если бы не удивительное долголетие...

— А что в них особенного?

— Говорят, созданы древними магами.

— Выращены?

— Созданы. Для того чтобы давать приют и кров.

— Ну, это все деревья дают!

Зигфрид сказал с почтением:

— Эти не просто дают! Они — оберегают. Заодно лечат мелкие раны.

Ульман сказал с другой стороны:

— И лечат, и вообще... Посидишь в тени — будто хорошо выспался.

А один из лучников сказал задумчиво:

— Говорят, если кору пожевывать, такие видения, такие видения...

— Сам пробовал? — спросил Ульман.

— Рассказывают. Думаешь, эти деревья везде? В моих краях о них только легенды да рассказы. Эх, зато какие... Хотя, если верить старым летописям, такие росли и у нас.

— Их монахи вырубили, — заявил авторитетно Уль-

ман. — Чтоб, значит, народ не отвлекался от церкви. Любое чудо — только от Бога!

Я смолчал, что любое чудо, вопреки распространенному мнению в народе, бывает только от дьявола. Христианство принципиально отрицает чудеса, вещие сны, предсказания судьбы, астрологию и все то, что на самом деле пришло из язычества и мимикрирует под христианство.

Остановились, поджидая приотставших Гунтера и отца Ульфиллу. Двое лучников все время держатся от меня поблизости, хотя делают вид, что скачут сами по себе, телохранители хреновы.

Зигфрид спросил громко:

— Патер Ульфилла, тут скрытый язычник Ульман усомнился, что именно священники вырубили все эти деревья, что давали кров... Ведь правда же?

Отец Ульфилла восседал на муле с достоинством, неподвижный, как фараон. Даже обвисшие щеки не подпрыгивают, но это заслуга мула, так плавно идет, словно на шинах с автоматической регулировкой давления.

— Неправда, — обронил отец Ульфилла. Подумал, добавил осторожно: — С тех времен не сохранилось летописей... Церковь тогда... Нет, церкви тогда еще не было. Были отдельные общины христиан. Мы не знаем сейчас, что и как делалось в то не освященное Божьей Благодатью время...

Зигфрид поморщился, спросил нетерпеливо:

— Отец Ульфилла, а что делать с этими деревьями?

Священник очень медленно повернул голову. Могучая шея побагровела от усилия, маленькие глазки взглянули из-под заплывших жиром век.

— С этими?

— Да, с этими, — сказал Зигфрид терпеливо.

— А ничего, — ответил священник кротко.

Зигфрид вскрикнул:

— Отец Ульфилла! Не морочьте нам, примерным христианам, головы. Это дьявольские деревья или благословенные? Третьего не дано, вы знаете.

Лучники сгрудились вокруг, вытягивали головы. В наступившей тиши отец Ульфилла ответил, подумав:

— Насколько я знаю, высшие иерархи Церкви, занятые важными вопросами, еще не подошли к делу об этих деревьях. Если от дьявола — их срубят и сожгут, а пепел развеют, если же их благословила Дева Мария... есть и такое мнение, что эти деревья будут под защитой Церкви. И тогда всякий, кто нанесет им вред, да будет наказан...

Он перекрестился, сказал кротко «Аминь», мул кивнул и потрусили дальше. Разочарованный Зигфрид ругнулся, вот так и пробуй припереть такого к стенке: скользкий.

Глава 3

Деревья очень медленно, нехотя проплывали мимо, я видел, как ветви тянутся в нашу сторону, словно слуги, что вот примут дорожные плащи, шляпы и трости, а другие ветви тем временем накроют на стол.

Кони бодро шли по берегу ручья, Гунтер, на правах гида, пояснил:

— Вообще-то это речка. Сейчас пересохла, засуха, а как хлынут дожди — столетние дубы, выдранные с корнями, плывут, как соломинки!.. Если присмотреться, то вон от того холма, видите, ваша милость?.. Там земли сэра Уландря, Вервольфа, теперь уже нашего заклятого врага, а если еще дальше, то уже владения сэра барона де Трюфеля — Кабана, но отсюда не видно. Вообще-то, ваша милость, вы сумели прихлопнуть одним камнем двух зайцев.

— Как? — поинтересовался я, всегда приятно слышать, что сделал нечто правильное.

— А когда вы завалили у требушетов Конкейна, брата Гуинга Одноглазого, и Оранджа, а еще графа Олоферна, этого мы с Ульманом, двоюродного брата Одноглазого. Они все равно бы с ним вместе охотились бы за вами.

— Неплохо, — пробормотал я. — Проблем не меньше, но стало проще.

В кустах вскрикивали птицы, из нор высовывались

крупные ящерицы и смотрели нам вслед круглыми слюдяными глазами. Ручей изогнулся и ушел в сторону моих земель, мы ехали по равнине, на миг открылся вид на замок Кабана, но на таком расстоянии я ничего не рассмотрел, к тому же выпливший клин леса ревниво скрыл от чужих глаз главную опору феодализма.

— Уже скоро, — хмуро сказал Гунтер.

Мне показалось, что на этот раз мы прибыли гораздо быстрее, чем в прошлый. То ли просто привыкаю, в первый раз всегда любая дорога кажется длиннее, то ли Гунтер все-таки водит разными тропами, избегая опасных мест.

На груди слегка шелохнулось, так мне показалось, сперва подумал на серебряный крестик, но пальцы нашупали и вторую цепочку, амулет висит несколько ниже крестика, его предпочитаю не показывать, все-таки я паладин, а у паладина морда должна быть ящиком, во взгляде сплошное благородство и бескорыстие.

Амулет в пальцах потепел, я зажал в ладони и, свесившись с седла, опустил руку. Тепло разлилось по всей кисти, а в ладони я словно держу уголек.

— Неплохо, — пробормотал я. — Теперь верю, что здесь были богатые земли.

Гунтер проехал вперед, оставив священника на попечение лучников, но услышал меня и остановил коня.

— Ваша милость?

— Экономика должна быть экономной, — сказал я, — когда жрать нечего. Но как насчет увеличения золото-валютных резервов?

— Ваша милость...

— Вижу, одобряешь, — прервал я. — Мне вот сейчас видение... На этом месте некий праведный человек не то закопал, не то потерял немалое сокровище. Если мы его достанем, то мне не придется раскошевливаться на восстановление церкви...

Отец Ульфилла сказал с негодованием:

— Церкви не требуется ваших сомнительных денег! Ве-

рующие сами принесут пожертвования, а на восстановление стен поработают без всякой оплаты...

— А я, как отец народа, — возразил я, — должен заботиться, чтобы мой народ не терпел нужды и не перенапрягался на религиозных работах, что есть дурман... в основном. Ладно, уговорили! Половину найденного — церкви, половину в пользу государства, то есть мне... Хотя нет, не теократия же, в конце концов! Половину государству, а половину разделите между моей дружиной и церковью.

Гунтер одобрительно крякнул:

— Верное решение, ваша милость! Но вы уверены...

— На все сто, — ответил я.

— А раньше у вас... — он замялся, подыскивая слова помягче.

— Бывало, — заверил я, — бывало. Но редко. И слишком мелкие монеты, копать не стоило.

Зигфрид посмотрел на меня и ухмыльнулся. Он-то и за самой мелкой монетой вырыл бы траншею отсюда и до обеда: не знал, видать, сэр Ричард бедности!

Они слезли с коней, достаточно быстро и умело рыхлили землю остриями мечей и топоров, сказывается сноровка: приходилось закапывать своих и чужих павших. Я повертелся в седле, есть соблазн, пока роют яму, промчаться хотя бы вот до того леска, но все мы умнеем: на этот раз решил не удаляться, достаточно и раза попасть в лапы Черного Волка, соскочил наземь и пошел бродить кругами, разминая ноги.

Редкие деревья расступались, за толстыми стволами появилась просторная поляна. Я засмотрелся на странную траву ярко-лилового цвета, такой еще не встречал, а когда последние деревья шагнули навстречу и прошли по обе стороны, я увидел на просторной, как теннисный корт, поляне высокий камень, изображавший языческого идола. Голова и лицо высечены грубо, но скульптору удалось передать свирепую силу древнего бога, ярость и жизненную мощь. А от головы и до самой земли камень — просто столб,

разве что на обращенной к нам стороне выбиты полуустертыe знаки.

Стебли металлически позякивают по сапогам, блистают искры, словно на лезвиях бритв. Кроме этой лиловой, никакой травы нет...

— Остановитесь! — раздался за спиной вопль.

Я оглянулся, Гунтер застыл в десятке шагов от меня, не решаясь приблизиться. Он смотрел на камень с трепетом, лицо медленно бледнело. Губы затряслись, темные глаза от ужаса стали арийски светлыми, а усы встали дыбом, отчего стал похож на ежа.

Молот уже в моей руке, меч в другой, я быстро огляделся.

— Да что с тобой?

— Ваша милость, — почти прошептал он, — ни шагу дальше! А теперь... медленно идите обратно... Если сможете. Если не сможете, то все равно пытайтесь, вдруг да... Но не приближайтесь к тому камню, только не приближайтесь! А я пока отца Ульфиллу кликну!

Я покал плечами, для пробы сделал два шага назад, не поворачиваясь, трава путается под ногами, цепляет за сапоги. Едва не упал, замахал руками, как страус, что учится летать.

— Да что за камень?

Гунтер проговорил торопливо, в голосе звучало величественное облегчение:

— Великой вы силы... человек, если сумели! Я даже не знал, что они еще существуют.

— Какая-то реликвия?

— Ох, лучше и не знать...

— Но это же моя земля? — сказал я надменно. — Я должен все проверить, пощупать...

— Ох, ваша милость! И на своей земле приходится какие-то места обходить. Болота, к примеру. Или ямы в земле.

Я подумал, кивнул:

— Резонно. Так что это?

— Не знаю, что такое реликвия, но они в нашем подлунном мире со времен императора Альфреда Первого и

добрелестного короля Гарольда Смелого. Эти камни что-то выполняли, но все забыто. Если человек прикоснется к ним или хотя бы присядет на этой поляне ненадолго, то уже, считай, обречен...

От группы раскапывателей отделилась толстая фигура, покатилась в нашу сторону. Ветерок трепал края рясы, я подумал, что отцу Ульфилле еще есть куда поправляться.

— Что, — поинтересовался я и оглянулся на камень, — такого несчастного трава заест?

— Нет, — сказал Гунтер торопливо, — он обычно бредет дальше по своим делам. Но никто потом не прожил дольше, чем пару недель. Наконец народ смекнул, камни сперва обходили стороной, потом взялись разрушать. Это было трудное дело, ваша милость! Пробовали стрелами, привезли катапульты, а их непросто в такой лес... Словом, поразбивали сперва те, что вблизи городов и сел, потом те, что у дорог...

Отец Ульфилла приблизился, пыхтя, как паровоз, приближающийся к станции, возопил издали:

— Изделие дьявола!.. Изделие дьявола!

Он вытащил трясущимися руками огромный крест, бесстрашно попер прямо по синей траве к камню. Мы услышали его яростный крик:

— Не устрашусь зла!.. Да расточатся врази Его, да исчезнет ненавидящий Его, яко исчезает дым...

Гунтер побледнел, сделал движение броситься за священником и вытащить его из опасной зоны, но и себя жалко, да и не сюзерен это, чтобы жизнью рисковать.

— Его не тронет, — проговорил он с некоторой неуверенностью. — Он ведь служитель церкви...

— Но не святой, — возразил я. — Этот камень здесь никому не вредил, кроме лесных зверушек?

— Да, ваша милость.

Я понаблюдал за отцом Ульфиллом, тот приблизился к камню вплотную, брызгал святой водой из фляги, снова и снова осенял крестом.

— Может быть, эти камни и повинны в появлении гоб-

линов?.. Ладно, это всего лишь гипотеза. Но она не достаточно безумна, чтобы оказаться верной.

Священник обернулся к нам, устрашающе багровое лицо покрылось бисеринками пота, глаза вылезали из орбит. Он прохрипел:

— Сэр Ричард!.. Вы обязаны сейчас же уничтожить это дьявольское создание!

Я переспросил:

— Сейчас же?

— Да! Немедленно!

— А это точно дьявольское?

— Да! — рявкнул он. — Я же чувствую, что в нем нет ничего христианского!.. Это чистое Зло!

— Да, — ответил я со вздохом, — как и грузовик, что иной раз давит людей, как и самолет, на котором можно в небоскребы... Да, надо уничтожить. Незачем грузовику стоять во дворе короля Артура... Отойдите, отец Ульфилла.

Гунтер ахнул, когда священник хоть и с усилием, но отодвинулся от камня и начал отступать, не отводя от него глаз. Крест в поднятой руке угрожающе блестел, как лезвие обнаженного меча.

Рукоять молота охотно скользнула в мои пальцы. Я взвесил на ладони, взгляд упал на лиловую траву. Вряд ли такая уж доминантная, иначе расползлась бы и дальше, а так, похоже, только она устойчива к радиации... назовем это так, остальные же травы опасливо убрались подальше. Да и тихо здесь, ни бабочек, ни кузнечиков, ни муравьев... Ну, уж если муравьи не признают это место, то оно в самом деле проклято.

— Во имя Господа, — произнес я и сделал замах. — Мы наш, мы новый мир построим...

Молот ударил в самую середину каменного столба. Тот отозвался звонким, непривычно чистым звуком. Во все стороны брызнули мириады острых алмазных кристалликов. Выглядело, как если бы я разбил не то витринное стекло, не то глыбу льда.

Священник ликующе вскрикнул и воздел крест обеими руками над головой.

- Лаудетор Езус Христос, — пробормотал Гунтер.
- Лаудетор, — согласился я. — И вообще все *ad meliora*.

Подошел Ульман и склонил голову, даже что-то поворчал себе под нос. Вид у него достаточно благочестивый, даже задумчивый, так что Иисус Христос не зря все это затяял, это круто, когда задумываются даже такие люди.

Отец Ульфилла снова начал брызгать святой водой. Осколки блестели в траве, как ледышки. Гунтер перекрестился, а Ульман спросил неуверенно:

- А эти кусочки... их не разберут на амулеты?
- Могут, — согласился Гунтер.
- Он оглянулся на меня, я кивнул.
- Сделаем христианское дело. Там ребята уже вырыли яму, туда и сбросьте все, что отыщете. Пусть потом Шлиман потутанхамонит.

От нашей раскопки донесся ликийющий крик. Тюрингем подпрыгивал на краю ямы и махал нам руками. Все мы, кроме священника, метнулись к раскопкам, яма приближается с каждым шагом, показались спины и плечи согнувшихся лучников.

Пыхтя и постанывая, они приподняли огромный кувшин, но, едва попробовали вытащить на поверхность, глиняные стенки лопнули, наружу с мягким звоном посыпались золотые монеты.

Ликиющие вопли стали громче. Отец Ульфилла оглянулся, я видел, как он сделал движение в нашу сторону, но справился с соблазном, что явно посыпает дьявол, остался кропить святой водой осколки дьявольского орудия.

Лучники с усилием подняли остатки монет на донышке. Гунтер и Ульман приняли наверху, на меня поглядывали с ожиданием, но я хранил надменное выражение отрешенности и безразличия, как, по-моему, и должен смотреть феодал, даже крупный феодал, а я крупный, если не по размеру замка и владений, так хотя бы по росту.

Гунтер сказал лучникам строго:

— Чтобы все собрали!.. Карманы я потом проверю!

— Обижаете, — протянул один. — Кто ж осмелится?

Его светлость на длину копья в землю видит, он же нас насквозь...

Гунтер оглянулся на меня, я многозначительно хмыкнул, сощурился и смолчал.

Собранные монеты выкладывали кучкой на расстеленном мешке, его вдавило в землю. Я вспомнил, что поллитровая банка, если наполнить золотом, будет весить двадцать девять килограммов. В золотозапасниках часто потешались над новичками: указывали на стол, где стояла острием кверху золотая отливка в виде конуса, размером всего в два кулака, и разрешали забрать себе, если сумеешь, мол, поднять и унести голыми руками.

Когда все монеты выловили, перерыв землю еще на глубину кинжала, Гунтер послал лучников собрать обломки камня и захоронить в этой яме. Отец Ульфилла явился, бросил алчущий взгляд на горку золота, облизнулся, потер ладони, глаза жадно заблестели, но все же тщательно прокладил, чтобы обломкисыпали в яму, чтобы никто не приберег осколок для порчи: даже врага надо разить честно, а не гадить исподтишка, лишь потом повернулся ко мне.

— Сэр Ричард, — сказал он с некоторым вызовом, — я не уверен, что это золото не послал дьявол...

— Но зачем? — спросил я.

— Для совращения умов, — огрызнулся он. — Для введения в заблуждение!.. Он мог пожертвовать малым, я имею малым тот камень, чтобы ввести в мир нечто более страшное!

Гунтер и все воины насторожились, слушали очень внимательно, в глазах почтение.

Я отмахнулся:

— Гипотенуз я и сам могу нагородить. Разделите золото, да едем дальше. Боюсь, что снова застрянем где-нибудь.

Гунтер сказал бодро, не отрывая глаз от сверкающей кучки:

— В третий раз всегда добираются!.. Ну, с Божьей помощью, делить доверите мне?

— Ну не отцу же Ульфиле, — ответил я саркастически. — Уж загребущие руки церкви знаем, знаем.

Туча, что сперва выглядела безобидным облачком, разрослась, захватила полнеба, а потом, посовещавшись сама с собой, двинулась в нашу сторону.

Тюригем заорал, без команды повернул коня и погнал в сторону леса с криком:

— Тут поблизости такой дуб, такой дуб!

Гунтер взглянул на меня вопросительно, я кивнул, подумал, что Тюригем выказал себя сметливее всех: можно что-то сделать и без моего прямого указания, если это на пользу всем.

Мы едва-едва успели на полном скаку достигнуть кромки леса, как гроза обрушилась со всей мощью. Сильный ветер швырнулся в спины клочья мокрой травы и сорванные листья, вода обрушилась с мощью водопада, и, когда мы наконец достигли места, где нас поджидал Тюригем, даже кони выглядели разбухшими от воды.

Дуб в самом деле раритетный: для обхвата уж и не знаю, сколько понадобится человек, высокий и могучий, а крона, как великолепным шатром, укрывает участок в шесть-восемь соток. А если учесть, что не менее могучие корни выпиваются все соки в районе этих же шести-восьми, то вокруг сухая и почти ровная земля, ни одной травинки, зато на ладонь засыпано сухими панцирями коричневых желудей.

Они по-домашнему зашелестели, когда мы рассаживались под многослойной защитой ветвей, даже сырой воздух проникает сюда с трудом, хотя за пределами дуба его можно выжимать, как тряпку.

Тюригем собрал хворост и начал высекать огонь, все сгрудились в ожидании жаркого пламени, что высушит одежду, согреет, наполнит жилы горячей кровью, взвеселит, но Тюригем безуспешно бил кремнем по огниву, мелкие искорки падали в отсыревший мох и не желали за-

жигаться. Лучники ежились, вздрагивали, один обхватил себя руками за плечи, стараясь согреться, а Тюригем закусил губу и, сдерживая проклятия — пару раз задел чалец, выступила кровь, — упрямо колотил и тут же бросался на брюхо, пытаясь раздуть слабую искорку.

Я вспомнил разговор с Тертулианом, заколебался, но попытка не пытка, сделал шаг к Тюригему, протянул руки к ветвям и возвзвал:

— Господи, будь у нас огонь, осталось бы больше времени на восславление Твоего имени!.. И вообще — для добрых дел. Сотвори чудо — дай нам огонь!

Тюригем с криком отпрянул: во мху показался огонек, причем — совсем не там, куда падали искорки. Вспыхнул слабо, но все-таки огонек. Кто-то из лучников упал на брюхо и торопливо подул, одновременно подкладывая тонкие полоски бересты. Огонь разгорелся, начал лизать хворостины, расщелкивать их, взвился красными язычками. Лучники попятились от огня, смотрели на меня расширенными глазами. Я смиленно перекрестился, указал на костер.

— Согреемся, братие. Тюригем сварит похлебку, ужремся всласть, душа воспоет... Все во славу Господа нашего, все во славу...

— Аминь, — сказал Тюригем торопливо:

Я перекрестился небрежно, словно мууху отгонял, паладин для Бога свой парень, они же клали крестное знамение размашисто, истово, со всей верой в скорый приход комму... царства небесного для всех людей, кроме колдунов и еретиков, а также язычников, мусульман и православных.

Подъехали двое лучников, сопровождая отца Ульфиллу, помогли слезть с мула. Все трое мокрые до нитки, грязные, залепленные листьями, лепешками травы, комьями грязи и всякой прочей гадостью. Отец Ульфилла клял мула: едва тащил смиренного слугу церкви, но лучники за что страдали? Трясясь и стуча зубами, они тянули руки к костру, им уступили место.

Странный ливень в середине июля, вода просто ледя-

ная. Все трое промокли до костей, священника отвели к огню. Тюрингем наклонился к его уху, что-то шепнул. Отец Ульфилла отпрянул от костра, глаза дикие, ухватился за крест и поспешно осенил костер широким знамением.

Огонь из красного стал золотисто-желтым, взметнулся выше, едва не задев корону дуба.

— С нами Божья сила, — пробормотал Гунтер.

— Dictum — factum, — согласился я. — Мои аплодисменты отцу Ульфилле. В следующий раз костер разжигать доверим ему.

Священник с минуту бормотал молитву, очищенный костер горит ярко и мощно, от него сухой жар, как из распахнутых дверей сауны. Над головой неумолчный шум, дождь все еще с силой колотит по листьям, а по краям, где сумел прорвать оборону, низвергаются целые ревущие потоки, бьют в землю с такой силой, что взлетают комья земли, как при бешеной скачке на горячем коне.

Земля сухая на сотню шагов в диаметре, корона могучего дуба не пропускает ни капли. Все отдыхают, пережидая ливень, а я задумался над сотворенным чудом. Что не Господь возжег костер — дураку ясно, Бог не станет такой херней заниматься, как разжигать костры, заставлять плакать иконы и вообще что за дурь — слушать молитвы дураков? Если где на земле и случается то, что народ называет чудом, и видит в этом проявление моши Бога, к нему никакого отношения это не имеет. Бог сделал свое дело: создал мир, Бог может уходить.

Так что я воспользовался той силой, что все еще разлита в атмосфере... или не в атмосфере, а везде-везде, как реликт древних эпох, но это еще не значит, что я подключился на халюву к Божественной силе. Просто наверняка существовала защита от дурака, что не позволяла использовать эту мощь в корыстных целях. Строгая защита, на ментальном уровне, каждое желание проверялось на предмет соответствия стандартам. Понятно, что даже если какие-то единицы и сумели нашупать это силовое поле, то

это им ничего не дало. Ни власти над миром, ни кучу голых и покорных баб, ни жену соседа, ни сундуки с золотом.

А я? Загорелся ли костер потому, что я возжелал добра не столько себе, как другим, прежде всего пожалев несчастного Тюрингема? Если это так, то открывает щелочку к тому, что называем магией. Пусть даже самой белой, ну прямо незапятнанной.

В мозгу блеснула еще одна странная идея. А не потому ли я смог «подключиться», что силовое поле опознало меня как «своего», то есть... продукт более продвинутого времени? Но, признав, все-таки ограничило меня, так сказать, на самом начальном уровне. Я смог разжечь самый крохотный огонек, едва-едва воспламенил мох, но не смог бы поджечь даже самую тонкую хворостинку. Тем более не подпалю дерево.

Что ж, вернемся — велю не только восстанавливать те церкви, что разрушены или заброшены, но и построю пару церквей. Не в замке: отец Ульфилла уже развил бурную деятельность, а где-нибудь в крупных селах. Кстати, эту церковь, что восстанавливает отец Ульфилла, я могу, наверное, записать в свой актив? Хрен бы он ее восстановил, если бы я не уничтожил злого колдуна Галантлара... вот еще один плюсик!.. и не передал таким образом эти земли в руки церкви, что признал своим появлением сам Тертуллиан!

Шум водопада над головами оборвался. Ливни не бывают долгими, а этот вообще как ножом отрезало. Тюрингем сразу же бросился к лошадям, я дождался, когда мне сразу трое человек, соревнуясь за право быть ближе, подвели Зайчика.

Все-таки, подумал, есть странность в том, что остатки силового поля выполняют желания именно служителей церкви. Правда, изредка, крайне редко, но все-таки именно они, служители церкви, как-то нашупали... Все-таки когда-то это была, наверное, эдакая всемирная сеть, как Интернет, и охватывала все и вся. И как я по Интернету заказывал все, что угодно, от доставки пиццы на дом и до авиабилетов, говорил с приятелем на другом конце света,

видя его морду на экране мобилы, так и здесь нечто подобное, только здесь на порядок или на несколько выше... В смысле когда не посыльный приносит пиццу и ждет, когда расплачусь, а желание выполняется сразу... как здесь сказали бы, по волшебству.

Я сосредоточился, стараясь не потерять мысль, что постоянно ускользала, пытаясь отыскать проблемы прошле: затащить ли сегодня в постель Фриду или же кого-нибудь из новеньких, напомнить про сокровища, которые выкопали благодаря мне, такому замечательному и щедрому, погонять сопровождающих, наслаждаясь властью...

...нет, мысль ускользнула, но, чувствую, еще вернется. Такое вот, тревожащее, возвращается.

Глава 4

Хмурые деревья остались за спиной, на опушке встретило яркое, умытое ливнем солнце. От мокрой земли пар, лужи исчезают на глазах, прибитая крупными каплями трава со стонами и вздохами распрямляется, осматривается, прикидывая, как и куда запустить корни и протянуть листья.

Конские копыта увязают в размокшей почве, но не погружаются глубоко: земля не успела наполниться влагой. И с каждым конским скоком как будто становится плотнее и суще.

Гунтер на правах поводыря то и дело заезжал вперед, а по тому, как притормаживал и брал в руки топор, мы уже знали, что заметил впереди нору гоблинов, не знающих страха волков или бродячего тролля.

Лучники бросались к нему наперегонки. Страх перед чудовищами, который охватывает вне стен замка, уже испарился, все старались показать свою меткость и дальность в стрельбе, поражая опасных тварей.

Двое лучников, которых приставили охранять вечно отстающего отца Ульфиллу, глядели нам вслед с завистью.

Гунтер остановился на вершине холма и угрюмо смотр-

рел вперед, не притрагиваясь к боевому топору. Лицо стало бледным, осунулось, в глазах непривычная для этого супового немногословного воина тоска. Я посмотрел на него, на равнину. Впадина, как будто с неба упала панцирем вниз огромная черепаха, от морды до хвоста километра четыре... Нет, у черепахи панцирь рифленый, а здесь как будто ударили по земле щитом или даже тазом. Вмятина осталась идеально круглая, с удивительно ровным, словно выверенным по циркулю дном.

Не слишком глубокая яма, именно впадина, а не яма, но чем больше я на нее смотрел, тем страшнее становилось. Наконец волосы зашевелились и встали дыбом. Как будто стальной шарик подшипника ударил и отпрыгнул обратно в космос. Эту яму мог образовать только... нет, даже не взрыв, а нечто вроде гравитационного удара.

Гунтер взглянул встревоженно:

— Ваша милость, вы так сбледнули...

Я огрызнулся:

— С вами не только... этим самым станешь. Давно это было?

— Давно, — ответил он. — Видите, травой заросло?.. А внизу родничок. Туда козы повадились, очень им трава тамошняя по вкусу. Да и я скажу, нигде такой сочной и мясистой не видел.

Я зябко передернул плечами.

— Не дохнут?

Он не отрывал от моего лица внимательных глаз.

— Вроде бы нет. Но вам, ваша милость, как будто бы такие ямы знакомы?

— Нет, — ответил я чистую правду. — Никогда не видел!

— Гм, а мне почудилось...

— Креститься надо, — сказал я строго.

Он перекрестился, это по-христиански, сплюнул через левое плечо, отдавая дань язычеству, потрогал амулет на шее — это от веры в силу заговоров и вообще в магию, практичный человек Гунтер, ни с кем не желаетссориться,

почти общечеловек, но в то же время топор держит твердо, от своих принципов не отступится.

— Да, — произнес он, — здесь всякие наваждения толпами, а то и стадами.

— Вообще-то ты прав, — признал я. — Это я представил, что здесь творилось, когда ваш дурак колдун не ту кнопку нажал! В смысле заклятия перепутал.

Он кивнул, морщины на лице стали резче.

— Здесь был город. Большой, богатый. И много колдунов, вы угадали... Кто из них что раскопал, теперь уже не узнать. Те, кто уцелел в дальних селах, рассказывали, что небо озарилось оранжевым, словно появилось второе солнце. И сразу же упало на землю. Заклокотал вулкан... А потом и он в пыль, осталась яма. Говорят, сперва был только оплавленный камень, потом нанесло земли, семян, уже лет через пять наросла трава, а сейчас вот кусты, кое-где уже и деревья...

Мы спустились с холма, земля плодородная, на бесплодной не вымахают такие буряны. Приходится привставать в стременах, чтобы не затеряться, однако все в запустении, даже дорога, на которую наконец выбрались, заброшена, забыта, а трава с обеих сторон старательно отгрызает корнями кусочки твердой каменистой земли, стремясь уничтожить даже намеки на дорогу.

Я поглядывал по сторонам, если и находил следы человеческой деятельности, то сейчас только заброшенные сараи, полуразвалившиеся постройки, замершие колодцы... Иногда угадывалось даже поле, там дикая трава, но кустарником застили не успело, в то время как дальше строго по линии настоящая чаща.

Я пробормотал:

— И сказал Иван Сусанин полякам: «Водки, ребята, не обещаю — но погуляем хорошо»...

— Иван Сусанин? — переспросил Гунтер. — Кто это?

— Да был такой гунтер в наших краях...

И все же вскоре увидели впереди по дороге живое село, стадо коров, множество гусей в пруду, два десятка домов,

но проходы завалены бревнами, а дорогу в село преградили невысокие ворота, я бы их назвал просто шлагбаумом. С той стороны наблюдали за нами двое молодых парней. Когда им показалось, что едем именно к ним, один пронзительно свистнул, сразу же из домов повыскакивали с луками, арбалетами, у кого-то топоры, косы, боевые молоты, палицы...

Гунтер сказал с кривой усмешкой:

— Вольное село.

— Не признают хозяина?

— Да, смельчаки... Но если придут войска Карла, все равно придется искать защиты у сеньора.

— А пока живут, — сказал я, — не платят подати. Вроде бы хорошо, однако же что-то в этом есть и нехорошее. Не находишь?

Он подумал, крякнул:

— Верно, ваша милость. Так вроде смелые люди, но, с другой стороны, они же прячутся от настоящей мужской работы! А как же родину защищать? А как налоги платить, чтобы новую церковь выстроить? Учителей нанять, их же детей грамоте учили бы? Нет, это тоже воры.

Воры поневоле, подумал я хмуро, но смолчал. Может быть, родину и пошли бы защищать, но вот постоянно класть головы в сварах их господина с другими господами — осточертело. Может быть, родину защищать от вторжения армий Карла придется, а может и нет, а вот ежедневно и ежечасно кланяться господам, работать на барщине... есть у них такое?.. словом; выполнять какие-то унизительные повинности — придется постоянно. Вот и выбирают такую свободу, в которой есть нехорошее, но и хоть слабенькое, но оправдание...

Солнце в небе еще невысоко, пастух только-толькогонит коров на пастбище, но свернул на луг, чтобы не встречаться с нами, чужаками. Деревня уже проснулась, над домами дымки, козы разбрелись у околицы, щиплют траву и, встав на задние ноги, объедают листья с нижних веток.

У шлагбаума, загораживающего вход, пришлося посто-

рониться: навстречу важно идут гогочущие гуси: толстые, огромные, окормленные. Впереди двигается вожак: ростом с индюка, его не назовешь откормленным, весь из тугих жил, а когда посмотрел на коней впереди, я понял и поспешно подал лучникам знак уступить дорогу.

По ту сторону еще трое с луками, остальные с топорами, мечами, луками и арбалетами наблюдают за нами из-за поленниц с дровами, заборов, сараев. Еще в нашу сторону с нехорошим интересом посматривают три огромные лохматые собаки. Там у себя я больше привык к гладкошерстным, но в этих условиях, понятно, эти кудлатые куда практичнее: и на снегу могут спать, и пока через такую густую поросль доберешься до плоти, рот забьешь шерстью, а там и сам жизнь потеряешь, зубы у псов вон какие...

Что народ здесь вольный и способный постоять за себя, я убедился сразу. Вроде бы простолюдины, но у каждого либо меч, либо огромный тесак, почти все в удобных куртках из толстой кожи, стрела не пробьет, да к тому же там и сям нашиты полоски железа. Особенно толстые и длинные — на плечах, что сразу напомнило погоны. Этим людям носить доспехи не с руки, но вот такая железка на плече защитит от удара сабли, тесака, а то и меча, если сталь получше.

Мы ехали медленным шагом, вблизи шлагбаума я вскинул руку и сказал громко:

— Дорога идет через это село!.. В вашу жизнь вмешиваться не собираемся. Каждый сам выбирает свою дорогу. И сам отвечает за выбор.

К шлагбауму подошел кряжистый мужик, от всей фигуры веет силой и властью, окинув нас волчим взглядом из-под нависших бровей.

— Добро пожаловать, дорога свободна.

Подростки бросились к шлагбауму, жерди заскрипели, через мгновение проход освободили. Я пустил коня вперед, на него смотрели с восторгом и опасливостью — какой громадный и черный, — рыцари ехали за мною следом, следом замершие в седлах лучники.

Мы проехали через середину села, Гунтер хмыкнул и указал на большой котел на площади, там варится по меньшей мере туша быка, еще на бревнах рассаживаются парни с трубами, трещотками, молодежь выкатывает тяжелые бочки.

— У них праздник, не иначе...

Нас рассматривали с любопытством, без страха, а одна женщина прокричала:

— Это что же столько статных мужчин едет мимо?..

А ну слезайте! Будем праздновать вместе!

За моей спиной Зигфрид сказал громко:

— Сэр Ричард!

— Что? — ответил я.

— Зовут же!

— Ну и что?

— Обидим же отказом!

— Ну да, — сказал яsarкастически. — Да они рады, что мы уберемся...

Но нас уже окружили, по большей части женщины, смеялись и шутливо стаскивали с седел, местные мужчины криво улыбались, но не протестовали.

Я кивнул, разрешая нашим ненадолго покинуть седла, и тут же кони оказались без всадников. Правда, Гунтер строго велел коней не расседлывать и стеречь по очереди, доспехи не снимать, оружие держать под рукой. Выпьем по чаше вина с позволения его милости, а потом снова в путь.

Играли, как оказалось, свадьбу. Жениха и невесту посадили на возвышение, музыканты нещадно дудят и стучат трещотками, молодые задорные голоса завели песню, девушки и парни встали в хоровод, пошли сперва скованно, затем все веселее, взбодрились, начали выкидывать коленца, в полном смысле слова, только теперь понял, что выкидывать коленца — это вот так плясать, когда из-под длинных, до щиколоток, юбок вдруг проглядывают на мгновение округлые голые колени...

Мир прекрасен, в близость наступающего Зла не верится, тем более — дудки и рожки свистят, дудят, будораж-

жат кровь, а бубны и барабаны заставляют плясать даже нервы, ноги сами начинают притопывать, приплясывать.

Жизнь бурлит, а у людей живучести и приспособляемости больше, чем у муравьев: Зло рядом, уже завтра кто-то из этих людей может погибнуть, потому и пляшут так, словно в последний раз, потому и страсти спешат излиться в один день, но кто тратит много, тот и получает много. Потому и выжили, потому и живут так весело и вольно, что живота не щадят...

Голова слегка закружилась, слишком много красивых, даже слишком красивых молодых женщин, все налитые здоровым соком, яркие, поспевшие, раскраснелись от танца, обнаженные плечи в легких сарафанах сперва волнующе блестят в закатном солнце, теперь еще больше привлекают и горячат взор в отблесках багрового костра, вокруг которого пляска.

У женщин на груди стреляют таинственными бликами монисты, у всех парней на поясах кинжалы, ножи, но такие же и у женщин на узких поясах, здесь любая девчонка приучается давать отпор мелкой нечисти; забравшейся в хлев, пытающейся пролезть в курятник, к домашним кроликам или к уткам.

Я собирался сказать отечески строго, что погуляли малость, оттянулись и хватит, пора ехать дальше, как вдруг раздался женский крик. Музыка мгновенно оборвалась, мужчины вокруг нас хватались за оружие. Гунтер выругался, меч как будто сам прыгнул из ножен в его ладонь. Ульман и Тюрингем встали возле него уже с оружием, на меня смотрят в ожидании приказов, но не приближаются.

Из темного тумана в нашу сторону словно катится высокая морская волна. Солнце с той стороны, слепит, я не сразу различил десятка два крупных животных, размером с бизонов. Мчатся, плотно прижавшись друг к другу, но это не бег копытных, а стремительное прыжковое приближение хищников. Баррикады из бревен их не пропустили, но шла баум рассыпался, будто из спичек.

Мужчины с яростным криком бросились навстречу.
Заблестели клинки. Гунтер закричал:

— Килган, Алан!.. Коней, коней держите!

Испуганные животные вставали на дыбы, старались оборвать повод, двое лучников бросились к ним. Я не отрывал взгляда от бегущих в нашу сторону зверей, похожих на чудовищных кабанов, немногим мельче, чем чудовище, которое мы завалили с Тудором.

Выскочивших навстречу мужчин кабаны смяли, как высокую траву. Молот наконец вырвался из моей ладони. Я направил его навстречу громадному зверю, что несется чуточку впереди, явно вожак.

Страшный удар потряс его и отшвырнул в глубину стада. Сразу двое зверей сбились с победного бега, один захромал, другой завертелся волчком, а вожак остался лежать неподвижной тушей.

Остальные, добежав до котла с вином, в бешеной ярости гонялись за людьми, опрокидывали, хватали огромными, вытянутыми, как у гигантских крыс, пастьями. Иные врывались в дома, оттуда слышались душераздирающие крики.

Я бросал и ловил молот, каждое попадание с силой отшвыривало чудовище. Гунтер и копейщики умело встретили уцелевших выставленными копьями, впервые по ушам резанул пронзительный визг раненых зверей, а потом, к моему удивлению, уцелевшие повернулись и разом бросились прочь.

Молот дognал отставшего, тот и так хромал, я услышал хруст костей. Остальные унеслись быстрее, чем мчались сюда. Их осталось, как мне показалось, меньше половины.

На месте празднества ходили наши люди и местные сельчане, торопливо добивали чудовищ. Женщины тоже сновали с длинными ножами в руках, отовсюду слышался плач, гневные крики.

Гунтер подбежал, отрапортовал, преданно глядя в лицо:

— У нас только двое с легкими ранами!

— А местные? — спросил я.

Он отмахнулся:

— Человек десять насмерть, около двадцати ранено. Ничего, у них большая деревня. Это даже не потеря.

Ульман подошел, держа двух коней в поводу.

— Если бы не мы, они потеряли бы раз в пять больше.

— Точно, — подтвердил Гунтер.

Ульман взялся за стремя, предлагая мне поставить ногу. Я покачал головой.

— Надо бы помочь им... Хотя бы полечить.

Гунтер и Ульман удивленно переглянулись, Гунтер сказал твердо:

— Ваша светлость, мы и так для них явились, как спасение небесное. Уже местный колдун сказал, что нас послали их боги, хотя, понятно, это Пресвятая Дева Мария направила наш путь, чтобы устыдить их и подтолкнуть на путь веры.

Я поколебался, спросил:

— А у наших в самом деле легкие раны?

— Царапины, — заверил Гунтер. — Лечить их не надо, чтобы в другой раз были осторожнее.

— Ты прав, — согласился я. — Это лучший путь учебы, когда прищемят пальчик. Все по коням!

Зигфрид сказал тоскующе:

— Эх, опять по коням... Хотя бы раз услышать: по ба-бам...

Я не стал напоминать про леди Кофанну, у всех нормальных мужчин — любовь и плотские утехи со служанками и вообще женщинами — две большие разницы, но у рыцарей это особенно подчеркнуто и потому... ладно, смолчу.

Лучники седлали и вскакивали на коней, мы уже собирались выехать, когда к нам торопливо приблизились старейшины. Один прихрамывал, а у другого, помоложе, кровь выступила на левой щеке, правую не подставил, точно не христианин, празднично белая рубашка порвана и выпачкана грязью и кровью.

Старший поклонился, сказал густым хриплым голосом:

— Мы, свободный народ, благодарим за вашу помощь.

Мы давно отбиваемся от этих тварей, но никогда еще они не нападали такой большой стаей!

Я с высоты седла помахал рукой:

— Не стоит благодарности. Пусть пойдет в плату за ваше гостеприимство. У вас прекрасное вино... и рыбу ваши женщины готовят лучше всех.

Второй молчал, зыркал все еще неприязненно, мы чужаки, а когда я начал поворачивать коня, сказал глухо:

— Шкуры этих тварей очень ценятся. Если их на щит, то ни стрела, ни меч, ни топор не пробьет. Две трети — ваши.

Гунтер открыл было рот, я сказал веско:

— У нас прочные доспехи. А вот вам непробиваемые щиты еще понадобятся.

Когда мы отъехали, Ульман вздохнул — надо бы взять, Гунтер проговорил с облегчением:

— Я уж боялся, что вы, ваша милость, по милосердию великому, что граничит с дуростью, начнете всех лечить!

Ульман фыркнул, я пожал плечами:

— Признаюсь, собирался. Потом подумал, что если выбрали вольную жизнь, при которой не платят налоги, то не должны и помочь получать от государства? В смысле социальных выплат, медицинской службы, коммунальных услуг... Все должно быть справедливо.

Гунтер сказал обрадованно:

— Очень верно говорите, ваша милость, хоть и непонятно. Кто выбрал вольную жизнь, тот волен и от помощи.

— Уволен, — уточнил я. — А что это вот там справа за речка? Это она отделяет от Кабаных владений?

Ульман хрюкнул, Гунтер покачал головой:

— Ваша милость, вы совсем в своих землях не ориентируетесь. Таких речушек через ваши земли протекает шесть, а то и семь, если считать Черную Речку. Та, что отделяет от Кабана, втрое шире, берег с нашей стороны везде обрывистый, в этом нам повезло...

Еще бы, мелькнула мысль, если бы пологий с нашей стороны, а обрывистый со стороны Кабана, он велел бы

свой срыть, чтобы спуститься конными. Это теперь даже я понимаю.

Некоторое время мы ехали вдоль берега, Гунтер указал на ту сторону:

— А там уламры.

— Уламры? — спросил я. — Это что, племя?.. Или народец?

Гунтер покачал головой, в глазах настоящая жалость, как к уродцу, который неизвестно как уцелел на белом свете, таких даже куры загребают всеми задними лапами. Конь мой ступал мерно, по сторонам не смотрит, это я смотрю, стараясь увидеть на том берегу реки что-то жуткое, страшное, чудовищное, недаром же Гунтер подобрался, в глазах не то страх, не то почтение...

Глава 5

Лес отодвинулся, дальше зеленый простор, открылся вид на приземистый замок. Я остановил было коня, но Гунтер сказал вполголоса:

— Наша земля еще во-о-он до той речки!..

— Да, — ответил я, — чересчур близко к замку Кабана.

— Он посматривает на эти земли, — напомнил Гунтер. — Если бы не война с Талибальдом, уже захватил бы здесь все. Вплоть до нашего замка.

Мы шагом приближались к речке, я всматривался в каменные громады, на душе тревожно и гадко. Мой замок в сторонке, он хороший как убежище для гарнизона, но не защищает окружающий народ, а Кабан, стыдно признаться, в сравнении со мною, настоящий отец народа.

Для его замка не пришлось насыпать холм, как делают лорды на равнинах, массивная черная гора оказалась неплохим основанием. Конечно, кое-где подтесали, подровняли, но зато к замку не сделать подкоп, такой гранит крепче закаленной стали, стены упираются в небо, а острый шпиль на башне рвет в клочья облака, обагряя их кровью.

У подножия горы множество мастерских, там же и крестьяне, что приняли власть сеньора в обмен на его защиту. Выросло целое большое селение, появился рынок, поставили корчму, постоянный двор, а когда достаточно окрепли, начали строить еще одну стену, окружающую уже город... правда, выстроили только треть, но когда-то эта стена защищала весь город.

Гора чересчур крутая, чтобы вот так по прямой прямо в замок, дорога делает три витка, и везде горят защищенные от дождя и ветра светильники, чтобы опоздавшие могли подниматься в замок даже ночью. Внизу, в городе, всегда шумно, весело, сэр барон де Трюфель, в просторечии — Кабан, силен и грозен, никто не осмеливается нападать на села и города под его защитой, потому к нему стягивается все больше людей, а крестьяне приходят из дальних земель и просят принять у них клятву верности. Если так пойдет и дальше, он и сэра Талибальда в конце концов стопчет и до меня доберется...

Дорога поднималась вверх, наконец мы выехали на берег разделяющей наши земли речки, открылась низина, Гунтер громко охнул, а отец Ульфилла благочестиво начертал перед собой крестное знамение.

Большой отряд конных и пеших воинов не то осаждает, не то штурмует замок Кабана. Несколько десятков, если не сотня, лучников, выдвинувшихся вперед, обстреливают засевших на стене стрелков и воинов с шестами для сталкивания штурмовых лестниц.

Еще десятки людей бегут ко рву и с разбега швыряют камни, бревна, вязанки с хворостом. Со стен летят стрелы, раненых уносят под широкий навес, укладывают рядами, а между ними ходит священник с большим крестом в руках.

В лагере осаждающих только один шатер, над ним трепещет по ветру стяг с изображением золотого коня. Десятка два конных рыцарей, если рыцарей можно набрать так много в одном месте, держатся отдельной группкой, а остальные воины, не столь блестяще вооруженные и защи-

щенные, торопливо готовятся к штурму: обтесывают огромное бревно для тарана, мастерят длинные штурмовые лестницы.

За моей спиной Ульман сказал с великим удивлением:

— Что за безумец рискнул напасть на Кабана с таким крохотным отрядом?

— Считаешь, — поинтересовался я, — у них нет шансов?

— Да ни единого! — ответил он без колебаний. — Только безумец или полный дурак задумал такое... Пусть даже как-то переберутся через ров живыми... хотя их побьют еще там, но как на стены?.. Эти лестницы? Да я отсюда вижу, что их не хватит до края стены!

Гунтер вскрикнул:

— А вот и ответ Кабана!

Из-за роши галопом выметнулся большой отряд рыцарей, а следом хорошо вооруженные и в стальных панцирях всадники. Опустив длинные копья, на скаку развернулись в широкую цепь и двигались по дуге, отрезая нападающим путь к отступлению. В замке звонко пропела труба, поднявшись железнная решетка, медленно опустился широкий подъемный мост, а в воротах показался рыцарский отряд, ожидая, пока опустится мост.

— Дураки! — сказал Гунтер в сердцах. — Теперь Кабан зажмет их с двух сторон.

— Еще какие, — сказал и я. — Только раздразнили... Гунтер, эти, что из-за роши, проскачут мимо нас. Говоришь, наши лучники хороши?

Он вскрикнул:

— Ваша милость!.. Да нужно ли это нам? Двое в драку, а третий, то есть мы...

— Знаю-знаю, — прервал я. — Все же командуй!

Он вздохнул и тут же прокричал страшно:

— Лучники!.. Товсь!

За нашими спинами заскрипели натягиваемые луки. А со стороны леса земля задрожала от топота, лавина тяжелой кавалерии несется, как штурмовые танки. Гунтер

вскрикнул снова, посыпался страшный многоголовый свист. Лучники выпустили рой стрел еще из-под защиты кустов, каждый по четыре стрелы, прежде чем первые достигли всадников, осаждающих замок, но и тогда атакующие все еще в пылу не замечали, сосредоточившись на предстоящем ударе в толпу растерявшегося противника...

Тяжелые стрелы били в закованные тела со страшной силой. Я видел крохотные искорки, когда стальные клювы ударяли в металл доспехов. Некоторые всадники шатались в седлах, другие наклонились к конским гривам, кто-то сразу скользнул, испуганный конь тащит запутавшегося ногой в стремени. Раненые кони страшно ржут, поднимаются на дыбы, сталкиваются со скачущими рядом, падают, в воздухе мелькают копыта. Все новые всадники на полном скаку влетают в кровавый вал из человеческих и конских тел.

Гунтер орал и требовал стрелять быстрее, еще быстрее. Со всех сторон я слышал частые щелчки струн по кожанным рукавичкам. Сливаясь, это напоминало шелест, с которым крабы пытаются выбраться из котла.

Группа под стягом Золотого Коня, что готовилась отражать атаку конницы, спешно перестраивалась, две трети повернулись к конному отряду, что выметнулся из замка.

Поколебавшись, я пощупал молот, взял лук Арианта.

— Гунтер, держись здесь! Если что, отступай в лес. На рыцарских конях туда не вломятся.

— А вы, ваша милость?

— Посмотрю, что там за люди.

— Ваша милость, — вскрикнул он. — Не рискуйте!

— Посмотри на моего коня, — ответил я.

— Но ведь вы — паладин...

— А что, если паладин, то обязательно дурак?

Он смотрел вслед, явно не уверенный, что его сюзерену хватит ума повернуть коня и удрачить, если он узрит, что враг намного сильнее. Это, дескать, не по-рыцарски, нужно остановиться и драться, а там красиво умереть, чтобы, дескать, барды воспевали, а бабы рыдали... Щас!

Мой конь уже понимает, что если не в группе, то можно не принаршиваться к чужой скорости, с места рванул так, что меня отбросило на круп, едва-едва выровнялся в седле, чуть было не пощупал голову: не оторвалась ли...

Рыцари перешли подъемный мост, выстроились в грозную двойную цепь, опустили копья. Вперед выдвинулся всадник в блестящих доспехах, массивный гигант на огромном, как гора, коне, хрипло и страшно прокричал, указывая мечом на группу вокруг стяга Золотого Коня.

Я наложил стрелу и оттянул тетиву к уху, взгляdom поймал этого гиганта, щелчок, я продолжал держать мысленным взором предводителя и представлял, как острие удара точно в щель забрала, отсюда даже не разберу: решетка ли там или же узкий прорез для глаз, но стрела попадет именно туда...

Всадники с места пошли тяжелым галопом. Гигант приподнял щит, блеснуло, и снова он мчится, выставив копье, лишь чуть наклонился к конской гриве. Я поспешил выхватил вторую стрелу, наложил, оттянул в одно движение и отпустил, выдернул за оперение третью, четвертую, пятую... Конная лава, огибая упавших, врезалась в ощетинившихся копьями рыцарей Золотого Коня, раздался многократно повторяемый скрежет сминаемого металла. Страшно кричали покалеченные кони, копья ломались сухим треском, как гигантские спички, рыцари ухватились за мечи.

Несколько всадников все же не успели подать коней в стороны, на упавших вместе с конями рыцарей падали еще и еще, я снова поднял лук и выпускал стрелы в тех, кто выкарабкивался из кучи.

Массивный гигант ревел, как разъяренный медведь, рубился быстро и страшно, вооруженные воины падали перед ним, как трава перед косцом, а он на огромном, как айсберг, коне прорубывался к шатру с трепещущим стягом Золотого Коня.

Группа рыцарей, в которых я предполагал военачальников, бросилась ему навстречу. Гигант взревел ликующее и врубился в их ряды с такой легкостью, как будто перед

ним толстые, сочные подсолнухи. Я сцепил зубы, противники падают под его ударами, словно спелые груши, натянул стрелу и пустил точно в голову.

В последний момент всадник, даже не взглянув в мою сторону, вскинул щит, стрела звякнула и разлетелась вдребезги. Я не поверил глазам, такого еще не было, чтобы кто-то спасся от стрелы из лука Арианта, поспешно наложил еще стрелу, выпустил, тут же, повинуясь нехорошему предчувствию, выпустил еще одну.

Не прерывая схватки, рыцарь успел дважды легко поставить заслон на пути моих стрел. Его меч, уже обагренный кровью, грозно взлетал в воздух, и всякий раз кто-то из противников ваился под конские копыта.

— Что за... — крикнул я растерянно.

Машинально спрятал лук, пальцы наткнулись на рукоять молота, я сразу воспрянул духом.

— Даешь! — заорал я грозно и пустил коня в галоп.

Гигант оглянулся в мою сторону. В прорези шлема блеснуло красным, как свет лазера. Он повернул коня в мою сторону, тот сделал первый прыжок, но разогнаться не успел, молот попал в наклоненную вперед голову.

Грохнуло, словно десять молотобойцев разом ударили по металлическому листу. Шлем смяло, как картонную коробку под автомобильным колесом, всадника сорвало в седла и отбросило на десяток шагов назад, а конь с опустевшим седлом добежал до меня и остановился.

Я оглянулся, крикнул Тюрингему:

— Ты все еще здесь? Прими. И щит не забудь! У него какой-то особый щит.

Сеча продолжалась с переменным успехом, вскоре начали одолевать всадники Кабана. Они вырубили две трети оставшихся рыцарей у шатра со стягом, но раздался дикий крик за моей спиной, во главе клина из-за рощи вылетели с выставленными копьями Зигфрид и Гунтер, а за ними лучники. Гунтер выхватил меч, я тоже убрал молот и вытащил из ножен меч. Солнце холодно заблестело на полупрозрачном лезвии.

- Ричард! — прокричал Зигфрид.
- Ричард! — закричали лучники.
- Ричард! — заорал и Гунтер запоздало. — Ричард де Амальфи!!!

Мы врезались во всадников Кабана, и они сразу же побросали оружие и спешились, показывая, что сдаются. Я вложил меч в ножны и, предоставив своим заниматься пленными, проехал к рыцарям Золотого Коня.

Если вначале их было около сотни, считая вообще всех с оружием, то сейчас остались только рыцари, самые сильные и выносливые, либо те, кому повезло больше. Передо мной стояли, не выпуская окровавленных мечей, восемь крепких воинов в полных доспехах с опущенными забралами, а в середине подросток в легких доспехах обеими руками держит знамя с трепещущим по ветру полотнищем.

Один из рыцарей наконец поднял забрало, я увидел налитые кровью глаза немолодого, смертельно усталого воина. С усилием он поднял меч и вложил в ножны.

— Осмелюсь спросить, отважный сэр, — произнес он хриплым голосом воина, — кто вы, кого Провидение прислало нам на помощь так своевременно?

— Ричард де Амальфи, — ответил я учтиво и поклонился, не слезая с коня. — Мой замок совсем близко. Ехал мимо, увидел, как вы осаждаете замок Кабана. Он мой сосед, но я наслушался о нем много нелестного, к тому же он, как я слышал, очень драчливый человек, а таких никто не любит... Потому я собирался проехать мимо, ваши разборки меня не касаются, но не смог... когда увидел, что вы попали в несколько затруднительное положение...

Знаменосец передал стяг в руки одного из рыцарей, сказал неожиданно высоким, звонким голосом:

- Затруднительное? Нисколько!
- Я пробормотал:
- Простите, но мне показалось...
- Это вам только показалось, — ответил он и обеими руками снял шлем.

Золотые волосы хлынули водопадом на спину и плечи,

крупные локоны блестят, на меня взглянуло строгое лицо молодой женщины, показавшейся мне знакомой. Я всмотрелся, узнал, поклонился.

— Простите, — произнес с сарказмом, — действительно, мне показалось. Осмелюсь поинтересоваться...

Она вздернула надменно подбородок, в глазахстыд и гнев, но прежде, чем что-то сорвалось с ее языка, тот же немолодой рыцарь поспешно сказал:

— Это леди Роберта, она единственная дочь Магнуса Тихого, властелина этих земель и этого замка. Кабан пришел в эти края недавно, убил нашего сюзерена и захватил замок. Многие стали служить ему, но часть рыцарей осталась верна дочери доблестного лорда Магнуса, благородной леди Роберте. Сейчас, когда леди Роберта вернулась к нам, ее верным рыцарям, недавно будучи захвачена в плен подлыми разбойниками, мы предприняли попытку...

Он умолк, смущенный. Его рыцари опускали головы, Зигфрид и Гунтер смотрели с пренебрежительными усмешками, даже наши лучники поглядывали свысока. Я повернул коня, бросил как можно равнодушнее:

— Надеюсь, вы окажетесь более разумными соседями, чем был Кабан. Гунтер, ты что-то хотел сказать?

Гунтер поспешил выехать вперед и сказал громко:

— Кабан захватил земли сэра Галантлара, деревни Ямы, Мурашники и Старые Кости.

Рыцарь посмотрел на свою повелительницу с вопросом в глазах, она ответила с великолепнейшей надменностью:

— Нам не нужны земли, которые захватил Кабан. Мы восстановим наследие в границах владений моего покойного отца.

Я поклонился:

— Желаю здравствовать... леди Роберта.

Гунтер тоже развернулся коня и поехал рядом, с другой стороны пустили коней Зигфрид и Ульман. Сзади нарастал конский топот, лучники пустили вскачь, гикали, веселились, кто-то вскочил с ногами на седло и показывал чудеса акробатики.

Зигфрид спросил с удивлением:

— А какой был случай отхватить и у них земель! И побольше, побольше!..

Гунтер сказал громко:

— Можно было вообще забрать весь замок. По сути, это мы его захватили, почти истребив отряд Кабана и самого сэра барона де Трюфеля.

— А точно, — спросил я, — и Кабана... тоже?

— Так вы же его сами... молотом в каменный лоб!

— Тогда хорошо, — вздохнул я. — Одной проблемой меньше. Надеюсь, что меньше.

Остальные молчали, я ощутил, что они проблем вообще не видят, как будто все девственники.

— Нет, — ответил я. — Захваченное надо еще удержать. Тут не знаю, как справиться с одним хозяйством, а с двумя потеряю оба... Помню, как разваливались огромные империи только потому, что завоеватели нахапывали слишком много. Нет уж, зато будут благодарными соседями.

Зигфрид посмотрел странно, смолчал, только переглянулся с Гунтером. Тот наклонил голову, мол, согласен, наш сеньор совсем не тот, за кого себя выдает. Возможно, это он и растерял неумело собранные империи, потому теперь осторожничает.

Я ощущал себя неуютно, когда принимают не то за Ашшурбанипала, не то за Александра Македонского, ладно, если не за Аттилу, только Ульман, ничего не замечая, хмыкнул скептически:

— Вы знали эту леди Роберту, ваша милость?

— Да, — ответил я. — Она сидела в подземелье Галантара. Помнится, исчезла, даже не назвавшись. А потом на нее же, как на мотыля, меня поймал Черный Волк... какнибудь доберусь и до него.

— Вот-вот, — сказал Гунтер. — Я тоже так подумал, что она. Даже отъестся не успела! Но не похоже, чтобы пытала к вам благодарностью.

Зигфрид протянул:

— Так вот в чем дело!.. А я-то думал, чего это она чуть ли не зубами скрипит! Конечно, вас просто ненавидит.

Гунтер вскинул брови:

- Почему?
- Не понял?
- Нет.

— Эх, Гунтер, чувствуется, что ты все еще Гунтер, хоть вроде бы и «сэр». Не понимаешь движение души благородной.

Гунтер скривился, одно дело — самому не чувствовать себя благородным, другое — когда об этом говорят другие.

— Не понимаю, — ответил он с вызовом. — Вижу только дурь молодой и зеленоей... леди!

Зигфрид объяснил с покровительственной ленцой:

— Леди после гибели отца старается выглядеть достойной правительницей. И даже попробовала отвоевать свое наследие! По-дурному, конечно, кто спорит, но сама попытка о чем говорит? Ладно, все равно не поймешь... Но сэр Ричард ее спас уже трижды. И каждый раз она предстает не в лучшем виде. И хотя сама виновата, но гнев ее обращен на сэра Ричарда, который унизил уже тем, что пришел на помощь. И не просто пришел, а спас, что бы она там ни говорила.

Гунтер воскликнул:

— Я и говорю, что дурочка!

— Гунтер, Гунтер... — сказал Зигфрид с жалостью, — дурочками бывают только служаночки да крестьяночки. А у благородных это зовется иначе.

Глава 6

Возвращались бодрые, веселые, затевали скачки, бахвалились схваткой с людьми Кабана, восторгались, как я его превратил в коровью лепешку удачным броском.

Гунтер и Зигфрид ехали со мной бок о бок, гордые, что вот так походя сокрушили яростного Кабана, у которого такая ужасная слава, а с леди Роберты ничего не взяли за

помощь. Вообще-то за спасение, а никакую ни помощь, если называть все своими именами.

— Как не взяли, — возразил я, морщась, — нам же вернули три деревни...

— Они и были нашими, — пояснил Зигфрид, даже не заметив, что вместо «вашими, сэр Ричард», сказал «наши-ми». — А вот у леди Роберты можно было оттяпать что-то и посерьезнее!

Гунтер спросил с нерешительностью:

— А это по-рыцарски?

Зигфрид отмахнулся:

— Конечно! Может, не по-паладински, но по-рыцарски — это точно! Рыцари — что, дураки? Это только ради баб-с... в смысле дам сердца мы способны на любую дурь, но, если честно, разве все мужчины ради женщин не творят глупости? Разве не трятят на них деньги, время, честь, жизнь... эх, да что там!.. А вот во всем остальном рыцари — еще как не дураки!

Я долго всматривался в синее небо, спросил с неуверенностью:

— То ли птица такая горбатая, то ли у меня что-то с глазами...

Гунтер посмотрел, бросил с ноткой зависти:

— Это же горцы Заоблачной!

— Ну и что? — спросил я.

— Приспособили птиц, — объяснил он, — как вот мы коней. И этих... ящериц. Которые с крыльями. Не драконов, тех никому не удается, а больших ящериц. Похожи на драконов, но не драконы.

Я долго смотрел на странную птицу, сумел разглядеть человеческую фигуру более отчетливо, когда уже знал, что я увидел то, что увидел. Наверное, это очень здорово, если птицы вместо коней. Не знаю, насколько эффективно, птицы жрут даже не в десятки, а в сотни раз больше, чем кони. В пересчете на килограмм, конечно. И если средний хозяин в состоянии держать двух-трех коней в хозяйстве, а феодал — десятки, то приручить глупую птицу и содержать

ее — под силу разве что королю. Правда, дороговизна окупается, когда от скорости зависит многое, к примеру — кто первым узнает, где закопано сокровище, кто потерпел поражение при Гастингсе или же успеть сообщить в столицу, что из российских степей на цивилизованный мир надвигается с ордой Аттила Бич Божий.

Показался мой замок, кони пошли бодрее. Лучники снова затянули веселую песню, возвращаемся с блестящей победой и пополневшимися кошельками. Хорошо служить сеньору, который воевать не любит, но если уж во что-то ввязывается, то обязательно с прибылью.

Кони вступили на мост, сухой стук сменился звонким цоканьем. Из-под железных подков летят красноватые искорки, впереди вырастают ворота, я вздохнул свободнее.

Воздух смялся и пошел снизу отчетливыми волнами: оттуда взревело могуче, трубно и очень раздраженно, словно дракону прищемило хвост. В реве угрюмая злоба, мол, попадись сейчас любой, изорву, как тряпку.

Конь Гунтера дрожал и пятился, Гунтер с руганью хлестал его латной перчаткой между ушей. Сзади слышалось фырканье, дробный стук копыт и ругань всадников, пытающихся удержать коней.

Я спросил раздраженно:

— Блин!.. Как эта гадость сюда попала?.. Ведь ров выкопали, ты говорил, десяток лет тому?

— Да, сэр...

Из-за спины донесся могучий голос отца Ульфиллы:

— Все козни дьявола! Это за грехи наши.

— Какие грехи? — изумился Ульман. — Вы, патер, сегодня получили пожертвование на церковь больше, чем за всю жизнь!

— Пожертвования смягчают грех, но не искупают, — возразил священник. — А грех велик, это же герк, по голосу слышу.

— Это анандер, — возразил Гунтер. — Что я, анандера от герка не отличу?

— Когда герк матерый, — сказал упорно священник, —

он кричит точно как анандер! И еще умеет по-ульмачьи свиристеть...

Я в раздражении послушал, ухватил повод коня Гунтера и потащил за собой. Мой единорог спокоен, автомобиль, а не конь, стальные нервы и заместо сердца — пламенный мотор. Я вспомнил, как он тащил за собой каменный блок, к которому его приковали, похлопал по шее, привычно горячей, как разогретый двигатель.

Гунтер сказал несчастным голосом:

— Одно не понимаю: как эти огромные твари могут пробраться незамеченными через пять христианских королевств? Они же едва двигаются! А у нас ров с водой ни с одним морем или большим озером не соединяется.

Я отмахнулся:

— Да это все просто! Перелетные утки занесли на лапах прилипшие икринки. Ты ж знаешь, какая икра липкая, настоящий клей. Так всегда в новые водоемы попадает всякая рыба, бобы, водоросли... Гм, не пускать, что ли, сюда перелетных уток?

За нашими спинами раздался отвратительный голос отца Ульфиллы:

— Божьи птицы нуждаются в отдыхе по дороге домой из дальних стран! Они и туда носят Божье Слово, мы должны их жалеть...

Гунтер спросил ехидно:

— Бить стрелами их никак нельзя?

Священник смолчал, донесяся густой голос Ульмана:

— Только на честной охоте! А вы, сэр Ричард, вроде бы предлагаете отказывать в отдыхе странникам! Или это вы так шутите? Да и не поверю я, что божьи создания переносят на лапах исчадия дьявола!

— Твое дело, — буркнул я.

Но, конечно, всех уток не нагоняешься. Достаточно одной сесть в ров и поплавать малость, чтобы икринки отлипли и нашли себе место получше. У гигантских осьминогов, что сотнями топят титаники, икра мельче, чем у пескарей, а у баобабов или гигантских секвой семена на-

много мельче, чем у простого клена. Так что серая утица, героиня песен и образец скромности, на своих не совсем стерильных перепончатых лапках может перенести всякую гадость. Всякую. Гигантские кальмары рядом с ними могут показаться аквариумными гуппешками.

Я въехал в ворота замка, как и надлежит феодалу, тем более победителю: гордо выпрямившись, правой рукой держу поводья, левую картинно упер кулаком в бок. В самом деле красиво и надменно, надо в зеркале посмотреться, даже нахально, но здесь полутонов пока не видят, все весомо, грубо, зrimo, как на заре всякого нового мира.

А так вот, уперши взгляд поверх голов всех, даже всадников, да-да, как надлежит, я остановился посреди двора, Зайчик тоже смотрит с верблюжьей надменностью, я выждал, пока Тюрингем и Ульман окажутся у моего стремени.

— Молодцы, орлы, — произнес я отечески. И хотя сейчас это вроде бы ни к чему, но все равно похвала и кошке приятна, никто ее не смотрит на просвет, сверяя с образцами. — Отдыхайте, пируйте... вы заслужили.

Зигфрид с железным грохотом спрыгнул, не касаясь стремян, любит покрасоваться, рявкнул:

— Эй, народ!.. Слышали?.. Быстро накрыть столы в нижнем зале!

Все правильно, сказал я себе, здесь каждый выход — опасное предприятие, вот и приходится праздновать. Если остальные крестьяне опасные места знают и обходят стороной, так можно жить тысячи лет, то я, как человек нового века, для которого уже не осталось не только америк и неоткрытых островов в океане, даже Северный полюс покорен и на всех эверестах побывали, мне теперь только лезть в каждое болото, объявленное таинственным или скрытым.

И все же и здесь жить можно. Вот живет же Крыса — самый неумелый хозяйственник, никчемный воин и трус. Как это он оказался в сеньорах? Хозяевами становились только самые могучие из вожаков разбойничьих стай, что либо выстраивают крепости, сгоняя на их возведение ок-

рестный народ, либо захватывают чужие, как вот повезло мне. Здесь невозможно просто быть феодалом-крепостником, что охотится, пирует да слушает менестрелей, — эта эпоха придет потом, когда укрепится власть короля, когда феодалам только и останется, что развлекаться с крепостными девками да пороть на конюшне простолюдинов, а сейчас, когда каждый сам себе король, все только и думают, как оттяпать у соседа деревеньку-другую, прихватить лес да угодья, перекрыть дорогу к реке, напасть исподтишка да захватить замок...

Или Крыса владеет чем-то особенно мощным? Но трудно так прожить, ни разу не воспользовавшись. Или пользовался так, чтоб другие не замечали?..

Я проводил взглядом щит Кабана, его сразу же понесли в мои покои, как самый ценный трофей нашего похода по уточнению карты владений. Гунтер объяснил, что это, наверное, один из легендарных щитов, что сам замечает брошенные в его хозяина дротики, летящие стрелы, камни из пращи, а также умеет отражать удары мечей и топоров, хозяину надо только держаться за ручку. Похоже, здесь у каждого что-то да есть непростое. Да и понятно: жить в таких местах и не накопить некоторый капиталец...

В воротах донжона я остановился, повернулся. Гунтер и Ульман тоже поспешили замерли. Вдали промелькнула, блестя, как жук-бронзовка металлической спинкой, металлическая фигура Зигфрида, спешит начинать пир.

— Каждый мужчина, — сказал я значительно, — в моих владениях должен получить оружие. Ну, по возможности, конечно... Однако мне кажется, что оружия и доспехов мы накопили достаточно. Но если продаст или пропьет, да примет смерть. Ибо главная обязанность мужчины в моих владениях — уметь защитить жену и детей, заботиться о родителях, а уж потом служить сеньору и королю.

Ульман закряхтел, переминаясь с ноги на ногу, а Гунтер ахнул:

— Ваша милость, как можно?

— Что тебя беспокоит?

— Оружие... простому народу...

— Ну и что?

— Да пусть бы сами, — ответил он сердито, — но раздавать из замка?

— Хозяйственный, — похвалил я. — Ты уже сенешаль али нет? Если нет, то я тебя им назначаю. Насчет оружия, думаю, раздать его можно. И еще мне кажется, что если у них будет право владеть таким оружием, то и сеньору... будут служить верой и правдой, а не из-под палки.

Ульман громыхнул:

— Еще бы! Такому сеньору.

— Ого, — сказал я, — подхалимаж? Давай-давай, Ульман, я люблю, когда такую правду-матку честно и прямо, невзирая на лица, мне прямо в мои бесстыжие глаза.

Он смутился, умолк и дальше следовал за мной, не проронив ни слова. В моих покоях я начал снимать доспехи, Гунтер и Ульман помогли с ремнями и пряжками, железо с грохотом ваилось на пол. Сами в доспехах, оба едят меня глазами, я только сейчас начал понимать, что вообще-то мы как бы походя сокрушили одного из моих противников. Рано или поздно с Кабаном пришлось бы схлестнуться, а так счастливый случай, что эта красивая дура вздумала прямо в лоб выгонять захватчика из родного замка... И что этот Кабан вот так сдуру... Хотя почему сдуру? Никто не мог предположить, что мы проедем поблизости. И что вообще вмешаемся. Он действовал правильно, дуре просто повезло. Как и мне.

— Я скоро отбуду на турнир, — сказал я, — так что...

— Через десять дней, — напомнил Гунтер.

— Да, так что вот еще одно ценное указание вышестоящего товарища. Если придет враг, от которого крестьяне отбиться не смогут, то пусть все бросают, кроме оружия, и бегут в замок. Поняли? Дома нетрудно отстроить заново. Поля уже вспаханы, только и того, что засеем заново. Нам нужно сохранить людей, а это можно сделать только в замке. Когда враги уйдут, все восстановим. Все. Даже краше прежнего.

Ульман кивнул, а Гунтер ответил преданно:

— Да, ваша милость!.. Крестьян надо беречь.

— Потому и гоняй их до седьмого пота, — напомнил я, — чтобы все умели стрелять из композитных луков. Врага нужно уничтожать в бесконтактной войне!

Ульман проговорил колеблющимся голосом:

— А если спросят, что сказать насчет указа папы?

Я вздохнул. Известно, что папа Иннокентий II еще в 1139 году запретил использование луков и лишь через десять лет, под давлением королей, не отменил указ, а внес поправку: лучникам разрешалось применять свое дьявольское оружие, когда сражаются с неверными, но если какой лучник применит против таких же христиан, да будет предан анафеме!

— Прекрасный указ, — одобрил я. — Я целиком и полностью одобряю его. Но так как всякий, кто нападает на мирных землепашцев, да приравнен к неверным, то вы не просто вправе стрелять по нему из луков, но и обязаны... во славу Церкви и Господа нашего!

Оба вздохнули с облегчением, Ульман расправил плечи и посмотрел на Гунтера орлом и соколом. И хотя такой указ я только что выдумал сам, но звучит логично, это вселит чувство справедливости в тех, кто иногда не верит в мое право вооружать их таким смертоносным оружием.

К столу подавали мясо, рыбу и весь привычный набор из разных сортов сыра, овощей и фруктов. Я засмотрелся на Фриду, что стыдливо опускала взор, когда перехватывала мой взгляд.

Не верю, что такие вот красотки с отклонениями, а также все эти гоблины, орки и прочие разумные или полуразумные появились вот просто так. Или в результате мутации. Из-за мутации могла возникнуть жизнь, но это случилось раз за двенадцать миллиардов лет, да и то в одном-единственном уголке Вселенной. А вот что за короткий с точки зрения вечности миг навозникили новые разумные виды и подвиды — брехня. Другое дело, в давние-давние

врёмена баловались с генетикой, умели перестраивать или создавать новые организмы, кое-что в себе менять, как сейчас, к примеру, подтягивают обвислые щеки или делают липосакцию, знать бы, что это такое. Тогда, понятно, до какой-то из Великих Битв Магов умели делать намного больше. При том уровне все было под контролем, как, скажем, создание более разумных домашних кошечек или собачек, поющих человеческим голосом птичек или умеющих танцевать чечетку муравьев. Но когда некая катастрофа сотрясла мир, когда цивилизация обрушилась, как песчаные домики под натиском ветра и морских волн, эти насозданные, наизмененные погибли почти все, но... все же не все. Какие-то выжили, приспособились, уже забыли, что служили людям.

Этим только объясняю разнообразие и животных видов, что не могли, если по уму, развиться сами, и растений, что чересчур уж... ну не могу представить, из чего развились. Слишком уж отличаются от всего привычного.

А Фрида, летуны и прочие-прочие, это те, у кого сдвиги в генной карте не кажутся такими уж опасными. Разве что священнику, а челяди это по фигу. Как и воинам гарнизона, которые знают, но помалкивают. А теперь и я буду помалкивать...

Я разохотился, пировал вместе со всеми, жрал в три горла, запивал слабым вином, ел сочные фрукты, куда более сочные, чем покупал на рынке, чувствовал себя легко и приятно. Мелькнула мысль: мое положение и есть как раз то, о котором мечтает каждый житель моего мира, измученный демократией. Здесь четкое разделение на сословия, переход из одного в другое просто невозможен. Челядь служит челядью из века в век, дети повара становятся поварами, а дети конюха — конюхами. Правда, я не понял, как же с остальными детьми, вряд ли здесь система «айн киндер», но решил пока не вдаваться в такие подробности.

Сенешаль, как узнал невзначай, служил тоже семьсот лет верой и правдой, пока я его не уволил методом усекновения головы. А нового так и не назначил, если не считать,

что велел Гунтеру взять на себя и эти обязанности. Впрочем, почему бы Гунтеру в самом деле не подрабатывать по совместительству и сенешалем?

Поверхность темного красного вина в моем кубке колыхнулась, что вообще-то понятно: все стучат по столу, за devают ножки сапожищами, но я насторожился, повел по сторонам очами.

Гунтер, не самый чуткий, но не выпускающий меня из виду, приблизился с большой чашей.

— Вашей милости угодно другого вина?

— Гунтер, — сказал я, — в замке есть люди, которые не совсем такие, как все...

Его лицо стало серьезным, но он не спешил с ответом, чтобы не попасть впросак, а когда я замолчал, после паузы спросил осторожно:

— Ну... не совсем, конечно, но чуточку есть...

— Так вот, я тоже такой, — признался я. — У меня седалищный нерв всегда чувствует приближение неприятностей.

— Да, ваша милость...

Хмель как рукой сняло, я вылез из-за стола, кивком пригласил с собой. За спиной остались пьяные крики удалых гуляк, песни и веселье, я вышел во двор, уже ночь, прислушался, толкнул дверь в подвал и пошел по каменной лестнице.

Навстречу пахнуло сыростью, плесенью, сильным ароматом множества сортов вин. Гунтер шел следом, прислушивался, наконец насторожился, прошептал:

— Какие-то толчки...

— Господи, — сказал я с облегчением, — я уже подумал, что чудится.

— Нет, ваша милость. Неужели снова лезут твари из преисподней?

Я остановился, такая мысль почему-то не пришла в голову, чуть было не развернулся и не побежал обратно. Гунтер смотрит с ожиданием, я сказал быстро:

— Собери всех, кто еще может держать в руках оружие!

Приведи Рихтера и отца Ульфиллу!.. Пусть спускаются в подземелье!

Гунтер крикнул:

— Всех соберу! Но вы, ваша милость, слишком далеко не спускайтесь! Кто знает, что на этот раз...

— Да, я вас подожду...

— Эх, ваша милость, я вас уже знаю!

— Дождусь, — пообещал я.

Он на всякий случай пугнул перед уходом:

— Теперь могут послать что-то пострашнее!

Не могут, мелькнуло в голове, а пришлют обязательно. Всегда присылают на вторую попытку покруче воинов, а не слабее. А нас и те, прошлые, едва не стерли в порошок. Если бы не колечко.

Мои пальцы инстинктивно проверили мой арсенал. Пировал я без доспехов, в рубашке с закатанными рукавами и расстегнутой на груди. Но на поясе меч и молот. Главное же — колечко на пальце. Если в нем батарейка не разрядилась, то есть доспехи, нет доспехов — какая разница...

Наоборот, мелькнула мысль, в доспехах при замедлении времени двигаться куда тяжелее. Вырубленный в каменной толще подземный ход опускается неторопливо, с суровым достоинством. После двух десятков грубо высеченных ступеней всякий раз небольшая площадка, затем снова двадцать ступеней.

Судя по ним, ступенями пользовались в древности совсем не карлики. Впрочем, кроманьонцы были рослым и крепким народом, как и всякие там древние греки, это затем человечество накрыла странная волна измельчания, когда самые просторные доспехи русских богатырей Куликовской битвы или рыцарские доспехи героев Кресси и Пуатье не налезали в мое время даже на двенадцатилетних подростков.

Похоже, этот подземный ход вырубили еще до спада: головой не задеваю свод, ступени просторные, а рукояти негасимых факелов как раз для моей широкой, очень широкой для нынешних людей ладони.

Я спускался настороженно, то и дело касался то рукояти молота, то меча, но еще чаще сдвигал пальцы левой руки, чтобы ощутить мое серенькое с камешками, такое не-приметное кольцо.

Глава 7

Подземные толчки здесь не сильнее, но отчетливее. Даже не толчки, я бы определил их скорее как стук. Так, по рассказам, перестукиваются заключенные в тюрьмах, а еще стучат в корпуса затонувших подлодок, сообщая о прибытии спасателей. А оттуда стучат в ответ.

Наконец стук начал как бы ослабевать, пришлось вернуться немножко, здесь наиболее отчетливо, даже в самом деле учゅял толчки.

Я прождал с четверть часа, затем отдаленные голоса, грохот сапог, лязг оружия и плохо подогнанных доспехов, в обрамлении круга света показалась гадящая толпа с обнаженными мечами в руках.

Впереди Зигфрид и Гунтер, по бокам, насколько позволяют ступени, неизменные Ульман и Тюрингем, а за ними дюжины две закованных в доспехи воинов.

Они остановились в трех шагах, а через их плотные ряды прописнулся, к моему удивлению, запыхавшийся отец Ульфилла. По мясистому лицу текут крупные мутные капли, жадно хватает широко раскрытым ртом воздух, в правой руке крест, в левой — толстая книга, конечно же Библия.

От грузного тела пошла волна жара, шибануло сильным запахом конского пота.

— Сатана... — прохрипел он, — рвется из ада?.. Мы должны остановить...

Я кивнул:

— Хорошее решение, святой отец. Остановить и загнать его обратно.

Зигфрид взорвал бодро:

— А шкуру снять?.. Я уже наловчился на шкуроснимательстве всякого разного...

Подземные толчки становились сильнее. Я оглядел бледные даже в красном свете факелов лица, взглянул на Гунтера и Зигфрида. Их лица суровы и угрюмы, ладони на рукоятях мечей, забрала пока подняты, глаза серьезные, но страха в них нет.

— А может, — предположил я, — это у кротов начинается брачный период?

Зигфрид хмыкнул, показывая, что шутку понял, остальные оставались серьезными. Гунтер сказал мрачно:

— Мы не знаем, что за зверь ломится из преисподней, но... не разбегаться же? Это наш мир.

— Мы его встретим, — сказал Ульман твердо.

— И снимем шкуру, — повторил Зигфрид. — Сэр Ричард, положитесь на всех нас. Мы славно дрались раньше, так неужели отступим сейчас?

Послышался топот, сверху опустился некто с факелом в руке, я не сразу узнал одного из моих слуг, он тащил за шиворот Рихтера. Тот и не упирался, просто не успевал перебирать ногами. Слуга его почти нес на вытянутой руке.

— Я сделал все, что мог! — воскликнул Рихтер. — Все заклятия были нерушимы... но ваш священник все порушил! Вот теперь и...

Отец Ульфилла вскинулся, багровое лицо от возмущения налилось кровью и стало тугим и красным, как переспелый помидор.

— Я уже говорил, — взвизгнул он, — мои молитвы и святая вода остановят демонов!..

Толчки под ногами звучали все сильнее. Почва начала вздрогивать. Я молча указал вниз, священник сказал еще пронзительнее:

— Если не исполняете заповеди матери-церкви, хулите Господа, забываете креститься, то какую защиту ждете от слуг церкви? Господь защищает только своих!

Я бросилsarкастически:

— Ну да, умелая отмазка! Верь — и пойдешь по воде. А если не сумел, то веришь недостаточно крепко.

Священник взвизгнул:

— А что, не так?

Все молчали, смотрели с опаской, я поинтересовался ядовито:

— А сами-то вы, отче, сможете по воде?.. Ладно, не отвечайте, это же избиение младенца. Все в стороны! Похоже, пропиваются вот здесь...

Но и без моей указки все уже увидели звездообразную трещину на полу. Плиты вздрогивают, вспучиваются, Гунтер и Зигфрид первыми отступили, подавая пример. Все разошлись под защиту стен, рыцари и оруженосцы изгото- вились с мечами в руках, копейщики выставили пики. Трещины стали глубже, куски плит со скрежетом шевелят- ся, двигаются, стукаясь краями. Один обломок припод- нялся, на миг показалась голова в шлеме, но тень плиты скрыла очертания. Затем обломок перекосился и замед- ленно пошел вниз, исчез, за ним обрушились остальные. Через мгновение донесся глухой стук и треск, с которым первая плита раскололась.

Через черную дыру с неправильными краями смог бы пролезть слон или подземный дракон, я слышал про ог- ненных чудовищ, что живут в недрах земли, плавают в озе- раках кипящей лавы.

Я ждал, и все ждали затаив дыхание. Воздух спертый, жаркий, насыщенный запахами смолы. Лица быстро нача- ли лосниться от пота, выступили мелкие бисеринки, а с лица отца Ульфиллы катятся уже не капли — текут ручьи.

Грохот прекратился, наступила долгая зловещая тишина, если не слушать свистящего дыхания за спиной. Глаза Гунтера стали безумными, Зигфрид оскалил зубы, дышит часто, нагнетая боевую ярость, когда видишь и слышишь второе лучше, а каждое движение дается быстро и точно.

Острия пик подрагивают в нетерпении, все нацелен- ные в то страшное, что выметнется с грохотом и ревом, Рихтер беззвучно воздел руки и плел незримые нам сети,

отец Ульфилла, слепо верящий в защиту святого креста, выдвинулся вперед, беспрерывно осеняет черный пролом крестным знамением и явно готовится брызнуть святой водой на исчадие ада.

Снизу послышался шорох, шелест, мне почудилось по звукам, что поднимается некая огромная масса, сейчас начнет протискиваться в слишком узкий для нее проход, разломает огромным телом...

— Отступить! — велел я свистящим шепотом.

Меня не поняли, ибо почти сразу же из пролома полезла эта самая масса: серая, шуршащая, распалась на множество небольших человеческих фигур, размером с семилетних детей, все с головы до ног очень плотно закутанные в серые пыльные ткани.

Сразу же Зигфрид прыгнул вперед со страшным боевым кличем и сверкающим мечом. Гунтер присел и нанес горизонтальный удар мечом, в чужаков со всех сторон вонзились острия копий.

Я задержал в воздухе вскинутый меч Арианта. Маленькие и неуклюжие, эти существа совсем не походили на чудовищ. Вот Гунтер вскрикнул и вторым молодецким ударом срубил ноги сразу троим, кончик меча достал пола, скрежетнуло, брызнули искры. Зигфрид ударил снова, развернулся и снес голову третьему, копейщики торопливо втыкают острия в пришельцев, те даже не успевают защищаться, вид у них таков, будто их самих застали врасплох.

Я крикнул громко:

— Держите оборону, я вернусь!

Схватил факел и прыгнул в провал, кто-то закричал вслед, но я поспешил повернуть кольцо. Падение сразу замедлилось, в довольно узком, грубо прорубленном проходе около десятка странных существ, теперь я мог рассмотреть без спешки: ростом мне до пояса, но не гномы, те коренастее, шире в плечах и вообще жилистее, крепче, а эти слишком слабые, хотя одежды навернуто столько, что не видно даже лиц, а только узкую щель, в которой блестит...

нет, не глаза, теперь уже понял, это либо слюда, либо очень тонкие пластины кварца...

Они все застыли со вскинутыми кверху лицами, я поспешно проскользнул мимо, воздух плотный, пружинит, ощущение такое, что иду через теплую болотную воду. Все тот же проход, приходится двигаться в сильно согнутом положении, почти на четвереньках: странные создания прорубали под свой рост...

Ага, вот еще застыли у грубо вытесанной плиты, огромной, массивной и странно подогнанной по цвету и структуре к стене, что напротив, даже жилки в камне все те же, что и там... Я всматривался, что-то здесь непростое, загадочное, и тут заметил по ту сторону плиты, как ход резко снижается, уходит почти вертикально.

А эта плита, если ее подвинуть, перегородит проход, жилки сходятся с ювелирной точностью... вот оно что! И уже никому никогда не придет в голову, что здесь не сплошная стена, что туннель ведет дальше, дальше.

Сердце едва не выпрыгивает, мое спасение только в моей скорости, что делает меня невидимым, не может быть, чтобы здесь обошлось без участия сильной неожиданной магии, если уж ни Рихтер, ни отец Ульфилла не сумели выставить заслоны.

Даже в этом состоянии я старался двигаться с наибольшей скоростью, страшился неизвестности, все время ожидал подвоха, мой меч двигался медленно, тяжело, я делал скучные колющие движения, переходил от одного к другому, а когда осталось только двое, оглянулся, восемь существ еще даже не поняли, что у каждого перерезано горло, поколебался, мелькнула соблазнительная мысль захватить этих в плен — но как это сделать — попытался сорвать с одногого одежду, чтобы связать полосами, но одежда рвется, как туалетная бумага, в то время как эти подземники даже не догадываются, что их раздевают.

Трижды ускорял темп, пока не начали шевелиться, кровь из ран ударила темными струями, послышались крики. Я толкнул одного в лицо, второго стукнул по голове, а

когда рухнули, все еще не понимая, что их потрясло, повернул кольцо в нормальный режим, огляделся. Восемь тел дергаются, бьются в агонии. Мой факел лишь разгоняет тени, я даже не ощущаю, что убиваю, в другое время и в другом месте, например на зеленой поляне, это бы потрясло, но в тесном подземелье, где все цвета серые, словно бы и не кровавое деяние. Я выждал, пока все затихло, повернулся обоих лицом вверх, один не двигается, глаза застыли, второй стонет, щупает ладонями разбитое в кровь лицо.

Я швырнул его на плечо, удивительно легкое тело, странное чувство нереальности, будто несу крупного зайца, побежал обратно, время от времени падая на четвереньки, потом перехватил его под мышку и побежал быстрее.

Впереди показался падающий сверху свет. Я на бегу ухитрился, изогнувшись, запрокинуть голову, из дыры в потолке заглядывают встревоженные лица.

Я прокричал, задыхаясь:

— Я здесь!.. Бросьте веревку!

Появилось лицо Гунтера, он безуспешно всматривался в темноту. Мой факел уже погас, я услышал сверху встревоженный голос:

— Ваша милость, это вы?

— Я, Гунтер, — крикнул я. — Или напомнить, кто тебя назначил сенешалем?

Он заорал счастливо:

— Ваша милость, мы уже не ожидали!.. Сейчас, ребята принесут. А Ульман ремни вяжет. Может, успеет быстрее, вытащим...

Он лежал у дыры и свесил руку, пытаясь нащупать меня в темноте.

— Не достанешь, — крикнул я. — Не пугайтесь, я не один.

Он вскрикнул:

— А кто еще?

— Пленный, — объяснил я. — Обращаться бережно! Я вообще не понимаю, человек это или демократ какой-нибудь.

Опустилась веревка с петлей. Я привязал пленника, скрутив ему руки, а когда его вытащили, прицепил веревку к своему поясу.

Наверху сразу же бросился к пленнику, копейщики сгрудились со смоляными факелами так, что не только свет, но горящие капли смолы падают ему на лицо и руки.

Рихтер протискивался вперед, любопытный, как все настоящие ученые, отец Ульфилла выставил перед собой крест и громко читал молитвы, ничего не желая знать, кроме церковных догм, настоящий христианин. Гунтер умело вспарывал одежду пленника. Ее оказалось несколько слоев, странная и ни на что не похожая, пока я не сообразил, что это просто асбест, но не привычно грубый, что в старицу шел на плащи для пожарных, а достаточно умело и тонко выделанный. Пленник закрыл руками глаза, слишком огромные, чтобы казались человеческими, больше похожи на лягушачьи или рыбьи, да и то не простых рыб, а глубоководных, куда свет все же попадает, но совсем мало.

Копейщики с отвращением смотрели в мучнисто-белое лицо, тонкогубый рот, с удовольствием бы закололи его, я спросил четко:

— Кто ты?

Пленник задвигался, длинные тонкие пальцы закрывали лицо, Гунтер взял его за плечо, сжал, прорычал:

— Когда господин спрашивает, отвечай! А то переломлю все кости.

Мы услышали, как под его пальцами хрустнули кости. Гунтер сам удивился, ослабил нажим. Пленник заскулил, лицо задергалось, рот широко открылся, жадно хватая воздух.

— Мы... — донесся тонкий хлюпающий голос, — мы... не сондерлдно... Ифагно... Нас послали купешно...

Отец Ульфилла повысил голос, а «Лаудетор Езус Кристос» вообще выкрикивал, зато Рихтер наклонился над пленником, вскрикнул:

— Это же мелогрокское наречие!.. Одна из ветвей сингунского языка!.. Господи, да кто же это выучил, зачем?

Я спросил нетерпеливо:

— Рихтер, ты в состоянии его понимать?.. Поговори, выясни все. Если будет сотрудничать, не тронем. Начнет упорствовать или лгать, узнает и мелогрокские пытки, и сингунские, и кагэбэшные.

Рихтер склонился над пленным, а я сделал знак Гунтеру и Зигфриду отойти в сторону.

— Ну как вам это?

Гунтер сказал быстро:

— Пока вы отсутствовали, ваша милость, мы этих перебили с такой легкостью, что даже стыдно как-то, словно детей в капусту порубили, да и жалобные они какие-то, забинтованные. Будто подвох какой! Не воины это, не воины... Но и нечистой силой вроде бы не пахнет! Тут отец Ульфилла прав.

— Его правоту еще не проверили, — буркнул я.

— Да, — согласился он, — может быть, нечистая сила еще и прорвется. Но сейчас к нам пролезли всего лишь умелые землекопы. Без нечистоты. Очень умелые. Настолько умелые, что даже не знаю... Может быть, даже лучше, чем гномы и кобольды.

Зигфрид сказал многозначительно:

— И, похоже, они точно знали, где выкарабкиваться на поверхность.

— Да, — подтвердил Гунтер, — по мосту не пройти, можно только подкопом. Но кто ж мог подумать, что через эту сплошную скалу можно продолбаться?

Зигфрид лишь прищурился, взглянул на меня с неким намеком. От его слов насчет точности повеяло угрозой, он вложил в них больше, чем понял простодушный Гунтер. Возможно, рудокопы настолько умелые, что рассчитали не только как выйти на поверхность в замке, но именно в подземелье, где я сам еще не разобрался, что где лежит, только знаю, что здесь и сокровищница, и таинственные Двери, и что-то еще...

Я оглянулся на сгрудившихся воинов, видны только выставленные задницы, пленник распростерт на полу, все

склонились, слушают. Похоже, маг наконец-то применил свои теоретические знания на практике.

Рихтер раздвинул воинов, остальные остались стеречь пленника. Ульфилла все еще изгонял из него демонов, а Рихтер заглянул мне в глаза, лицо сияющее, но голос произвучал встревоженно:

— Ваша милость, с ним надо еще общаться и общаться!.. Это же кладезь сведений по древнейшим временам!.. Это остатки народа, что при последнем короле легендарного царства Йонгтинга ушел в пещеры, а когда на земле стало жить почти невозможно, вообще закрылись там на глубине. А дальше прорывали ходы только вовнутрь. У них там вроде бы целые города!

Я прервал в нетерпении:

— Это все потом. Почему они здесь? Случайно или нет? Или в рассеянности ты это не спросил?

Он обиделся:

— Как это не спросил? Это же самое интересное: как они ориентируются под землей!.. Оказалось, что в данном случае совсем просто: у сэра Гуинга Одноглазого есть очень знающий маг Логирд, один из проклятых некромантов, он давно искал способы войти с ними в контакт, а когда сумел, то рассказал, что в ваших подземельях дивные сокровища их древнего народа. С этими сокровищами они станут великими, богатыми, сильными...

Зигфрид вскинул ладонь:

— Простите, сэр Ричард, что перебиваю. Меня интересует простой вопрос: как они общались с тем магом? Они выходят на поверхность?

— Это же самое интересное! — вскричал Рихтер. — На поверхность они не выходят, у них от нашего воздуха сразу волдыри по всему телу! Видели, как все укутаны? Кстати, я велел его снова укрыть тряпками поплотнее, иначе скоро умрет. Но маг Логирд опускался в винные подвалы Одноглазого, а там они разговаривали через тонкую стенку.

Гунтер охнул, Зигфрид посмотрел на него, на меня. У них заблестели глаза, но в то же время лица вытянулись, как у породистых коней.

— Что, — сказал я мрачно, — уже поняли?

Гунтер перекрестился:

— Ваша милость, я даже страшусь понять.

Я повернулся к Зигфриду:

— А вы, сэр Зигфрид?

Зигфрид почесал влажный лоб:

— Сэр Ричард! Если вы думаете то, что думаю я, то вы — сумасшедший! И когда-нибудь сломите голову. Но, надеюсь, на этот раз Господь вас убережет, а заодно и нас. Мы с Гунтером идем с вами.

— Ага, — сказал я подозрительно, — догадался?

Он кивнул.

— Пока сэр Гуинг Одноглазый еще не знает, что мы их тут перебили...

Он умолк, глаза стали совсем хитрыми, а Гунтер сказал, все еще колеблясь:

— Если учесть, что подземный ход к замку Одноглазого вряд ли стерегут...

Ульман, более тугодумный, спросил через голову Зигфрида:

— Почему?

— Да какой смысл стеречь от тех, кто все равно не выйдет на поверхность и не сможет захватить замок?..

— Но здесь...

— Здесь собирались спереть что-то важное в подземелье и снова уйти в свои норы. И опять на тыщи лет отгородиться от нас, запечатать все ходы. Так что Одноглазый никак не ждет, что по тому ходу могут прийти совсем не эти жалкие существа...

Глава 8

Через два часа я, согнувшись, спешил по узкому подземному ходу, в одной руке факел, в другой — меч, за мной Гунтер и Зигфрид, а чуть приотстав, двигаются все наши наличные силы: Ульман, Тюрингем, Рассело, Хруерт и почти все лучники, что вызвались идти со мной добровольно.

К моему счастью и облегчению, напросились все до единого, так что замок на эту ночь остался без охраны.

Этот ход, как уже знаем от пленника, ведет прямо в винный подвал человека, который именует себя величайшим магом всех времен и народов.

Я не стал разубеждать, что этот величайший — лишь слуга невежественного дикаря по имени Одноглазый, это непринципиально, главное то, что, минуя стражу на воротах сэра Гуинга, выйдем прямо в донjonе. В хвосте, к моему удивлению, тащились маг и священник, странная пара, но оба в один голос заявили, что без них я не справлюсь. Священник на время даже перестал обличать меня в пособничестве дьяволу: сэр Гуинг Одноглазый, по его словам, в какой-то мере еще хуже, чем я. Рихтер же пошел потому, что страшится тамошнего некроманта. Он, в самом деле продавший душу дьяволу, даже по понятиям далеких от церкви магов может, по словам Рихтера, скрутить нас всех в бараний рог, как только ощутит наше присутствие в его владениях.

Двигались несколько часов, измучились настолько, что едва переставляли ноги, я уже проклинал себя за чересчур опрометчивое решение, ноги гудят, мышцы спины ноют, ощущение такое, что всю жизнь буду ходить вот таким согнутым, как древняя старуха...

...и тут свет факела вырвал впереди кусок стены. Я сделал еще два шага, повел факелом из стороны в сторону — глухо.

Из-за спины донесся ропот, я сам ощутил себя обманутым дураком, попятился, держа глазами преградившую дверогу стену, сказал резко:

— Все назад!.. Назад!.. Я не верю, что прорыли... нет, продолбили в камне такой ход только для того, чтобы нас подурачить!.. Рихтер, ты здесь?

Послышались голоса, призывающие мага, топот ног, наконец очень нескоро привели, почти принесли под руки изнемогшего мага. Он перевел дух, отпил из фляги, сказал слабым голосом:

— Мы... под замком сэра Гуинга. Не могу сказать точно, где именно... но мы под замком...

Я сказал громко, стараясь, чтобы голос звучал уверенно:

— Вот теперь Одноглазый получит то, что подготовил для нас!.. Укрепитесь духом! Где отец Ульфилла?

После паузы кто-то ответил неуверенно:

— Отстал...

— Еще не вернулся, — добавил второй.

— И я его давно не видел, — сказал еще кто-то.

Я перевел дыхание, оглянулся, взгляд встретился с горящим взором Гунтера. Старый вояка похудел за этот марш, но выглядит воинственно, старается оправдать высокое звание рыцаря.

— Распорядись, — велел я. — Священник должен быть. Если там маг покруче нашего Рихтера, пусть отец Ульфилла покажет силу Церкви и своей веры в комму... Царство Небесное.

— Будет сделано, ваша милость!

По его знаку двое отступили в тень, послышался удаляющийся топот. Священника пришлось ждать еще дольше, на этот раз все трое выглядели так, будто бежали сто миль в гору. Им всем дали хлебнуть вина, я еще раз велел всем отодвинуться, сам отошел шагов на пять, примерился, метнул молот.

Он пролетел, как вырвавшийся на свободу голубь, шумно хлопая по воздуху рукоятью, сильный удар, треск, на камне обозначилась вмятина. Я выставил руку, поймал, бросил снова. Снова хлопки по воздуху, удар в камень, я выставил раскрытую ладонь, замахнулся, уже понимая, что тщетно, там монолитная стена, успел остановиться.

За спиной сопят, переговариваются, еще не сообразили, в этом веке соображают медленно, вернее — в моем соображают намного быстрее. Я присмотрелся к стенам, там тоже камень, но попробовать бы... однако как, проход узок, даже не размахнуться, не то что швырнуть...

— Отступите, — распорядился я. — Еще, еще!.. Буду пробовать варианты...

Швырнул молот так, чтобы ударился под острым углом в боковую стену, заскрежетало, на стене прочертилась длинная полоса-вмятина, молот же, как шар в бильярде, ударился о стену напротив, тоже под углом, затем о противоположную, уже под углом в мою сторону, я едва успел выставить навстречу руку. Горячая рукоять шлепнула в ладонь, звук впервые получился не смарто чавкающий, а как будто ударили по сухой деревяшке.

На стенах появились глубокие царапины, я отступил на шаг, швырнул еще, потом еще, разогрелся до изнеможения, но не взмок, и так обезвожен, за спиной Гунтер вскрикнул:

— Ваша милость!.. Вон там поддается!

Я всмотрелся, бросил молот еще, высчитывая угол, чтобы молот, как в карамболе, ударил с наибольшей силой именно в это место. Раздался треск, побежали трещины. Еще два броска, каменная стена пошла такими щелями, что один кусок вывалился на ту сторону. Я поспешно бросил еще, поймал на лету и первым бросился в отверстие.

За спиной сопели, топали, звенели железом, лезли в пролом, ругаясь вполголоса.

Мы оказались в подвале с низкими сводами, почти упираясь головой, трепещущий свет факела вырвал из темноты стену с вбитыми железными крюками. От них идут вниз толстые цепи, на каменном полу скорчился человек, ладонями закрыл глаза, перед ним глиняная пустая миска. На ногах кандалы, цепь приклепана к штырю в стене.

Пока я быстро осматривался, он сел, спросил хриплым голосом, все еще закрывая лицо и глядя на меня в щель между пальцами:

— Кто вы, сэр?

— Тот, кто вошел с мечом в руке, — ответил я. — А что ты за Прометей?

— Я Харальд Гилли, — ответил он с удивившими меня нотками гордости, — был начальником стражи у сэра Синеярда, прозванного Синезубым, прежнего хозяина этой крепости.

— А чем не погладил с Одноглазым?

Он ответил с достоинством, развел руки, но все еще мигал и щурялся от слишком яркого, по его мнению, света факела:

— Я служу сэру Синеярду. И клятву не нарушу.

— И долго ты здесь?

Он ответил просто:

— Семь лет. Сэр Гуинг все еще пытается сломить мой дух и заставить покориться. У него своих воинов хватает, но ему важно заставить служить именно меня. Сперва пытали, вот шрамы, но я готов был умереть, тогда он решил вот так... Я не видел света уже два года. Даже хлеб и воду мне приносят в темноте.

Меня толкали в спину, подземная темница заполнялась народом, Гунтер и Зигфрид с мечами наголо обошли помещение, Гунтер сообщил торопливо, что слышны стоны других заключенных, Зигфрид добавил с сожалением:

— Где-то либо мы обманулись, либо нас обдурили...

— Почему?

— Обещали вывести прямо к винным погребам!

— Это еще лучше, — рассудил я. — Выпустим заключенных, это раз. Доблестный Харальд, что сохранил верность прежнему хозяину, укажет нам прямую дорогу к покоям Одноглазого, это два. Темница должна быть прямо под его резиденцией, а винные могут быть и в сторонке, это три. Так что...

Ульман и Тюрингем уже выламывали штырь из стены, сопели, раскачивали, Харальд проговорил с мстительной радостью:

— Мне бы меч... я бы кое-что напомнил сэру Гуингу!

— Все может быть, — ответил я. — Но сперва надо будет освободить тебя от цепей, а здесь нет инструментов. Придется пока так. Веди, Харальд!

Молот метнулся к двери, треск. Во все стороны брызнули острые щепки. Гунтер и Зигфрид ринулись первыми. Сзади протестующе закричал отец Ульфилла, он должен быть впереди и там прочесть молитву, отважный у нас патер, хоть и дурак, Ульман подхватил Харальда и почти по-

нес на руках. Мы вывалились в длинный коридор, вырезанный в сплошном монолитном массиве серого гранита, справа и слева камеры с заключенными, я пробежал впереди, выбивая двери, останавливалась некогда, впереди шаги спускающихся по ступенькам людей с оружием.

Они не выбежали, а вышли неторопливо: трое массивных, заплывших жиром стражников, недовольные шумом. Молот смел их одним ударом, я поймал липкую рукоять и, не выпуская из руки, побежал по ступенькам наверх.

Во двор выкатились, как кипящая лава в ночи. Трое лучников метнулись к дверям казармы, успели подпереть поленьями. Трещали сгибающиеся луки, часто щелкали тетивы, стрелы со змеиным свистом уносились в темноту, озаряя красным светом факелов.

Ворота донжона на ночь оказались запертymi. Несколько человек уже тащили бревно, послышались бухающие удары. Дверь затрещала и рухнула. Зигфрид и Гунтер с великаном Ульманом ворвались, заблистали мечи, послышались лязг, крики, ругань.

Я заторопился следом, передо мной расступались, я не сразу врубился, что из настоящих рыцарей, да и то однодыштовых, там один Зигфрид, не считая произведенного мной в рыцари Гунтера, это немало для схватки с вооруженной челядью на первом этаже, но вряд ли ровня для схватки с бароном де Амило, что силой оружия сумел захватить этот замок.

— Даешь! — прорычал я как можно более грозно и с мечом в руке пошел через расширяющийся людской проход.

На лестнице, не пропуская никого на второй этаж, сражался огромный рыцарь, похожий на ожившую статую из металла. Все части доспехов подогнаны с ювелирной точностью, двигался с легкостью гимнаста, одетого в трико. Металл победно блестит, не простое железо, видно великолепнейшую сталь, ни царапины, хотя Гунтер и Зигфрид пробились вперед и обрушили на барона де Амило, он же сэр Гуинг, а попросту — Одноглазый, град ударов.

— Он мой! — раздался яростный вопль.

Расталкивая воинов, к месту схватки пробивался Харальд: крупный, широкий в кости и с длинными руками, но голые руки и плечи торчат из гнилого тряпья, ребра едва не прорывают иссохшую кожу, от слабости его шатает, но глаза горят, челюсти сцеплены, подобно капкану на зверя, рифленые желваки играют, как новенькие кастеты.

Одноглазый, умело отражая удары Зигфрида и Гунтера, жутко захохотал:

— Ты — живой скелет!.. Тебе ли... А что же трусит ваш сэр Ричард?

Он захохотал громче, Гунтер и Зигфрид отступили, опустили оружие и оглянулись. Я ощущал себя на перекрестье взглядов. Даже обезумевший от жажды мести Харальд остановился, повернулся в мою сторону.

Черт бы побрал эти обычай, когда даже во время многолюдного сражения рыцари высматривают равных себе для схватки, и потому какой-нибудь герцог в ярости носится по полю с копьем наперевес или с поднятым мечом, но рядовые рыцари избегают с ним поединка, мол, недостойны такой чести.

Одноглазый, все так же загораживая проход, сделал приглашающее движение мечом. Огромный — живая статуя, — не знавший поражений, он готовил все громче, а мои рыцари смотрели все неувереннее. Лучники, идиоты, столпились у двери и не решаются стрелять в благородного господина, сеньора замка и всех владений Амило.

— Сложи оружие, — велел я, — и я, может быть, не повешу тебя. Как повесил твоего племянника.

Хохот оборвался, от Одноглазого пахнуло смертельной угрозой. Он сделал шаг вперед, спустившись на ступеньку. Я сорвал с пояса молот и швырнул в одно движение.

Треск раздираемого воздуха, страшный лязг металла. Фигуру из металла отшвырнуло на три шага, там ударило о стену, на пол рухнула смятая груда железа. И сразу стало видно, что не вся из металла: из щелей брызнули красные струйки.

Зигфрид вдруг захохотал, взбежал по ступенькам, пере-

ступил через труп и исчез на лестнице, что вела направо. Гунтер тоже весело хрюкнул, ринулся следом, перепрыгнул через сраженного хозяина замка, но бросился по ступенькам налево.

Харальд неверяще смотрел то на меня, то на недвижимого Одноглазого.

— Вы... вы не сочли барона де Амило... достойным схватки?

— Да, — ответил я небрежно, ликуя втайне, что мне подсказал такой ответ. — Не счел.

Ульман и Тюрингем, а также с десяток лучников, сосредоточились у казармы. Изнутри слышались глухие удары, подпертая дверь вздрагивает, трещит, вылетают щепки.

Ульман проревел зычным голосом:

— Идиоты!.. Замок захвачен, Одноглазый убит!.. Сложите оружие и выходите по одному с поднятыми руками!.. Никто вас не убьет!

После короткой паузы раздался грубый хохот и такой же зычный рев:

— Хозяин просто спит!.. Когда спустится, вам мало не покажется, ворье лесное...

Ульман взглянул на Тюрингема, тот скривился, но исчез, а минут через пять, когда дверь уже почти рассыпалась, в щели показались острия копий и топоров, вернулся бегом, в руке отрубленная голова, по земле тянется кровавая дорожка.

— Ловите! — крикнул он и швырнул голову в окно.

Из отверстия быстро высунулось острие копья, но Тюрингем отпрянул и ударом меча срубил древко. В казарме наступила тишина, из щелей в двери исчезли железные острия.

Минут через пять, когда Ульман начал терять терпение, двери распахнулись, показался плечистый человек в кожаных доспехах с железным нагрудником. Он был без оружия, а после паузы отстегнул перевязь с мечом, вышел и сел на землю под стеной казармы.

За ним начали выходить остальные, никто не держал в руках оружия. Я бежал с молотом в одной руке и мечом в другой через двор, ужаснулся: выходят и выходят, да их больше, чем нас, остановился, повесил молот на пояс и, щелкнув пальцами, сказал громко:

— Во имя Господа нашего!.. Явись и внемли!

По всему двору раздался крик, люди шарагались, падали на колени и поспешно клали крестное знамение. Красный демон возник строго в двух шагах от меня, даже ориентирован головой на распахнутые двери в казарму, от него пошел зловещий багровый свет.

— Сторожи этих людей! — велел я громко. — Если кто даже в мыслях допустит... нет, в мыслях можно, но если сделает хоть попытку воспротивиться моей воле... да сожрешь его с косточками!.. на то воля Господа, в чьей власти ты находишься!

Мои люди поднимались с колен, все еще дрожащие, трепещущие, но слова про волю Господа ободрили, а мне почему не сказать: демон к таким обращениям глух как пробка, а откликается на некие команды, знать бы их...

Снова ухватив молот, я устремился через двор, с дальнего края несется яростный крик, звон железа и безошибочный треск разбиваемых щитов.

Прижатый к стене конюшни, отбивается коренастый воин в простых доспехах, на груди и плечах погнутости и глубокие царапины, а шлем без забрала.

Гунтер и Зигфрид наступают с обеих сторон, но тот держится, отражая удары изрядно побитым щитом и успевая наносить встречные удары. У Зигфрида уже лопнул ремешок, поддерживающий шлем, приходилось то и дело поправлять, чтобы не слетел вовсе. У Гунтера на плече вмятина, панцирь выдержал, но углубление такое, будто ударили молотом по листу жести.

Я прокричал:

— Стоп!.. Стойте все!..

Гунтер и Зигфрид отступили, воин остался на месте.

Быстро переводит дыхание, доспехи помяты, словно пропустили через стиральную машину, работающую по принципу камнедробилки, меч выщерблен, щит вот-вот развалится, но глаза сверкают, как уголья, хотя не берсерк, просто, похоже, жизнь не ценит, а красиво умереть считает благороднее, чем взять и сдаться.

С молотом в руке я встал напротив, сказал громко:

— Все кончено!.. Одноглазый убит, команда изрублена. Замок захвачен. Сдавайся, останешься жить.

Он смахно сплюнул в мою сторону, мол, мы бедные, но гордые.

— А ты кто?

Я смолчал, лишь выпрямился гордо, так надо, а Гунтер сказал почтительно:

— Перед тобой сам доблестнейший сэр Ричард де Амальфи! Он только за эту неделю подстрелил хробойла, убил огненного дракона, разметал ужасных вепрей, сокрушил Кабана, сэра де Трюфеля, разнес, как сухую солому, вторгнувшихся в свои владения ужасных подземников, рождение Вечной Тьмы!

Я выпрямился еще надменнее, вот я, оказывается, какая крутъ. Воин выслушал хмуро, буркнул:

— А я — Алан де Тридент, не нуждаюсь, чтобы мои подвиги перечисляли слуги. Мой меч — лучший ответ!

Он перекрестился мечом, от красивого жеста стал вроде бы выше ростом, хотя до Зигфрида и Ульмана далеко, я же повторил холодно:

— Сдавайся, останешься жить.

— В подвале на цепи?

— У меня никто не сидит в подвалах, — возразил я. —

Можешь поинтересоваться у моих людей.

Он сплюнул еще дальше, стараясь попасть мне на сапоги.

— Так я и поверю! Нет уж. Возьмите меня, если сумеете.

— Сумеем, — пообещал я.

С короткого размаха метнул молот, воздух пролопотал частыми взмахами первобытного пропеллера. Грохнуло, камни посыпались воину на голову, на плечи, сбили с ног.

Когда он попытался подняться, навалились Гунтер и здровяк Ульман, выдрали из пальцев рукоять меча, сорвали пояс с кинжалом, сдернули шлем и рывком поставили на ноги.

Он стоял передо мной, покачиваясь, все еще оглушенный. Оглянулся дико, но стены, куда я послал молот, уже нет, взору открывается светлеющее небо.

— Я же сказал, — бросил я укоризненно, — а старшим надо верить. Теперь еще раз: ты кто и почему здесь?

— Алан де Тридент, — ответил он нехотя. — Ехал из Толовы в Беверлин. Остановился на ночь, воспользовавшись гостеприимством хозяина. Считаю своим долгом дратьсяся на его стороне.

— Естественное решение, — успокоил я. — Естественное для благородного человека и обязательное для рыцаря. Но это уже замок не Одноглазого, а мой, Ричарда де Амальфи. Если у вас есть конь, садитесь, сэр Алан де Тридент, и уезжайте. Никто вас не тронет.

Он кивнул, отступил на шаг, повернулся, но тут Гунтер сказал с негодованием:

— Ваша милость, он у нас двоих завалил!.. Я даже не знаю, Рассело выживет ли?.. И на мне все доспехи помял. Пусть отслужит, хотя бы пока Рассело встанет на ноги и сможет держать в руках меч или хотя бы лук.

Я подумал, кивнул:

— Резонно. Он прав, сэр Алан. Вы остаетесь под командой сэра Гунтера до тех пор, пока не возместите нанесенный вами ущерб.

Рыцарь надменно выпрямился, пальцы хлопнули по бедру, но не нашли даже пояса. Лицо побагровело, он сказал зло:

— Да никогда!.. Если не вернут оружие, чтобы сразился с вами или любым из этой стаи, то буду дратьсяся голыми руками!

Гунтер крикнул:

— Лучники!

Глава 9

За его спиной заскрипели мощные композитные луки. Рыцарь смерил их угрюмым взором, понимает, что такие стрелы прошибут его простенькие доспехи с легкостью, а с такого расстояния просто пришпилият к деревянным воротам, но некоторыми из нас движет гордость или страх, что сочтут трусами, так что выпрямился и сказал еще надменнее:

— Да плевать я на вас хотел всех!.. Стреляйте, ублюдки!

Гунтер посмотрел на меня, я пожал плечами:

— Если не понимает, что за ущерб порядочные люди платят, то зачем нам такой дурац?.. Он же меч себе на ногу уронит, в трех соснах заблудится. Пусть идет. Опустите луки.

Зигфрид проронил с неописуемым отвращением:

— Да еще такой неблагородный... Какой он рыцарь?
И доспехи явно краденые.

Лучники отступили, Гунтер отмахнулся с кислым лицом, а рыцарь повернулся, пошел к воротам. Я дал стражам знак, чтобы не задерживали. В воротах остановился, потоптался на месте, плечи поднялись, опустились, затем повернулся и подошел к нам тяжелой шаркающей походкой, словно его тащат на невидимом аркане

— Ладно, — прорычал он разозленно. — Но только до возмещения ущерба! И как определю сам. А то вы, сволочи, насчитаете!

Зигфрид удовлетворенно улыбнулся, а рыцарь круто развернулся к нему, глаза полыхнули яростью.

— А вы, сэр, за такие слова поплатитесь!.. Выбирайте, чем будете защищаться! Я одинаково владею мечом, копьем и топором.

Зигфрид вскинул руки в примиряющем жесте:

— Поплачусь, поплачусь. Принимаю ваш вызов, сэр. А сейчас пойдемте обсудим условия схватки... Предлагаю место для переговоров в винных подвалах этого замка. Здесь есть такие?

— Есть, — прорычал рыцарь.

— Я страсть какой любознательный, — сообщил Зигфрид. — По опыту знаю, что любые переговоры лучше всего идут в винных подвалах. Все думаю, почему бы? Не знаете, сэр?

Рыцарь поколебался, оглянулся на меня. Я кивнул, разрешая, ведь это теперь мои подвалы, они удалились, я подумал мельком, что Зигфрид совсем не дурак, умеет манипулировать, но тут как бы не нашла коса на камень. Этот Алан де Тридент не выглядит шибко умным, а такие вот и есть самые честные и самые благородные. И не поддадутся на прямые посулы.

В стороне раздался крик, жарким пламенем вспыхнула одна из пристроек. Огонь сразу охватил стену и крышу, рассвет тут же отступил, и зловеще-багровое пламя рвалось в черное небо.

— Что горит? — крикнул я. — Зернохранилище?

Подбежал запыхавшийся Харальд, пот стекает по изможденному лицу.

— Там склад, — выпалил он, жадно хватая ртом воздух, — склад... сухого дерева! Заготовки...

— Для копий? — спросил Гунтер.

— В основном для стрел...

Я отмахнулся.

— Пусть горит, нам такие стрелы не нужны. Проследите, чтобы огонь не перекинулся на конюшню, амбары, мастерские.

Челядь ради такого случая высыпала во двор, все застыли в тревожном оцепенении, это дома ринулись бы гасить, как самоотверженные муравьи, а сейчас в жарком душном оцепенении стоят и жадно смотрят, как на праздничный костер. Клубы огня поднимаются быстро, на ходу сворачиваясь в тугие огромные жгуты, никогда не понимал, почему всегда вот так сворачиваются, отделяются от окружающего холодного воздуха, а из оранжевой крыши вверх бьют острые тугие струи, отдельные языки, и только на высоте копья сливаются и там превращаются в испо-

линского огненного не то червя, устремившегося в небо, не то в змея из пламени и дыма.

В толпе слышались тревожные выкрики, иногда жалостливые, иногда радостно-удивленные, когда в пламени что-то ухает, рушится, к небу взвивается рой оранжевых мух, а следом прыгает голодное ревущее пламя.

Гунтер организовал своих лучников, а Харальд заставил челядинов таскать воду из колодца и плескать на стены конюшни. Несколько человек забрались на крышу и затаптывали заброшенные ветром горящие клочья.

За моей спиной раздался задыхающийся голос:

— Ваша милость... ваша милость... поспешите!

Я оглянулся, Рихтер почти висел на руках дюжих воинов. Лицо бледное, хватает воздух широко раскрытым безвольным ртом интеллигента.

— Куда? — крикнул я.

— К некроманту... — прохрипел он. — Он всех опаснее... Он опаснее... всех...

— Где он? — спросил я быстро. Огляделся, задирая голову. — В какой из башен?

— Ваша милость, некроманты... не выносят высоты!

— Значит, в подземелье?

— Идите вон... туда...

Я проследил за его трясущимся пальцем, прокричал Гунтеру:

— Заканчивай здесь, а я к некроманту!

— Ваша милость, — крикнул Гунтер. — Я с вами!

— Сперва здесь, — заорал я и помчался со всех ног, не выпуская из вида массивную железную дверь, что ведет, похоже, в винный подвал.

Еще издали я понял, что это не винный подвал и что отворить будет непросто. Молот вылетел из ладони, раздался металлический звон, дверь внесло вовнутрь, я ворвался следом, поймал молот и повесил на пояс. Сразу же слева пошла каменная стена, ход опускается вниз по круглой спирали, я помчался со всех ног, прыгая через три сту-

пени, и скоро ощущил себя шурупом, который завинчивают в доску неутомимые руки.

Голова закружилась, как на карусели. Перед последней дверью остановился, хватая широко распахнутым ртом воздух, чуточку отышался, скоро повеет навстречу вонью и мертвениной, сильным ударом ноги распахнул и ворвался в комнату.

Сухой жаркий воздух ударил в лицо, как будто меня застал самум в Сахаре, зловещий багровый огонь заливает помещение, стоит неумолчный треск, щелканье, звон, словно я вбежал в кузницу. На расстоянии протянутой руки громко бурлит жидкость в гигантской реторте, пахнуло острым запахом муравьиной кислоты. Багровая пелена в мозгу тут же начала испаряться, глаза стали видеть зорче, а мышцы снова налились силой. Просторное помещение не загромождено, как у Рихтера, стены справа и слева заняты шкафами с книгами и колдовскими штуками, а под противоположной стеной, лицом ко входу, за массивным столом сидит колдун, хотя с первого взгляда я принял бы его скорее за канцлера немелкого государства.

В черной строгой одежде, чисто выбритый, с роскошными седыми волосами, что крупными локонами падают на плечи, на груди золотая цепь с амулетом или талисманом в виде зловеще-красного камня, похожего на налитый кровью глаз, — он показался значительным и властным, как председатель Совета министров. Поверхность стола почти свободна от колб и реторт, только две книги, одна раскрыта на середине, вторая служит ей подставкой, массивная спинка кресла затейливо вырезана в виде распостертых крыльев, а на самом верху голова дракона: крупная, с огромными рубинами вместо глаз, острыми скулами, пугающе живая: сразу повела на меня багровыми очами, а длинные зубы алмазной остроты заблестели, словно их вы-
светило солнечным лучом.

Колдун поднял голову, наши взгляды встретились. На крупном, массивном, чересчур бледном лице отразилось недоумение. Несколько мгновений всматривались друг в

друга, колдуна, на мой взгляд, лет сорок-пятьдесят, еще в полной силе, тяжелая нижняя челюсть с раздвоенным подбородком говорит о силе характера, мясистые губы широкого, как у жабы, рта — о чувственности, так полагают. Чем больше мы смотрели друг на друга, тем неуверенное я себя чувствовал. Боевой запал испарился, навалилась усталость, я молча отцепил молот и взвесил в ладони.

Глаза дракона вспыхнули ярче, я поймал взглядом его лоб, замахнулся, колдун сказал резко:

— В этом нет необходимости!

Я задержал бросок, колдун повел длинью в сторону репорты, кипение оборвалось, словно отрезало, и в наступившей тишине я сообразил, почему колдун даже не услышал шум схватки далеко на поверхности. Слева из стены выдвинулся полупрозрачный призрак ужасающих размеров: голова вдвое крупнее человеческой, надбровные дуги нависают как уступы скал, узкие щели глаз и склоненная книзу нижняя челюсть, торс так вообще под стать минотавру, одни мышцы.

Я покачал головой:

— Не пугает. Вот не пугает, и все. Советую покориться. Или еще не понятно: у кого винтовка, тот и Мао Цзэдун?

Призрак навалился, по коже прошло неприятное щекотание, но я сказал себе твердо, что это мое воображение, вперил в колдуна твердый взгляд паладина, который страшится только неблагосклонного взгляда дамы... хотя этого страшатся простые рыцари, а паладину и взгляд дамы по фигу.

Сзади треск, через дверной пролом в комнату протискивается скелет в простом круглом шлеме, грубо склепанных доспехах и с мечом в руке. В другой руке скелет держит деревянный щит.

— Это же не всерьез? — спросил я.

Быстро шагнув к скелету, я обрушил лезвие меча. Скелет умело закрылся щитом, меч разрубил его пополам и звякнул по железному шлему. Кости с сухим треском рассыпались в пыль.

Я быстро повернулся к колдуну.

— Больше не пробуй, — сказал я твердо.

Стол перед колдуном сдвинулся, приподнялась крышка подземного лаза, появилась огромная рука, в мой рост, одна только кисть толщиной с мое бедро. Рука слепо пошарила в воздухе, я с содроганием отступил, каждый палец толще черенка лопаты, если схватит...

Что-то мне подсказало, что, если попробую мечом, рука может извернуться и схватить, как няня хватает ребенка. Я сорвал с пояса молот, рукоять с ликование выскользнула из ладони. Шелестнул воздух, молот угодил в основание руки, в исполинском локте громко и сочно хрустнуло, словно переломили молодой початок кукурузы. Под полом охнул огромный гулкий голос, рука бессильно упала, как надломленный стебель. Появились пальцы другой руки и спешно втащили ее обратно. Крышка захлопнулась.

Я в один прыжок обогнул стол и сунул кончик меча под раздвоенный подбородок, нащупывая невидимое горло.

— Последний миг, — предупредил я. — Старики грешно убивать, но если такой сопротивляется, то он не старик, а воин. А воинов убивать не только можно, но и нужно, как сказал великий Горький...

— Остановись, — прохрипел он, невольно запрокинул голову, по горлу побежала тонкая, очень красная, просто пурпурная, струйка крови. Колдун страшился пошевелиться, побледнел еще сильнее, уже как мел, косил глазами на кровь, сползающую по его груди. — Остановись, кто бы ты ни был... Я признаю твою силу.

— Не только силу, — сказал я резко.

Он повел глазами по сторонам, никто не врывается следом за мной, не вяжет, не бьет по голове.

— Признаю... — прошептал он, стараясь не шевелить даже губами, — и власть...

— Это лучше, — сказал я резко. — Почему признаешь?

— Жизнь, — прошептал он. — Жизнь дороже верности...

— Хороший аргумент, — одобрил я. — Аргумент будущего.

Послышался топот, через пролом ввалились трое в железе во главе с Гунтером. Гунтер жадно хватал ртом воздух. Я медленно убрал лезвие меча от горла колдуна, взгляд не отрывая от его лица, но колдун все понял, не сделал ни жеста, не произнес ни звука, оставался недвижим, как будто превратился в камень.

— Насчет верности, — сказал я, — некому хранить верность, понял?

Привели под руки Рихтера, маг едва держится от усталости на ногах. Я указал на некроманта.

— Проверь... и вообще посмотри здесь. Пара крепких ребят останутся тебе в помощь. Поставь их так, чтобы сразу этого... если хотя бы подумает не так, понял?

Рихтер кивнул, не в состоянии ответить, тощая грудь часто вздымается, после изнуряющего похода в тесном подземном ходе да еще спускаться по крутым ступенькам — это способно убить человека и помоложе.

— Ваша милость, — прохрипел он, — неужто хотите оставить этому чудовищу жизнь?

— Если можно оставить, — отмахнулся я, — лучше оставить. Дайте ему одеться, еды на пару дней, пусть убирается.

В запавших глазах некроманта появилась надежда. Рихтер вскрикнул негодящее:

— Ваша милость! Это же некромант!

— Ну и что, — сказал я, стараясь вспомнить, что это за отдел магии, — все профессии имеют право на жизнь, если они не... словом, если не слишком... шоумены или политики.

— Но это некромант, — повторил Рихтер с отвращением. — Некроманты должны быть истреблены!

Я развел руками:

— Сейчас спустится отец Ульфилла и заявит, что нужно истребить всех магов, колдунов и волшебников. Он со своей колокольни тоже прав. То-то. А когда перебьем кол-

дунов, потребует, чтобы истребили протестантов, лютеран, кальвинистов, арианцев, альбигойцев и прочих еретиков. А потом и среди своих пуритан начнет пуританить...

Некромант поднялся, Гунтер невольно отступил, держа меч наготове. Чужой маг выше на полголовы, в плечах и без доспехов так же широк, как Гунтер, а широкая черная, с синевой мантия наброшена на сильное костистое тело. А то, что бледен, как будто лицо натерли мелом, только напоминает страх.

— Спасибо, — произнес он осторожно. — Спасибо, что пощадили. Еду добуду по дороге, не беспокойтесь...

Так же медленно, стараясь не провоцировать людей с обнаженным оружием в руках, он пошел к двери. Ему давали дорогу, он шагнул через порог, на миг уже скрылся за стеной, как вдруг появился в проходе снова. Взгляд темных недобрых глаз был прицельным, нехорошим, в нем чувствовалась сила несломленного человека.

— Благодарю, — сказал он еще раз, — я хотел сказать... а нельзя ли забрать кое-что из моих... наработок?..

Рихтер сделал протестующее движение. Я заметил, развел руками:

— Сожалею, но все в замке — добыча победителей. Боевые трофеи. На поток и разграбление.

Некромант сказал нерешительно:

— Там вещи, которые для ваших отважных воинов ценности не представляют. Но для меня...

Я указал на Рихтера:

— Он разберется.

Некромант бросил на него презрительный взгляд.

— Только другие некроманты могут понять...

— Это трофеи, — напомнил я безжалостно. — Этот маг служит мне. Что-то возьмет себе, что-то выбросит — его дело. Силовая власть в моем лице не вмешивается в дела религий, мифологий и прочих секс-меньшинств. Хотя, конечно, в моей феодальной системе ни Церковь, ни колдовство не отделены от государства. Идите, сэр, я не могу оставлять в замке чужих.

Он поколебался, взгляд исподлобья скользнул по моему лицу, я услышал вздох, Гунтер предостерегающе похлопал по рукояти меча, некромант вздохнул громче.

— Ваша милость, — сказал он уже другим тоном, — есть такие клятвы магов, которые нарушать нельзя. Они составлены так, что если их нарушит давший, умрет сразу же... Ваш маг знает эту клятву. Не сомневаюсь, он вам ее принес...

Я остро взглянул на Рихтера. Тот вздрогнул, побледнел, вскинул кверху обе руки.

— Ваша милость! — вскрикнул он. — Я так давно дал эту клятву сэру Галантлару, что уже и забыл о ней. Только потому и не вспомнил, когда вы захватили замок! Разве я не служил верно?

— Еще не было времени проверить, — огрызнулся я.

— Ваша милость!

Рихтер заломил руки в отчаянии, по его виду понятно, что в самом деле просто забыл, старческий склероз или просто забывчивость, но я достаточно продвинут, чтобы не упустить возможность дожать, сказал громко и раздраженно:

— Вы сейчас оба принесете эту клятву верности! И проследите друг за другом, чтобы никакого жульничества. Гунтер, следи за Рихтером... и вообще за обоими, ты тоже кое-что знаешь, а я наверх, как бы заключенные не устроили резню.

— Там Зигфрид... — ответил Гунтер. — Эх, он же выбирает место для поединка. Ульман и Тюрингем проследят. У них уже есть опыт.

— Какой? — спросил я тупо, догадался, махнул рукой. — Ах да, конечно...

Глава 10

Склад выгорел дотла, небо светлеет, на востоке алая заря, луна поблекла и опустилась за блистающий огненнымиискрами край земли.

Харальд на бревне возле колодца жадно пил из бадьи,

держа на весу обеими руками. Мышцы напряглись, все тепло Харальда — кости да сухожилия, не то что жира, даже мяса не осталось, но кости широкие, а сухожилия толстые. На груди два свежих пореза, крупная ссадина справа над ухом, там уже запеклась темная кровь, но капли все еще просачиваются через разломы в темной корке.

— Ты сражался доблестно, — сказал я.

Он встал, ответил, прямо глядя мне в глаза:

— Благодарю вас, сэр.

— Садись, — разрешил я, но он не сел, я понял, что в этом случае первым должен сесть я, но на грязном мокром бревне сидеть не хочется. — Ты сражался, да... Что намерен дальше?

Он развел руками:

— Теперь, когда свободен, пойду искать место, где найду себе работу. В молодости я был дровосеком, но вот уже двадцать лет как не расставался с мечом и доспехами. Ничего лучше я не умею.

Я подумал, кивнул:

— У меня есть другое предложение. Как ты уже знаешь, нет не только прежнего хозяина, которому клялся служить, но и его обидчика. Сэр Синеярд отомщен, свободен теперь не только ты, но свободна и твоя душа.

Он слушал внимательно, глаза его не отрывались от моего лица.

— Да, это верно, ваша милость.

— Теперь это мой замок, — сказал я. — Даже если отыщутся наследники или родня Одноглазого, я не собираюсь возвращать им владения. Это означало бы постоянные войны с соседями.

Он кивнул.

— Абсолютно верно, ваша милость.

— Так вот, — сказал я, — но этот замок должен быть укреплен и защищен. Кто, как не ты, Харальд, знает все слабые и сильные места? Я предлагаю тебе службу у меня, Ричарда де Амальфи. А для начала возвращаю тебе прежнее

твое место — начальника стражи замка. Если хочешь, даже сенешаля.

Он выслушал с бесстрастным лицом, потом вдруг рухнул на колени. Я вздрогнул, едва удержался от понятного желания отступить. Харальд ухватил края моей туники, прижал к губам.

— Клянусь, — сказал он прерывающимся голосом, — клянусь служить верой и правдой! А если понадобится — отдать жизнь без страха и колебаний.

Я выждал с каменным лицом, так принято, легонько коснулся его плеча.

— Встань, Харальд. Я принимаю твою клятву и в свою очередь даю клятву сюзерена быть справедливым правителем, бдить и защищать обитателей этого замка и всех принадлежащих ему жителей, а также земли и села.

Он медленно поднялся, я услышал за спиной голоса, это вышли из подвала наши воины, Гунтер двигался впереди, как рассерженный кот, орал, срывая голос, отдавал распоряжения, его слушались, как я сразу заметил, не только свои, но уже и местные.

Я поманил Гунтера.

— Позволь представить тебе Харальда... Отныне моим приказом по офису назначен начальником охраны этого замка. Главный секьюрити, так сказать. Но в таком виде ему ходить негоже, а его доспехи, боюсь, уже ржа сожрала. Как штаны — моль. Тут моль водится? Вот видишь... Вели доставить сюда доспехи Одноглазого.

Гунтер смерил испытующим взглядом Харальда.

— Да, хоть и отощал, но с Одноглазого... гм... Ваша милость, а не оставить ли как боевой трофей? Все-таки непростой противник...

Я отмахнулся.

— Гунтер, наши победы только начинаются. А Харальду в самом деле надо облачиться в железо, чтобы его сразу признали начальником стражи.

Пять минут спустя к нам вынесли доспехи. Металл бле-

стит, как зеркало в свете алой зари, вода все еще вытекает из панциря, оставляя блестящие дорожки на плитах двора.

Отмыл, понял я. Эстеты хреновы. А может быть, Харальд, как сильный и свирепый воин, ходил бы как раз с удовольствием в неотмытом, где кровью Одноглазого пропитано сверху донизу? К тому же Одноглазый — его враг, это ж так приятно чувствовать кровь бывшего босса...

Гунтер подал мне прекрасный стальной панцирь с выбитым изнутри львом на задних лапах. К панцирю полагается шлем, этот тоже хорош, закрывающий голову сзади и с боков, а сверху заостряется в такой конус, что любые удары будут соскальзывать, как намыленные.

— Харальд, — сказал я повелительно.

Харальд преклонил колено, принял доспехи, шлем, а Гунтер протянул мне великолепный меч, благородный, сдержаный, с классическим прямым лезвием и крестообразной рукоятью.

— Это непростой меч, — сообщил он с некоторой завистью в голосе. — Оружейник сообщил, что связку из сорока прутьев тридцать лет выдерживали в болоте, пока плохое выжирала ржавчина, перековывали и снова совали в болото. А когда выковали меч, ему не стало равных, ибо все прутья из разного железа, так что меч и гибкий, и удивительно прочный.

Я кивнул.

— Видишь, Харальд, наш Гунтер чуть не плачет, расставаясь с таким мечом. Но ты его заслужил. Бери и владей!

Харальд, приняв меч обеими руками, благоговейно поцеловал лезвие. Он поднял на меня исполненные благодарности глаза, а все еще завидующий Гунтер бухнул тяжелым голосом:

— Сэр Амальфи, дайте имя.

Я даже не понял, о чём речь, но Харальд сказал счастливо:

— Да-да, конечно! У такого благородного меча должно быть красивое и звучное имя.

Я подумал, сказал величественно:

— Ты сам дашь ему то имя, которое он заслуживает. Да и о тебе будут судить по тому, какое имя дашь. Так что подходи к этому простому делу осторожно и мудро... А сейчас сюда придет наш отец Ульфилла, ты повторишь присягу перед лицом церкви... ну, эту процедуру знаешь, и потом мы, возможно, оставим тебя распоряжаться замком... в известных пределах, конечно. Мы будем выстраивать вертикаль власти, где наверху — я, то есть законодательная, верховная и конституционная, подо мной Гунтер — это уже исполнительная власть, а под ним все-все остальное... Так что тебе отводится высокая роль!

Освобожденные из подземной тюрьмы рассыпались по замку, челядь снова попряталась, отыскали сменных тюремщиков, удалось отбить только одного, остальных затоптали и забили ногами, еще троих зарубили наши, застав с оружием в руках, а единственного уцелевшего я велел охранять, вдруг да и здесь нужен подвальный путеводитель.

Все наши сбивались с ног, замок Одноглазого втрое больше моего Амальфи, народу впятеро, красный демон у казармы постоял некоторое время, а потом исчез, но страх успел нагнать такого, что никто и подумать не смел о сопротивлении. Пленных из казармы и уцелевших в резне загнали обратно в казарму, предварительно вынеся оттуда все оружие, и заперли, выставили охрану на всех стенах и на воротах, да не прорвется подмога барону де Амило.

В покоях Одноглазого я осмотрел все, с грохотом переворачивая столы и стулья, им ничего не случится, а мне надо выглядеть лютым и страшным, чтобы обитатели замка страшились и трепетали.

Забежал Тюрингем, чтобы осведомиться, не нужно ли чего, за ним с обнаженным мечом влетел, как пыхтящая гора, разгоряченный Ульман.

Я прорычал:

— Тюрингем! Вы чего с Ульманом за мной хвостами ходите? Я вас к кому приставил оруженосцами?

Тюригем пролепетал:

— К Гунтеру, ваша милость...

— Так почему же?

— А он велел оберегать вас!

Я гаркнул:

— А кого надо слушаться?

Тюригем выпалил преданно:

— Вас, ваша милость! Вы велели слушать Гунтера, а он велел охранять вас! Так что выполняя приказ Гунтера, мы выполняем ваши приказы.

В комнату медленно вошел грузный человек в плаще мышиного цвета с капюшоном, надвинутым на лоб. На глазах широкая повязка из плотной серой кожи, в руках что-то вроде грязной простыни. Он держал ее перед собой, будто намеревался набросить на кого-то, поменьше себя ростом и менее проворного, в складках простыни поблескивают искорки. Ткань на кратчайшие мгновения неуловимо менялась, я засмотрелся, а человек остановился посреди комнаты, явно же слепой, лицо скорбное, так смотрят смирившиеся с судьбой, однако слабым не выглядит и, похоже, живет не подаянием.

— Меня зовут Задинг, — произнес он надтреснутым голосом. — Челядь разбежалась, а защитники сложили оружие. Некромант тоже служит вам... а почему нет? Замки, как и королевства, переходят от хозяина к хозяину, а крестьяне все равно должны растить хлеб, а маги разгадывать тайны Древних. Я — прорицатель. Не очень хороший, но все-таки приношу пользу тем, кто мне дает приют...

Я сказал с неловкостью, какую всегда чувствуем перед инвалидами и калеками:

— Это неважно, есть от вас польза или нет. Приют вы получаете в любом случае.

Он поклонился:

— Спасибо. Но я докажу вам, что я не дурачу головы.

Справа от вас человек, которому предстоит пройти немало дорог, но я вижу его в окружении множества детей... восемь... десять... четырнадцать... из них только две девоч-

ки!.. А вот тебе, богатырь, скажу еще более важное... Смерть тебе уготована от руки третьей жены...

Ульман дернулся, вскрикнул:

— Но у меня и первой-то еще не было!

Прорицатель сказал ровным голосом:

— Иные меняют жен очень быстро. Слишком быстро.

Но ты... предупрежден.

Ульман зябко передернул плечами.

— Да я и с первой... не буду спешить!

— Не зарекайся, — сказал Тюригем весело. — Может быть, и у тебя будет двенадцать... девочек!

— Почему девочек? — обиделся Ульман.

— А мои мальчики их возьмут в жены, ха-ха!

Но Ульман оставался серьезным, пробормотал:

— Это самое... насчет жен... мне предсказали еще в детстве.

Тюригем крякнул, молча развел руками. Прорицатель молвил негромко:

— Твое детство прошло далеко отсюда... Не ощущаю расстояния, ночу запах морских трав и слышу трохот волн...

— Точно! — вскрикнул Тюригем еще громче. — Мой отец был рыбаком. Я привык засыпать и просыпаться под шум прибоя.

Я поинтересовался:

— А почему ничего про меня?

Оба затихли, обратили взгляды на прорицателя, в мою сторону косились с болезненным любопытством. Прорицатель помял в руках ткань, то растягивая на вытянутые руки, то сводя ее вместе, давая провиснуть до пола, в этом жесте уггадывался некий смысл, но какой — рационально понять непросто.

— Наверное, я слишком устал...

— Наверное, — согласился я, — ты лучше нас знаешь, где здесь кухня. Отдохни, но... особенно не надейся увидеть мое прошлое и будущее. Просто не надейся. Паладины бывают закрыты... ну почти, как жидомасоны. Одни

догадки, так что иди, твой статус не меняется, как и твое положение. Вы двое тоже топайте вниз. Теперь, когда замок взят, я справлюсь и один, даже если где-то и сохранились партизанен. А вы идите, идите, пока не вытолкал в шею.

Оба нехотя ушли, прорицатель в нерешительности топтался на месте, обескураженный, что не может видеть меня нас kvозь, как видел своих бояр Иван Грозный, но я уже не обращал на него внимания, пошел дальше, осматриваясь с прежней настороженностью, передвигался бесшумно, одна рука на рукояти меча, пальцы другой касаются молота.

В этом замке свои странности, я даже не сказал бы, что его строили в том же веке, что и Амальфи. И что эти стены возводили люди той же веры, вкусов и взглядов. Христианские замки Испании и мавританские, что стоят рядом, меньше отличаются, чем этот от Амальфи.

Я шел медленно, почти крался, осматривался, стараясь держаться подальше от диковинок, а их, похоже, не меньше, если не больше, чем в моем.

Скрипнуло, в трех шагах дверь с изображением драконьих морд тихохонько приоткрылась, в щель ударил яркий свет, осторожно выглянула молодая и очень хорошо одетая женщина: в дорогом зеленом платье из тончайшего шелка, округлые плечи безукоризненной формы обнажены. Платье как-то держится только на груди, длинные волосы тщательно расчесаны и уложены в замысловатую прическу в виде башенки, перевитой лентами, у висков очень женственно спускаются локоны, вроде бы забытые при строительстве башни, но красиво смотрятся.

Она повела глазами вправо, влево, давая мне возможность оценить и чистоту белков, и размер радужной оболочки, вообще лицо породистое, с ровными дугами бровей, тонким, изящно вылепленным носом, красными губами, не слишком тонкими, не слишком пухлыми, а именно такими, какие и должны быть у породистой аристократки.

Придерживая подол платья, стараясь не шуметь, она вдвинулась в комнату и была уже на середине, когда я пошевелился.

Она оглянулась, испуганно вскрикнула:

— Ой!.. Как вы меня напугали!

— Красивых женщин не ем, — ответил я. Подумал, уточнил: — Некрасивых — тем более. Простите, что испугал, но... кто вы?

— Я леди Гервена, — произнесла она дрожащим голосом, но с достоинством. — А вы, как я поняла, и есть тот захватчик, во власти которого замок...

— Всего лишь ответный удар, — объяснил я. — Ваш муж... я не ошибся, барон Гуинг ваш муж?.. ваш муж очень долго нападал и разорял мои земли... Тогда они были еще не моими, но все равно, я мог бы заграбастать сразу двадцать сел, а не три села и две ниши деревеньки! Так что за двадцать или больше набегов вашего мужа я нанес только один удар.

Ее лицо омрачилось:

— Я слышала шум схватки... замок залит кровью?

— Ошибаетесь, — возразил я, задетый за живое. — Представьте себе, ни одна собака не гавкнула в защиту вашего мужа, уж простите! А кто не противник мне, зачем я стану обижать? Каждый остался на своем месте. Но замок теперь мой. Как и все принадлежащие ему земли.

Она помедлила, разглядывая меня исподлобья, сказала после недолгого колебания:

— Служанка говорит, что вы никого не казнили. Я не поверила.

— Сходите вниз, — посоветовал я, — убедитесь.

Она покачала головой.

— Погожу. Сэр...

— Ричард, — подсказал я. — Ричард де Амальфи.

— Сэр Ричард, я тоже не ваш противник.

Теперь я замолчал, после паузы сказал осторожно:

— Надеюсь... хотя разве не вопиет пролитая кровь вашего мужа? В смысле о мщении.

Она зябко передернула плечами.

— Не вопиет. Он уже сменил пять жен, всякий раз брал все более молоденьких. Я как раз пятая. Предыдущие че-

тыре умерли. Поговаривают, что не своей смертью. Последний месяц до меня доходили слухи, что он обратил внимание на дочь лорда Гелейна, его земли за владениями леди Клаудии. Бедной девочке всего пятнадцать, даже не представляет, что ждало ее...

Я кивнул, расспрашивать не стал, нравы жестокие, у женщин только и прав, что сидеть у окошка и ждать возвращения господина, а уж обязанностей море.

— Понимаю, — сказал я еще осторожнее, — вас интересует ваш статус...

Я умолк, подбирая слова, а она сказала чуть живее, чем раньше:

— Не просто интересует, сэр Ричард!

— Да-да, — подтвердил я. — Я как-то не подумал, что получаю замок и земли с таким прицепом.

Она ужаснулась:

— Намереваетесь меня убить?

— Да пока нет...

— Умоляю вас, — вскричала она и молитвенно сложила руки у груди, — у вас же есть право тетравленда! Взяв замок и убив прежнего владельца, вы получаете в полное владение все, что ему принадлежало. В числе прочего ему принадлежала... и я. Я могу оставаться вашей замковой женой... или наложницей. Вы ведь, как я понимаю, свирепый и ненасытный воин, в замке сидеть не станете, так что я какая помеха? Когда станете наезжать в этот замок, я буду стелить вам постель и выполнять все ваши прихоти... в остальное же время замок будет под хорошим присмотром. Я и так занималась всем хозяйством. Знаю, как вести дела, как рассчитываться с подрядчиками, я закупала продукты и провизию, подготавливала замок к зиме...

Она упала на колени и смотрела на меня в страхе и отчаянии. А я — на ее полные груди, быстро вздывающиеся, еще весьма аппетитные. Потом подумал и решил, что право тетравленда придумано мудрыми людьми, что обеспечивает эволюцию человеческого общества. Когда более сильный устраниет слабого, он не должен рушить все, что было

у слабого. Он просто обязан взять и распорядиться еще лучше.

— А почему не умоляете отпустить к отцу?

Она взглянула с надеждой:

— А вы... отпустите? Умоляю, умоляю — отправьте меня обратно к отцу!

Я подумал, кивнул:

— Вы были правы. К отцу отправлять нельзя. Соберет армию и отправится мстить.

Она вскрикнула:

— За эту грубую скотину? Да ни за что!

— А за угодья, земли, замок?

Она затрясла головой:

— У отца все это есть. Правда, не такие богатые, но нам хватит.

— Но за гибель зятя положено мстить, хоть мы и не совсем в тейпе. К тому же солидная экономическая составляющая: деревни Одноглазого и те, которые оттяпал у Галантлара, нехилый замок...

Она в отчаянии смотрела снизу вверх зелеными, полными слез глазами. Край зеленого платья на груди опустился еще ниже, мне сверху хорошо видны безукоризненной формы два полушария, а когда леди Гервена в бессилии опустила руки, декольте углубилось настолько, что я смог, глядя вот так сверху, рассмотреть края широких розовых кружков.

— И тем не менее, — проговорил я чуточку охрипшим голосом, все еще не отводя глаз от манящего зрелица, — ущемлять вас не стану. В самом деле, этот тетравленд... гм... придумал кто-то из очень умных. Или из озабоченных. Но, скорее, то и другое. Вы пока пленница, но — почетная пленница... Я поразмыслию над этической стороной тетравленда, и, пожалуй... А сейчас соизволю отпустить вас. До особых пожеланий.

Она мигом вскочила, поклонилась, так что я смог заглянуть в декольте еще глубже, в самом деле ощутил горячую тяжесть в известном месте. По ее лицу понял, что все

заметила, все поняла, настоящая женщина, и произнесла горячо и пылко, по-прежнему глядя снизу вверх, такой взгляд лучше действует на грубых скотов:

— Спасибо, сэр Ричард! Спасибо, доблестный рыцарь! Вы самый великодушный...

— Вы можете... — напомнил я. — Ага, можете... идти.

Она ускользнула обратно намного быстрее, чем входила, а у меня осталось нехорошее впечатление, что если и не обвела вокруг пальца, то была к этому близка. В самом деле, быть рыцарем — тяжкое дело: простой нормальный гражданин изнасиловал бы как законную добычу, так называемое право войны, а потом бы отдал солдатам. Замок же и все земли, само собой, принадлежат победителю по праву. А сейчас черт его знает как и поступить, если соблюдать все юридические тонкости. Ведь она — законная хозяйка этого феода. Но не убивать же...

Ехидный голосок сказал внутри насчет женитьбы, я поморщился, о женщинах стараюсь вообще не думать, чтобы не всплывало лицо леди Лавинии.

Глава 11

Солнце поднялось над башнями, вскарабкалось к зениту. Я все это время двигался, как перпетуум-мобиле: успокаивал, устраивал и упорядочивал жизнь замка и его обитателей. Харальд и Гунтер отобрали из числа уцелевших тех, кто сможет без угрызений совести принести присягу новому хозяину, отец Ульфилла грозил небесными карами отступникам, а я за это пообещал ему во владение местную церковь.

Правда, у Одноглазого есть свой священник, но мой патер купился на возможность сместить местного и поставить своего, более ревностного, более преданного делу церкви.

Когда я взмок от беготни в тяжелых доспехах, а мой желудок бросался на ребра и тряс их, как орангутан клетку, появился Логирд фон Темрунг, некромант, принесший

мне присягу, быстро огляделся по сторонам и сказал с почтительным поклоном:

— Лорду Ричарду, должно быть, угодно взглянуть на мои скромные успехи...

— Угодно, — ответил я подозрительно. — А вот угодно!

— Тогда прошу, господин, я считаю обязанностью показать все, что у меня есть и что могу поставить вам на службу.

Я кивнул, сказал Гунтеру:

— Я отлучусь ненадолго, а ты командуй здесь.

— Хорошо, — ответил тот коротко и пронзил некроманта злым взглядом. — Я буду знать, где искать вашу милость.

Некромант поглядывал по сторонам, я понял: очень не хочет увидеть Рихтера. Между магами, что понятно, уже начинается некое соперничество. Сейчас позиции Рихтера намного сильнее, он свой, потому некромант, понятно, постарается впечатлить меня успехами.

— Почему такое имя? — спросил я, когда мы спускались по длинной лестнице в подвал. — Логирд...

— Логирд фон Темрунг? — закончил он. — Все зовут меня просто Логирдом, но вашу милость интересует, почему «фон»? Да не оскорбит это вашу милость, но я происхожу из старинного, хоть и очень бедного рода, однако в отличие от братьев я не хотел пойти на войну и красиво погибнуть в первом же сражении, мне нравилось познавать, уж простите...

— Прощаю, — ответил я милостиво. — Хотя, конечно же, странное желание, ха-ха!.. Что может быть лучше: пойти в бой и красиво погибнуть? Или напороться на острия копий, чтобы кишки наружу? Или попасть под молодецкий удар топором по коленям, когда останешься калекой?.. Странные вы люди, что не жаждете такой участи!

Он содрогнулся с такой силой, что ухватился за стену.

— Да уж... — проговорил он осевшим голосом, белое лицо посинело, — как-то не жажду... Урод я, ваша милость...

— Да уж вижу, — ответил я покровительственно и с надлежащей насмешкой в голосе. — А чем ты занимаешься?

— У меня широкие интересы, — ответил он туманно и тут же спросил: — А в каких областях лежит интерес моего господина? Философский камень, вечная молодость, несокрушимая сила, неразменный золотой...

Мы вновь спустились в его некромантю лабораторию, что полностью соответствует моим представлениям о жилище очень любознательного человека, который хочет все знать, но не знает, за что ухватиться раньше.

Я насторожился: дверь полностью восстановлена, а я помнил, в какие щепки разнес мой молот, так что у этого некроманта могут быть в запасе трюки.

Комната все так же заставлена, однако у стен теперь проход, а сундуки и столы столпились в середине, на них — огромные листы пергамента с искусно нанесенными реками, горами, городами, и еще там везде множество отметин с надписями: «Неизвестная земля», «Закрыто вечным туманом», «Области Вечной Ночи»...

— Ни у кого нет таких карт, — сказал он напряженным голосом, — я составлял их всю жизнь... руководствуясь как рукописями, так и рассказами путешественников.

— А если расхождения? — поинтересовался я.

— Наносил по последним данным. Но есть места, где только по рукописям. Например, в области Сиглорна уже семьсот лет не бывало человека. Или все места «Вечной Ночи». Говорят, они начали расширяться...

Я кивнул:

— Верно, сам видел.

Он взглянул быстро и настороженно:

— В дальних краях или где-то вблизи?

— Увы, уже в моих землях.

Он помрачнел, покачал головой. Взгляд стал задумчивым и отстраненным. Я обратил внимание на множество клеток, где сидят мелкие лесные птицы, мыши и хомячки. В большой клетке под столом свернулось клубком странное животное, похожее на облезлую лису с рыбьей чешуей.

— Некромантишь? — спросил я и указал взглядом. — Это что же... оживленные из трупов?

Некромант поклонился, в глазах блеснул гнев на такую дурость, но ответил очень смиренно:

— Можно, конечно, пробовать снадобья на простолюдинах... но когда мыши всегда под рукой — это удобнее, ваша милость.

— А-а, — сказал я, — тогда понятно. Ты еще на дроздифилах потренируйся.

Он взглянул остро:

— Что это?

— Мухи, — объяснил я. — В моих краях маги все на мухах пробуют.

Он подумал, на лице появилось озадаченное выражение.. Понятно, что мух наловить проще, чем мышей, но...

Он все еще смотрел на меня в ожидании ответа, вопрос очень важен, но я отмахнулся:

— Да брось заниматься ерундой. Только время зря теряешь. Или только этим и занимаешься?

Он смотрел настороженно, в темных запавших глазах появилось и исчезло странное выражение, после паузы некромант проговорил нерешительно:

— Вообще-то я больше занимаюсь Древними Эпохами... Только потому и стал некромантом.

Я удивился:

— А что, у некромантов больше преимуществ?

— Конечно, господин, — ответил он убежденно. — Ведь мертвых людей больше, чем живых! Не знали?.. Нет других способов увидеть древних людей, кроме как...

Он замялся, настороженно посматривая на мою грудь. В расстегнутом вороте у меня там поблескивает цепочка, а догадаться нетрудно, что некромант видит не языческий амулет, тот свисает глубже, а церковный крест.

— Как? — переспросил я. — Знаешь, рассказывать можно все, что угодно. Здесь Родос, здесь прыгай!

Он поколебался, сказал еще нерешительнее:

— Хорошо, если господин изъявляет такое странное желание...

— Изъявляю, — отрубил я твердо. — Желаніз. Странное! Мне все можно, понял?

Он вздохнул, открыл дверцу шкафа. Я напрягся и нащупал рукоять меча, но маг вытащил тяжелую, обвисшую в его руках, странно-лиловую мантию, я не сразу рассмотрел, что весь верх ее, во всяком случае плечи, грудь и рука-ва, усыпан блестящими лиловыми камнями, похоже, сапфирами, подогнаны так плотно, что не видно материей.

Я наблюдал, как он облачился, налил в широкую посудину вроде тазика светящейся жидкости, забормотал, начал делать пассы, я скептически поморщился. Поверхность в тазике пошла паром, тот поднимается широкими клубами, что взаимно проникают один в другой, возникают сгущения, уплотнения, фигурки...

Сердце застучало чаще, в клубах пара люди, хорошо различаю руки, ноги, лица, даже детали одежды, лица искашены, всех их поворачивает и тащит вверх неведомая сила, я вздрогнул, когда один человечек поймал мой взор и протянул в мою сторону крохотные руки, беззвучно разевая рот. Его утащило наверх, снизу поднимаются и поднимаются еще, еще двое пробовали заговаривать со мной, капли пота поползли по моему лбу: люди одеты странно, обуты тоже как будто из другой эпохи.

Быстро сменялись картинки странных зданий, трижды в небе промелькнули летательные аппараты, из земли вырастали странные растения, окуливались и, сбросив сухие коконы, уносились в пространство. Затем все окрасилось в багровые тона, земля тряслась, здания рушились, надолго все погрузилось в тьму, а когда снова в колдовском тумане появились изображения, я с болью увидел группки дикарей...

Некромант наблюдал за моим лицом. Жидкость кипела уже на донышке, пар стал реже. Фигурки поднимались почти невидимые. Некромант шумно вздохнул, руки бессильно опали. Мучнисто-бледное лицо выглядело измученным, он часто и хрипло дышал.

— Впечатляет, — признался я. — Теперь понимаю, почему именно некромант.

Он кивнул, глаз не видно, кажется, будто смотрят из темных пещер.

— Ваша милость...

— Да?

— Мне почему-то показалось, что некоторые из этих видений... вам показались чем-то знакомыми?

Я сдвинул брови.

— Был бы ты христианин, посоветовал бы перекреститься... если кажется. А так... не стоит меня расспрашивать. Понял?

— Понял. Спасибо, ваша милость.

— За что?

— За понимание.

— А, ну это нетрудно, — ответил я. — Когда основные богатства не в будущем, а в прошлом, то интерес к нему понятен. Хорошо, не буду отвлекать от научных изысканий. Продолжай. Земля круглая — знаешь?

Он кивнул.

— Да.

— Поздравляю, — сказал я несколько ошарашенно.

— Это вас надо поздравить, сэр Ричард, — ответил он очень серьезно. Дыхание его восстановилось, он понюхал какие-то соли, на щеках пропустил слабый румянец.

— Меня?.. Ах да, я же доблестный и неустрашимый рыцарь... ладно, как-нибудь побеседуй на тему круглости Земли с магом Рихтером.

Он поморщился, но в глазах мелькнуло удивление.

— Он... знает?

— Он уверен, что квадратная. Прогресс!

— Почему?

— Раньше считал, что плоская. На слонах! А слоны — на черепахе. Черепаха же на трех китах. Словом, пирамида, как у бременских музыкантах.

Я уже открыл дверь, потрогав для проверки, в самом деле новенькая, восстановленная, некромант умеет не только подсматривать за давно сгинувшими предками. За спиной раздался напряженный голос:

— Скажите, сэр Ричард... вы человек?

Я обернулся, сдвинул брови на переносице, на случай, если некромант вздумал шутить, но смотрит с предельным вниманием и почтительностью, поклонился еще раз, виновато развел руками.

— А кто же я? — ответил я сумрачно. — Впрочем, теперь уже начинаю сомневаться... *Cogito*, следовательно, существую. Но в то же время и тростник вроде бы мыслящий, если верить Паскалю. А на кого я похож?

— Похожи на человека, — сказал он медленно, — да ведь и гоблины бывают очень похожи... И тролли. Не все, конечно, но есть такая разновидность. Вы больше смахиваете на очеловеченного тролля. Или на великана, только не очень крупного.

Я спросил с понятным интересом:

— Почему?

— Тролли и гоблины, как и вы, тоже не чуют магию. Их можно бить чем угодно, только не магией. Великаны ее замечают, но больно толстокожи, почти не поддаются.

Я прищурился, спросил понимающие:

— А ты успел на мне проверить кое-что из магии?

Он смутился, отвел взгляд, но я ждал, не отводя взора, некромант поколебался, взглянул исподлобья.

— Простите, ваша милость, но было бы глупо, если бы я не... Это теперь я ваш человек, моя клятва нерушима, но тогда я... да, успел. Как не успеть, моя жизнь была на волоске! Правда, не все успел, но ведь вы даже не заметили!

Я кивнул:

— Ну-ну. Я толстокож, толстокож. Иной раз, как до жирафа... Видимо, радиация... то бишь древняя магия что-то сдвинула в моих генах. Вернее, в генах моих родителей. Я вообще-то двухголовый... нет, не в том смысле, что ты подумал, просто вторая голова у меня тоже на плечах, только невидимая. Кто ее срубит, тот и победит, а этой, видимой, хоть плюй в глаза, она же скажет что-то насчет божьей росы и непротивлению толстовству индирагандизмом.

Он выглядел ошарашенным, я улыбнулся ободряюще, я ведь отец народа, а теперь еще и покровитель науки, пусть даже такой. Вышел и плотно закрыл за собой дверь.

Теперь у меня два мага, что, может быть, и здорово, но с другой стороны — вроде бы рановато при моей скучной экономике содержать целый научно-исследовательский институт. Однако я, теперь уже не сомневаюсь, прирастил к своим землям еще кучу сел и деревень, пусть попробуют отнять, а это позволит содержать на бюджете добавочные единицы непроизводственного населения.

Намного сложнее будет удержать захваченное, все-таки Одноглазый владел большими землями, у него вассалы, а его вассалы, как помню, не подчинены даже королю, а только ему, сюзерену. С его же гибелю либо хранят верность его наследникам, либо считают себя свободными.

Я задумался, тревога не уходит, на смену одной пришла другая. А что, если вздумают хранить верность этой зеленоглазой? Ей, признаюсь, хранить верность приятнее, чем ее мужу, это каждый мужчина скажет. К тому же с нею гораздо проще столковаться насчет всякого рода вольностей, свобод и привилегий...

Здесь моя мысль ушла несколько в сторону, пошли яркие картинки насчет вольностей, которые я могу позволить с нею, законной добычей... и вот эти вольности еще... и вот эти, а потом ее вот так... ей это не понравится, зато мне в самый кайф... ну и что, я же феодал, здесь все мое, и она — тоже...

— Тыфу, — сказал я вслух, — ну что за... О каких бы высоких материях ни начал мыслить, все равно на баб сворачивается. Само!

Гунтер побежал на минутку, доложил о состоянии дел, я поинтересовался насчет Зигфрида, Гунтер с усмешкой сообщил, что доблестный сэр Зигфрид и Алан де Три-дент ужрались в винных подвалах вусмерть, один отмечает блестящую победу над сильнейшим противником, а второй все еще уточняет условия поединка. Переустройство

гарнизона и вообще жизни народа в замке целиком на плечах Харальда, Ульмана, Тюрингема, не говоря уже о маге Рихтере или об отце Ульфилле, этот неутомимо суется везде и всюду, стараясь побольше захапать под церковную руку.

С полудня местные воины кто нехотя, кто в охотку, приносили мне присягу, за ритуалом следили, с одной стороны, отец Ульфилла, с другой — маг Рихтер. Отец Ульфилла сокрушается: местная церковь еще в более ужасающем состоянии, чем в моем замке, и тут же потребовал у меня скорейшего восстановления. Я вспомнил Тертулиана, пообещал выделить на церковные нужды кое-что из добычи, и отец Ульфилла на некоторое время перестал обличать меня как охвостье сатаны.

Челядь потихоньку принималась за работу, не ожидая, пока погонят пинками и ударами плети.

Я поднялся на самую высокую башню замка, солнце укрылось за облаками, воздух свежеет, как перед дождем, ветерок выпивает капли пота, я вдохнул всей грудью.

— Господи, какой простор!.. Так и хочется, чтобы выросли крылья.

Послышались шаги, со стороны лестницы показался блестящий шлем, хмурое раскрасневшееся лицо, уже не просто как будто натертное кирпичом, а из раскочегаренной бани, темные глаза задорно блестят, усы победно торчат кончиками вверху. Добротные латы на широких плечах в свежих насечках.

Гунтер привычно сплюнул через парапет, нимало не заботясь, кто там внизу.

— Ваша милость, — напомнил он с беспокойством, — в нашем замке Амальфи, считай, никого... Как бы кто не ударил!

— Вряд ли дознались, — возразил я, — что мы все здесь.

Гунтер вздохнул:

— Кто знает, какие у кого маги.

Я вздохнул:

— Господи, неужели эти гады у всех?

— У вас даже два, — уличил Гунтер. — Сказать по прав-

де, про Кабана не знаю, да и нет уже у Кабана, а вот у Волка ни одного, точно. Он сам хвастался, что не верит ни в Бога, ни в Дьявола, потому одинаково велит вешать священников и магов. На одном уровне!

— Это хорошо, — сказал я с облегчением. — Достойный человек, атеист! Мужественный, с незамутненным умом. Это будет наша следующая добыча.

Гунтер улыбнулся, сделал вид, что в самом деле поверили, будто нам по силам тягаться еще с кем-то. Уловив перемену, спросил осторожно:

— О чём задумались, мой лорд?

Я развел руками:

— Знаешь, слишком много свалилось сразу. Не разобрался с хозяйством Галантлара, а тут еще одноглазовское... Боюсь, что откусил больше, чем смогу проглотить. Двадцать деревень?

— Собственных, — уточнил Гунтер. — И восемь, оттапанных еще у сэра Галантлара.

Я стиснул зубы, не выпуская стон. Двадцать восемь сел и деревень, а я еще не ознакомился, не разобрался как следует с моими, не укрепил их, не обезопасил!.. Или перейти на другой уровень: не вникать во все, а поручать управителям? То-то от моего имени начнется лихоимство, воровство, моим именем начнут творить грабежи, а молодых девок таскать на потребу...

— Еще три деревни вернула леди Роберта, — безжалостно напомнил Гунтер, — и четыре — сэр Гуинг. Сами деревенки, что втихомолку отошли к барону де Пусе, — мусор, зато земли знатные, а какой лес, какие луга!..

Я стиснул челюсти, так что заломило в висках. Гунтер неколебимо уверен, что теперь я, оскорбленный действием со стороны сэра Уландра, теперь смертного врага, и барона де Пусе, должен обязательно либо вернуть те деревни взад, либо вообще как-то досадить обоим. А судя по тому, как в одно касание справились с Одноглазым, не сомневается, что перспективы у нас есть. Как объяснить, что такой шанс выпадает раз на миллион лет, я не просто воспользовался им, а спасал шкуру: с потерей последних деревень

мы были бы обречены на голодную смерть. Или пришлось бы покориться победителю.

— Мы все еще не уверены, — сказал я, — что сумеем удержать в своих руках даже замок Амальфи. На все сто процентов! В смысле полностью. А теперь и этот... И еще — куда ведет другой ход подземников? Главная нора ушла вглубь. Третье: чем больше хозяйство, тем труднее его охранять. У меня нет столько людей! Четвертое: что делать с женой Одноглазого? Она как заноза в моей заднице.

Гунтер слушал, сам загибал пальцы, а когда я закончил, так же методично начал их отгибать.

— Замок удержать сумеем. Отец Ульфилла все же прав: нечисть не пробралась, а подземники — это просто рудокопы. Рихтер тоже клянется, что через их запоры никто не пролезет. Теперь они с отцом Ульфиллом ставят стены еще и против всяких подземников, каждый возводит свою. Договорились, что не будут вредить друг другу, а там Господь посмотрит, у кого лучше. Я думаю, что Господь не последний дурак, понимает, что две лучше одной, оставит обе... Теперь: куда ведет второй ход? Сэр Ричард, у меня уже спина взмокла от страха, я же вижу по вашим глазам, что у вас на уме!.. Третье: деревни и земли отщипывали у слабого. А сейчас, когда вы Одноглазого одним ударом...

— Мы, — прервал я.

— Ваша милость?

— Мы Одноглазого, — пояснил я, — а не один Ричард! Это наша общая победа.

Он поклонился, делая вид, что не согласен, но по роже вижу, доволен до мозга костей. И будет счастлив отдать жизнь за хозяина, который замечает и ценит их усилия.

— Да, когда... гм... Одноглазого, теперь присмиреют. Ну а что с женой Одноглазого... Сэр Ричард, это у вас такие шуточки? Тоже мне, задача! Во-первых, вы можете использовать право тетравленда. Во-вторых, женщины — существа слабые. С ними что угодно может случиться.

— Нет человека — нет проблемы, — пробормотал я. — Конечно, это решение... но для красивых молодых женщин всегда находятся исключения.

Он скабрезно ухмыльнулся:
— Тетравленд?
— Не исключено, — ответил я туманно.

На землю упала и быстро промелькнула косая тень. Я припал к бойнице, а Гунтер, еще не видя, что встревожило сеньора, ухватился за меч.

Высоко в покрытом облачками небе несутся стаей, вытянув головы, как журавли, довольно крупные драконы. Что-то очень знакомое показалось в строении их голов, пока не осенила мысль: таких же точно, только поменьше, видел в музее палеонтологии, где выставлены кистеперые... нет, панцирные рыбы. Да и вообще головы драконов очень похожи на рыбьи, к примеру — щучьи, но еще больше, конечно, на черепа панцирных, закованных в костяную броню, когда все тело в таких доспехах, расчерченных на хорошо подогнанные плитки.

У панцирных рыб скелет снаружи, как у раков, у драконов, похоже, тоже, во всяком случае я еще не видел драконьего скелета, а при мне их уже разделяли дважды или трижды.

Гунтер со стуком задвинул меч обратно в ножны, отвернулся от бойницы, лицо хмурое, буркнул с неприязнью:

— Давно такого не было...
— Таких драконов? — спросил я.
— Нет, чтобы косяками. Драконы — одиночки.
— Понятно, — согласился я, — иначе не прокормиться.
По дракону на сто миль, иначе будут объедать один другого.
— Вот-вот, — продолжал он напряженным голосом. — А раз они вместе, какая-то недобрая сила их держит. И направляет в одну сторону.

Я проводил взглядом стаю. Даже я знаю, что в той стороне — север. Там непокоренные христианские государства. И не просто непокоренные, а уверенные, что выстоят, а затем сами принесут свет истинной веры в погрязшие во грехе страны Юга.

— Собирай отряд, — сказал я. — Не весь, третья оставь в

помощь Харальду. Да и так... на всякий случай. А нам к ноги надо вернуться в наш замок. Здесь пусть распоряжается Харальд. Он показался мне надежным человеком. Да и присягу принес.

Мы вышли во двор, Гунтер взглянул на небо, солнце еще высоко, пусть и на западной стороне.

— Да, — подтвердил он, — Харальд — ваш человек. Вы убили Одноглазого, так что для Харальда — законный преемник его прежнего сюзерена, владельца замка и окрестных земель. Он будет служить верой и правдой.

— А как он тебе? — спросил я испытуемое.

Гунтер подумал, кивнул.

— Понравился. Он такой же, как и я. Даже лучше.

Я переспросил:

— Лучше?

— Да. Он не сломился за все годы в темнице. А вот я, гм... не уверен, что так держался бы за слово, данное тому, кто уже мертв.

Коней вывели во двор, седлали. Подошел, громыхая железом, высокий рыцарь в полных доспехах, шлем красиво держит на локте согнутой руки. Ветер шевелит длинные грязные волосы, от рыцаря жутко пахнет, худое лицо напомнило о лагерях кампучийских беженцев.

— Простите, сэр Ричард, — сказал он с поклоном, — от меня воняет, как от загнанного кабана, но раньше, чем утром, не смогу даже помыться. Заверяю, никто за заснет ночью на стене или вратах, а завтра проведем набор. Гарнизон станет полным, обещаю.

— Отлично, — одобрил я. — А пока что оставляю десятерых лучников. Они способны остановить любого рыцаря! Здесь еще не видели, что у них за луки.

Харальд пробормотал:

— Да уж увидел... Такими луками можно любую войну похоронить!

— Как это? — спросил Гунтер.

— Да кто же станет воевать против тех, у кого такие луки? Это же абсолютное оружие!

Глава 12

Ворота распахнулись, мы тесной толпой вырвались на простор, со стен нам кричали, махали руками. Замыкающими ехали Зигфрид и Алан де Тридент, Зигфрид что-то возбужденно рассказывает, машет руками, как ветряная мельница, Алан едет угрюмый, насупленный, бросает по сторонам недоверчивые взгляды.

Кони бодро понесли по зеленой траве. В домах тихо, на полях тоже ни человека, затаились, как-то признали, что в замке стряслось нечто, но еще не знают, что именно.

Я с тоской подумал, что эти деревни никогда не сумею объехать все, хоть их не так уж и много, если на то пошло, но здесь земля все еще не пришла в себя от прошлых великих битв, попадаются то странные болотца, то области свернутого пространства, так это объясняют, то еще какие-то места, которые благоразумно обходят стороной из поколения в поколение, принято обходить, отцы и деды обходили, это уже почти в религии или в правилах этикета, но я, человек другого мышления, могу ли не сунуться туда немедленно?

Ульман приблизился по мановению моей феодальской дланi, я поинтересовался задумчиво:

— А ты какого мнения об этом Харальде? Как думаешь, я с Харальдом не поспешил?

Ульман покачал головой:

— Иногда вы меня удивляете, сэр Ричард. Нет, вы меня постоянно удивляете. Как и других. Харальда знаю лет десять, если не больше. Превыше всего ценит честь и верность, потому и не отступил от прежнего хозяина, хотя при Одноглазом жилось бы лучше и власти бы больше... Одноглазый за семь лет прирастил земель, приумножил богатства, гарнизон стал вдвое больше, лучше обучен, вооружен... И все-таки Харальд остался верен тому, кому присягнул. А что вас беспокоит?

— Да так, — ответил я туманно, — некоторые аспекты современной жизни без экономических стимулов и юри-

дически закрепленных договоров с подписями сторон на каждой странице. С подробным перечислением обязанностей. А так, признаю, намного проще: верность слову, верность сюзерену — и никаких толкований. Красота!

Он смотрел непонимающе, но и не старался вникнуть, я же сеньор, у меня свой язык, наконец кивнул с несколько обалделым видом:

- Да-да, сэр Ричард!
- Полагаешь, верно? — спросил я.
- Да, — заверил он и пояснил: — Вы же сеньор!
- Ну да, — согласился я, — раз сеньор, то это серьезно.

Начальник дураком быть не может по определению.

Увидев нас разговаривающими, ревниво приблизился Гунтер. Я помахал ему дланью.

— Гунтер, ты не забыл? Хоть Харальд теперь и начальник стражи, но ты все равно старше!

Он смотрел непонимающе.

— В его замке?

— Замок мой, — напомнил я. — А ты — моя правая рука. Зигфрид хоть и знатнее, но не хозяйственник, а так бы ты стал моей второй правой рукой. Но что есть, то есть, надо работать с теми кадрами, что не разбежались за кордоны. Теперь у меня два замка, не знал? Отвечаешь за оба. Что непонятно или не знаешь о землях Одноглазого, спрашивай у Харальда или у кого хочешь. Вообще как можно быстрее сообщи везде, что власть переменилась, отныне подати платят мне... сразу же уменьши их на треть... или на четверть, чтобы ощутили и восславили, еще посмотри, как поставлена работа с одурманиванием трудовых масс религиозной пропагандой. Наши — это те, которые за Бога, запомнишь?.. А кто против — не наши. Но сразу ничего не предпринимай, а то вдруг ненавидящих больше, разбегутся, а это ж налогоплательщики!

Гунтер ехал молча, кивал, я даже не видел по его непроницаемому лицу, когда понимает меня, когда пропускает мимо ушей, когда понимает не так, ведь непонятности относят к особому языку благородных, да и Галантлар навер-

няка заговаривался, когда из рыцаря начал впадать в религиозные поиски, буддист хренов.

Однако, когда Гунтер начал ерзать в седле, поглядывать с вопросом в глазах, даже осторожненько кашлянул, я ощутил недобroe в чересчур деликатном для Гунтера звуке, одно дело — поперхнулся глотком вина, другое — вот такое интеллигентное покахивание, тоже мне — диссидент.

— Если снова неприятности, — предупредил я, — лучше молчи! Удавлю.

— Вы сильный человек, — сказал Гунтер с одобрением. — Все сумеете...

Я поежился, хотел смолчать, но как-то помимо воли спросил:

— Что на этот раз?

Гунтер снова кашлянул, непривычно смущенный, прямо князь Мышкин, сказал медленно:

— У Одноглазого семь рыцарей в вассалах. Четверо были при нем, однощитовики, а трое — заможные, в собственных замках. Правда, замки — одно название, простые башни из бревнышек, а у одного вовсе из глины с соломой, но есть где приклонить голову, к тому же при каждом — по деревеньке в три или четыре хаты.

Я посмотрел с подозрением.

— Ну и что?

— Ваша милость...

— Сэр Ричард, — напомнил я.

— Ну, сэр Ричард...

— Не «ну», а сэр. Это крестьяне зовут меня вашей милостью, а ты уже рыцарь. Привыкай.

— Да какой из меня рыцарь... Словом, будет урон вашей чести, если вдруг вас не признают сюзереном.

Я подумал, переспрашивал в недоумении:

— А они должны признать?

— По праву как раз нет, — пояснил Гунтер. — Со смертью Одноглазого освобождены от присяги. Разве что захотят оставаться верными его жене?.. Сомневаюсь, не по-

следние же дураки. Но вот если вы не заставите признать сюзереном себя, то это как бы урон...

Я поморщился.

— Как бы, словно, похоже... Пусть ликуют на свободе, я не стану одевать им новое ярмо. Человек должен выбирать по своей воле, под чье знамя встать. Как они сами, по натуре?

Он подумал, ответил с осторожностью:

— Уже то, что покорились Одноглазому, говорит, что сами по себе не очень-то... Предпочитают сидеть в своих норах. Не думаю, что выступят за Одноглазого или будут сражаться за его жену. Это леди Роберте неслыханно повезло, что у ее отца такие рыцари! Даже на такую дурь, как штурмовать по ее приказу замок Кабана, пошли, это же надо... Ну а эти вассалы Одноглазого свободе обрадуются. Я же считаю, что люди с такими характерами не должны быть свободными.

Он смотрел внимательно, я ощутил неловкость, развел руками:

— Ты прав. Если свободен человек слабый, легко станет под знамя наших противников. Но у нас нет сил, чтобы наклонить их силой. Вот что, пошли гонца, пусть сообщит о смене владельца. Просто сообщит... можно даже многозначительно. Если принесут присягу мне — нет проблем, я подтверждаю все их права. Если заартачатся... пусть выражает мое неудовольствие, но в самых туманных терминах, так звучит страшнее. Ничего конкретного говорить не надо, это обязывает. Пусть каждый придумывает свои страхи.

Он думал долго, такую концепцию услышал впервые, наконец лицо расплылось в широкой улыбке:

— Да, это их напугает! Таких людей только так и надо пугать.

Вдали на холме заиграл пурпурный сказочный замок, отсюда показался игрушечным: с остроконечными башенками, крепостной зубчатой стеной, воздушными мостиками между башнями. Дорога едет мимо, замок должен остановиться далеко справа, я полюбовался его красотой, как

только леди Клаудия ухитряется, чтобы он выглядел при каждом повороте солнца по-разному, а как вообще выглядит при лунном свете?

Кони бодро стучали копытами по сухой дороге, я смотрел вперед, не сразу услышал, как приотставший Гунтер вскрикнул:

— Ваша милость... сэр Ричард, там на башне сигнал!

Я покосился в сторону замка, на одной из киноварных башен, что нависает над воротами, трепещет под ветерком зеленый, словно знамя пророка, стяг. Мои воины загадали, указывая на замок, сбились в кучу.

Я посмотрел на Гунтера:

— Умеешь читать эти знаки?

— Да кто не умеет, ваша милость, — удивился он.

— Действительно, — сказал я саркастически. — Ну что там важное?

— Да уж не знаю, — ответил он осторожно, — важное или опасное... Хозяйка видит нас и просит почтить ее посещением.

Я отмахнулся:

— Не до нее. Сам знаешь, во что мы увязли.

— Совершенно с вами согласен, — поддержал он с энтузиазмом. — Разве что проехать через ее земли напрямик...

— А сейчас в обход? — спросил я. — Что за порядки дикие! Еще бы за топтанье чужой земли брали пошлину.

— А их берут, — подтвердил Гунтер. — А как же? Потому все и в обход чужих земель.

Я молча повернул коня в сторону замка. Гунтер что-то бурчал сзади предостерегающее, но с великим облегчением вздохнул, когда я проехал мимо ворот сказочного замка и пустил бывшего единорога по дорожке дальше вдоль стен крепости, потом тропка уйдет в лес, за которым, это знаю даже я, владения сэра Галантлара, то есть мои.

С ворот кричали, махали руками. Я тоже помахал в ответ, я же вежливый, но не остановился, даже не придержал коня. Гунтер постоянно оглядывался, первым заметил по-

гоню, только тогда я развернул коня, взял молот в одну руку, меч в другую. Мой отряд ощетинился копьями, Зигфрид и Алан де Тридент гордо оголили мечи и загородили дорогу.

Впереди на легконогом коне несся молодой парень, в распахнутой на груди рубашке, без оружия. Он прокричал издали:

— Нет необходимости, доблестный сэр!.. Мы видели ужасающую мощь вашего оружия! Мы друзья!

Он подскакал ближе, остановился, за ним еще трое всадников, эти вооружены, я ответил холодновато:

— Насчет друзей — не торопись. Я сам выбираю, с кем дружить. Что угодно?

Он покраснел, сказал торопливо, сильно обескураженный:

— Моя госпожа, благородная леди Клаудия, просит почтить посещением ее замок. Вы помогли нам справиться с сильным противником, что напал неожиданно... и хотя мы, что естественно, справились бы и сами, однако леди Клаудия желает лично поблагодарить за благородный поступок.

— Добрые дела творят, — ответил я назидательно, — без ожидания платы.

— Но леди Клаудия очень просила...

Я взглянул на Гунтера, пожал плечами.

— Ну, если только очень ненадолго.

Гунтер страдальчески поморщился, но покорно повернулся коня вслед за моим зверем. Наш отряд окружили, что-то вроде почетного конвоя, но я видел восторженно-опасливые взгляды, что бросали на моего красноглазого коня, на мой молот, на щит со странным гербом.

Зигфрид и Алан въехали в замок, как и путешествовали всю дорогу, замыкающими. Им тоже досталась немалая доля уважительных взглядов: у обоих посечены доспехи. Алан, как я успел заметить, расправил плечи и наконец-то горделиво выпрямился.

Леди Клаудия в кремовом платье, что выгодно подчеркивает ее фигуру — глубокий вырез демонстрирует нежную белую кожу, туга затянутая талия, черные пышные волосы на этот раз собраны в роскошную прическу, лишь отдельные пряди повискали и змейками спускаются по спине, — встретила нас во дворе у ворот донжона.

Я соскочил на землю, взял ее за тонкие пальцы и очень нежно и чувственно поцеловал. Она взглянула мне в глаза настороженно, подозревая в особо изощренном хамстве.

— Сэр Ричард, — промолвила она в некотором затруднении, — вы в тот раз так быстро удалились... Я не успела принести вам свою благодарность.

Я отмахнулся.

— Полноте, — сказал небрежно, — такие пустяки не стоят даже упоминания, не то что благодарности.

Я не понял, чему хмыкнул Гунтер, а леди Клаудия нахмурилась, в то же время на бледно-аристократических щеках пропал румянec.

— Хоть мы и пустяки для вас, — ответила она тихо, но с язвинкой, — но все-таки и пустякам свойственна благодарность. Позвольте в вашу честь устроить пир...

Я покачал головой:

— Сожалею, леди, но у нас дел хоть задницей ешь, извините за галантность. Хотя, если честно, перекусить червячка не отказались бы. Да, Гунтер? Особенно если червяк размером с удава и весь из кровяной колбасы с чесноком. А если можно пожрать по-быстрому... ну там по оленю на человека... то это в самый раз.

Она повела бровью, челядинцы рассыпались по отряду, разбирая коней и предлагая услуги, двое подбежали и взяли наших коней под уздцы. Гунтер чему-то хитро улыбался, мы прошли за леди Клаудией, потом Гунтера подхватили под руки две молодые и очень игривые женщины, а мы остались с леди Клаудией наедине. Мы шли по двору, она замедлила шаг, поглядывала на меня искоса, при ее росте это получалось почти испуганно, наконец спросила тихо:

— Сэр Ричард, вам сколько лет?

Я покал плечами:

— Не женщина, скрывать возраст ни к чему. А можно поинтересоваться, почему такой странный вопрос?

— Можно, — ответила она.

— Так я интересуюсь, — сказал я:

— Вы очень юны, — ответила она, — иногда чувствую себя с вами, как с очень юным правнуком. Вы не понимаете самых простых вещей! Но иногда...

— Что?

— Иногда пугаете, — ответила она тихо. — Это в те минуты, когда я вижу в вас древнего и мудрого старца. Много повидавшего, много знающего, понимающего все, что происходит, и даже то, что будет происходить...

Я не нашелся с ответом, а она лишь слабо улыбнулась просящей улыбкой, умоляя не карать за дерзость, ибо она — женщина только для мужчины, для рыцаря, но для древнего мудреца — всего лишь букашка, сама бегущая под башмак.

— А вы в самом деле видите во мне старца?

Ее улыбка поблекла. Она вздохнула.

— Нет, конечно. Ваша магия совершенна. Вы юны и сильны, нельзя даже ощутить следы магии. Я не знаю, как это происходит, но я... вас боюсь больше, чем Одноглазого.

Я сказал с удовлетворением:

— Ну вот у нас и начинаются нормальные взаимоотношения. Женщина в этом мире должна бояться мужчины, верно?

Она вскинула голову и прямо посмотрела мне в глаза.

— Да. Но я... постараюсь не бояться даже вас.

— Значит, — произнес я с преувеличенной горечью, — все-таки война... Нет, я не смогу воевать с вами. Можно я вам сдамся?

Она сказала торопливо:

— Я не собираюсь нападать на вас. Моя мечта — спрятаться от вас в своем замке!

— Именно от меня?

— С остальными я научилась ладить.

— Даже с Одноглазым?

Ее улыбка слегка померкла.

— В последнее время он начал быстро усиливаться.

Похоже, совсем потерял голову.

— Да, — согласился я. — Это точно. Голову он потерял.

У вас очень уютный замок, леди Клава. Смотрю и самому хочется уюта и покоя. Чтобы вот проснуться поздним утром, а мне прекрасные женские руки завтрак прямо в постель...

Она вскинула высокие брови:

— В постель? Может быть, все же лучше в тарелку?

— Простите, я хотел сказать, что... гм... просыпаюсь, а вы мне сразу подаете на тарелке что-нибудь вкусненькое...

Она кивнула, ничуть не удивившись:

— Понятно. Я согласна. Значит, будете спать у меня на кухне, где вам, собственно, и место.

Мы вышли в небольшой зал, длинный стол занимает практически все пространство, здесь весь отряд, а во главе уже расположились Зигфрид, Алан, Гунтер, Ульман, слуги носятся, как муравьи при наводнении, спеша перетаскать на стол все лакомое. Только один стул пуст, он чуть на возышении, спинка высокая и отделана драгоценными камнями, а на сиденье покоится атласная подушечка.

Леди Клаудия опустилась на эту подушечку, таким образом стала вровень, а то и выше наших самых рослых воинов, я сел на место Зигфрида, что поднялся сразу, как только увидел меня входящим в зал, а сам согнал кого-то из лучников.

Пирожали, если это можно назвать пиром, не больше четверти часа, я посмотрел в окно на заходящее солнце, поднялся, отодвинул стул. Гунтер поспешил встать тоже, в руке кубок с вином, допил и со стуком поставил на стол между блюдами с новыми изысканными яствами.

— В другой раз, — сказал я, — может быть, и останусь у вас, леди Клаудия, ночевать даже на кухне: Если, конечно, своими ручками будете подавать мне завтрак... А сейчас

надо спешить. В моем замке, стыдно и страшно признаться, остались только челядины.

Мы вышли из-за стола, леди Клаудия тоже встала, осведомилась с интересом:

— Вы правы, это рискованно. А где же ваши воины?

— Оставил приводить в порядок замок Одноглазого, — ответил я с артистической небрежностью.

Она остановилась в воротах донжона, в глазах недоумение:

— Одноглазого?

— Ну да, — ответил я, еще распираемый великолепной небрежностью. — Вы же сами заметили пророчески, что он потерял голову.

Решетка ворот поднялась, мы с Гунтером галопом вылетели на простор, сзади загрохотали копыта коней моего отряда.

Гунтер поглядывал искоса, хмыкал, сопел, спросил наконец:

— Этому учат?

— Чему?

— Ну вот так это... красиво говорить, красиво сидеть на коне, красиво кланяться...

Я отмахнулся:

— Представь себе, на эту ерунду тратится сил и времени больше, чем на фехтование, упражнения с копьем, скачку на коне, учебные бои на топорах. Это называется имиджем.

Он возразил:

— Но зато и результат!

— Какой?

— Да вы одной этой фразой насчет потери головы сразили волшебницу сильнее, чем если бы захватили замок, а ее бросили в свою постель! А еще после этого уехали, оставив ее с открытым ртом... Я слышал, что рыцарей учат не только драться, но и слагать стихи, петь, танцевать и очаровывать женщин, но теперь вижу, что не все брехня, не все...

За нашими спинами развеселый Зигфрид с пьяным в стельку Аланом де, опять забыл как дальше, затянули песню. Нешибко в лад, но подхватили лучники, очень довольные, успевшие по праву победителей потискать в Амило, а то и поиметь местных девок, дать в зубы побежденным мужчинам, помочиться в хозяйствских покоях и порубить виселицу на заднем дворе, настроение хорошее, песня про веселую Сюзанну, у которой алый, но очень узкий рот.

Копыта стучали по сухой дороге, потом зашелестела высокая трава, до замка уже недалеко, Гунтер послал коня напрямик. Привычно выскакивали зайцы и зверьки, очень похожие на зайцев, а также на кенгуру, но, возможно, это просто крупные, очень крупные тушканчики.

Глава 13

Миновали последний холм, выплыл и показался во всей недоброй красе мой замок Амальфи. Днем и ночью он выглядит серым, мрачным, угрожающим, башни тянутся к небу, словно готовятся принять на себя тяжесть хлябей небесных, но в редкие минуты восхода солнца, когда солнечные лучи озаряют замок снизу от края земли, замок вспыхивает, как отлитый из цельного куска золота, — яркий, блестящий, гордый, вознесенный в сияющее синее небо.

Второй раз преображается, как вот сейчас, поздно вечером, когда солнечные лучи опять же подсвечивают сбоку, багровое солнце озаряет стены пурпуром, замок становится красным: сперва алым, затем багровеет, и, когда солнечный диск наполовину опустится за край земли, — замок похож на пышущую жаром отливку из темного металла.

Я оглянулся на приотставших спутников, все соблюдают неписаный этикет, по которому сеньор въезжает в замок хоть и в сопровождении свиты, но на некой дистанции, красивый и подчеркнуто гордый.

У Галантлара, вспомнил я в который раз, сначала не было могущественных противников, а потом ему было уже наплевать на владения за стенами замка. Так что людей у

него едва-едва на то, чтобы защищать ворота. Гунтер набрал народа, чтобы защищать замок, теперь ему предстоит создать мощный конный кулак, что выезжал бы в деревни по первому же сигналу.

За это время он привел из деревень в замок семьдесят крепких молодых парней, из которых не больше десятка умеют держаться в седле. Еще меньше владеют мечом, но зато все неплохо стреляют из луков.

Из семидесяти двадцать человек клянутся, что за неделю освоят и скачку на конях, и научатся владеть копьем, в том числе освоят и конные поединки на мечах и топорах. Гунтер каждого ловил на слове, теперь не дает спуску. Раз уж так хочется быть в конном войске, то пусть выкладываются до изнеможения.

Из луков должны уметь стрелять все, однако элитный отряд я формировал из самых лучших, у них у всех композитные луки, самые быстрые и легкие кони.

Сейчас у меня плодородные поля и множество сел и деревень, жители которых отвоевали земли у негостеприимных лесов, опасной степи, таинственных оврагов. Многие из них огорожены частоколом, а каждый крестьянин вооружен и умеет дать отпор бродячим гоблинам и даже троллям.

Мое счастье, что Одноглазый не успел протрубить сигнал, по которому все крестьяне должны схватиться за оружие и прийти в замок на помощь сеньору. Дело не только в том, что негоже побивать простых крестьян, но и в том, что навались они массой, попросту бы нас затоптали. И мой молот не помог бы. Как и лук Арианта.

Донесся звонкий зовущий рев, очень далекий, я в раздумьях не обратил бы внимания, но Гунтер сразу же оказался рядом.

— Это кто там дудит?

Я огляделся, звонкий зов трубы, не боевого рога, не охотничьего, а именно трубы глашатая доносится слева, как будто кто-то едет в эту же сторону, только с другой стороны.

Подъехали лучники, вертят головами. Из-за холма показался всадник на легком поджаром коне. Завидев нас, пустил вскачь, вытащил из сумки и вскинул над головой свернутый в трубку лист бумаги.

— Послание сэру Ричарду де Амальфи!

Гунтер выехал навстречу, всадник послушно остановился по вскинутой кверху руке. Один из лучников по знаку Гунтера подъехал и взял из руки глашатая свиток, передал Гунтеру, а тот пустил коня ко мне и с поклоном передал.

Я выждал положенное время, оглядел всех бараньим взглядом владельческого сеньора, пальцы мои тем временем сорвали шнурок с печатью и раскручивали бумажную трубочку.

Глашатай отсалютовал, повернулся коня, и они унеслись, легкие и беззаботные, как кузнечики.

Пальцы вздрогивали, пока разворачивал, чую неприятности не только седалищным нервом, у меня эти седалищные по всему телу, словно эрогенные зоны у женщины.

Гунтер внимательно следил за моим лицом, пока я читал.

— Неприятности, ваша милость?

Я стиснул челюсти, снова скатал послание в трубочку.

— Да. Ладно, обдумаем. Это вызов на рыцарский суд. Сие действие грянет через пять дней.

Он спросил осторожно:

— Кто будет главным судьей? Сэр Лембит?

— Да, так написано. Ты его знаешь?

— Слыхивал...

Голос Гунтера звучал уклончиво. Я пустил Зайчика к мосту, оглянулся на Гунтера.

— Колись, не жми инфу. Что за птица?

— Вообще-то, — сказал Гунтер с некоторой нерешительностью и поневоле подъехал ближе, — в далеком прошлом это был славный рыцарь. Но все его подвиги остались в молодости, а потом он очень быстро вложил меч в ножны. Уже лет с тридцати, говорят, не вынимал ни разу.

Растолстел, доспехи проржавели, одевается в шелк и бархат, брюхо чуть ли не на тележке перед ним возят. У него самое благополучное поместье, соседи уважают, умеет со всеми уживаться, ладит, у него все в друзьях... потому и судьей выбирают всякий раз. Конечно же, лучше всех знает рыцарские законы, толкования, исключения, правила, деяния прошлых судилиш, разбирательств, тяжб. Живет в своем замке лет сорок безвыездно... разве что выкарабкивается иногда в какое-нибудь село, да еще вот на рыцарские суды...

Я задумался, председательство такого знатока законов не сулит мне ничего хорошего. Такие не любят precedents, это не дает щегольнуть знанием тонкостей толкования, нельзя привлечь случаи из прошлой практики, вспомнить эпизоды с коронованными особами, что в подобных ситуациях поступали так, но никак не эдак.

— А где будет суд?

— На стыке земель самого Лембита с землями Висби и Каупо. Собственно, на земле Лембита, но въехать можно и со стороны Висби или Каупо. Это владетельные бароны, очень могущественные. Они давно владеют этими землями, уже второе поколение!

— По меркам фронтира, — согласился я, — это очень давно. Значит, суд через пять дней... Что ж, будем готовиться.

Сердце заныло, одно дело сказать вот так натужно-бодро, другое — подготовиться. Знать бы хоть как.

Со стены нам кричали и махали руками, мол, бдят, враг не пройдет. Дверца открылась, я вяло подумал, что для такого случая могли бы открыть и ворота. Впрочем, здесь еще не знают!

По слухам великой победы, действительно — великой, я разрешил устроить грандиозный пир, а как же без пирам, но сам от участия отказался, тело как свинцом налито от кончика ушей до ногтей задних ног, таскаю их за собой следом, будто сибирский каторжник цепи с приклепанной

гирей, в голове гудит, в ушах колокольный звон: «Спать... спать... спать...»

На ходу сбрасывал перевязь с мечом, Тюрингем освободил меня от доспехов, слуги утащили, чтобы привести в порядок, а я ввалился в спальню.

Не успел завалиться на ложе, вбежала Леция.

— Ах, ваша милость!.. Позвольте я сперва постелю!

— Некогда, — прохрипел я. — Рыцарь должен спать даже на камнях.

Она робко, но умело подтолкнула меня к креслу, я рухнул, будто мне ударили сзади под колени. На помощь Леции примчались две суетливые и совершенно серые, как мыши, служанки, быстро-быстро взбили перину, подушки, заменили простыню.

Я выбрался из кресла только с их помощью, кое-как разделился и с чувством невыразимейшего блаженства залез под одеяло.

Ночью за мной гонялся всадник на огромном черном коне, потом исчез, я сам за кем-то гонялся, и лишь под утро пришла Санегерийя, ласковая и теплая, мои пальцы с жадностью ухватили ее сладкую зовущую плоть, я успел прорычать в тоске:

— Не исчезай так быстро...

— На этот раз не исчезну, — ответила она с загадочным смехом.

Сладкие судороги тряхнули меня, как всегда достаточно сильно, чтобы проснуться на миг, тут же заснуть, однако ощущил, что руки продолжают сжимать нежное горячее тело. И очень женское: ладонь как раз покоится на полной мягкой груди.

При красноватом свете факела рассмотрел, что спиной ко мне согнулась калачиком молодая женщина, вжимается в меня, а я еще обхватил ее обеими руками и подгребаю к себе поближе, поплотнее.

— Леция, — прошептал я изумленно.

Женщина шевельнулась, чуть повернула голову:

— Да, милорд?

— Фрида, — сказал я. — А ты как здесь оказалась? Вроде бы постель готовила Леция.

Она ответила тихим тоненьким голоском провинившейся девочки:

— Да, но... Леция боится вас, сеньор.

— А ты?

— Тоже, — ответила она, усмехнулась, — но только чуть-чуть. А еще мне привиделся сон...

Я насторожился:

— Что за сон?

— Прекрасная женщина велела идти к вам. Сказала, что вы устали, вы измучены... нужно, чтобы с вами была женщина. Так вы отдохнете намного лучше. А нам всем нужно, чтобы вы... были здоровы.

Я подгреб ее, нежную и с горячим телом, вмял в себя, обхватил и прорычал в розовое оттопыренное ушко:

— Ну тогда не жалуйся... Санегерий!

Проснулся в сладкой истоме, как будто за ночь в меня влили ведро адреналина. Поднял веки, сна ни в одном глазу, Фрида сладко спит, свернувшись в калачик, на другом краю необъятной кровати.

Я вскочил одним движением, чистая одежда развешана на спинках стульев, как я и люблю. Пока одевался, Фрида зашевелилась, сладко зевнула. Веки ее приподнялись, увидала меня, глаза раскрылись шире, торопливо вскочила, прижимая одеяло к груди и глядя на меня испуганными глазами.

— Простите, ваша милость... — пропищала она тоненьким голоском.

— За что?

— Проснулась позже вас!

— Спи еще, — разрешил я. — У меня много дел, а тебе что? Отсыпайся, поросенок.

Она отчаянно затряслась головой:

— Что вы, ваша милость! Нельзя.

— Почему?

— Просто нельзя!

Я хлопнул в ладоши, слуга заглянул в комнату и тут же вошел с большим тазом в руках. Фрида пискнула, закрылась одеялом едва ли не с головой, а когда слуга удалился, принялась поспешно одеваться.

Впрочем, для этого ей достаточно было схватить платье и набросить на себя, после чего выскользнула в дверную щель шириной в палец. Я помылся, надел рубашку, вздрогнул от требовательного рева трубы. Во дворе все привычно: набирают воду из колодца, работают кузнецы и оружейники, конюх гоняет по кругу лошадь на длинном поводе... трубный глас раздался снова. Я бросился к окну, что выходит на противоположную сторону.

Жуткий вид на бездонную пропасть с перекинутым тонким каменным мостиком, так он выглядит сверху, но совсем по-другому, когда идешь по нему, а там, далеко, на той стороне, блестят великолепными доспехами Зигфрид и Алан. С ними и Гунтер, который держится не так свободно в обществе урожденных рыцарей, в смысле благородных, а четвертым с ними совершенно незнакомый рыцарь. Что рыцарь — видно по осанке и непринужденности позы, хотя доспехи уступают железу всех троих из замка Амальфи. Нет, все-таки я молодец, сам не ожидал от себя такую круть...

Оседланный конь в сторонке покорно жует овес в подвешенном к морде мешке. Все трое, мирно беседуя, посматривают на донжон. Зигфрид поднес к губам рог, жуткий скрежещущий рев разодрал воздух.

Я скривился, почудилось, что поскребли по стеклу огромным ножом.

— Что за черт... Вот уж кого не жду, так это гостей... Или это налоговая полиция?

Мелькнула мысль, что хорошо бы сделать что-то с охранным заклятием, с одной стороны, и неплохо, что никого через мост... если в эту сторону, но приходится всякий раз встречать гостя и провожать лично. А в иных случаях это тоже урон репутации. Надо бы что-то вроде домофона, пусть Рихтер озадачится. Или озадачить некроманта, как его, ага, Логирда фон Темрунга.

Я помахал рукой, там заметили и замахали в ответ. Только незнакомый рыцарь не шелохнулся, эдакая красивая конная статуя из металла и камня.

— Доспехи! — велел я слуге. — Да побыстрее, люди ждут... Ладно, это я пошутил, пусть ждут, но поторопись, мне самому интересно, что там.

Во дворе с наибольшей поспешностью подвели коня. Я взобрался в седло, на этот раз стражи бросились отворять ворота, уже вся дворня гордо судачит о победе над проклятым Одноглазым, конь простучал копытами по каменному настилу, я одолел мост, стараясь смотреть только перед собой, не вспоминать, какая бездна ревет далеко внизу.

Зигфрид и Гунтер смотрели на меня весело, даже сэр Алан перестал зыркать исподлобья, я же его взял в плен, подло завалив камнями, а незнакомый рыцарь, очень молодой, совсем юноша, хотя и крупный телом, рассматривает меня с великим почтением. Поймав мой взгляд, поклонился со всевозможной учтивостью.

Зигфрид выступил вперед и торжественно заговорил:

— Ваша милость, сэр Ричард де Амальфи, позвольте представить вам виконта Теодериха, отважного рыцаря, что явился под ваше знамя.

— Под мое знамя? — удивился я. — Ах да, ты вот в каком смысле...

Он кивнул, я во все глаза рассматривал виконта Теодериха, первого явившегося под мое знамя рыцаря. Если бы я просто унаследовал этот замок и земли, то в случае войны я мог бы привести с собой только тех, кого сумел бы нанять в ближайших селах, а также часть своей челяди, но после захвата замка Одноглазого начинаю обретать, тьфу-тьфу, не сглазить бы, что называется, репутацию.

— Приветствую вас, сэр Теодерих, — проговорил я, как начальник отдела кадров, что не хочет отпугнуть стоящего работника, но и не желает предлагать слишком много. — Но мы только вчера побили этого Одно... сэра Гуинга. Как вы узнали?

Он ответил с изящным поклоном:

— Я ехал к нему. Намеревался предложить свой меч и свой щит, но оказалось, что там уже стоят ваши люди. Поразмыслив, я пришел к выводу, что разумнее предложить свою службу вам, сэр Ричард.

Я кивнул, одобряя весьма практичный поступок, достойный двадцатого века. Не все рыцари идиоты, уже есть те, кто станет первыми бургомистрами зарождающихся городов, будут командовать ополчением из челяди, станут международными банкирами и олигархами. Значит, как полагает Гунтер, ко мне будут приходить рыцари и простые воины уже по доброй воле. Челядь и нанятые вояки могут разбежаться при первой же серьезной стычке, побросав оружие, а эти, явившиеся добровольно, будут сражаться с удвоенной яростью: полагают, что с таким вожаком добудут себе и славу, и честь, и богатство. Именно в таком порядке.

— Добро пожаловать, сэр Теодерих, — сказал я как можно более мужественным голосом. — Обещаю, мы не очень-то засидимся в эти краях.

— Рассчитываю на это, — ответил виконт обрадованно. — Мне очень нужно совершить подвиги во славу моей дамы... и чтобы доказать своему отцу, что я чего-то да стою!

— Ваша семья была вассалом сэра Одноглазого?

Он обидчиво вскинул голову, подбородок заострился, в нем наметилась ямочка.

— Сэр Ричард, я никому не давал присяги! Я — вольный рыцарь.

— Простите, сэр Теодерих, — сказал я, балансируя на той точке раскаяния, чтобы не дай бог не показалась чрезмерной. — Просто я как раз думал о вассалах Одноглазого...

— Сэр Ричард, — произнес виконт Теодерих четко. — Я отдаю вам свой меч, свое имя и свою честь, потому что вы показали себя великим паладином, под знаменем которого можно добыть себе славу и прославить родовое имя.

Я слез наконец с коня и положил ладонь ему на плечо.

С моим ростом это не трудно, теперь я проделываю это уже почти без смущения.

— Прекрасно сказано, сэр Теодерих!.. А теперь берите коня, мы пойдем в замок. Надеюсь, вас не обидит, когда сэр Гунтер предложит вам заменить некоторые части ваших доспехов на более... апгрейденные, совершенные. Еще у нас есть пара дюжин очень хороших мечей. Сэр Гунтер держит их в запасе как раз для таких случаев...

Если я и побаивался, что молодой рыцарь обидится на подачку, то глубоко ошибся: здесь само собой разумеется, что вождь привлекает сторонников щедрыми подарками. Это в отношении простых рыцарей воспеваются в первую очередь отвага и верность сюзерену, а когда поют о королях и правителях, в том числе простых вожаках банд, то восхваляют именно щедрость, щедрость, щедрость...

Миновав мост, во дворе я распрошался со всеми и отправился к мастерским оружейников. Из конюшни выходил гигант, единственный, который выше меня ростом, я поманил пальцем, он подбежал, на зов сеньора нужно не идти, а бежать, поклонился.

— Да, ваша милость!

— Вернигора, — сказал я, демонстрируя, что запомнил его прозвище, а это значит, что все вижу, все знаю, от моего хозяйского глаза ничто не укроется, — а зовут тебя как?

Он развел руками.

— Да так все и зовут... Вернигора и Вернигора.

— А в детстве как звали? Нет, вообще-то догадываешься... но по имени хоть иногда?

— Ну, если в самом-самом... Да и то по-всякому...

— Догадываюсь, — прервал я. — Я до пяти лет вообще думал, что меня зовут Заткнись. А когда звали обедать?

Он почесал в затылке.

— А зачем меня звать? Я всегда прибегал первым.

— Гм... а соседи? Если в детстве?

Он долго думал, просиял всем широким лицом:

— Была одна... В детстве звала меня Джоном. Потом, правда, звала иначе...

— Не грусти, — утешил я. — Дура она, вот кто. Ладно, будь Джоном. Не любишь воинские забавы, но я, кстати, тоже. Я такой рыцарь, командовать люблю. Руководить — это значит пальчиком указывать. Вот и тебе указываю, жизнь такая. Доспехи себе подобрал?

Он потупился, развел руками.

— Не налезают. Кузнец обещал из двух склепать одни. Только ворчит, жаль хорошие доспехи переводить.

— У нас их девять некуда, — возразил я. — Пусть даже из трех клепает, но чтоб было.

Он ушел, больше встревоженный, чем обрадованный, а я прошелся к моим кузнецам и оружейнику, что сутками напролет перебирают доспехи, оставшиеся после неудачного нападения. Доспехи и оружие в самом деле такие, словно все нападавшие были полными рыцарями, к тому же из самых богатых, что могут позволить себе великолепные кольчуги из тончайших колец закаленной стали, прекрасных панцирей из какой-то легированной стали, что при малом весе обеспечивают небывалую прочность. Кузнецу пришлось поломать голову, пока вместе с Рихтером не придумали, как достичь такого огня, чтобы суметь размягчить странный металл.

Теперь у меня даже простые стражники в таких доспехах, что чужие рыцари позавидуют. Правда, единственный тогда помимо меня рыцарь, Зигфрид, выбрал лучшее, а после него — возведенный мною в рыцарское достоинство Гунтер, начальник стражи, сенешаль и еще какие-то должности, что я на него навесил... Ладно, кто везет, того и погоняют. Вообще-то сомневаюсь, могу ли я возводить в рыцари, это вроде бы привилегия королей и принцев крови, но, с другой стороны, здесь кордон, Пограничные королевства, здесь все неупорядочено, здесь власть у тех, кто ее берет, а не кто получает из рук далекого короля.

Вообще-то титулование — вещь сложная и запутанная, но в пограничных землях особой строгости в ней, конечно же, нет. Особенно когда дело касается нижних ступеней. Конечно, в упорядоченных землях, к примеру в Средин-

ных королевствах, даже простым однощитовым рыцарем можно стать, только будучи посвященным в этот сан. Причем посвятить могут только король или особы королевской крови: принц или герцог. Но в Пограничных королевствах, куда строгие законы еще не пришли, всякий может объявить себя рыцарем, если достаточно силен и отважен и в состоянии обзавестись мечом и рыцарскими доспехами, а также рыцарским конем взамен крестьянской лошадки.

Более того, если такой рыцарь сумеет выстроить замок и обзавестись крестьянами, то может объявить себя хоть бароном, хоть графом, если, конечно, сможет предъявить соответствующие атрибуты: верную ему дружины, подвластные деревни. И, конечно же, научиться вести себя как подобает рыцарю, с этим по рыцарскому Кодексу строго. Сложнее с узакониванием более высокого титула: в этих случаях требуется согласие, признание и официальное дарование короля или особы королевской крови, что понятно: виконтов и баронов — как воробьев на дорогах, а герцоги и князья — штучный товар, все на виду. Лишнего заметят сразу.

В бароны я не лезу, а вот Гунтера своей властью в рыцари произвел. Больно уж победа заметная, даже блестящая.

Глава 14

Людских ресурсов кот наплакал, но хороший менеджер должен уметь из дерьяма сделать конфетку, дебила пропихнуть в президенты, а коммунизм строить с тем народом, что есть, а не ждать, когда все станут сознательными.

Гунтер повинился, что он, не спросившись моего высокого позволения, послал троих с сообщением о моей победе над сэром Гуингом Одноглазым и что теперь его вассалам, если не самоубийцы, пора бы принести присягу новому хозяину.

Я не стал пенять на излишнюю резкость формулировки, инициативу нельзя давить в зародыше, милостиво улыб-

нился, похлопал по плечу, разрешил продолжать в том же духе, Гунтер ушел, осчастливленный, а я вызвал в нижний зал — он все чаще место для военных советов — Зигфрида, Алана, а теперь еще и виконта Теодериха.

Зигфрид явился, как я ожидал, вдрызг пьяным, Алан то ли крепче, то ли пьет меньше, держится хорошо, только рожа стала буряковой, виконт Теодерих трезвый как стекляшко, но его, возможно, пока что и не приглашают, что удивительно, не может быть, чтобы обычай обмыть доспехи не был универсальным вселенским.

Доспехи на Теодерихе сияют, сверкают, отражают свет с таким неистовством, как будто сами генерируют в себе электрическую дугу. Молодой рыцарь напялил на себя все, даже боевые рукавицы... нет, это у латников рукавицы из тонкой кольчужной сетки, а сверху тонкие стальные пластинки, Теодерих отыскал настоящие рыцарские: изящные, чудо искусства, граничащее с ювелирным, когда каждый палец в кольчужке, а сверху прикрывают пластинки из закаленной стали, в то же время не мешают свободно сжимать пальцы в кулак.

Он смотрел на меня влюбленными глазами, я улыбнулся ему щедрой улыбкой могущественного вождя.

— Хорошо смотритесь, сэр Теодерих. Элегантно и секуально... Зигфрид, сколько дней до турнира?

Зигфрид задумался, потом вспомнил про калькулятор и начал загибать на нем пальцы:

— Четыре дня до рыцарского суда... семнадцать до турнира...

— Выходит, у меня еще пять дней, — подсчитал я. — Прекрасно. Тогда надо успеть сделать до отъезда еще одну вещь. Боюсь, что только с вами. Гунтер отправится, и не один, конечно, сколько-то лучников ему надо в сопровождающие; — заниматься замком Одноглазого, воинов в Амальфи уже хренова туча, было семьдесят, Рассело и Хруерт рассредоточат по деревням и селам, может и новобранцев приведут, на Ульмане и Тюрингеме охрана нашего замка от внезапного нападения...

Я сделал паузу, Алан спросил туповато:

— А что выпало нам?

— Сопровождать меня, — объяснил я. — Отец Рихтер и маг Ульфилла... тьфу, отец Ульфилла и Рихтер уверяют, что нечисть в замок не пролезет. Но подземники пролезли — значит, такие же люди, как гномы, тролли, гоблины... хотя, скорее, что-то, по недопроверенным агентурным данным, вроде кобольдов. Ну, вы же знаете этих кобольдов... Я хочу пройти по их ходу, что ведет вниз. Никого не хочу принуждать, потому зову добровольцев. Кто со мной?

Все молчали, несколько ошарашенные и напуганные перспективой спуска в ад. Зигфрид молчал, раздумывая, а прямолинейный Алан сказал сразу:

— Я хорош с копьем на коне. Еще могу сражаться пешим с мечом и кинжалом. Но в подземельях мечом не размахнешься... А просто носильщиком — это ущерб моей рыцарской чести.

— А вы, сэр Зигфрид? — спросил я.

Он подумал, двинул плечами:

— Присоединяюсь к мнению благородного и отважного, вне всякого сомнения, сэра Алана. В подземелье, если придется драться, я буду ненамного лучше простолюдина. Лучше, но ненамного. В то время как наверху мы с сэром Аланом можем себя показать во всем блеске. К тому же с моим ростом, гм...

— Да, — согласился я. — Главное не результат, а показать себя во всем блеске рыцарской славы и благородной бундючности.

— Вот-вот, — сказал Зигфрид с облегчением, — кто, как не вы, сэр Ричард, поймете все потаенные изгибы прямой рыцарской души!

Молодого виконта спрашивать я не стал, этот пойдет беспрекословно, но не хотелось бы начинать с неприятных заданий. Да и, честно говоря, какая уж доблесть рубить тех подземников, которых мы прямо искастустили? А жутких чудовищ, возможно, и не встретим.

Я подумал, вздохнул, развел руками.

— Как отец нации, что не спит у карты мира, должен признать, что вы, мои дорогие друзья и соратники, правы... хотя, как всякий мужчина, предпочитаю правым считать только себя. Значитца, так: оставляю на вас охрану замка. А сам с двумя простолюдинами пошустрие попробую пройти по их проклятому подземному ходу.

Зигфрид сказал с пьяной задумчивостью:

— Понимаю ваше стремление к славным подвигам, но...

— Это даже не стремление к подвигам, — сказал я, потом решил, что для них это будет слишком, рыцарь всегда стремится к подвигам, даже когда трезв, — это еще и стремление обезопасить себя и замок. Кто знает, откуда они вышли?

— Из ада, — ответил Зигфрид. Иknул, сконфузился, объяснил: — Отец Ульфилла так сказал, а он знает.

— Из ада, — подтвердил Алан. — Что еще там внизу может быть, кроме ада и мертвяков?

— Увидим, — ответил я. Хлопнул в ладоши, появился слуга, я велел строго: — Немедленно приведи отца Ульфиллу! У нас церковь не отделена от государства, так что если заартачится — таши силой!

Дверь распахнулась, отец Ульфилла часто дышал, красная мясистая рожа полна негодованием, из маленьких глазок брызгут короткие молнии. За ним двое крепких парней, морды довольные, нечасто доводится применить силу к церковному деятелю, а руки чешутся всегда.

— Приветствую вас, отец Ульфилле, — сказал я дружелюбно. — То, что я вам не нравлюсь так же, как и вы мне, не должно нас останавливать, верно? Пока что мы в одной упряжке. Как вы слыхали, над замком Амило гордо реет, подобно буревестнику революции, мой стяг. Так что пусть трусливые пингвины робко прячут сало, масло, зерно... Ах да, вы в том сражении тоже участвовали, как боевой капеллан... Но церковь в том захудалом замке, как мне показалось, соответствует понятиям не вполне, не вполне...

Он отдушался, зыркнул злобно, но поборол себя и,

вместо того чтобы наброситься с обвинениями на непочтительное поведение моих людей, буркнул недружелюбно:

— Я и без вашего напоминания собирался туда завтра с утра.

— Вот как? — удивился я. Спросил ревниво: — Зачем?

— Узнать у местных собратьев, не нужна ли помошь. Христиане, сэр Ричард, всегда помогают друг другу!

— Да, конечно, — согласился я. — Вот только не упомню, уже была или не была Варфоломеевская? А утро стрелецкой казни? Словом, я одобряю ваши пополнования укрепить свое влияние и повысить рейтинг. В конце концов, это влияние церкви как института. Более того, я прошу вас посмотреть насчет сел и деревень.

Он смотрел исподлобья, мясистые щеки непрерывно двигаются, будто продолжает втихую жевать украденный окорок.

— Я вас не понял, сэр Ричард.

— У Одноглазого были богатые села, — объяснил я. — Не те огрызки, что у меня. А в селе надо иметь либо церковь, либо часовню. Лучше церковь. Как я помню из детства, единственное отличие села от деревни в том, что в селе церковь есть, а в деревне — нет. Словом, я вас уполномочиваю званием старшего священника! Есть такое? Нет, жаль... Но все равно, вы можете приказывать другим, бить им морды, единогласно решать, где поставить часовню, а то и новую церковь...

Мясистое лицо быстро менялось, я смотрел заинтересованно, на худом не смогло бы промелькнуть столько оттенков и отразиться всяческих чувств, наконец он выпалил, злой, как дикобраз на солнце:

— Вы не вправе ни давать, ни отнимать звания лицам духовного чина!

— Но с остальным согласны? — спросил я.

Он поколебался:

— Построить церковь — дорого.

— Выделю нужную сумму, — пообещал я. — Из трофеев! Все остальное: подбор строителей, выбор камня, про-

ект и дизайн — ваша забота. А также попа назначите по своему выбору.

Он все еще смотрел исподлобья.

— Не знаю, зачем это вам. Я чую Антихриста!.. Чую. Но я берусь восстановить порушенные церкви и возвести новые. И да будут разрушены все козни Нечистого, да покаран будет со всем своим воинством!

— На этом и закончим, — согласился я. — А то, что я — Враг, хорошо. Когда кот близко, мыши не спят.

— Я не сплю, — проговорил он с угрозой. — Я вас насквозь вижу!

— А я думал, — ответил я, — рентген изобрел Иван Грозный.

Гунтер, который знает всех и все о каждом, по моему приказу отобрал из лучников двух, Нормана и Гульда, малорослых жилистых парней, быстрых и ловких. Я признал, что лучше и придумать трудно: ход подземники рубили по своему росту, мне пришлось чуть ли не на четвереньках, зато они оба не шли — бежали, время от времени останавливаясь и проверяя стены и потолок.

Норман и Гульд несли по факелу, красноватого света которых хватало на два десятка шагов, я ковылял сзади, уже не уверенный, что это в самом деле нужно и что замку может угрожать опасность от подземных жителей.

Так спускались часа два-три, потом низкий свод исчез, я с облегчением разогнул закрепщенную спину. Дорога виляет между длинных массивных сталагмитов, мы в огромной пещере, стена только за спиной, по сторонам и впереди — тьма, свет выхватывает только белые, словно осыпанные солью, камни... камни и эти поставленные острием вверх исполинские сосульки.

Норман в нетерпении убегал далеко вперед, за ним Гульд, оставляя меня в темноте, оба возвращались с торопливыми заверениями, что дальше еще интереснее, причудливее. Оба дергались от возбуждения, ни в одном ни капли страха, Гунтер знал, кого выбрать.

Наконец ход начал расширяться, все чаще встречались глубокие ниши, вполне могли бы служить жилищем, а возможно, и служили в те времена, когда подземники не умели проникать глубже.

Еще час опускались, ход все шире, свод выше, здесь не только бы я легко проехал на коне с гордо поднятым к своду копьем, но стремя в стремя шли бы пятеро-шестеро всадников.

Норман, самый шустрой, так его отрекомендовал Гунтер, все время шел впереди с зажженным факелом, в за-плечном мешке запас смоляных палок, что дают долгий и яркий свет, Гульд замыкал шествие, скулил и просился по-меняться с Норманом местами.

Остановились перевести дух, перекусили, а когда поднялись, Норман в нетерпении забежал вперед и сразу же ахнул:

— Магия... Только колдуны могли такое...

Я промолчал, осматривался. Жилье, как и вообще постройки, можно делить по классам, по времени, затраченному на строительство. Можно срубить из веток шалаш, для этого нужен только топорик и растительность вроде леса или кустарника. Можно поставить палатку, это комфортнее, но ее нужно таскать с собой. Можно срубить деревянную избу, даже терем, там комфорта еще больше. И, конечно, такая изба долговечнее, чем любой шалаш. Еще лучше — выстроить дом из кирпича или даже каменных блоков. Эти простоят века, в то время как деревянный дом стхиет за два-три десятка лет. Но самое прочное сооружение, практически вечное, — вырубленное в толще гор. Недаром находим в пещерах кости не только неандертальцев и питекантропов, а то и всяких там лемуров и магацитов.

А самое главное, такое жилище можно постоянно расширять, углублять, вырубая новые помещения, пробивать новые ходы. Это там, наверху, славяне всякий раз строили новые дома взамен сгнивших, но когда дом не гниет, не рушится, то каждое новое поколение хоть малость да продвигается в толщу гранитной тверди. Вглубь, в стороны, а

самые дерзкие или сумасшедшие рискнули пробить ход наверх...

Внизу за небольшим каменным гребнем огромная квадратная пещера. Стены испещрены точками, это входы в пещеры. Похоже на обрывистый берег реки, который облюбовали под гнезда воробы или ласточки. Но эти жилища — это... подземный город.

— А ход идет мимо, — заметил я. — Не будем останавливаться на полустанке!

Оба постанивали, у меня самого ноги гудели, я со страхом подумывал, как будем подниматься обратно, но сказал натужно бодро:

— Пройдем еще милю. Если не увидим дна, вернемся. Самому не хочется дойти до этой, как ее... Есть только миг между прошлым и будущим... ах да, земли Санникова!

Норман удивился:

— Землю... кого? Сан Никова?

Я отмахнулся:

— Забудь. Тем более что там не остров какой-то зачуханный, а целый мир Плутонии. С подземным черным солнцем в центре Земли.

Они посматривали на меня с опаской, уж очень я уверен, никто о таком не рассказывал.

Вообще-то, как уверял персонаж не то Гоголя, не то Достоевского, в центре Земли еще одна Земля, только диаметром поменьше. Если это так, а при этом гребаном спуске готов поверить в любую нелепость, то рискуем встретить не просто племя подземников, а союзы племен, народности, нации, государства, военные блоки, колумбов и магелланов, вместе с куками и миклухо-маклаями, осваивающими чужие континенты и дальние острова.

Спускались еще долго, я потерял счет времени. Утомившись, укладывались на отдых, снова опускались при свете негасимых факелов.

Норман держался все возбужденнее, дергал носом, гляза горят, как у ночного зверя. Несмотря на приказ далеко не уходить, все чаще вырывался вперед настолько, что те-

ряли из виду. А однажды оттуда, из-за снежной гряды, раздался ликующе-потрясенный вопль:

— Есть!.. Я вижу!

Мы прибавили шагу. Впереди пещера наконец-то заканчивается сплошной инеистой стеной от свода и до пола. Ровной такой стеной, словно природа создавала по весу строителя. А в середине стены зияет, ощерившись острыми камнями, темный пролом. Отсюда выглядит как дыра, в которую пролезет разве что кулак, но я прикинул масштабы пещеры, размер сталактитов на той стороне и крохотную фигурку Нормана возле пролома и понял, что в такую дыру пройдет паровоз, разве что слегка царапнет трубой. А то и трубой не царапнет.

Норман возбужденно махал руками. Мы с Гульдом спустились по заледенелому склону, дальше поверхность пещеры — словно тщательно выложенный плитами пол в церкви, пролом расширяется, я увидел странные сооружения, ускорил шаг.

Норман повернулся, лицо было белое, губы дрожат. Через пролом открывается вид, как сквозь синее стекло, на исполинскую пещеру, в которой расположился город. Десятка два величественных зданий, красивых и торжественных, дивные постройки, не то церкви, костелы, храмы или мечети, не то Дворцы культуры, но уж точно не многоэтажки для жилья. Все это покрыто снегом, ледяной коркой. Везде голубоватый цвет, ему подвластно все, и только в проломах голубой цвет переходит в густо-синий.

Свод пещеры теряется в черноте, но чувствуется, что весь из выступов и щелей, как и окружающие стены, зато внизу поверхность ровнее зеркала, здания отражаются, будто их выстроили на голубом льду.

Норман и Гульд онемели. Потом Гульд пробовал шевелить губами, но не срывалось даже писка. Я долго всматривался, Норман сопел рядом, я проговорил с затрудненным дыханием:

— Именно это и есть Первые... первые подземники...

Они даже дома строили по-старому, хотя пещеры, понятно, проще... Или это религиозный принцип?..

— Ваша милость, — сказал Норман испуганно, — если они выйдут наружу, то, уж простите за смелость...

Но трусливо умолк, только зыркал из-под низких, очень редких бровей.

— Завоюют не только нас, — закончил я за него, — но и всех соседей... В самом деле, если их столько, то почему не выйдут и не завоюют?.. Могли бы отвоевать земли... разменом с королевство! А то и вовсе пройти, как орда Чингисхана.

Он развел руками.

— Сие только Господу известно.

— Да, конечно, — буркнул я.

С другой стороны, мелькнула мысль, а что они забыли на поверхности, где совсем недавно, по их меркам, была отравленная радиацией земля; где сменяются разрушительные сезоны: зима с ее морозами, метелями, лето с иссушающей жарой и сокрушительными грозами, весна и осень с катастрофическими наводнениями... в то время как внизу, прикрыты куполом тектонических пород, всегда в одном и том же климате и при одинаковой температуре без всяких перепадов. Если и не нравилось в первые поколения, то потом не просто привыкли, а приспособились, так что в нашем мире все должно пугать, наверху могут жить только дикие звери и такие же дикие люди.

— Вообще-то с ними можно сосуществовать, — рассудил я, — как люди — с глубоководными рыбами. Не соприкасаясь, не пересекаясь, вообще не зная друг друга. С другой стороны, человек — такая скотина, что если заметит дыру в стене, обязательно полезет взглянуть, что там за стеной... Ты понял?

Норман кивнул, лицо угрюмое, вздохнул с облегчением.

— Я уж боялся, что вы, ваша милость, сдуру полезете смотреть в эту дыру.

— Мы — да, — согласился я. — Полезем. Не белей лицом, аки девица! Не сейчас, а как-нибудь на досуге, когда

со всеми делами разделаемся. Но дыру заделай, чтобы не полез кто другой. Сам не можешь, придешь сюда с дюжими ребятами. Даю тебе на это свое соизволение, а также высочайшее указание сюзерена.

Возвращались мы примерно суток двое, а может — и больше, в таком месте счет времени теряешь быстро: на верх карабкаться — это не вниз по крутому спуску, а когда выползли, не чуя ног, я повис на руках Гунтера и Тюрингема, не спорил, когда отнесли меня в спальню.

И уже не чувствовал, как провалился в сон.

Глава 15

Пожар, толкнула мысль, я очнулся от глубокого сна, как будто вынырнул из глубокой темной воды на поверхность лесного пруда. За окном ночь, однако комната озарена ровным чистым светом. И этот свет идет от моей постели.

Я поспешил повернуть голову. Рядом со мной мирно посапывает, распустив роскошные золотые волосы и свернувшись калачиком, Леция. Милое девичье лицо, почти детское, порозовело от сна, губы, и без того пухлые, вздулись, как спелая черешня. Я привык видеть ее с туго заплетенной косой, а сейчас золото волос покрыло подушку и чуть ли не половину ложа. От волос струится свет, который при ярком солнце был бы незаметен, но сейчас освещает комнату лучше лампадки.

Целомудренно спит в длинной рубашке, однако с таким глубоким вырезом, что я, скосив глаза, рассмотрел и вторую пару грудей. От нее идет еще и зовущее животное тепло, я попытался отодвинуться, ну не свинья же я, чтобы пользоваться правом первой брачной ночи... тут же внутренний голос ехидно заметил, что я совсем ханжа, а еще и дурак: при чем здесь право брачности? Девушка сама пришла, никто ее не звал, не подманивал, не принуждал. А я, если прогоню, поведу себя не совсем по-джентльменски. Да и вообще... скажут, ездил на единороге именно потому, что этот, как его, девственник. А девственником в наше время можно быть только по одной причине...

Я всхрапнул, последние заслоны рушатся, горячая кровь вздувает члены, ну да, все члены, даже кончики пальцев зачесались, в них пошел зуд, слишком быстро и бурно наполняются кипящей кровью.

Осторожно, стараясь не разбудить, придвинулся, выждал минуту, медленно и бережно обхватил, прижал к своему телу. Леция дышит все так же ровно, однако сердце под моими пальцами застучало чаще, намного чаще.

Я замер, а она после паузы осторожно подняла веки. Ясные голубые глаза взглянули на меня без страха, только жаркий румянец поджег упругие щеки и пополз вниз на шею.

— Сеньор... — пискнула она.

— Спи-спи, — сказал я успокаивающе.

— Сеньор, — повторила она тем же тоненьким голоском. — А вы... не собираетесь...

— Что?

— Ну... потешить свою плоть... Я видела, как вы смотрите на меня.

Я буркнул:

— Да, но... Мужчина должен себя сдерживать. Если становится отвязанным, то это уже не мужчина.

Она смотрела с пониманием.

— О, рыцарский обет?.. Я слышала, что некоторые рыцари дают странные обеты...

Я привлек ее к себе, поцеловал в лоб, Леция замерла, я начал снимать с нее рубашку. Она пискнула в страхе:

— Сеньор, не нужно...

— Я тебя уже видел, — напомнил я. — У тебя прекрасное тело.

— Я боюсь...

— Девственница?

— Да...

— Это и понятно, — ответил я.

— Сеньор, оставьте хотя бы рубашку!

— Перепачкаем, — объяснил я, мудрый, как сто сексопатологов, зарабатывающих на сочинении книг о здоровом сексе.

Рубашка полетела на пол, Леция попыталась закрыть груди ладонями и локтями, но такое редко удавалось и нормальной женщине, а ей, с тремя парами грудей... гм...

Я ласково взял ее за тонкие кисти рук и медленно развел в стороны. Она со страхом и ожиданием смотрела на меня снизу вверх.

— Не трусь, — шепнул я. — Я такой же ненормальный... Только во мне это незаметно. Да здравствуют ненормальные!

Остаток ночи мы не спали, в самом деле ненормальные, учитывая то, что ей предстоит работа на кухне, а мне надо заниматься неожиданно свалившимся вторым замком и всеми владениями эра Одноглазого.

Я сумел разжечь жар и в Леции, девственность мешала недолго, в моем мире мало кто знает дифференциальное уравнение, зато в этой области мы еще со школы продвинуты, знаем, что надо делать и зачем, как разжечь, как поддерживать огонь, а Леция — уже давно сухая вязанка березовых дров, да еще и облитая бензином, к которой никто не решался поднести спичку.

Алая заря заглядывала в окно, во дворе орали петухи, но не могли заглушить наше хриплое дыхание. Наконец мы упали и не двигались, не расцепляя рук, Леция часто-часто дышит, потрясенная собственным взрывом и наплывом непонятных и неизведанных чувств, глаза расширены, лицо в бледном рассвете кажется похудевшим, строгим, а глаза стали совсем огромными.

Я уткнулся лицом в ее груди, переполз от одной пары к другой, наслаждаясь богатством, Леция простонала:

— Сеньор... довольно!.. Иначе я умру.

— От этого не умирают, — заверил я. — Хотя... ты права, надо остановиться. Сейчас принесут воду для умывания. Тебе надо смыть кровь. Воды не боишься?

Она затряслась головой:

— Нет, сеньор. Но не люблю из тазика. Я хожу купаться вниз...

Я насторожился, переспросил:

— Это куда?

— Там внизу река, — объяснила она. — Под мостом. Есть тропка, я спускаюсь вниз, вода чистая, холодная...

— Там течение, — заметил я. — Но ведь в воде, я сам слышал рев, живет какое-то чудовище?

— Я купаюсь в тихой заводи, — объяснила она. — Там есть такой грот... А водяная корова совсем не страшная. Правда, ревет громко, но сэр Зигфрид, бывает, кричит еще страшнее.

Я вспомнил, поинтересовался:

— Так это тебя я видел там на камнях? Ты сидела на порогах и кормила не то птиц, не то рыбу...

Она покачала головой.

— Нет, то моя сестра, она там и живет. Я не выхожу из грота.

В дверь послышался стук, приучил я все-таки, но тут же вслед за стуком, не дожидаясь отзыва на пароль, вдвинулся слуга с огромным тазиком. Второй нес огромное полотенце.

Леция поспешило залезла под одеяло, спрятавшись с головой. Я сделал слугам знак все оставить и проваливать, в свободное время еще поработаю над их воспитанием, дождался, когда дверь закроется, похлопал по оттопыренному под одеялом тугому заду.

— Вылезай, папараци ушли.

Она высунула мордочку и быстро огляделась.

— Сейчас не войдут?

— Нет, не трусь.

Она вылезла из-под одеяла нерешительно, взглянула на меня с немой мольбой, словно просила подать ей рубашку, которую я ночью отшвырнул на середину комнату, но не решилась попросить сеньора подать, сама слезла и торопливо прошлепала голыми ступнями.

Я наблюдал с удовольствием, фигурка изумительная, Леция ухватила рубашку и трясущимися руками набросила на себя. Я расхохотался, она повернулась и уставилась на меня непонимающими глазами.

— Сеньор, что-то не так?

— Да, — ответил я очень серьезно.

— Что?

— Задом наперед.

Она опустила взгляд, охнула, торопливо содрала рубашку, перевернула и снова надела, а уже потом сообразила, что одевалась, стоя передо мной голая лицом к лицу.

Жаркий румянец затопил ее щеки, поджег уши и разлился по шее и сполз на грудь. Я спрыгнул с постели, заграживая красные пятна на простыне, подошел к Леции, она качнулась и прильнула ко мне, ища спасения во мне от меня же.

Я дал слугам себя одеть, снизу уже поднимаются вкусные запахи, а когда я подал знак, что готов изволить откусить, на столы началиспешно переставлять с подносов не то что б уж изысканные, но превосходно приготовленные блюда.

На завтрак явились по традиции рыцари: старожил Зигфрид, новичок в рыцарстве Гунтер, а также примкнувшие сэр Алан и сэр Теодерих. Сэр Алан принял как должное, что обедают с сеньором, он вообще, как погляжу, мало удивляется и почти никогда не ржет во все горло, даже не улыбается, а Теодерих всему удивляется и смотрит большими радостными глазами.

Слуги подавали все на золотой посуде, очень неудобно, кстати, еще нелепее золотые ложки, тяжелые, как смертный грех, но статус сеньора обязывает есть на злате, а пить только из золотых кубков, украшенных к тому же рубинами и прочими драгоценными камешками.

Зигфрид, выказывая особое уважение к сэру Алану, собственноручно налил ему в кубок темно-красного вина, мол, это лучшее, что есть у сэра Ричарда, отведай, а потом попробуй сказать, что я не прав.

Я повернулся к Гунтеру:

— Сколько до турнира?

— Сэр Ричард, — ответил он уважительно, — не терпится испытать рыцарское счастье в жаркой схватке?

— Гм, да, конечно. Именно в жаркой.

— Завтра суд, а до турнира — два дня. В смысле до выезда на турнир.

Я рассудил:

— Значит, до отъезда у меня еще малость времени есть. Хорошо. Теперь, когда нашими стали и владения Одноглазого, надо проехать и по его... теперь уже нашим новым землям. Если успеем, посмотрим его села, раз уж теперь я за них отвечаю, проверим, как его земли...

— Теперь уже ваши, сэр Ричард!

— Мои, — согласился я, — проверим, как и где мои земли входят в соприкосновение с соседскими. Если надо, побываем у соседей, заверим в миролюбии и желании жить в добрососедстве, невзирая на разницу в идеологии и взглядах на демократию.

Зигфрид заметил:

— Трудно будет, сэр Ричард.

— Почему? Из-за Одноглазого?.. Все знали, что он со мной враждовал, захватывал мои земли, подумывал, как захватить и весь замок.

— Этого мало, — ответил он, — хотя почему не уверять всех, что вы — само миролюбие? Все равно никто не поверит, а звучит красиво. Значит, выезжаем завтра на рассвете?

Я посмотрел на небо.

— А сейчас не утро? Как любите откладывать на завтра то, что можно вообще не делать! Вели быть готовыми к походу сразу после обеда. В смысле завтрака. Обильного, как обед, чтобы потом есть не просили в дороге.

Алан де Тридент посмотрел на меня очень внимательно.

— Да вы зверь, сэр Ричард! — заметил он сдержанно, но с уважением. — Чтоб вот так рваться в бой — я еще не видывал! Недаром виконт Теодерих вас избрал как самого славного вождя, который под пение мечей и рев боевых труб...

Виконт Теодерих смущенно поклонился, дескать, все верно, именно под пение мечей, рев боевых труб и еще треск разбиваемых щитов. Да, под ржание испуганных коней — тоже.

Я с неловкостью посмотрел в его влюбленные глаза. Не

люблю, когда от меня ожидают больше, чем могу. Сам-то знаю, что хоть и не последнее говно, но далеко и не ангел в белых перьях.

После завтрака я дал себя одеть слугам в доспехи, у меня все еще нет оруженосца, невиданное дело, повел плечами, уже привык к тяжести металла, в них надежнее, пошел вниз.

Челядины разбегались и кланялись издали, а хорошеные служанки, напротив, старались оказаться поближе и присесть в реверансе пониже, чтобы заметил и оценил выставленные напоказ вторичные половые признаки. Понятно, уже знают про Фриду и Лецию, расхрабрились.

Я спустился в нижний зал, еще со ступенек окинул взглядом кухню. Это там, снаружи, бывает холодно, дует ветер, наступает зима с ее метелями, а здесь всегда защищено, вечный уют, дразнящие запахи, обильная еда, жаркий огонь в очаге, что всегда согреет, просушит. Здесь стучат ножи. Разделяют мясо, рыбу, рубят свеклу и морковь, взбивают тесто, здесь запахи свежей крови смешиваются с ароматами уже готовой похлебки, жареного мяса, вареной или печеной рыбы.

Столы для разделки мяса, птицы и рыбы отдельно, а вон за тем кормится челядь. Сейчас наша главная стряпуха, Гертруда, молодая женщина с необъятной задницей, уверенная и властная, заканчивает приготовление к большой кормежке воинов: почти готов огромный котел супа, смачный наваристый запах плывет по кухне, из булькающего варева всплывают куски мяса, однако здесь не забывают и о господине, то есть обо мне: в хорошо и умело прожаренного гуся запихивают обжаренных перепелов, одновременно наблюдая за поддумянивающимся на вертеле увесистым окороком. Понятно, сам не съем, но феодал может позволить себе приглашать за стол особо отличившихся или же особо доверенных лиц.

Я помахал рукой:

— Гертруда, это все — лучникам. И всем, кто едет со

мной. Хреновый из меня отец нации — не проследил, чтобы защитников Отечества покормили в первую очередь!

Она заулыбалась широким, как луна, лицом:

— Это вам на обед, сеньор!

— К обеду не вернусь, — сообщил я. — Жаль, конечно...

Вот оно, всегдашнее противоречие: кто не может себе позволить такой еды, у того есть на нее время, зубы и просторный желудок, а кто может — должен вскакивать или хотя бы вскарабкиваться на коня, брать в руки поводья и... вперед, заря навстречу!

Помню, мечтал о спутниковой тарелке, чтобы ловить телепередачи помимо обычных бесплатных, забитых рекламными роликами, а у богатого соседа такая тарелка на балконе, но телевизор успевает включить разве что на пять минут перед сном, когда за полночь возвращается с работы!

Во дворе привычный гам и суетолока: конюхи выводят коней, седлают, лучники первыми прыгают в седла и дисциплинированно отъезжают к стенам, давая сесть на рослых рыцарских коней тяжеловооруженным господам, больше похожим на железные статуи.

Гунтер оглядел всех, уловил мой кивок, закричал страшно и весело:

— Открыть ворота!

День начинался чистый и ясный, в небе ни облачка. Кони прогрохотали копытами по каменному мосту, резво пошли по росистой траве. Теперь, когда прямую дорогу к замку Одноглазого разведали и опробовали, она оказалась совсем короткой, я не удивился, что хоть и вынужденно петляли, огибая холм и непроходимую рощу, но очень скоро в разрыве редкого леса поднялся далекий замок, окруженный домами.

Высится одиноко и угрюмо, непременный атрибут этого времени, и, глядя на него, нетрудно понять, почему блистательному полководцу и завоевателю императору Карлу не удается завоевывать порубежные королевства. Если вспомнить школьные уроки по истории Средневековья, Алекс-

сандр Великий за очень короткую жизнь сумел захватить несравнимые со своей крохотной Македонией огромные государства, в кратчайшие сроки разбил колоссальные армии, Цезарь за восемь лет сумел покорить огромную Галлию, населенную весьма воинственным народом, но то была другая эпоха, а потом пришло Средневековье, когда могучий Тевтонский Орден при помощи всей Западной Европы со своим Дранг нах Остен сумел за пятьдесят три года всего лишь сломить сопротивление намного меньшей по территории и вообще полупустынной Восточной Пруссии!

Все дело в том, что теперь армию навстречу наступающему противнику поведет только король, полностью уверенный в победе. А так лучше запрется в укрепленном замке, попробуй выкури!.. Замки утратили неприступность только с появлением артиллерии, сейчас же осадой никто брать и не стремится, а все больше измором, перекрывая дороги небольшими отрядами, чтобы отрезать подвоз продовольствия.

Но, во-первых, в замках обычно продовольствия запасают впрок надолго, во-вторых, нападающим самим приходится держать впятеро большую армию, чтобы отрезать все пути и лазейки, а если раздробить ее слишком, то мелкие отряды сами становятся легкой добычей. Осада даже маленькой крепостушки затягивается на долгие месяцы, если не на годы. Какое уж тут покорение просторов...

Я оглядывал замок хозяйственным глазом, надо свыкаться с мыслью, что и это теперь мои владения, там живут люди, что надеются слышать от меня мудрые речи, страшатся необузданного гнева, этот век богат на таких людей, рассчитывают на некие милости и послабления.

Зигфрид громко и страшно протрубил в рог. На стене засуетились, но не стали спрашивать, кто мы такие, узнали, заскрипела решетка ворот, поползла вверх, тут же начал опускаться подъемный мост.

Я вскинул руку:

— Стоп-стоп!.. Никаких заездов, это задержит нас надолго. Давайте за сегодня объедем по кордону, посмотрим

и сегодня же вернемся. Мне пора, почти пора на рыцарский суд.

Зигфрид хотел было возразить, но смолчал, а Гунтер, более знающий местность, сказал с сомнением:

— Ваша милость, вы на своем коне, может быть, и успели бы... да дорог не знаете. А у нас кони не могут галопом с утра до ночи. Успеем осмотреть только половину, ну, с божьей помощью, две трети ваших новых владений, а потом придется где-то ночевать.

Я скривился, сказал раздраженно:

— Пусть даже так. Но все равно в замок заезжать не будем. У вас все здесь затягивается на месяцы, если не на годы.

Зигфрид сказал весело, но слова прозвучали очень серьезно:

— Сэр Ричард, вас скоро будут называть Ричардом Стремительным! А то и вовсе — Молниеносным!

В замке, видя, что мы не двигаемся, высали двух конных, я сообщил, что изволю, и минут через десять за ворота выметнулся на легком коне всадник в сверкающих доспехах Одноглазого.

Подскакав ближе, он довольно проворно слез на землю и преклонил колено.

— Сэр Ричард!.. Счастлив выразить почтение и беспрепдельную преданность...

— Хорошо, Харальд, — прервал я милостиво. — А теперь давай снова в седло, поедешь с нами, казаками. Гунтер прекрасно знает владения Галантлара, но не Одноглазого, а пока он останется в этом замке, посмотрит, что ты накуролесил, подправит, если что не так... а ты поедешь с нами, Сусанин.

Харальд хоть и с трудом, но без посторонней помощи взобрался в седло, у сэра Одноглазого доспехи весят, как две наковальни, к тому же семь лет в темнице — это не Багамы, крепкий человек, я бы пластом лежал, а вокруг меня плясала бы вся клиника по реабилитации жертв стрессов и насилия.

— Все покажу, — пообещал он серьезно, — хотя за семь лет могло что-то измениться.

— Но деревни не сошли с мест, — успокоил я. — А без тебя мы разыскивали бы их в лесу, как иголки в стогах сена.

Да и вообще, добавил я про себя, надо получше узнать, на кого я оставляю замок. Страшновато кому-то доверять вот так много, но и самому не разорваться.

Он поехал рядом, Зигфрид пустил коня с другой стороны, поинтересовался через мою голову:

— Харальд, ты как назвал меч?

Харальд изменился в лице, невольно оглянулся на Алан, тот ехал сзади. Алан вскинул брови и чуть растянул губы в подобии улыбки.

— Поверишь ли, сэр Зигфрид, мы еще вчера перебрали имена всех демонов и языческих богов, но так и...

Зигфрид оглянулся, в арьергарде на смиренном муле мужественно терпит муки похода отец Ульфилла, сказал, понизив голос:

— А если в честь святого?

— Богохульство, — ответил Харальд убежденно.

— Разве архангел Михаил не охраняет огненным мечом вход в рай?

— Да, но... то Михаил, а то я. Это и есть богохульство и гордыня дьявольская. Надо чего-нить проще, но не слишком. Слишком — уже умаление чести воинской и моего достоинства. Я не рыцарь, но у человека на коне гордости больше, чем у пешего.

Я перебирал в памяти имена великих мечей, начиная с Гремящего Гильгамеша и Синего Зуба Одиссея до почти современных Эскалибура и Дюрандаля, красивых или очень уж значительных не нашел, значительными их делают деяния рук, что вынимают из ножен. Подумаешь, Эскалибур дала Озерная фея! Да мне эти озерные, травяные и еще какие-то насовали этих мечей, хоть забор ими подпирай. Даже имен не давал, что толку, если даже в руки брать не решался? Хотя, как знатоки злорадно предупредили, раз сдуру принял, то какие-то обязательства на себя взял... Знать бы, какие.

Глава 16

По залитой оранжевым солнцем траве мелькнула тень. Я вздернул голову, солнце слепит глаза, промелькнуло раздужное, яркое, не сразу сообразил, что не жар-птица во все, а быстрая птица попроще и помельче.

Зигфрид проследил за моим взглядом.

— Сокол, — сказал он знающе. — Здесь богатые степи.

Алан сказал задумчиво:

— Может быть, и не совсем дикий...

— Как это? Кто-то устроил соколиную охоту на землях сэра Ричарда?

Зигфрид выпрямился, бросил ладонь на рукоять меча. Харальд покачал головой:

— В здешних землях соколов больше использовали для магии... Их многие используют.

— Даже многие? — переспросил я. — Интересно. Как же это?

Он взглянул с удивлением:

— В ваших Срединных королевствах разве не использовали?.. По-моему, везде одинаково. Запускают сокола, а потом смотрят его глазами. Я в детстве даже знал такое за-клинивание, потом забыл. Мне оно ни к чему...

— Почему? — спросил я. — Если можно смотреть с высоты, а сокол поднимается высоко, то это ж... даже не знаю, что и сказать! У меня в замке хробойл лежит, Рихтер его изучает, да что-то не торопится с докладом. Видать, орешек не по зубам.

Он вяло пожал плечами:

— Смотреть легко, но почти никто не умеет управлять соколом, чтобы летел куда надо. Да и смотрит по-своему, надо уметь различать в том, что он видит, нужное. Я как-то смотрел через плечо одного умельца: серое, темное, словно в лунную ночь. Правда, все отчетливо, но красок нет, какие-то пятна... Это же надо вот так целые сутки сидеть и смотреть в надежде, что удастся подсмотреть что-то важное!.. Не случайно хозяева в конце концов поручают такое дело своим доверенным, потом начинают подозревать, что

те утаивают нечто, казнят или прогоняют, начинают смотреть сами, но терпения не хватает, и снова все сначала... Да и занятые люди, кроме бездельников. Так что не привелось смотреть через глаза птиц за своими соседями. Можно, нс затратно. По времени. Чтобы выловить что-то стоящее. столько шелухи пересматривать!

Я кивнул:

— Ты прав, Харальд. Это и есть основы экономики Я только удивлен, что хоть какие-то элементы работают.

Он отмахнулся:

— А что монахам делать? Не пашут, не сеют, лес не рубят...

Зигфрид и Алан посматривали с великолепным высокомерием людей благородных, которые не унижаются до каких-то умствований и бесплодных споров о том, сколько ангелов поместится на острие иглы. Мир принадлежит людям действия, а не размышлений. Короли читать не умеют, крестик ставят, рыцари очищают захваченные земли от нечисти, а в монастырях все эти галилеи, мендели, бруны, паскали и прочие коперники неизвестно какой хренью занимаются...

Кони притомились, идут вялым шагом, головы поникли. То один, то другой на ходу срывает стебли трав. Мой Зайчик шагает спокойно, горделиво, я как-то привык к его великолепию и не обращаю внимание, но взгляды Алана, Зигфрида и теперь еще и Харальда с виконтом Теодерихом напоминают, какой чудесный конь у меня под седлом.

Навстречу выплывают болотца, их всякий раз объезжаем по берегу, хотя некоторые выглядят совсем мелкими. Харальд всякий раз крестился и говорил то про гигантских пиявок, то о стеблях болотной травы, что изрежут сапоги в клочья, Зигфрид и остальные, едущие впереди, кивали, безропотно поворачивали коней.

Лесные островки тоже часто объезжаем по широкой дуге, хотя деревья растут редко, ветви на вершинках, как у сосен, можно бы проехать напрямик даже с выочными ло-

шадьми, однако Харальд проронил только «песчаные кроты», и все без возражений повернули под углом в девяносто градусов.

Я начал бурчать, Харальд заметил, очень вежливо и почтительно начал рассказывать, что в этих землях все настолько пропитано магией, что колдовство доступно каждому. Конечно, каждому доступно только самое простое и, конечно же, маломощное. Нет человека, который не ходил бы с амулетом или талисманом, а многие вообще увешаны ими. Даже весьма почтенные граждане, несмотря на близость к церкви и посещение служб, амулетов не чураются. При дворах богатых особ живут личные колдуны, оберегают хозяев от чар, выполняют их поручения, как-то: наслать или снять порчу, навредить врагу, а по возможности и вообще отправить на тот свет. Процветает торговля снадобьями, что продлевают жизнь, а то и молодость, прибавляют сил, здоровья, позволяют видеть будущее...

У баронов, графов и других властелинов, засевших в собственных замках, находят приют самые сильные колдуны, что уже называются магами. Иногда, правда, бегут, не угодив, иногда сами подчиняют сеньоров своей колдовской власти, но факт есть факт: в землях Одноглазого придется встретиться с колдовством, которое я, как паладин, должен ненавидеть...

Он замолчал, глядя на меня с вопросом в глубоко запавших глазах на изможденном лице. Я молча досказал за него, что как паладин — да, должен ненавидеть и огнем и мечом, а еще и каленым железом, огненной метлой революции, да здравствуют Святые Догматы, однако... как человек, познавший мощь и сладость плодов науки, хочу ощутить их и попользоваться. А там уже, как пользователя, юзера — чтобы понятнее, меня как-то не колышет, лицензионная магия или контрафактная.

Они все еще ждали от меня реакции, я набундочился и произнес надменно:

— К вящей славе церкви!..

Харальд торопливо перекрестился.

— Да-да, только Дева Мария — наша неизменная защитница и заступница перед Господом...

Он оборвал себя на полуслове, насторожился, натянул повод. Конь тут же остановился. Далеко, чуть ли не от самого горизонта, тянется расширяющееся пыльное облачко, вытянутое в длинную-длинную воронку.

Зигфрид, Алан и Теодерих немедленно выехали вперед, лучники проверили луки. Неизвестное в здешних землях чаще всего означает неприятности, я увидел, как ладони рыцарей опустились на рукояти мечей.

Ульман, у которого глаза как у сокола, сказал с недоумением:

— Разрази меня... если это не волшебница!

— Леди Клаудия? — переспросил Зигфрид.

— Ну да, других лядей в этих краях нету...

В нашу сторону несется красный как огонь конь с длинной гривой цвета меди и роскошным хвостом. Леди Клаудия сидит по-женски: свесив обе ноги на левую сторону, в правой руке поводья, левую грациозно уперла в бок, выпрямилась, вид донельзя гордый и неприступный.

Рыцари посмотрели на меня, я наконец сообразил, что нужно сделать, соскочил на землю, дождался, когда она остановит коня, подошел и ухватил узду ее кобылки.

— Леди Клаудия...

— Сэр Ричард, — ответила она.

Я встал на одно колено, она легко покинула седло, едва коснувшись моей склоненной головы рукой и чуть-чуть наступив на подставленное колено.

Рыцари смотрели с интересом, Зигфрид знаками показал, что кони сильно притомились, самое время дать им небольшой отдых, напоить, благо вон ручей, самим разместиться в тени деревьев и слегка отобедать.

Я кивнул, давая изволение, хотя сколько мы проехали, чертовы лодыри, повернулся к леди Клаудии и смотрел вопросительно. Она взглянула мне прямо в глаза:

— Сэр Ричард, вы уже дважды проехали через мои земли.

— Сожалею, — ответил я, — спешим, как муравьи к дохлой жабе. Ваши земли малость вклинились между мои-

ми и угодьями Одноглазого, которые теперь тоже мои. Если считаете, что мы нанесли ущерб топтанием и ронянием каштанов, попортили зеленый покров своими гусеницами, я готов рассмотреть вопрос о возмещении ущерба...

Она сказала поспешно:

— Нет-нет, я как раз хотела сказать, что вам и вашим людям дозволяется пересекать мои земли... если, конечно, не будете на ней охотиться, рубить лес или вредить моим крестьянам.

— Что вы, что вы, — запротестовал я. — Какой из меня охотник!

Она нервно дернула бровью, в глазах блеснул гнев.

— Да, конечно. Я кое-что слышала про каледонского вепря.

— Это которого Геракл завалил?

— Которого вы с Тудором!

— Бедный поросенок, — сказал я ошарашенно. — Простите, я не знал, что это ваш пет. Он был такой веселый, такой резвый, так хрюкал...

Я церемонно подставил локоть, намереваясь отвести к костру, Ульман и Харальд разводили огонь под сенью могучего дуба, а лучники собирали хворост и расседливали коней. Рыцари, как высшая раса, сняли доспехи и готовятся ополаскиваться в ручье, но ревниво выясняют, кто старше по рангу, званию, знатности и длине рода, и галантно, прямо бобчинские-добчинские, уступают друг другу право мыться выше по течению.

Клаудия покачала головой:

— Рано. Пусть подготовят. А пока посидим здесь. Я предпочитаю поговорить с вами наедине.

— Я чарам не поддаюсь, — заявил я. — Впрочем, можете попытаться, я не против. Особенно хорошо на меня действует, когда чешут и гладят, особенно вот здесь и вот здесь... а можно сразу отсюда...

Она проследила за моей рукой, глаза вспыхнули, щеки окрасились румянцем:

— Как вы смеете такое... Впрочем, вы же как-то обмолвились, что вы не настоящий рыцарь?

— Не ловите меня на слове, — посоветовал я. — Я такого не говорил.

— Но что-то в вас такое...

— Это ваши измышления, которые опровергнет любой адвокат.

Мы сели в тени на толстый корень, вылезший на поверхность лет сто назад. Высохший и белый, он представлял собой удобную скамеечку. Минуту спустя я, не чувствуя комфорта удобной спинки, сполз на землю и устроился, как в удобном кресле, между корнями. Щека моя оказалась на уровне ее коленей, и, когда я подвигал ягодицами, устраиваясь, пару раз коснулся ее колен щекой, из-за чего на ланитах волшебницы сразу же вспыхивали красные розы.

На расстоянии вытянутой руки звонко бренькнуло, словно задрожала самая тонкая струна гитары, там затряслись белые толстые нити могучей паутины. Крохотный дракон, размером с ящерицу, влетел то ли сдуру, то ли со слепу, затрепыхался, отчаянно стараясь выбраться, но просвечивающие на солнце розовые крылья прилипли и запутывались сильнее.

— Тихо, дурашка, — сказал я.

Я приподнялся на локте и, пока высвобождал из паутины, он, скотина, зашипел и грызанул меня за палец. К счастью, человечья кожа не по зубам, только стиснул выдвинутыми вперед крокодильими челюстями кончик пальца, повис. Я поднял руку, осторожно помотал пальцем в воздухе, но этот дурак настолько ошелел от злости, будто это я сплел паутину, что остался висеть на пальце, не соображая, что свободен и можно улетать.

Клаудия смотрела с интересом.

— И что с ним сделаете? Съедите?

Я решил, что у женщин такой юмор, буркнул:

— Без соли?

— Почему без соли, с солью, приправами. Говорят, они очень хороши под прованским соусом.

Я покосился в ее сторону, лицо волшебницы совершенно серьезное.

— Странные у вас шуточки, миледи.

— Я что-то сказала не так?

— Да нет, с женской точки зрения все верно. Вы же все рассматриваете с точки зрения кухни и кастрюль. Вам какие кастрюли больше нравятся: с крышками или без?.. Да перестань кусаться, дурак! Дай сниму паутину со второго крыла, а то прилипнешь где-нибудь к дереву или к камням... Или ты не дурак, а дура? Да еще и блондинка, наверное...

Клаудия с холодным высокомерием наблюдала, как я зажал в кулаке дракончика, а другой рукой снимаю прилипшие нити. Дракон угрожающе разевал крошечную пасть и злобно шипел. Одну лапу сумел протиснуть между моих пальцев и махал ею, воображая, что рвет меня в клочья.

— Странный вы человек, сэр Ричард, — заметила она с предельным высокомерием. — Мягкий, как... тряпка.

Я не моргнул и глазом, спокойно поклонился, не перевставая чистить дракончика.

— Вам виднее. Вокруг вас одни настоящие мужчины!

— Да, — ответила она с вызовом. — Они не станут выпытывать из паутины бабочку или дракончика! Грезят, как и положено мужчинам, о кровавых битвах, жестоких сражениях и великих подвигах!

Я пожал плечами:

— А кто спорит? Значит, я ненастоящий. Вы удовлетворены?

— Полностью, — ответила она победно. — Не понимаю одного, что заставило вас тогда вмешаться и порубить те неприятные сооружения, метавшие камни?.. Что вы надеялись получить? И почему сразу же не явились за вознаграждением, когда впечатления от внезапного нападения были еще свежими?

Я фыркнул, раскрыл ладонь. Дракончик с самым ошалелым видом сел на задницу, как игрушечная собачка, раскрыл одно крыло, осмотрел, потом другое. Солнце просвещивает насеквоздь, в тончайшей розовой пленке отчетливо видны мельчайшие кровеносные сосудики и темные утолщения не то сухожилий, не то крохотных косточек.

— Ну, знаете ли... — сказал я медленно, не отрывая взгляда от дракончика. — Меня в детстве учили, воспиты-

вали даже, что добро следует делать не только без мысли о вознаграждении, а по возможности вовсе тайно. Чтобы тот, кому его творишь или что-то даришь, даже не подозревал и не был обязанным... Увы, тайно я не мог убрать этот несанкционированный митинг от стен вашего уютного замка, слишком уж суетились и кричали, но я постарался... э-э... побыстрее и без мысли о вознаграждении.

На мгновение я отвел взгляд от дракончика и посмотрел на ее почти оголенную грудь и открытые плечи. Вот, мол, что имею в виду под вознаграждением и потому отказываюсь от него с большей неохотой, как если бы пришлось отказываться от императорской короны.

Клаудия выглядела удивленной, брови взлетели на середину лба, глаза расширились, а маленький ротик с полными чувственными губами приоткрылся в безмерном удивлении.

— Сэр Ричард...

— Да?

— Вы в самом деле...

Она умолкла, я осторожно осмотрелся по сторонам, чтобы не спугнуть успокоившегося дракончика, он начал вылизывать лапы, а потом извернулся и, уморительно перекосив рожу, почесал себя задней лапой за ухом.

— Что не так? — переспросил я с деланным непониманием.

Она спросила с недоверием:

— Вы в самом деле так думаете?

Я пожал плечами:

— Если я в самом деле думаю... что вообще-то для такого доблестного рыцаря странно, верно?.. Особенно с моим ростом и моей мускулатурой, то думаю именно так и именно тем местом, которым думать приматам положено. В смысле верхним концом. Конечно, я имею в виду верхний конец спинного мозга, именуемый головным.

Она смотрела обалдело, я сам не понял половину той чуши, что мелю, но уж очень хороша и чересчур хочет видеть меня дураком. Здоровенным мускулистым дураком. Почему бы не подыграть красивой женщине?

Дракончик закончил вылизывать правую лапку, принялся за левую. Крохотный язычок мелькает стремительно, как огненная искорка, между пальцами. Дракон старательно выкусывал вцепившуюся туда плесень или остатки паутины, едва слышно сопел и всхрюкивал, балансировал на трех лапах, даже не помогая крылышками, я невольно чуть-чуть наклонял ладонь, чтобы он не свалился.

Клаудия смотрела то на дракончика, то на меня, в глазах возникло нечто вроде обиды.

— Ладно, — сказала она с легким раздражением, — вам это, конечно же, ни к чему, когда у вас такие мускулы, я просто упомяну, что вас ждет опасность у Тихих Болот, а вы сейчас едете прямо к ним, и еще недавно появилась область зыбучих песков прямо на дороге к речному броду.

Я подумал, переспросил:

— Это что же, теперь стараетесь оказать мне важную услугу как бы невзначай, не снимая лыж... то есть не слезая с коня?

Она произнесла сухо:

— Вы расценивайте это как хотите. Но про зыбучие пески еще никто не знает.

— И все же?

Дракончик посмотрел на меня внимательно, раскрыл крохотный ротик, что-то просипел, а то и прорычал, но у нас разные децибелы, вскинул крылья, в ладонь мягко толкнули крохотные лапки. Маленькое легкое тельце взвилось в воздух и, не делая прощального круга, сразу устремилось в сторону ближайшей горы с изъеденной временем лицевой стеной.

Клаудия тоже проводила его взглядом, показалось, что волшебница довольна исчезновением фактора, отвлекающего внимание от ее безукоризненных ног, скрытых, впрочем, длинным платьем до щиколоток, но настоящие мужчины и под шароварами могут оценить женские ноги.

— Мне, — ответила она с запозданием, — такая услуга в самом деле ничего не стоит. Вам же пришлось хоть немногого помахать мечом... оказывая услугу мне. Один раз вас даже по голове стукнули.

— Точно видели?

— Да уж заметила.

Я нагло оскалился:

— Получили удовольствие?

Она гордо выпрямилась, нос кверху, взгляд вниз, как на червя у ее ног.

— А вы как думаете?

— Да уж думаю...

Она изумилась:

— В самом деле? Головой?

— Ну и как, — поинтересовался я, пропуская мимо ушей выпад, — я был хорош?

— Как петух, — ответила она с растущим раздражением.

— Вообще-то опасность была нешуточная, а вот информацию для вас не искала, она у меня случайно. Так что с вами не расплатилась, еще в небольшом долгу...

Я смерил ее барабанным взглядом:

— Так в чем задержка? Раздевайтесь!

Она гордо выпрямилась, щеки окрасились румянцем:

— Наглец, хам, невежда!

Я оскалил зубы в наглой усмешке:

— Ну вот, леди, уже и не чувствуете себя обязанной, верно?

Она несколько мгновений смотрела в упор, опешив, еще не понимая, почему я доволен, словно поймал ее на краже, вдруг вскрыла:

— Мерзавец!.. Как вы умеете все... перевернуть!

— И тут пришел поручик, — сказал я, — и все испортил. Ладно, Клава, чего мы кусаемся? Все-таки самец и самка должны уживаться лучше. Я — самец, посмотрите мои мускулы. Да посмотрите же!.. Кстати, это у меня не единственные отличительные признаки пола. Вы — саженка, на ваши вторичные половые признаки можно даже не указывать пальцем, они все время у меня перед глазами. Я просто взгляда от них оторвать не могу...

Она вскочила, глаза мечут молнии, негодованием обдало с такой мощью, что озnob прошиб меня до внутренностей, противно заныло под ложечкой.

— Вот видите, — сказал я с укором, — как только брякнешь правду...

Она сдергалась, произнесла очень холодно:

— Да, вы сама порядочность и скромность, а вот не умеете этого показать. Прощайте, сэр Ричард. Не могу сказать, что было приятно встретиться.

— А вот мне все равно было приятно, — ответил я, вставая. — Вы мне нравитесь, Клава.

Она отступила, оглянулась. Один из лучников, словно получив мысленный приказ, ринулся со всех ног к ее кобылке, ухватил за повод и привел бегом, глядя на волшебницу с почтением и опаской.

Я поспешил за Клаудией, взял узду из рук лучника, преклонил колено, а когда она, снова едва коснувшись, взлетела в седло, все так же свесив ноги на одну сторону, с поклоном передал ей поводья.

Она почти выхватила из моих пальцев, негодующий взгляд карих глаз ожег, словно по лицу стегнули крапивой.

— Прощайте, сэр Ричард, — повторила ледяным голосом. — Вы по-прежнему вольны пересекать мои земли во всех направлениях.

— Благодарю вас, леди Клаудия, — ответил я и поклонился.

— И даже охотиться.

— О, я уж наохочусь...

Наверное, я произнес чересчур прочувствованно, а поклонился слишком низко, она вскинула подбородок, в глазах откровенный гнев, без нужды хлестнула лошадку, та обиженно вскрикнула, ударила в землю всеми четырьмя и ринулась с такой скоростью, что стук копыт слился в тут же стихшую барабанную дробь.

Я проводил ее взглядом, хороша, даже слишком хороша, но инстинкт предостерегает: с такими женщинами очень непросто, это всегда быть начеку, так лучше уж нам чего-нибудь попроще, а циркачки пусть другим, кто не берется завоевывать мир. Наполеон говорил, что сильная личность должна избегать баб-с, как мореплаватель избегает рифов.

Подошел Харальд, все видит и все замечает, такая должность, спросил тихо:

— Ваша милость, а как же вы насчет зайцев, забитых на охоте?

— То другое, — огрызнулся я. — Надо есть, вот и ем. Но если бы вместо дракончика в паутину попал заяц, я бы его отпустил. Конечно, потом в лесу ему мне лучше не попадаться... Понял?

— Понял, ваша милость. Прям на душе полегчало. А то уж подумал, что и вы тронулись. Бывает, проходят по этим землям всякие... Есть и такие, что не едят.

Я кивнул понимающе:

— Вегетарианцы? Которые безмясоедные?

— Не только, ваша милость...

— А, полные, значит, — сказал я. — К рыбе не притрагиваются, молока не пьют...

— Если бы только это, ваша милость...

— Сыроеды, — определил я тоном знатока. — Мало того, что только траву, так еще и не варят, сырую жуют.

Он покачал головой:

— Да нет же, ваша милость! Ничего не едят.

Я опешил, раскрыл рот.

— Как это... ничего? Совсем ничего?

— Совсем, — поклялся Харальд. — Я сам одного такого видел в детстве. Шатунисты вроде бы. Или шаталисты, не помню точно. Мудрые что-то говорили насчет какого-то азота, который прямо из воздуха, но для нас, простых людей, все равно что ничего не есть.

Я смотрел ошалело, и хотя моя подготовка позволяет объяснить все на свете, но все-таки заявленьице пошатнуло почву, будто при землетрясении.

А Зигфрид спросил вполголоса:

— Что она хотела?

— Ищет спутника жизни, — объяснил я. — Сама отличается тяжелым характером, зато легким поведением.

Зигфрид задумался.

Часть 3

Глава 1

3avidев нас, из ручья выбрался обнаженный до пояса Алан де Тридент. Я впервые увидел его без доспехов и даже без рубашки, засмотрелся на развитые, даже переразвитые от постоянных упражнений с мечом грудные пластины мышц, что сперва показались похожими на женские груди, очень уж выпуклые и сдвинутые вниз в состоянии покоя, но едва на берегу поднял с земли рубашку, приподнялись, окаменели, их прочертило тугими сухожилиями, а тонкие полоски шрамов стали выпуклыми, заметными.

На вертеле медленно поворачивается освеженная туша молодого оленя. Лучники разложили на скатертях захваченные из дома хлеб, сыр, фрукты, рыбу, пучки молодого чеснока и лука.

Мне освободили место, Тюрингем сноровисто срезал зажаренное мясо тонкими ломтями, посолил и разложил передо мной. Я накрыл стеблями лука, с удовольствием вдохнул бодрящий запах.

Зигфрид и виконт Теодерих сидели с Аланом, тот с горящими глазами рассказывал:

— Мы с утра до поздней ночи не покидали седел, уподобившись диким кочевникам, а когда пришли в южные страны, то днем спали, а ехали ночами, пока безжалостное солнце не вытапливает плоть из-под шкуры, что стала толще доспехов из кожи буйвола!.. Мы ели сухари, а потом уже чахлую траву, но шли через пустыню неудержимо, назад пути нет, мы же рыцари, нам стыдно отступить, словно

простолюдинам... Чужие духи зла хохотали в ночи, иногда показывая страшные лики в багровом свете костра, а начами садились на грудь, хватали за горло, щелкали зубами...

— И король был с вами? — спросил виконт восторженно.

— Да, ведь он тоже рыцарь! В походе все равны...

Все равны только в гробу, подумал я. Да и то одни — в дубовом, другие — в сосновом.

— С нами был даже герцог Волквин Верденский, чей род восходит к легендарному Готу, победителю Ледяных Королей и открывателю Второго прохода! И этот человек с такой родословной делил пищу и кров с простыми солдатами... Сэр Ричард, вы можете себе такое представить?

Я задержал кусок у рта, прожевал то, что уже откусил, ответил сипло:

— А что родословная? Кто хорошо служит своей родине, тот вообще не нуждается в предках.

Зигфрид хмыкнул, Алан возразил уязвленно:

— Но люди с таким ветвистым фамильным деревом встречаются крайне редко...

— Фамильное дерево, — пояснил я, — это дерево, на котором ветви столь неинтересны, что вынуждены хвататься о своих корнях. Ваш герцог таков?

— Нет, он доблестный воин!

— Значит, вы его позорили, рассказывая о его предках, вместо того чтобы похвалить его самого. Дорогой Алан, генеалогия — это история происхождения от некоего предка, который сам отнюдь не стремился выяснить свою родословную. Иначе генеалогия могла бы стать еще длиннее.

Зигфрид вновь хмыкнул, сказал глубокомысленно:

— Титулы — декорации дураков. Я вот никому не рассказываю, сколько у меня предков. Зачем? Я сам — знатный предок! Пусть начинают считать от меня, Зигфрида Великолепного!

Алан сказал подозрительно:

— Великолепного? Это вы сейчас придумали, сэр Зигфрид? Кто вас называл Великолепным?

— А хоть и я, — ответил Зигфрид, ничуть не смущив-

шись. — Разве я не просто чудо? Ведь еще не все потеряно, еще терять да терять!

Алан вздохнул:

— Порядочность, как и девственность, теряется навсегда. Теперь Зигфрида уже ничто не спасет.

Зигфрид принял от лучников исходящий паром кусок мяса, вгрызся, как голодный волк, довольно взрыкивал, глаза стали как щелочки.

Ульман, Тюрингем и Харальд ели степенно, соблюдали манеры, подсмотренные у господ. Харальд принялся рассказывать о волшебных камнях, что приносят удачу, Ульман в свою очередь рассказал о камнях, что удачи не приносят, зато обергают от бед и неудач, на что Тюрингем вспомнил про камешек Горного Короля, потерянный сотни лет тому где-то в этих краях, который мог и оберегать, и удачу приносить, а еще привораживал всех женщин...

— Смотри какой у него по моши камень, — пробормотал Харальд. Оглянулся на меня. — Вас, должно быть, удивляет, ваша светлость, что говорим о камнях, а не о благородном железе, что именуется сталью, не о серебре, золоте...

Я сдвинул плечами:

— Нисколько. Иные камни дороже золота.

Он взглянул на меня уважительно.

— Вы сталкивались с ними?

— Да, — ответил я коротко. — Да.

— И даже держали в руках?

— Да, — повторил я, голос мой стал глушше. — И держал, и сам вставлял в... словом, когда приходило время, покупал новый камень взамен устаревшего, более мощный, позволяющий больше... Ставил на маму, смотрел, как пашет. В моей стране это называется апгрейдом.

— Называется? — повторил он с почтением. — Значит, там колдуют и... другие?

— Все умеют делать, — отмахнулся я. — А чем еще знаменит тот проц... в смысле камень Горного Короля, кроме привораживания баб-с? Все-таки это не самое достойное применение.

— Не скажите, ваша милость...

— А что такого? — не понял я. — Да только свистни!..

Нет, камень на такую ерунду тратить глупо. Лучше уж микроскопом гвозди...

Харальд даже встал от излишней почтительности, то ли перед камнем, то ли передо мной, я жестом велел сесть, он сказал звенящим от почтительности голосом:

— Это великий камень! Только с его помощью удалось остановить Черного Властелина... так его называют, хотя легенды говорят, что он был светлым, как солнечный луч. А другие вовсе гласят, что он был юной женщиной. Словом, Властелина сковали чарами Камня, низвергли и запечатали всеми могучими чарами выход на поверхность. Однако...

Я кивнул.

— Понятно, все сдается коррозии. Даже чары.

Он смотрел с великим уважением.

— Вы, господин, зрите прямо в корень! И хотя Черный Властелин в аду, но оттуда можно выбраться. Да, вы правы. Если есть вход, то есть и выход. Два выхода надежно завалены и задвинуты горными пластами, а третий, самый уязвимый, — чарами. Они ослабели за эти двадцать тысяч лет, а Властелин, напротив, набрал моци от сил ада...

— Он что, — спросил я, — бессмертный?

Харальд посмотрел на меня с удивлением и даже отстранился, словно его шокировал вопрос.

— Ну конечно, господин... Или вы так шутите? Все Властелины бессмертны. Ходили слухи, что и у них есть уязвимые места, но пока еще никто Властелина не убил, а от старости они, понятно, не умирают.

От зажаренного оленя ребра да ноги, да и те с головой и кишками бросили в кусты, там началось шевеление, раздраженный писк, ветки колышутся, вспыхнула драка между мелкими зверьками, а мы, запив обильный обед, кто вином, кто чистой водой, разобрали коней.

Я поднялся в седло с думами о волшебнице, очень уж

непоследовательно ведет себя, хотя многие слова и поступки объяснимы, если принять гипотезу, что сколько бы ей ни было лет, все такая же, какой была... не будем уточнять, сколько лет или веков, женщина все-таки, да и не знаю, если честно.

Да и то, где здесь продвинешься? Лес и звери вокруг, а люди прячутся в норы, как те же звери. Чтобы жить в глухи и быть продвинутой, нужен Интернет, желательно — выделенка. Или что-то подобное. Впрочем, не может быть, чтобы такое не существовало и теперь. Хоть в какой-то урезанной и донельзя искаженной форме. Все-таки Интернет был повсюду, его и создавали на случай ядерной войны, чтобы, когда все порушено и выжжено, все-таки оставалась связь с уцелевшими...

— Стоп, — велел я, отряд послушно остановился. Рыцари опустили ладони на рукояти мечей, а лучники схватились за луки. — По непроверенным, но заслуживающим доверия данным, вон там Тихое Болото, да?

— Точно, — подтвердил Харальд.

— Объедем, — решил я. — Сегодня там что-то сидит очень голодное. Харальд, а эта дорога ведет к реке?

— Да, ваша милость.

— А через реку брод?

— Как раз дорога к нему и ведет!

— Ехать осторожно, — предупредил я. — По тем же данным, вблизи реки появились зыбучие пески. Как раз по дороге.

Харальд нахмурился, в глазах недоверие, но поехал вперед, захватив трех лучников.

Болото обошли по дуге, а гора, мимо которой едем сейчас, в былье времена была, чувствуется, одним монолитом, чем и гордится, сейчас же время и дожди исхлестали до трещин, доказывая на примере, что вода в самом деле любой камень точит. В щели вцепились корнями кривые, ужасно жилистые деревья, корни у них цепкие, толстые, похожие на удавов, заползающие в любую щель, не то разрушающие камни, не то, напротив, скрепляющие всю эту

массу глыб в единое целое, подобие рыцарского замка одинокого и очень горного барона.

Прячась от нас, за деревьями бежит очередная лесная речка, трусливая, как заяц, живучая подобно кошке. Ее пытаются остановить, придушить, искромсать падающие от старости деревья-великаны, скатывающиеся с горы тяжелые камни, но она все бежит, оставляя на острых сучьях клочья пены, подныривает под деревья и, сопя от натуги, прорывается, как дикий зверек, дальше, пугливо огибает огромные глыбы, хоронится от всех, а сама все набирает силы от родничков и ручьев.

Мы потеряли ее на пару часов, а когда то ли сделала крюк, то ли мы обогнули холм, с ревом и грохотом выбежала чуть ли не навстречу, выжившая, сильная, понеслась к видневшимся далеко-далеко ярко-красным черепичным крышам не то маленького городка, не то разросшегося села.

Именно здесь дорога пошла к этой широкой реке, на мереясь одолеть ее вброд. Харальд и трое лучников выехали вперед, швыряли перед собой камни, подбирали и снова бросали.

Когда уже казалось, что все благополучно, один из лучников испуганно вскрикнул. Камень упал на твердую, покрытую пылью дорогу, выжженную и утоптанную копытами и укатанную колесами, даже вроде бы подпрыгнул и... беззвучно утонул.

Они остановили коней и принялись бросать камни, отмечая опасное место. Я с тремя рыцарями проехал медленно дальше, а все лучники слезли с коней и камнями огораживали так внезапно появившиеся зыбучие пески.

Зигфрид принялся рассказывать про странствующую проплешину, что вот так двигалась через его родные края, когда он был еще маленьким, в ней исчезало все, и даже приглашенный из города епископ ничего не мог сделать. Также оказались бессильными и все маги, колдуны, чародеи и волшебники.

— Вся надежда на странствующих рыцарей, — заявил он гордо. — Отвага решает все!

— Но как же, — проговорил Харальд озадаченно, — как же... если даже непонятно, с кем драться?

— Настоящий рыцарь — найдет, — ответил Зигфрид гордо. Он оглянулся на меня в поисках поддержки. — Не так ли, сэр Ричард?

— Да, — согласился я, — такова жизнь. Пройдешь один квартал... в смысле лесок, завернешь за угол — и там всегда есть место подвигам.

— Вот видишь, — сказал Зигфрид Харальду победно.

Харальд вздохнул:

— Да, жизнь такая. Все, что ни к лучшему, то делается... Иные вышли в люди из нелюди. Вот и приходится...

— Все мы братья по крови, — согласился я. Уточнил: — До первой крови.

Дважды я видел поднимающиеся дымки, на пожары не похоже, явно костры, а когда увидел третий, удивился:

— Это что же, на природу людей потянуло? Партия зеленых куда смотрит?

Харальд не понял, обратил ко мне изможденное, все еще злое и голодное лицо:

— Вы о ком, ваша милость?..

— Ну, мы уж точно не зеленые, — сказал я. — И не вегетарианцы-сыроеды. Вон уже третий дымок!.. Если это путешественники, то, во-первых, слишком густо прут, во-вторых, проще добраться до города, там отель с чистыми простынями и теплыми служанками.

Харальд презрительно отмахнулся:

— Никчемные людишки!.. Господь повелел людям в поте лица своего добывать хлеб насущный, а они надеются на...

— Халяву? — подсказал я.

Он не понял, но переспрашивать не стал, в литой воинской голове две мысли одновременно не умещаются, кивнул:

— На удачу надеются, последнюю надежду никчемных. Здесь, под нашими копытами... простите, под копытами

наших коней когда-то был богатый и огромный город. Простирался на мили и мили. А так как в древности все были могучие колдуны, то никчемы надеются отыскать их волшебные вещи. Правда, копать приходится глубоко... Не понимаю, почему все древние города ушли под землю? Каякая могучая магия заставила осесть на такие глубины?.. Слышал в детстве, что однажды в одном селе копали очень глубокий колодец, но воды все не было. Когда уже хотели бросить, наткнулись на гладкий камень, сдвинуть не удавалось, начали окапывать, обнаружили прекраснейшую статую женщины, но и ее вытащить не удавалось. Потом поняли, что на пьедестале, начали копать дальше и глыбже. Из других деревень пришли помогать, но пьедестал оказался длинным... в смысле высоким, а когда начали окапывать с боков, земля обвалилась... Люди чудом остались живы, пошли слухи, что это статуя богини счастья, где она будет стоять, тот город будет защищен от бед...

Я спросил заинтересованно:

— И что с той статуей? Так и осталась под землей?

— Так и осталась, — ответил Харальд со смешком.

Правда, на том не кончилось. Из города пришли люди побогаче, выбрали всю землю, раскопали шире и глубже, но пьедестал все тянулся и тянулся вниз, а просто сломить статую не удавалось: из какого-то особого камня, как умели делать древние, и с пьедесталом была одним целым... Словом, плонули и городские, наконец слух дошел до тамошнего короля. Прислал целую армию рабов, инженеров, те выкопали огромный котлован и обнаружили, что это не пьедестал, а длинный как игла шпиль, установленный на крыше здания. Сколько в здании этажей — непонятно, дoryлись только до крыши. Сообразили наконец, что под землей погребен целый город! А эта статуя — на крыше самого высокого здания. Понятно, начали копать еще старательнее, но...

Я попытался представить масштабы раскопок, ужаснулся, переспросил:

— И как?

Он отмахнулся.

— Дожди, снега, пыльные бури — все это только тормозило раскопки, но не прерывало. Но когда старый король умер, молодой снял половину людей, надо было строить стены вдоль границы, в королевство вторгались неведомые враги... Лет двадцать длилась война, молодой король погиб, а его младшему брату не до раскопок, ими занимаются в благополучное время, когда все сыты и не надо воевать. Так что все забросили. Да и как докопаться, если остальные дома еще глубже, чем то здание?

Я попытался припомнить масштабы раскопок Геркуланума и Помпей, но не смог, да и не тот масштаб, здесь все наоборот: как если бы древние римляне пытались раскопать засыпанный полностью Нью-Йорк. А также пытались бы использовать найденные при раскопках колеса и диски от автомобилей, нержавеющие ножи домохозяек, что никогда не тупятся, особо прочные сковородки, работающие карманные фонарики... А уж для колдунов находка любой аптеки так и вовсе неслыханное сокровище...

Глава 2

Деревья тряслись, над верхушками с криками носились птицы. Я насторожился, треск все громче, а деревья вздрогивают все ближе и ближе к опушке...

Харальд удивленно охнул, в лесу мелькнуло серо-зеленое тело, деревцо затрещало и сломилось, а через упавший ствол переступил не то стегоцефал, не то буцефал, тупо посмотрел в нашу сторону, явно ослепленный ярким солнцем, под массивной нижней челюстью колыхается двойной подбородок банкира или председателя трансконтинентальной корпорации.

— Такого крупного давно не видел, — сказал Харальд с удовлетворением. — Это ж где он прятался?

— Отдыхал, — предположил я. — Багамы осточертели, восхотелось средней полосы...

— Они, наверно, быстро растут, — сказал вежливо ви-

конт Теодерих. — В прошлом году, может, был не больше барана... наверное. Вот и не замечали.

— Ну да, скажи еще — ящерицы!

Алан вскричал зычно:

— Дорогие друзья, позвольте показать вам, как сражаются с ними рыцари далекой Динамюндэ!

Я залюбовался, когда Алан опустил копье, направив острие на динозавра, опустил забрало и ринулся в атаку. Могучий жеребец, сам как носорог, да еще и в пластинчатой броне, несется с жутким грохотом, земля дрожит, Алан слегка наклонился вперед, щит на левой руке красиво прикрывает бок, красный плащ крестоносца развевается по ветру, солнце играет на металлических доспехах, высвечивает гордый герб.

И хотя динозавр крупнее впятеро и тяжелее вдесятеро, однако Алан против него все равно что крутой рейнджер перед массивным, но рыхлым новичком, пусть даже по-деревенски сильным.

Динозавр двигался неспешно, на всадника смотрел с ленивым любопытством, как человек смотрит на бегущую навстречу жужелицу. Вытянутое далеко вперед острие копья коснулось груди динозавра, в то же самое мгновение, как мне показалось, Алан чуть-чуть повернул коня, и они пронеслись мимо, сделали полукруг, постепенно замедляя бег, а динозавр все еще идет, из груди торчит половинка копья.

Я машинально поискал взглядом другую половинку, потом сообразил, что она там, внутри, в огромном, заполненном мясом и костями кожаном мешке. Алан, успокаивая боевого коня, что хрипит, поводит налитыми кровью глазами и явно рвется добить зверя копытами и закусать насмерть, подъехал к нам, поднял забрало.

— Ну как? — спросил он хвастиливо.

Лицо сияющее, глаза блестят счастьем.

— Великолепный удар, — согласился Зигфрид. — Острие могло бы пробить любую защиту дракона, но сэр Алан

всадил точно между костяными пластинами, что увеличило проникновение... Думаю, сердце насквозь!

Динозавр все шел и шел, наконец передние ноги подогнулись, упал на колени, а задние сделали еще несколько шагов, пока и до них добрался сигнал, что пора склеивать ласты. Харальд и виконт Теодерих присоединились к поздравлениям.

Я спросил с беспокойством:

— Надеюсь, у этого дракона нет ничего ценного?

Алан не понял, а Харальд потряс головой:

— Нет-нет, ваша милость! Это только у летающих драконов ценится чешуя. И когти. Зубы тоже, конечно. А это простой дракон. Он траву ест...

Оглянулся на Алан, чья улыбка чуть-чуть померкла, я сказал подбадривающее, именно так и завоевываем преданность:

— Ну и что, если травоядный? Вон быки и туры тоже траву едят, а сколько людей побили да покалечили? Сэр Алан своим подвигом спас немало людских жизней, как если бы остановил шахида...

Алан взглянул на меня с великой благодарностью.

— Не останавливаемся, — добавил я, — не останавливаемся. Если будем есть печень каждого убитого зверя, мы никогда не объедем владения Одног... мои новые пределы.

Впереди тревожно каркали вороны, ветер донес конское ржание и топот копыт. Все насторожились, я послал Зайчика в галоп, проломился через воздушную подушку и затрещавшие кусты.

На длинной вытянутой поляне бьется упавшая лошадь, несколько всадников торопливо улепетывали, спешно настегивая коней. Мне послышался стон, подъехал к раненой лошади. Под ней, почти скрытый ее могучим телом, лежит придавленный всей конской тушей человек в очень странной одежде, с непокрытой головой.

Я соскочил на землю, придавленный увидел меня, прокрипел:

— Рыцарь... Хорошо... Запомни, Адальберт украл Кристалл Огня... Вернуть необходимо... Теперь это на тебе...

— Ну да, — сказал я бодро и опустился перед ним на колени. — Сейчас вытащим тебя из-под коня... потом подлечим, если ты ранен...

Он молчал, глаза странно застыли.

— Эй, — сказал я с натужной бодростью, — не спи, замерзнешь.

За спиной послышался топот, я не оглядывался, узнал стук копыт Зигфрида, у него после моего и Гунтерового самый быстрый конь, потрогал придавленного за плечо. Пальцы ощутили тугое мясо, кем бы ни был незнакомец, но человек не слабый...

Зигфрид покинул седло, подбежал. Через кусты проламывались новые всадники, соскакивали на землю, быстро стащили с раненого конскую тушу и разорвали на нем одежду. Я охнул: в животе незнакомца огромная рана, кровь залила землю, теперь понятно, почему замолк и почему мои пальцы не ощутили отклика раненой плоти.

— Что-то успел сказать? — спросил Харальд.

— Какой-то Адальберт украл Кристалл Огня, — отмахнулся я. — Эх, надо было мне сразу... Может быть, еще успел бы... Я же не видел раны!

— Не терзайтесь, мой лорд, — сказал Алан торжественно. — Он умер как мужчина: в дороге!.. Это очень важно, чтобы не в постели, когда дряхлый старик, что подняться не может, а ему подсовывают горшки... И, без сомнения, этот человек был знатным рыцарем, хотя ехал без доспехов, взгляните на его одежду, на его исполненное достоинства и величия лицо! Говорите, Адальберт украл Кристалл Огня?

— Да, — ответил я, погибший лежит в свободной позе, на лице умиротворение, словно жуткая боль от смертельной раны отступила перед осознанием, что умер... не зря? Или что-то еще?

Зигфрид посмотрел на меня внимательно:

— И что сказал еще?

Я пожал плечами:

— Да ничего. Только и того, что Адальберт украл Кристалл Огня. И что теперь это дело на мне.

Он присвистнул, наступила тишина. Я огляделся, все смотрят на меня одинаково: сочувствующе, понимающе.

— Что ж, — вздохнул Алан. — Воля умирающего священна. Получается, это благородный человек.... А что благородный, в этом нет никакого сомнения, поглядите на него еще раз... этот благородный человек переложил бремя на ваши плечи, ваша милость.

Я отмахнулся.

— Что значит «переложил»? Я не собирался принимать.

— Так вы отказались? — спросил Алан.

— Не успел. Он уже умер.

Он в задумчивости потер щетинистый подбородок, послышался скрип.

— Плохо дело...

— Почему?

— Вы ведь паладин, — сказал он со вздохом. — А паладины всегда держат слово.

— Я не давал ему слова!

— Но и не отказались? Значит, согласились. Теперь вы уже понимаете, что как бы ни искали оправдания... думаю, даже неустрашимые паладины иной раз хотели бы отдохнуть от тяжести своего долга... однако вы приняли последний вздох этого человека, стали наследником его воли, его незаконченного дела. Возможно, подвиг! Хорошо бы, конечно, последнее. Он сам не будет знать покоя, пока не закончите то, что он... делал.

Все молчали, сопели сочувствующе, но во взглядах было одинаковое: да, сэр Ричард, мы вам сочувствуем, однако воля умирающего — священна. Теперь вы обязаны, повязаны...

Я сжал зубы, чувствуя глупость и чудовищную нелепость этого мира. Мало того, что на меня, оказывается, автоматически возложены какие-то обязанности уже тем,

что я принял волшебные мечи... хотя не представляю еще, что за мечи и в чем их волшебство, так еще и этот долг! А я еще, может быть, и за те гномы геммы не рассчитался!

Это мне, человеку очень комфортного мира, где мужчины не хотят принимать никаких обязанностей, даже феминизацию придумали, чтобы одним махом уменьшить их сразу наполовину, но и оставшиеся не хотим нести: увиливаем от уплаты налогов, от службы в армии, женщины у нас должны уметь защищаться сами, даже провожать их вечером нам либо лень, либо страшно...

— Да, — выговорил я с трудом, — да... Он так сказал. Я не отказался. И... не отказываюсь. Но я буду последним идиотом, если вот прямо щас ринусь отнимать у некого Адальберта этот Кристалл Огня. И где этот Адальберт? И куда я должен деть этот Кристалл Огня?

Алан сказал осторожно:

— Думаю, что, когда кристалл будет у вас в руках... вы узнаете.

— Хорошо, — ответил я раздраженно. — Я не отказался и не отказываюсь. Но сперва завершим объезд моих земель, я посмотрю, что нужно для их укрепления, потом у меня суд, затем я отправлюсь на турнир... а тогда посмотрим.

Рыцари переглянулись, но их глазам я понял, что все верно, это у мальчишек ветер в голове, могут сразу уря-уря, а такие солидные сеньоры, как я, хоть и очень молодые, но... солидные, знающие, сперва завершают неотложное, потом — срочное, а уж затем отправляются в долгие странствия, ибо как каждый христианин стремится хоть раз в жизни побывать у Гроба Господня, так и рыцарь всегда и всеми фибрками рвется в самый дальний поход.

Похоронив рыцаря, мы забрали его меч и щит, некоторое время ехали в суровом молчании. Потом ко мне приблизился Харальд, в глазах приличествующая слушаю печаль, но лицо начинает расплываться в довольной улыбке.

— Взгляните, ваша милость! Вот это теперь тоже ваша деревня!

Справа от дороги несколько домиков, поля, сады, небольшое стадо коров на зеленом лугу, уйма водоплавающей птицы в озере.

Я отмахнулся, хотя только что хотел проехать по единственной улице, уперши левую руку в бок и горделиво посматривая на кланяющихся простолюдинов.

— Наша цель — оборона. Как я понял, вон за теми огородами уже не наша земля?

— Нет, надо еще до речки, там хороший луг, а вон те холмы уже на земле Герцикэ. Теперь уже он ваш сосед.

— Кто он?

Харальд подумал, сказал осторожно:

— Я знал его хорошо, но после того семь лет пробыл в темнице. Хотя не думаю, что сэр Герцикэ изменился уж очень. Вообще-то он не слишком воинственный. Земли у него бедноваты, зато медные и серебряные рудники, занимается торговлей, поэтому Одноглазому не был соперником, хотя со сменой хозяина всякое может быть...

Пока он рассказывал, деревушка уплыла за спину. Осталось впечатление, что хотя Одноглазый и обдирал своих как липок, молодых девок забирал в замок на бесчестье и поругание, а парням давал копья и посыпал в бой впереди своих отборных солдат, однако село не бедствует: земля богатая, урожаи высокие, в огородах полно корнеплодов, в лесах видимо-невидимо дичи, а в реках и ручьях — рыбы, в каждой семье не меньше десятка детей, а это значит, что людского материала на любые глупости хватает.

Солнце склонялось к закату, я ощутил, что снова отрываюсь от сопровождающих, у них же кони, просто кони, а у меня черный единорог, который, как сказал Рихтер, не рожден, а сотворен. Что это значит, и сам не знает, но главное, такой конь скакать может сколь угодно долго, без устали.

На турнир, кстати, многие являются тоже на чудесных косях, с чудесным оружием. И хотя, как рассказывают знатоки, турнирное поле освящается священниками, а то и самим епископом, но вроде бы запрещена только нечистая магия, а чудесное оружие вполне работает. Вряд ли это

правда, церковь всегда старалась ограничить, а то и запретить распространение оружия, даже самого простого, как-то луки и арбалеты, но воинский дух в человеке слишком силен, слишком... Не думаю, чтобы церковь преуспела так уж во всем.

Харальд догнал меня на взмыленном коне, крикнул задыхаясь:

— Ваша милость, берите правее!..

Далеко впереди над землей темнеет облачко. Не то непрятный стог сена, не то грязная тучка опустилась и не может оторваться от почвы.

— Опять? — спросил я.

Харальд спросил встревоженно:

— А что, уже видели такие?

— Да, — ответил я. — Гунтер показывал. Тоже свернутые королевства?

Он сказал торопливо:

— Не знаю, но когда я... словом, семь лет назад здесь была только грязная лужа, а над ней черный туман. Но стоило забрести зверю или человеку...

— Понятно, — прервал я, — значит, постепенно разрастается? К счастью, не слишком быстро.

Мы ехали шагом, нас догнали остальные, Зигфрид и Аллан пристроились справа и слева, виконт Теодерих остался с лучниками, все смотрели на темную тучу без страха и даже без любопытства.

То-то и оно, мелькнула мысль, что зона Тьмы разрастается очень медленно. Настолько медленно, что человек привыкает, он видит, что полям угрозы пока нет, а будет только грозить внукам или правнукам. Сейчас же нужно обходить эти опасные места, вот и все. Как обходят болота или зыбучие пески.

— Откуда они взялись? — пробурчал Ульман брезгливо. — Я еще помню, когда таких гадостей не было.

Харальд ответил тревожно:

— Началось, если не врут, с руин Крепости Горзана. Не знаю места хуже, если сказать правду. Говорят, что кре-

пость стояла еще до Древних королевств?.. Весь мир мёнялся, словно бабочка, вылезающая из кокона, только эти руины уже тогда были руинами! А может, и не руины во все, а раньше так строили?

Ульман возразил:

— Не заговаривайся, Харальд! Это же люди строили, а не жуки какие-нибудь! А люди всегда строят одинаково.

— Да? — спросил Харальд с сомнением. — Это жуки строят одинаково, а человек такое иной раз удумает, что куда там жукам... Еще говорят, что в тех руинах даже не магия, а что-то вообще черт знает что. Еще более древнее и подлое, чем магия. А если и то считать магией, то совсем уж будто и не людьми накликанная.

Зигфрид морщился, двигал складками на лбу, наконец произнес веско:

— Насчет древней не знаю, но разве не про эти руины рассказывают, когда Берtrand de Самонский зашел помочиться, оставив оруженосца снаружи, а вышел седым старцем. И еще уверял, что провел там тысячу лет. С другой стороны, из этих руин, помню по детским рассказам, вышли Призрачные Всадники, а следом туча саранчи! И не-понятно, где они все там помешались... Раз в год над этими руинами собирается среди ясного неба туча и долго бьет молниями в эти черные камни. Священники говорят, что святые ангелы Господа выжигают нечисть, иначе расплодилась бы так, что заполонила бы весь мир!.. И вы хотите, чтобы мы пошли к этим руинам?

Харальд слегка покачивался в седле, худое лицо с заостренными чертами обращено вперед, в глазах поблескивают грозные огоньки. Оранжевые лучи золотят бледную кожу.

— Руины не опасны, — возразил он. — Сотни смельчаков заходили в них и выходили спокойно. И ничего с ними не случалось.

— Это все зависит... — сказал Ульман, — да, зависит... от чего, никто не знает. Может быть, в полнолуние... или когда какие-нибудь звезды сходятся, тогда и случается...

— Что?

— Не знаю, — огрызнулся Ульман. — Но это бывает редко. А во все остальное время это просто руины. Ничёго волшебного.

Нас догнал Тюригем, прислушался, спросил ядовито:

— А сохранность? За то время, что они стоят уже как руины, горы от старости превращаются в песок! А насчет того, что ничего не случается с теми, кто оттуда выходил, это как сказать...

Он умолк, в задумчивости смотрел вдаль. Ульман толкнул его в бок.

— Ну, не спи!

— А еще неизвестно, — договорил Тюригем, — в самом ли деле не изменились. Вдруг изменились внутри?.. Или так, что заметно будет только в детях или даже во внутрьках?

Голоса стали громче, раздраженнее, я подумал, что если в самом деле изменения происходят с отсрочкой во времени, то тогда их и не свяжут с руинами. Тюригем совсем не дурак, до такой мысли еще надо додуматься. Вон Ульман прост, но люди такого сложения всегда просты, как два рубля.

Глава 3

Область черного тумана проходит совсем близко, оставаясь по левую руку. Здесь она отожрала места еще больше, чем в мою первую встречу, разве что там туман над болотцем, хоть и мелким, а здесь висит на траве, не касаясь земли. Пригнувшись, можно увидеть, как стебли трав исчезают вершинами в клубящейся черноте.

Лица у всех тревожные, слишком уж близко едем. Я подал коня еще ближе, Харальд предостерегающе вскрикнул, нахмурился.

— Ничего, — сказал я успокаивающее. — Я ведь паладин...

Вблизи черная стена выглядит, как ни странно, еще

плотнее. Это издали можно принять за слабый туман, что развеется под первыми же лучами солнца, а вблизи похож на монолит из черного гранита. Даже на стену из смолы. Ощущается некое свечение, словно пытается отразить солнечные лучи. У самого основания клубится туман, а когда я приблизился еще, с изумлением рассмотрел взвихренный песок. Стена не соприкасается с землей, из тумана совершенно беззвучно бьют ледяные струи, вымораживая землю. Вместе с песком взлетают редкие снежинки. Солнечные лучи проникают не дальше, чем на расстояние вытянутой руки, я весь превратился в слух, конь как будто все понял, ступает неслышно.

— Ваша милость, — сказал Харальд.

Зигфрид засопел, буркнул:

— Сэр Ричард, это ребячество! Одно дело — сразиться с драконом, другое — утонуть в болоте. Или на этой траве что-то стряслось... Какой уж подвиг?

— Да, конечно, — ответил я.

И... как-то неожиданно для себя подал коня еще чуть в сторону. Пахнуло холодом, донесся отдаленный вскрик, словно бы закричали от меня за несколько миль, я напряг мускулы, ну что за дурак, кому и что доказываю, что у меня за рефлекс, надо вернуться... однако сидел неподвижно, а конь все шел и шел ровным шагом.

Мы продвигались в абсолютной темноте. Я поднес руку к глазам, но лишь когда коснулся, ощутил пальцы. Да и то как-то странно, смещенно, словно то ли мое лицо сдвинулось на метр в сторону, то ли пальцы стали шероховатыми до плотности копыта. Тьма не рассеивается, уже хотел повернуть коня обратно, как вдруг чуть сбоку впереди наметился просвет... точнее, тьма показалась реже.

Конь тут же повернулся туда, через несколько мгновений тьма отступила, я выехал на залитую лунным блеском бесконечную унылую равнину. Воздух холодный, но терпимый, под копытами хрустит снег, едва-едва покрывает бабки. Из плоской, как застеленная белой скатертью поверхность стола, земли торчат голые камни. Звезды мел-

кие, злые, колючие, но их множество, а луна чересчур крупная, со странным рисунком. Я не помню, какая на самом деле, никогда не приходило в голову запоминать, но сейчас сердце участило удары в ужасе: не моя привычная луна, не мои звезды! Хотя на привычном небе я не отыскал бы ни одной звезды, даже Полярную не найду, но сейчас абсолютно уверен: это не мои звезды, не мое небо.

Сердце билось все медленнее. Холод сковывает от кончиков ушей до ног, но хуже холод, охвативший внутренности. Внезапно стало все по фигу: и этот мир, и эта жизнь, и все-все, что есть на свете. И захотелось остро, чтобы все остановилось, чтобы наступил великий покой...

Впереди посветлело, пахнуло теплом, прступил, как через темную завесу марли, краснеющий небосвод, а ниже — темная зелень. Еще несколько конских шагов, и солнце ударило в лицо непривычно яростное, разгневанное, что по своей воле уходил в мир луны. Кровь закипела, спина выпрямилась, грудная клетка раздвинулась сама по себе, хотя мясо от жары едва не ползет, как воск со свечи.

Издали донеслись ликующие крики:

- Сэр Ричард!..
- Сэр Ричард де Амальфи!
- Слава сэру Ричарду!

Земля загрохотала под копытами, отряд оказался рядом в мгновение ока. Меня окружили, лучники смотрят с суеверным страхом, а Зигфрид, Аллан и виконт де Теодерих хватали меня руками, мяли, щупали, не веря, что возможно вот так преспокойно въехать в этот неземной туман, теперь я уверен в его неземности, и так же спокойно выехать с другой стороны.

Я вскинул руки, взглянул на заходящее солнце. Почудилось, или до въезда в туман оно было значительно выше?

— Тихо, тихо! Напомните, какой сейчас день?.. Много времени прошло?

Гробовая тишина обрушилась внезапно. Лицо Зигфрида, он ближе всех, побледнело, будто разом выпустили всю кровь. Остальные крестились, шептали молитвы.

Алан проговорил нетвердым голосом:

— Для нас прошла малость... А сколько для вас, сэр Ричард? Вы там пробыли дни или недели? Может быть, годы?.. В каких королевствах странствовали?

Я поглядел на них, покачал головой:

— Все в порядке, все в порядке. Харальд, мы далеко от какого-нибудь села? Ладно, все равно такую ораву никто не прокормит. Вон там пара деревьев и ручей: остановимся на отдых.

Коней освободили от поклажи и седел, сами сбрасывали тяжелые доспехи, кольчуги, плескались в ручье, вода едва не шипит, попадая на разгоряченные тела.

Лучники, действуя слаженно, быстро развели костер, освежевали добычу и сразу на трех вертелях жарили зайцев, олененка и большую утку, посмевшую пролететь над нами в отрыве от стаи.

Отца Ульфиллу снимали с седла втроем, патер в последнее время слишком много ездит, сейчас стоит отсапывается, на меня смотрит привычно исподлобья, с неослабевающим подозрением.

— *Ad cogitandum et agendum homo natus est*, — сказал я, — не так ли, святой отец?

Он ответил хрипло:

— *Ad gloriam...* Cave, сэр Ричард! Cave Божьего гнева!

— *Con amore*, — ответил я кротко. — Священники должны говорить *con amore*.

— *Errata*, — ответил он коротко.

Не глядя на меня, прошел к костру, переваливаясь, как толстая бегемотистая утка, с кряхтением сел на пень. Ему подали сыр и хлеб, но патер сперва отхлебнул из фляги добрый глоток вина, глаза не отрывались от вертела, где уже поворачивается над огнем тушка оленя.

Я, как сюзерен, возлег в тени дуба и, опервшись на локоть, благосклонно созерцал процесс приготовления пищи. Хороший процесс, намного более занимательный, чем если смотреть на балет или слушать Двадцатую симфонию.

Когда это наконец поняли и перестали стыдиться — все мы от обезьяны и Фрейда, — то даже в лучших ресторанах начали готовить на глазах едоков. Пусть смотрят и начинают глотать слюнки. Тогда и некоторые недоработки не так заметны.

Отсюда хорошо видно, как багровое небо постепенно лиловеет, как вдруг из медленной величавости прорывается зеленоватый луч, яркий, налитый огнем, рассекает небеса и уходит в безбрежные дали.

Харальд, как старший в отряде, если не считать рыцарей, распорядился, кому за кем нести стражу у костра, сам вызвался на самое трудное время, предрассветное, коней стреножили и пустили пастьись с другой стороны дерева, и все, кроме стражей, постепенно затихли, усталость взяла свое.

Я все еще не мог заснуть, в голове теснятся названия сел и деревень, теперь они под моей рукой, а это значит, что могу не только грабить, теперь это приняло форму налогов, но обязан защищать как от внешнего врага, так и в самих селах поддерживать такой климат, чтобы... чтобы все было хорошо.

Но если на своих крохотных землях ничего особенного и не встретил, только в самом замке много неясного, то здесь и свернутые королевства, и странные проплешины ночи среди бела дня, и странные рощи эндемичных деревьев...

Костер горел ярко, от него шел ровный сильный жар. Лучники уже спят, дозорные Рассело и Хрурт ушли к коням, я бездумно смотрел в пламя, потом вдруг, несмотря на упругую волну тепла, ощутил недобрый холод. Не сразу понял причину: я давно уже не подбрасываю хвороста, а жар все сильнее, пламя костра выше и выше, в то же время сужается, превращаясь в ровный светящийся столб.

В верхней части, где оранжевость переходит в красный цвет, затем в багровый и, наконец, совсем растворяется в ночи, начали двигаться сгущения, тени, там быстро возникали образы и тут же исчезали, я не успевал всмотреться, не стоячая вода, а быстрый огонь, наконец в пламени произошло упорядочение, возникла человеческая фигура, некто одетый очень странно держит в одной руке посох с

зажженной белой звездой на кончике, а в другой руке на ладони нечто вроде призрачного дворца.

Сердце мое колотилось бешено, я едва не опалил брови и волосы, бросившись рассматривать, человек тоже увидел меня и обратил ко мне лицо, я видел двигающиеся губы, удивление на странно удлиненном лице с высокими скулами.

Я почти сразу заснул, некоторое время плавал в блаженном ничегонеделанье, затем услышал за спиной тихий нежный смех. Я не успел повернуть голову, теплые ладони закрыли мне глаза, ласковый голос спросил прямо в ухо:

— Угадай, кто?

— Саня, — ответил я. Ладони исчезли с моего лица, она моментально оказалась у меня на коленях, а я обнаружил, что сижу на широком, богато убранном ложе, пахнет дивными ароматами, мои руки крепко обхватывают пышную талию. Роскошный зал, стол убран богатейшими яствами, но воспользоваться вряд ли успею, возбуждение уже нарастает...

Длинное платье Санегерийи приятно холодит мои голые ноги, высокий ворот укрывает ей шею, грудь старательно прикрыта.

— Что это ты такая целомудренная, — удивился я. — В жизнеописаниях святого Хилари есть моменты, когда ты появлялась перед ним вовсе голенькая... И святой Антоний говорит то же самое...

Она шутливо возмутилась:

— Клевета!.. Я всегда в рубашке, так интереснее. Если голая, то это была наверняка Габриэлла. Да, явно она, потому что аскеты, святые — ее конек. Она любит состязаться, любит трудный материал. А я не боец, если я не нравлюсь, сразу уйду. Если бы ты меня отверг, я бы ушла...

Я крепче сжал ее горячее податливое тело.

— Дурак я, что ли?

Сон в руку, подумал я недовольно, вытер ладонь о траву и заснул снова. Некоторое время где-то летал, но как-то урывками, ехал на коне посреди Тверской, на меня покри-

кивали из автомобилей, потом исчезли и конь, и автомобили, и вообще пропала Вселенная, я завис в странном многомерном мире, где нет ни времени, ни пространства, однако ничуть не страшно, я понимал, что все зависит от меня, вернуться могу в любой момент...

В пространстве пронесся вихрь, похожий на смерч, рассыпался в звездную пыль, и передо мной появился человек в белой одежде, все время меняющейся от греческих и римских тог до изысканных костюмов придворных щеголей нынешнего века.

— Выгляджу странно? — спросил он. — Это ваше воображение шутит. Во сне, знаете ли, все выглядит необычно... Не обращайте внимания на мелочи. Вы, сэр Ричард, умеете концентрироваться на главном.

— Стараюсь, — ответил я:

Пространство вокруг Князя Тьмы красиво пошло спиралью, звездная россыпь вытянулась в красивый рукав, мне показалось, что наблюдаю зарождение галактики.

— Во сне иногда приходят нелепые на первый взгляд решения, — произнес он, — но, как потом оказывается, единственно верные, не так ли?

— Бывает, — согласился я, — но чаще всего такая чушь в голову лезет! Потом стыдно бывает, что говорил и как себя вел.

Он неожиданно ухмыльнулся:

— Вы мне нравитесь, сэр Ричард. Я вам это уже говорил и сейчас повторю с удовольствием. Вы постоянно спорите, все подвергаете сомнению...

— Не всегда, — возразил я, он ухмыльнулся шире, я понял, тоже неохотно улыбнулся. Возможно, у моего поколения это рефлекс: слишком много в наши головы и души старались вбить со всех сторон: сперва родители и наставники, потом политики — правые, левые и всех цветов и направлений, общественники, а про рекламу вообще лучше молчать, чтобы не начать говорить словами, которые го-дятся только для надписей на стенах солдатского сортира.

— Мне нравится, что вы так умело и быстро взялись за решение... некоторых социальных проблем.

Я нагло ухмыльнулся:

— Я все равно бы это сделал.

— К чему вы это?

— К тому, что ни ваше одобрение, ни одобрение вашего противника ничуть не влияет на мои действия и поступки.

Он аристократически красиво приложил пальцы левой руки к ладони правой, обозначив аплодисменты. Вид самый победоносный, словно я делаю всю тютельку в тюльку, как у лилипутов, по его сценарию.

Я нахмурился, никто не любит, когда манипулируют, взглянул на спиральную галактику. В самом центре, где звездное ядро, проступает далекий огонек костра.

— Кстати, — поинтересовался я, — а что за смысл ставить вот эти разрастающиеся пятна заразы... как их только не называют, которые наносят ущерб? Пропадают коровы, исчезают люди...

Он кивнул, мол, понимает, что я перевожу разговор на другую тему, тоже посмотрел вниз, легонько сдвинул плечами. Мне показалось, что брезгливо поморщился.

— Дорогой Ричард, — произнес он с легким укором, — неужели вы тоже верите в бред, что эти области мрака — моих рук дело?

— Такую мысль допускаю, — ответил я осторожно, хотя только что не допускал, а был уверен, что пятна тумана — дело рук дьявола. Пояснил: — У нас один заокеанский король, называющий себя христианнейшим, сам тайно создавал отряды Тьмы из числа врага, натравливал их на своих же союзников, чтобы ослабить... а затем привязать к себе крепче.

Князь Тьмы улыбнулся:

— Опасная тактика. А дальше?

— Потом громогласно обвинял какую-нибудь страну, что это она создает или поддерживает отряды наемников, дает им пристанище... словом, вводит туда войска, грабит, подчиняет, ставит на престол послушных себе марионеток.

Он кивнул.

— Впечатляющая тактика. Надо будет принять на вооружение.

— Но если не вы....

Он договорил:

— ...то кто? Дорогой Ричард, на свете пока что много дивного и нами неконтролируемого. Нет, вовсе не потому, что руки коротки или мы не в силах. Просто некогда обращать внимание на всякую хрень, что нас не касается. У нас жизнь бьет ключом, какое нам дело до того, кто и с кем дерется в этих крохотных варварских королевствах, диких и невежественных? Для нас эти пятна мрака почти то же самое, что и... словом, все остальное на этом берегу.

Я спросил тупо:

— Но что это?

Он пожал плечами.

— Это ваши проблемы. Но если решитесь перейти ко мне на службу... прямо обещаю, что эту задачу решу для вас сегодня же. Будете знать не только что это, но и как справиться. А так вы меня просто оскорбляете! Поймите же, что такая ерунда, такая исчезающе мизерная мелочь... видите, я даже слов подобрать не могу, это не моего ранга. Я — идеолог! А эти области мрака, как и все материальное, — дело рук ремесленников. Всего лишь! Я, пожалуй, единственный во Вселенной чистый идеолог...

Я спросил коварно:

— А ваш основной противник?

Он пренебрежительно отмахнулся.

— Он начал как идеолог, с изящной и оригинальной концепции, я говорю о сотворении материального мира, но потом зачем-то сам же взялся ее осуществлять! Полагаю, это его крупнейшая ошибка. Вон даже его материальный сын и то палец о палец не ударил, даже записывать не стал свои перлы, это сделали после его смерти те, кто что-то запомнил. Все переврали, понятно.

— Ну да, — согласился я, — он же в рассказах отзывался о вас нелестно. Как вы подбивали его броситься с вершины скалы... Но есть идеологи, которые сами же и построили то, что придумали.

Он кивнул.

— Есть. Но ранг, ранг...

Теперь уже я пожал плечами:

- Кто спорит?
- Вы спорите.
- Как и вы, — отпарировал я.

Он засмеялся уже откровеннее.

— Вот видите, мы с вами два спорщика. Но я на вас не набрасываюсь, как некогда нас, заспоривших, низвергли... Я как раз считаю, что спорщики пусть будут. Пусть будут несогласные! Они вовремя укажут на уязвимые места в моих позициях, планах, рассуждениях. А я, вместо того чтобы настаивать на своем, постараюсь все исправить. Конечно, вовсе не для того, чтобы удовлетворить критиков, как они подумают, а чтобы укрепиться еще сильнее.

— Понимаю, — ответил я. Добавил злорадно: — Это как раз элементарно.

Он нахмурил брови, всматривался некоторое время очень пристально, вздохнул.

- Ах да, в вашем старом мире я уже победил.
- Не совсем, — возразил я.
- Но почти, почти.
- Да, — сказал я глухо, — это верно.
- Значит, мы и здесь идем верным путем!

Я развел руками:

- Всего лишь победным.

Он хитро прищурился:

- Не одно и то же?

— Нет, Владимир Ильич, — ответил я, — не одно. И вы это прекрасно знаете, господин Лойола.

Он умолк, смотрел все еще прищуренно, однако уже без всяких смешинок в глазах.

— Знаете, сэр Ричард, чем больше вас узнаю, тем больше уважаю... и восхищаюсь. И всякий раз хлопаю себя по плечу: молодец! Ведь вы, как ни крути, а продукт моей цивилизации.

Я нехотя наклонил голову.

— В какой-то мере. Боюсь, что в большей, чем в меньшей.

Он спросил напрямик:

— Вы собой недовольны?

— Что вы, — сказал я, — кто же собой недоволен? Все собой довольны! Недовольны бывают тем, как легли карты, но кто же себя винит? С вашей подачи, полагаю, у нас виноваты всегда другие. Родители, воспитатели, окружение, правительство, ученые, соседи, у которых на одну корову больше... Словом, не торопитесь записывать меня в свои сторонники.

— Почему?

— Просто не торопитесь, — повторил я. Добавил: — Маги моего королевства установили, что орган, ответственный за интуицию, находится у человека чуть ниже спины. Так вот я этим местом чую: не надо торопиться. Не надо.

Глава 4

Едва я зашевелился и приподнялся на локте, все зашевелились, кое-кто сразу сел, тревожно всматриваясь в алый рассвет. Зигфрид толкнул сонного сэра Алана в бок:

— Ты видел сон про семерых монахинь и пьяного рыцаря?

— Нет, — проворчал Алан.

— Зря, — сказал Зигфрид авторитетно. — Чудо, а не сон!.. Обязательно посмотри.

Ульман поднялся хмурый, злой, прорычал:

— Место тут... плохое. Приснилось, что жена изменила.

— Как? — спросил Тюрингем.

Ульман посмотрел на него зло:

— Тебе что, показать?

Тюрингем отпрыгнул, выставил ладони:

— Нет-нет, я спросил, как она могла, ты ж не женат!

— Да? Слава богу... Приснится же такая жуть!

Он плонул через левое плечо, трижды перекрестился. Все поглядывали на меня с осторожностью, но никто не решился спросить, почему это я бодрствую, сна ни в одном глазу, не случилось ли чего, не лежит ли в соседних кустах труп только что забитого дракона.

Позавтракали остатками мяса и сыра с хлебом, лучни-

ки подвели мне коня, выказывая усердие, хотя он и так подбежит по свисту.

Последним добудились отца Ульфиллу, однако патер в укор воинам первым взобрался в седло. Измученный, помятый, он смотрел тем не менее с вызовом на каждого, кто посмел бы обвинить его в изнеженности или толстомясости.

— Все готовы? — поинтересовался Харальд. — Костер загасить — и в путь!

К полудню, когда солнце поднялось к зениту, металл на плечах накалился, я ощущал себя раком, которого варят в собственном панцире. Спасительный лес остался позади, под копытами застучала сухая прожаренная земля.

Мелкая сухая трава, похожая на редкую серую щётку, незаметно исчезла, земля пошла твердая, как кость, встречный ветер несет сухой песок, похожий на поземку.

Сухая горячая пыль начала выедать глаза, забивается в рот, скрипит на зубах, сушит кожу. Когда я коснулся лица, кожа заскрипела, сухая, как пергамент, найденный в склепе фараона. Харальд и Зигфрид едут следом, абсолютно серые на серых конях. Даже блестящий металл доспехов покрылся пылью, словно каждая пылинка стала крохотным магнитиком.

Ветер время от времени поднимал с земли серые облачка, мы следили за ними настороженными глазами, как за врагом, и едва пыль несло к нам, поспешно зажмуривались, закрывались рукавами, боевыми рукавицами. За первый же час, как мы выехали из леса в эту неожиданную пустыню Гоби, мы так измучились, что уже через пару часов кони едва тащились, а мы пошатывались в седлах.

Я прохрипел:

- Теперь понимаю, почему здесь все еще белые пятна...
- Белые? — переспросил Харальд.
- Так говорится, — пояснил я. — В моих землях.
- А у нас их называют черными, — произнес Алан.
- И у нас, — подтвердил Харальд. — Белое... это перья ангелов, это непорочность дев, это смех ребенка... А здесь чувствуется зло, все еще живое, уцелевшее...

Я поежился, попытался припомнить, сколько же лет

требуется, чтобы радиация истощилась, тут же одернул себя, но что за дикарь, все меряю на свой аршин, здесь катастрофы намного грандиознее и, если можно так сказать, технологически продвинутее, чем примитивные термоядерные взрывы. О их последствиях глупо даже гадать. Во всяком случае, ясно уже то, что кое-где остались такие застрявшие осколки, как сгустки свернутого пространства, закапсулированные дыры в другие миры... то ли бывшие когда-то дверьми, то ли прорвавшие в результате катастроф мировую ткань пространства-времени...

Небо дышит зноем, от земли сухой жар, и между раскаленным небом и раскаленной землей все заполнено иссушающим жарким воздухом. Зигфрид то и дело прикладывался к фляжке, охал, постанывал, проклинал Юг, виноватый и в таком климате, мне так и чудилось в его восклицаниях знаменитое: до чего коммунисты страну довели!

Он первый заметил вдали двигающуюся точку, насторожился, одна рука вешает фляжку на крюк, а вторая уже проверяет, на месте ли меч:

— Какая-то нечисть... Прет в нашу сторону.

Я тоже проверил, на месте ли молот, меч, лук со стрелами, даже кинжал на поясе, кто знает, что впереди за чудище, стиснул ногами тугое конские бока.

Ульман, самый зоркий, присмотрелся, заметил неуверенно:

— Нет, это мы догоняем... Что-то неладное...

Зигфрид удивленно вскрикнул:

— Это человек!.. Но он совсем голый!

Кони пошли быстрее, мы держали руки на рукоятях мечей, а я еще и щупал молот. Через несколько минут путник услышал конский топот, остановился, обернулся. Это оказался совсем дряхлый старик, изможденный, кожа да кости, иссохший, идет босиком, но насчет одежды Зигфрид ошибся: из грязной и вконец обветшалой мешковины на нем набедренная повязка, а также отбеленный солнцем платок на голове. Да еще небольшой мешок за спиной, вместо ремня через плечо — толстая волосяная веревка.

Харальд крикнул повелительно:

— Не двигайся, кто бы ты ни был!..

Старик замер, я морщился, хотел было послать коня вперед, но уловил предостерегающий взгляд Харальда, да и вспомнил сам, как нечисть любит принимать личины простых путников, мирных странников.

— Кто ты? — спросил Харальд. — Ответствуй правду, иначе...

Старик кротко улыбнулся:

— Я монах из обители святого Леонарда Сайонтиста Блаженного.

— Это мы сейчас увидим, — сказал Харальд. — Стой!

Лучники заехали с обеих сторон и взяли старика на прицел. Я тоже чуть подал коня вбок, чтобы метнуть молот, не задев Харальда. Старик бестрепетно ждал, пока Харальд подъехал вплотную, показал старику крест, брызнул на него святой водой.

— А теперь прочти, — потребовал он, — Аве Мария!

Старик кротко улыбнулся, ответил:

— С превеликим удовольствием. А потом могу исповедовать тебя, сын мой...

— У нас есть кому нас исповедовать, — ответил Харальд с угрозой. Он оглянулся, отставший отец Ульфилла изо всех сил подгонял упрямого мула.

Молитву старики прочел уверенно, с чувством, улыбнулся беззубым ртом. Харальд кивнул:

— Ладно, поверим... Хоть никогда не слыхал о таком монастыре... Но как ты можешь в такой жаре? Что у тебя в мешке?

— Одежда, — ответил монах. — И некоторые книги.

Харальд вытаращил глаза:

— Одежда?.. Так чего же ты мучаешь себя... А, у тебя обет?

Монах покачал головой:

— Без одежды проще. Тело мое привыкло, лишний жир выпотпался, а кожа да кости переносят зной легко.

— Ладно, — сказал Харальд, — а какая нелегкая тебя несет на Юг? Или ты соглядатай? Вызнал в наших христи-

анских краях что-то важное, а теперь спешишь предать братьев своих?

Я помалкивал, не дело сеньора вмешиваться в дела простолюдинов, но ловил каждое слово. Подъехал отец Ульфилла, вытаращил глаза, побагровел, вскричал страшным голосом:

— Еретик!.. Господа Бога нашего отринул!.. Схватите и убейте!

Монах смотрел на него и всех бестрепетно, Харальд и лучники сделали движение схватить старика, а Тюрингем крепко взял за худое костлявое плечо.

Я проговорил как можно более равнодушно, чтобы любую мою оплошность могли истолковать как небрежность:

— Здесь, в этих странных землях, где вера Христа еще не укрепилась, нам дорог каждый христианин.

Отец Ульфилла заорал в ярости:

— Это еретик!.. Его надо сжечь!

— Здесь не на чем жечь, — ответил я резонно.

— Тогда просто убейте! Не дайте расползтись заразе!

Тюрингем, поглядывая на патера, вытащил меч, повернулся голову в мою сторону.

— Когда одолеем нечисть, — сказал я веско, — тогда и будем разбираться, кто из нас жид, кто бритоголовый, а кто и вовсе демократ, не к ночи будь помянуто. А сейчас у нас дружба народов и всех конфессий, ясно?

Все молчали, озадаченные, я спросил Тюрингема:

— Ты знаешь, что такое дружба конфессий?

Он вздрогнул, вытянулся, сказал быстро:

— Дружба конфессий — это когда все конфессии вместе, плечом к плечу, идут дружно и рука об руку... резать неверных!

Судя по лицам, всем определение дружбы конфессий понравилось. Я вздохнул.

— Оставь диссидента. Отец Ульфилла, разберетесь с ним после полной и окончательной! А сейчас каждый солдат в великой битве дорог. Aut vincere, aut mori.

Я благочестиво потупил взор и перекрестился. Отец Ульфилла яростно сверкал очами, но перекрестился тоже,

вдруг да я сказал что-то очень уж святое из речей самого Господа.

Тюрингем отпустил старика, я направил коня вперед. Следом застучали копыта. Я не оглядывался, чувствовал: старика не тронут. Как ни велик авторитет церкви в лице отца Ульфиллы, но власть сюзерена этих земель выше и реальнее.

По настоянию Харальда заехали по дороге в два села, что стоят рядом, довольно людные, огородившиеся как ямами-ловушками между болот, так и крепкими воротами на въезде. Стражу несут двое подростков, но, когда мы приблизились, десятка два мужчин, побросав дела, ухватились за луки и укрылись за высокими заборами.

Харальд издали помахал рукой, привстал в стременах, чтобы увидели и узнали, прокричал:

— Куница, ты еще староста?.. Это я, Харальд! Я снова правитель замка!

Мы ехали шагом, я все ждал, что вот-вот прозвучит крик: «Стой, дальше ни шагу!», однако нам позволили подъехать к воротам, а потом после небольшой задержки створки раздвинулись, загребая землю.

Из-за высоких заборов выглядывают дети, женщины боязливо посматривают из окон, мужчины уже на порогах с топорами в руках, кое-кто даже в доспехах, пусть кожаных, самодельных, однако добрых, из толстых шкур то ли троллей, то ли горных гоблинов, у тех кожа плотнее.

Навстречу вышел крепкий еще мужик, хотя голова и бородка почти белые, даже волосы в распахнутом вороте рубахи серебрятся, однако взгляд бойца, а руки крепкие, жилистые.

Харальд заговорил первым:

— Куница, сэр Гуинг пал в бою. Замок Амило отныне принадлежит сэру Ричарду Длинные Руки, вот он, преклонил колени. А я снова, как уже сказал, начальник стражи и управляющий замком, а также всеми землями Амило.

Я покосился в его сторону, но смолчал. Насчет земель ничего не говорил, это Харальд уже присвоил себе сам. То

ли с ним надо держать ухо востро, то ли мужик добровольно берет на себя больше нагрузки, чем возложил на него я.

Куница поклонился мне с такой натугой, что вот-вот спина переломится:

— Добро пожаловать... господин.

— Уже пожаловал, — ответил я. — Пока что ничего менять в вашей жизни не буду, так что расслабьтесь и получайте удовольствие. Как здесь насчет общественной тишины? Соседи не беспокоят?

Он снова поклонился, но уже чуть-чуть, ответил степенно:

— Соседи нет, не беспокоят. А вот проклятые тролли и гоблины захаживают все чаще. Не успеваем копать ловчие ямы. Уже идут разговоры, что надо бы ров, а еще огораживать село водой: нечисть, как известно, через воду не перебирается.

— А как же сами будете? — спросил я, потом сообразил, сказал вдогонку: — Ведь замаечесь опускать и поднимать подъемный мост.

Староста объяснил:

— Опасны только ночью, когда в селе спят. Чаще всего нападают не на людей, а на скот. Как и волки! А ночью мост всегда будем держать поднятым.

Я кивнул:

— Мудрое решение. Когда-нибудь доживем до времен, когда и ночами ходить вокруг села будет безопасно. Я, Ричард де Амальфи, приложу к этому все усилия. Теперь вы под моей защитой! На время копания этого рва освобождаю от всех налогов и поборов.

Они не сразу сообразили, что надо радоваться, смотрят настороженно, ждут подвоха, а я объяснил:

— Конечно, в замке понадобится еда, дрова и много всего, но за все будут платить!

На лицах появились неуверенные улыбки, я посмотрел на небо:

— Похоже, что к вечеру вернуться не успеваем. Харальд, загоняй ребят в седла! Поехали, поехали дальше.

Уже вдогонку нам выкрикивали благодарности и bla-

гословения, ребятишки побежали вровень с конями, самые смелые решались хвататься за стремена.

Рыцари за моей спиной весело переговариваются, с их точки зрения все пока хорошо, я же, выезжая на осмотр свалившихся на меня владений устрашенным, сейчас во-все чувствую на плечах гору.

Еще не разобрался с теми деревушками, что Роберта вернула, не укрепил, не обеспечил, а теперь такие просторы, что, как уже убедился, не оббежать и за сутки, это на автомобиле бы все за полдня, но на конях, эх... впрочем, не дело генералиссимуса входить в эти мелочи, его задача — поставить, так сказать, общую задачу. А я, не надо забывать, не только верховный правитель этого региона, я его судья; прокурор и адвокат, а также исполнитель приговоров.

Последнюю деревню посетили перед заходом солнца. Нет, деревни я велел пропускать, заезжали только в села, уже сбился со счета. В общем, с населением особых проблем нет: Одноглазого соседи побаивались, в его владения не влезали. Но еще неизвестно, что будет, когда соседи признают, кому замок Одноглазого принадлежит теперь, а также все его земли и все владения.

Пока что основная забота у крестьян — справляться со все возрастающим нашествием нечисти и нежити. Здесь они пока что лучше меня знают, что и как делать...

Харальда я отправил в замок Амило, а сами всем отрядом понеслись напрямик в сторону Амальфи, чтобы успеть до темноты.

Земля гремела под копытами, рощи выпрыгивали на встречу и суetливо проскальзывали за наши спины. Я несся впереди, стараясь не вырываться чересчур вперед, первым увидел далеко впереди на холме изумительный замок, горящий в лучах заходящего солнца, похожий на высеченное из непомерно огромного рубина произведение искусства.

Небо залито красным, а прямо над замком золотое облако, похожее на выкованную загадочную фигуру спящего зверя.

Я невольно остановил коня, первым догнал Зигфрида,

тоже засмотрелся на гордо вознесенные к небу остроконечные башенки. Лицо рыцаря стало удивленным и задумчивым одновременно, покачал головой.

— Что-то с волшебницей не то...

— А как надо? — спросил я заинтересованно.

— Да все из головы не идет, — ответил он честно, — как она к вам прибыла!

Я переспросил:

— А что особенного?

Он посмотрел, как мне показалось, с некоторым сожалением.

— Сэр Ричард, — сказал он проникновенно. — Она ж появилась одна. Одна, дорогой сэр! Без охраны. Ее можно было удавить голыми руками. Взять и удавить.

Я сдвинул плечами:

— Не все, что можно, делается.

Он покачал головой.

— Сэр Ричард, в этих краях опасаться надо всего. Любой, чтобы захватить замок соседа, пойдет на все, поверьте... А сейчас могло быть куда уж проще: взять за горло и слегка сжать пальцы. У нее такая тонкая белая шейка! Вот и достался бы удавившему замок и земли. Насчет взять и удавить — она самая лакомая! За других хоть родня вступится, а за нее — никто.

Я не отрывал глаз от ее замка. Сейчас он показался залитым огнем заката сказочным лебедем, присевшим во время перелета в рай на сером лугу, где обычно пасутся неопрятные утки.

— И что, не сумела бы защититься?

— Нет, — пояснил Зигфрид. — Если бы могли с собой таскать столько магии, сколько накопили в замках или в башнях, стали бы властелинами мира.

Я вспомнил свою старую квартиру со стальной дверью и тремя запорами, телескопическим глазком, домофоном, не говоря уже о внедомственной охранной сигнализации.

Человечек дома везде король, у многих даже ружья, в доме можно, а вот на улице, как в случае с волшебницей, мы все уязвимы не только для шахидов, взрывающих поез-

да и троллейбусы, но даже для обкуренного подростка с ножом за спиной.

— Значит, — сказал я с иронией, — по нашим мордам видно, какие мы bla-a-агородные!..

Он ухмыльнулся:

- Неужели видно издали?
- Поверила же леди?

Он хмыкнул:

- Бабы — дуры.
- Так она ж волшебница?
- Но все равно баба.

Я вспомнил ее раздумявшееся лицо, белую шею и вздымающуюся в негодовании грудь.

— Бери выше. Ее Величество Женщина!.. Ей бы королевой быть. Чего забралась в эту глушь?

Зигфрид подумал, пожал плечами, снова подумал, процесс сопровождался взмыкиванием и сдвиганием бровей, но нижняя часть лица оставалась неподвижной.

— Значит, — проговорил он туповато, — что-то где-то случилось. Такие женщины, вы правы, сэр, не для наших диких земель.

Застучали копыта остальных коней, я вздохнул и пустил Зайчика вперед. Отсюда даже я помню дорогу к замку Амальфи. Моему замку.

Глава 5

Солнце опустилось за край неба, краснота перешла в багровость, небо полиловело, готовясь стать темно-фиолетовым, когда щедро высыпают первые звезды, на этой неzemной лиловости появилась и начала вырастать громада моего замка.

Я смотрю критически, теперь могу сравнивать с разными типами и проектами, но замок хорош, неприступен, грозен и даже величав. Не потому, что мой первый замок, а значит — роднее других, даже замок Одноглазого еще не совсем мой, хотя и мой, но в Амальфи чувствуется некая мрачная изысканность, суровая лаконичность, отсутствие

лишних украшений, это как современная гаубица, что не нуждается в украшающих ее ствол единорогах и грифонах.

Ульман, самый зоркий, всмотрелся, прокричал:

— А в Амальфи идет монах!

Я пока видел крохотную человеческую фигуру, но Ульман и Тюрингем уже с жаром обсуждали, почему монах, откуда монах, священники в наших краях и то редкость, а монахи в церквях не живут, им подавай особые приюты, здесь же нигде ничего подобного нет, а это значит, что бредет очень издалека...

Кони и без того шли живо, фигурка начала увеличиваться, наконец монах услышал стук копыт, обернулся и отступил на обочину. Высокий, очень худой, кожа да кости, одет в простой балахон, голова выбрита, как у буддистского монаха, или же просто лыс, даже наверняка лыс, вон солнце отсвечивает от плеши.

Я замер, чувствуя, как внезапно преобразился мир, стал ярче, чище, умытее, светлее. Горизонт стремительно убежал в стороны, опустился, я ощущал себя на вершине мира, а со всех сторон вижу только блеск и величие. Под ногами все та же трава, но и не та: зеленее, ярче, хотя земля сухая и звонкая, как черепица, которой у моего дедушки покрыта крыша его загородного домика.

Из блеска и яркого света материализовался сверкающий ангел, с длинными золотыми волосами до плеч, словно и не еврей вовсе, из глазниц ослепительный свет, но мои глаза не щурятся, вижу все ярко и отчетливо, а в теле счастливая дрожь, как будто я — щенок, увидевший долгожданного хозяина.

Я всмотрелся в лицо, вздрогнул, с трудом взял себя в руки, но дрожь оставалась, только ушла глубже. Вместо глаз монаха — плашущее море белого плазменного света, а когда в улыбке приоткрыл рот, я не увидел зубов, а все тот же чистый плазменный свет, как будто монах весь из света, на который натянута смертная оболочка.

Плащ без украшений, вышивки, простой серый плащ, только на груди многолучевая звезда, скромная, но выполненная изящно, чересчур изящно для этого мира.

Взамен волны восторга, ишь, чуть не поддался двадцать пятому кадру, нахлынула волна стыда. Я выпрямился, взглянул сверху вниз, хозяин здесь я, а также судья и законодатель.

— Не спрашиваю благословения, — произнес я холодно, — так как не знаю Устава твоей церкви. Идешь с Юга?

Он кивнул, все так же глядя на меня плазменными очами. Сейчас, когда закрыл рот, я видел только два озера из белого огня. Алан проговорил дрогнувшим голосом:

— Монах церкви Ксенобрата...

Я ощущал, что монах смотрит не на меня, а на мой щит. Когда перевел взгляд на меня, лицо осталось неподвижным, маска, а не лицо, но я ощущал настойчиво пробивающийся ко мне вопрос: кто ты?

— Птица без перьев, — ответил я бесстрастно, — рыба бесчешуйчатая, тростник мыслящий, голая обезьяна, тварь дрожащая, что звучит и гордо, и трагически, потому — венец творения. А также всякая мелочь: я — царь, я — раб, я — червь, я — бог...

Лицо не менялось, из глаз плещется плазменное пламя, рот приоткрылся, там такой же свет, но теперь еще и два источника белого света из ноздрей, словно старается понять еще и органолептически, то есть нюхом.

Он произнес вслух:

— Это ваш замок?

А мысленно повторил вопрос: кто ты?

— Если бы я знал, — ответил я с раздражением. — Кто я и что делаю в этом мире? И для чего призван?

На этот раз он даже не стал задавать отвлекающий вопрос вслух, в моем мозгу сразу всплыло четкое: ты призван?

— Всяк призван, — ответил я уклончиво. — Для Господа нет сирых и убогих, как говорит нынешняя церковь, все равны... если бы она знала, что породит этим равенством! Словом, труба зовет всех, да только немногие слезают с печи, откликаясь на зов. Ладно, если есть желание отдохнуть и перевести дух, ворота моего замка распахнуты.

Рыцари с изумлением и страхом слушали странный разговор, Тюрингем с частью лучников поспешно направ-

вили коней к мосту. Я, не двигаясь с места, предупредил с холодком в голосе:

— Но только никаких штучек, понятно?..

В лице монаха ничего не изменилось, но мне почудилось, что в плазменном море колыхнулись волны, снова всплыл вопрос: кто ты, почему не отвечаешь?

— Я тот, — сказал я жестко, без жесткости в этом мире нельзя, сочтут интеллигентом и затопчут, — кто очень быстро хватается за рукоять меча. Или молота. А всякие гипнотические штучки на меня не действуют по причине толстокожести.

Тюрингем и трое лучников с грохотом послали коней по мосту, с ворот замахали стягом, я увидел крохотные фигурки, подбрасывающие шапки и вздывающие обнаженное оружие. Докладывают, что бдят, несут вахту, не разошлись по барам.

Ладно; сперва за исполнение обязанностей придется хвалить и поощрять, а потом Гунтер добьется, чтобы воинская служба вошла в кровь, в кости, чтобы нарушение выглядело святотатством. Кстати, надо воздействовать и отца Ульфиллу, пусть тоже понравоучает о богоугодности воинской службы и несения вахты как продолжения подвига Христова и всех подвижников и аскетов, заслуживших похвалу самого Господа.

Мы готовились въехать на мост, как тот же Ульман вскрикнул удивленно:

— Ого, еще один монах!.. Или не монах?.. Этот прет, напротив, с Севера!

Я остановил коня. Мелькнула мысль, что многовато вроде бы монахов в последнее время, потом вспомнил: на самом деле их отправлялось в дальние походы намного больше, чем странствующих рыцарей. И цели были схожие: нести свет веры диким народам, спасать души, а где-то и тела, ведь монахи сведущи и в лечении телесных недугов, но запоминаются вещи попроще, как-то: срубить голову дракону или великану, освободить принцессу или хотя бы графиню... Монахов, конечно же, гибнет намного больше, чем рыцарей, не всем везет в мессионерстве, не всем уда-

валось выжить, уцелеть, не отступившись от Слова Христа, кому-то удается придумать кириллицу, кому-то занести андреевский крест в Скифию, кто-то крестит готентотов и обращает в христианство Ефиопию, но большинство гибнет, гибнет, гибнет, прокладывая дорогу другим подвижникам.

Так что, если уж говорить правду, монахи совершили и совершают подвигов намного больше, чем рыцари всех времен и народов, если уж в самом деле говорить правду и только правду.

К нашему поредевшему отряду приблизился, сильно хромая, мужчина в сером драном плаще. Босые ступни выглядят бесформенно-серыми от налившей на кровь пыли. Крупное квадратное лицо иссечено ветрами и зноем, грудь широка, рожден быть кузнецом или кулачным бойцом, но вот выбрал дорожку поопаснее, серые, как весенний лед, глаза смотрят строго, требовательно, взыскующе.

Алан сказал строго:

— Тебе повезло, странник! Без хозяина этих земель тебя не впустили бы... даже если бы очень захотели. Приветствуй нашего доблестного сэра Ричарда, победителя драконов! И он тебе даст приют... может быть.

Странник поднял голову, наши взгляды встретились. В старом шерстяном плаще с капюшоном, сейчас откинутом на спину, подпоясан простой веревкой, штаны в заплатах, лицо мужественное, с высокими скулами и тяжелой нижней челюстью, крупный нос, морщинки у глаз. Волосы с сильной проседью, но густые, а выглядит хоть и очень не молодым, но в нем чувствуется неугасимое пламя.

Мне показалось, что очень уж всматривается в мое лицо, словно старается определить, к какому антропогенному виду отношусь. С запозданием поклонился, но не как господину, а просто человеку, который предлагает еду и кров. Монаха Ксенобрата как будто и не заметил, хотя такого не заметить трудно.

— Ты в самом деле с Севера? — спросил я.

— Да, господин.

— Здорово, — ответил я. — Север есть Север, а Юг есть Юг, и вместе им не сойтись... разве что в моем замке. Доб-

ро пожаловать, тебя накормят за новости, подыщут обувь...
Нет, не за новости, а так, по долгу гостеприимства.

Сзади стук копыт, это под охраной двух лучников подъезжает на взмыленном мule отец Ульфилла. Я поспешно махнул в сторону моста, моя команда меня поняла и, не давая патеру вцепиться в еретиков, которых, конечно же, подослал сам дьявол, чуть ли не на себе внесла его через мост в ворота.

Ликующие вопли сотрясали воздух, как гром салюта. В воздух взлетали женские чепчики, что само по себе здорово: праздник и вообще настраивает на игривые и веселые мысли, так как волосы женщина может обнажать только в особых случаях, и, к моему удивлению, женщина с обнаженными волосами выглядит очень эротично.

Я, дитя своего времени, сперва осмотрелся с подозрением: где это у меня что расстегнуто или слюни висят, не могут же вот так просто радоваться, потом решил, что другой хозяин отметил бы восхождение на трон районного значения новыми налогами, а я, наоборот, снизил, не страшась, что сочтут мягким и слабым, как вон обозвала леди Клавдия. Так что могут желать здоровья вполне искренне, хотя, конечно, я, как Карл Маркс, все подвергаю сомнению.

Во дворе нас встретили верхом в полных доспехах Гунтер, Джон — в прошлом Вернигера — и Джонатан, помощник оружейника, а также десяток пеших челядинов, которых Гунтер на время отсутствия воинов нарядил в доспехи. Гунтер выглядит молодцом, хоть и весьма потрепанным, Джонатан, худой и вытянутый, и на коне как тополь, выросший на пригорке, а то и смахивает на колодезного «журавля», зато когда Джон Вернигера при виде въезжающего в ворота сеньора взобрался на своего конька, тот застонал и напрягся, чтобы не прогнуться, пошире расставил все четыре. Джон, широкий, как амбар, с грудью, как каменные плиты, и брюхом, похожим на котел царя Арея, в котором готовили кашу для всего войска, смотрит на меня преданно, как огромная горилла, влюбленная в чистильщика ее клетки.

Я приветствовал всех взмахом руки, Гунтеру сказал одобрительно:

— Красивый конь. А где тот красавец, на котором ты ездишь со мной?

Его взор заволокло грустью, он проговорил с сильнейшей печалью в мужественном голосе:

— Увы, тот верный спутник пал.

— Как? — спросил я.

Он взглянул с укором.

— Ваша милость, как еще может пасть конь?

Я спохватился, вернулся мыслями обратно.

— Извини, я просто подумал, что курит, пьет, водит домой разгульных кобыл, устраивает непотребище...

Гунтер вздохнул:

— Если бы! Это я бы стерпел. В конце концов, мы с ним оба жеребцы, я его понял бы. А так в ваше отсутствие, сэр Ричард, я попытался успеть во все три села, чтобы наладить оборону, а конь у меня... гм... не такой, как у вас, дорогой сэр.

Я отдал Зайчика в руки набежавших конюхов, вскинул руки:

— Вот теперь можно в самом деле пир!.. Но только не увлекаться, не увлекаться! А то у нас одни праздники, как в России, работать некогда. Кстати, у нас гости, двое монахов... с разных сторон света. Лучше их принять и покормить в раздельных комнатах. А то все эти религиозные диспуты о Высоком и Духовном, когда слово за слово... гм...

В своих покоях я снял перевязь с тяжеленным мечом, оруженосцы Гунтера помогли разобраться с ремешками доспехов, грудь моя впервые вдохнула воздух свободно, как только обе половинки панциря с грохотом обрушились на пол.

Железа с рук, ног, головы и прочих частей тела набралось столько, что уносили три человека. А я все это таскаю один!

Забежала Фрида, быстрая и веселая, как лисичка, повела хитрыми глазками:

— Господину угодно ужинать в своих покоях?

— Да еще при свечах, — добавил я. Вздохнул: — Увы, надлежит быть с народом. Иначе доверия не будет. Я буду внизу, Фрида. А здесь только ополоснусь.

Она высунула голову за дверь, оставив для моего обозрения окружный вздернутый зад, что-то прокричала то-неньким звонким голосом.

— Что там? — спросил я.

— Сейчас принесут помыться, — сообщила она. Глаза ее, очень живые и любопытные, обшаривали мою фигуру. — Вам помочь раздеться, милорд?

— Да я уже раздеть, — сообщил я. Пояснил: — По нынешним меркам. Здесь мужчина без доспехов — уже голый, верно?

Слуги внесли тазик с теплой водой, я сбросил рубашку, Фрида тут же взяла ковшик и начала поливать мне на спину. Быстро освоилась лисичка, сообразила, что, когда власти нет, надо брать ее в свои руки. Уже распоряжается служами наверху, дает указания стряпухе, следит за порядком по всему донжуону.

— У вас хорошая спина, — сказала она одобрительно, — мышцы широкие, крупные... И совсем нет шрамов.

— Я их оставляю другим, — сообщил я. — Лей выше, на шею!.. И потри над лопатками, раз уж... Сильнее, еще сильнее...

Слуга смотрел с неодобрением, добрые христиане не моются, а богоугодные аскеты еще не обрезают ногтей, волос, живут в нечистотах, ибо к чистоте телесной стремились только язычники, которые сгинули под всесжигающим светом веры Христовой.

Глава 6

Ополоснувшись, я снова облачился в меч и молот: без доспехов и даже без штанов могу, но без оружия уже и я чувствую себя голым, спустился в нижний зал, где начался пир, а как же без него, пир — всему голова, а здесь это за-

мена и дискотекам, и казино, и театрам, и аквапаркам, и саунам с бабами.

Алан; виконт Теодерих и даже отец Ульфилла стали героями дня, рассказывая о нашем славном походе. Я слушал, дивился, какой поход, почему славный, потом понял, что впервые за долгие годы, а то и десятилетия, кто-то не стал обходить свернутые королевства, Черный Туман, пятна Чужой Ночи, а попрер напрямик через кишащие нечистью места, не стал прятаться от опасности... — Ну почему я должен прятаться, если это мои земли? — ...а все время с оголенным мечом, утверждая свое право на любой участок своей земли!

Отец Ульфилла больше напирал на помощь Девы Марии, ведь это ее молитвами и кротким заступничеством нам удалось и по опасным местам пройти, и врагов одолеть, и гнева Божьего избежать. Я не спорил, главное — результат, могу и поддакнуть, отец Ульфилла мне лично весьма не по нраву, но фанатики всегда симпатичны, а главное — олицетворяют церковь в этих диких краях.

Потом я велел рассказать, что случилось за время моего отсутствия, но все лишь разводили руками, тогда я велел рассказывать вообще, о чем говорили, какие темы на их форумах самые топовые. Выяснил, что в Амальфи, ессно, знают гораздо больше о натиске Юга, чем в моем Зорре. Для нас там все сводилось к войне с императором Карлом, однако же здесь говорили о Карле не больше, чем о Мунтвиге, о котором в Зорре даже не слышали. Мунтвиг прошел конную армию, не уступающую войскам Карла по численности, по землям Бурганта, Гиксии, Горланда и даже Бриттии, только в королевстве Шумеш столкнулся с не-приступной твердыней Эвергарт, там положил треть армии, пытаясь взять штурмом, ухлопал три года на осаду, наконец отступил с позором, разом растеряв всю славу удачливого полководца. Все говорили, что если бы оннаткнулся на Эвергарт в начале похода, то поступил бы мудрее и обязательно взял бы крепость, но блестящие победы то ли омрачили разум, то ли вознесли самоуверенность до небес, но после этого даже при отступлении он ухитрился

потерпеть два поражения от мелких и никому ранее не известных баронов Гольма и Кириана и в столицу вернулся всего лишь с небольшим отрядом телохранителей.

При отступлении Мунтвиг пошел через менее разоренные войной земли икельскольцев и эстенов, что, однако, обернулось потерями, а эстены, что были союзниками, возмущенные мародерством, встали на сторону баронов Гольма и Кириана, помогли нанести еще одно поражение.

Обсуждали горячо, страстно, оперировали массой подробностей, у меня голова пошла кругом, я огляделся, спросил:

— А что Рихтер?.. Он здоров?

Гунтер отмахнулся:

— Ваша милость, вы же его знаете. Если за ним не сбегать, то сам, хоть над ухом дуди, не услышит. Нет, не глухой, но, когда сунет нос в свои колдовские снадобья, совсем дуреет и все забывает...

Ульман привстал, спросил с надеждой:

— Позвать? Я его притащу!

— Пусть, — отмахнулся я. — Настоящий ученый не должен... словом, он пусть, как ему удобно. Хотя, конечно, непьющему приходится грызть гранит науки всухомятку.

Ульман сел, на лице разочарование, очень уж хотел хоть что-то сделать для меня, сеньора. А там, глядишь, и перескочить из оруженосцев Гунтера в оруженосцы самого сэра Ричарда.

Зигфрид вспомнил:

— А что насчет того монаха, что бредет с Севера? Он сказал, что прет в Святые Земли. Помните, ступни истер до крови? Фрида нашла ему старые башмаки по размеру, сейчас он на заднем дворе ноги парит.

— Зови, — велел я. — За этим столом все равны: рыцари, простолюдины, странники... Вон отец Ульфилла подтвердит, что, как сказал Магомет, все люди равны перед Богом. Во всяком случае, когда едят и пьют... вот так, как... как мужчины.

Тюрингем вылетел из-за стола, опередив Ульмана, ис-

чез. Мы продолжали пить и есть, через четверть часа в зал вошел Тюрингем, за ним двигался человек в сером плаще.

Не доходя до меня шагов пять, остановился и учтиво поклонился. Не работяго, всего лишь из вежливости к человеку, который пригласил его за стол.

Я указал на дальний край, там пируют простолюдины, но у нас стол один, а рыцарей всего трое, с виконтом Теодерихом уже четверо, но все равно с простолюдинами сидим локоть к локтю и одновременно протягиваем ножи к жареному гусю.

— На подвиг? — спросил я.

Монах кивнул, пробрался к свободному месту и сел, глядя на меня прямо и открыто. Рыцари переглянулись, не могут привыкнуть, что эти безоружные люди благородное слово «подвиг» трактуют по-своему, их подвижничество ничего не имеет общего с убиванием драконов.

— А с Юга идет еще один, — сообщил я.

Монах кивнул.

— Знаю, — ответил он ясным спокойным голосом. — Мы с ним перемолвились. Немного, но успели.

— И как?

— Очень, знаете ли, занятный собеседник. У него очень интересные концепции, хотя и логически немотивированные. И очень забавное заблуждение, что это мы блуждаем во тьме, а он готов вывести нас к свету...

Он усмехнулся, приглашая посмеяться над невежеством монаха, но я смолчал, сеньор должен быть беспристрастным. Да и, честно говоря, не знаю, кто ближе к истине. Если не считать, конечно, меня.

Монах же расценил это, как и должен, мол, феодал ни уха, ни рыла в подобных вопросах, еще раз поклонился и протянул руки к блюду с ломтями мяса.

Насыщался он спокойно, хотя видно, насколько голден, изможден, однако внутренняя дисциплина не дает нарасыватьсь на еду, как делают мои воины и даже рыцари.

Надо будет, мелькнула мысль, поговорить с обоими. Один идет с Севера, у него могут быть новости о Зорре, а другой, что намного важнее, больше знает о Юге. Возмож-

но, идеи тоже будет проповедовать очень даже «южные». Надо первым послушать вражеский голос из-за бугра.

Вместе со слугами, подающими на стол, появилась Фрида. Монах не смотрел в их сторону, но я чувствовал, что замечает всех, даже как-то чувствует, у монахов это развито, что Фрида — ведьмочка, которую я просто обязан, раз уж знаю ее тайну, потащить на костер. Нет, сперва под пыткой заставить признаться в сношениях с дьяволом, изложить на дыбе все кости, принудить отречься, а уж потом...

Я пошевелил плечами, чтобы распахнутая на груди рубашка раздвинулась шире, пусть монах узрит христианский крест. Гунтер увидел первым, благочестиво перекрестился. В глазах монаха понимание моего молчания, как дурака-феодала, сменилось изумлением.

Зигфрид приподнялся, спросил учтиво:

— Сэр Ричард, раз уж этот монах здесь, то... может быть, изволите захотеть пригласить и того... с Юга?

Я кивнул:

— Да, именно изволю захотеть. Даже восхотеть.

Тюрингем снова метнулся из-за стола, счастливый быть не просто полезным, а еще и опередить Ульмана. Остальные продолжали барабанить с набитыми ртами, поспешно запивали водопадами вина и снова барабанили, барабанились.

От двери пошел свет, в полуутемный зал вступил монах Ксенобратства, в глазах плещется море плазменного света. Мне показалось, что явился почти сразу же, как только Тюрингем выскочил за двери. Я смутно подивился, но справа и слева выкрики, тосты, громкие рассказы, как мы всех одной левой, мысль ушла, я тупо проследил, как ксенобратец сел напротив монаха с Севера.

Перед ним поставили такое же блюдо, как и перед всеми: тяжелое, медное, наполненное мясом и овощами. Разговоры смолкли, все опасливо посматривали на ксенобратца. Он улыбнулся, губы раздвинулись, из щели полыхнул свет... нет, свет оставался там, я почти видел, как колышутся волны плазменного океана, но от света уловили за столом все, наступило настороженное молчание.

— Угощайтесь, — сказал Тюренгем набожно и перекрестился, — чем Бог послал.

Зигфрид не расслышал из-за шума и гама, переспросил:

— Чем-чем послал?

Монах, который с Севера, чуть наклонил голову, смотрит исподлобья, но не спешит осенять крестным знамением, брызгать святой водой или обличать исчадие дьяволово.

— Итак, — произнес я, — мне радостно, что в моем замке смогли пересечься Восток, который дело тонкое, и Запад, дело которого табак... Ах да, здесь же не эти козлы на узком иракском мостики, а Север и Юг. Радостно мне еще и потому, что не подрались сразу же, это еще удивительнее, как будто и не люди вовсе...

Гунтер хмыкнул, Зигфрид и Алан неуверенно улыбнулись, остальные сидят с застывшими лицами, готовые либо убегать сломя голову, либо бросаться на врага... если окажут, кто здесь враг.

Зигфрид поинтересовался:

— Говорят, святой отец, что у вас посещение церкви не обязательно?

Монах улыбнулся мягко, ответил проникновенным голосом, ведь каждый, с кем ведешь разговор, в принципе может стать сторонником:

— Посещение церкви делает человека верующим, а посещение монастыря — грамотным в той же мере, в какой посещение конюшни делает вас конем.

Алан сказал вежливо:

— А вот меня всегда удивляло, что женщинам разрешают входить в церковь. О чём они могут говорить с Богом?

— Вполне возможно, — ответил за него Зигфрид со смешком, — что женщины в Бога верят, но Бог им точно нет.

Раскрасневшийся от вина Ульман спросил громко:

— Святой отец, а что делать тем, кто не верит в Бога?

— Это не так важно, — ответил монах кротко, — гораздо хуже, если Бог перестанет верить в тебя.

— Да я не то чтобы не верю, — сказал Ульман, уже чуть пропрезвев, — но иногда сомневаюсь...

— Сомневаться в Боге, — сообщил монах, — значит верить в него.

Я слушал молча, всматривался в разгорячившихся людей. Есть люди, в которых живет Бог. Есть люди, в которых живет дьявол. А есть люди, в которых живут только глисты. Как хорошо, что этих третьих здесь, за столом, почти нет, все на чьей-то стороне. Хотя, конечно, никто не признается, что на стороне дьявола, но таких немало: магия дает человеку пряник прямо сейчас, а религия обещает, да и то в расплывчатых терминах, вознаграждение в неопределенном будущем. Из-за таких вот обещаний и рухнула великая стройка коммунизма: его противники обещали наполнить магазины колбасой сразу.

Гунтер сказал громко:

— Наш хозяин, да будет святым отцам известно, не просто рыцарь, а паладин! Возведенный... э-э... в сан иерархами церкви.

— В чин, — поправил Ульман.

— В чин, — согласился Гунтер. Подумав, возразил: — Нет, это не чин, а звание! Высокое звание паладина! А паладин бьется с нечистью во славу церкви... днем и ночью, а также утром и вечером. Ваш милость, а вы как думаете, конец света в самом деле скоро?

Я ссгутился, не хочется ввязываться в религиозный диспут.

— Не верьте предсказателям о конце света. Богу самому интересно, чем это все закончится. Насчет Божьего гнева ты не прав... Посмотри на камбалу и увидишь, как может обидеть Бог! Просто он милостив, не лупит со всей дури по каждому поводу. Когда ты был мал и несмышен, тебя твой дед часто бил?.. То-то. А Бог еще старше твоего деда...

Я не успел закончить, сбоку кто-то громко икнул, да не просто так, стараясь проглотить чересчур большой кусок, а явно от испуга, еще кто-то вскрикнул, а Зигфрид выругался и вскочил, хватаясь за меч.

По стене в мою сторону двигается черная тень, переламывается на стыках, стремительно вытягивается и перепрыгивает со стены на стену. Мне показалась всего лишь

более темной и густой, чем обычно, потом увидел побледневшие лица Зигфрида, Алана, Гунтера и виконта Теодериха, присмотрелся, кровь отхлынула из периферии во внутрь, зубы выбили дробь прежде, чем я успел стиснуть челюсти.

Тень двигается сама по себе, нет того, кто бы ее отбрасывал. Тень только на стене, словно не тень, а зловещая проекция тени.

— Ну и что? — сказал я громко. — Подумаешь, тень. Ну и что?.. За горло схватит?

Гунтер прошептал, лязгая зубами:

— Сэр Ричард, вы не понимаете...

— Чего?

— Это же Первый Король Межземелья!

— Да хоть последний, — отрезал я. — В моем замке не будут страшиться каких-то теней!

Стена кончилась, я растерянно умолк: тень сошла со стены и двигается в пространстве, такая же плоская, черная, но уже...

Тень приблизилась к отцу Ульфилле. Он побледнел, схватился за горло, упал на колени. Тень надвинулась, падая упал лицом вниз, руки бессильно царапали ногтями камни. Тень нависла над распростертым, я застыл, понимая, что с обнаженным мечом или громовым молотом бросаться на бесплотную тень глупо.

Громко хлопнула дверь, в зал вбежала растрепанная Фрида. Я не успел моргнуть, как она оказалась над отцом Ульфиллой, выпрямилась и требовательно вскинула руку, направленную на тень, вперед ладонью. Тень продвинулась еще на полшага, черные крылья рук коснулись неподвижного тела. Фрида выкрикнула что-то, ладонь вздрогнула, тень нависла над упавшим, однако больше ни шагу, я видел, как оба с Фридой напряглись в незримой схватке.

— Эй, — закричал я громко. — Зажечь все светильники! Не думаю, что тень любит яркий свет!.. Быстрее!

Застучали деревянные подошвы сандалий, челядины разбежались, вспыхнули огни: факелы, светильники, Гунтер поспешно ворошил затухающие угли в очаге, совал ту-

да без разбору тонкие прутики и огромные поленья. Ульман первым зажег тряпку и, намотав ее на длинную палку, примчался и встал рядом с Фридой.

— Дай мне, — потребовал я и, выхватив из дрожащей ладони факел, шагнул к тени.

От черного сгустка мрака в виде человеческой фигуры пахнуло холодом. Я сделал шаг, преодолевая вязкую субстанцию воздуха, протянул факел, намереваясь ткнуть в это образование. Руку охватило холодом, словно сунул в жидкий гелий.

Кончик факела коснулся тени, побежали искорки, но не багровые, а голубовато-белые. На короткий миг я ощутил, что смотрю на вывернутое ночное небо, таким я видел разве что космос, звезды не расплываются в атмосфере, а крохотные, колючие, ледяные искорки...

Тень шелохнулась, мне показалось, что пытается уклониться от факела, я сказал громко:

— Лаудетор Езус Кристос!.. Лаудетор!.. Согам populi повелеваю тебе изыднуть, тварь целебесная... И не появляйся cis!

Тень качнулась вправо-влево, отступила, хотя я не особенно верил, что избегает именно факела. Я нажал, наступил, несмотря на обволакивающий холод. За моей спиной уже море огня, многие вооружились факелами, я на острие клина, наступаем, наступаем...

Я почти превратился в ледянную глыбу, но тень отступила к стене, вжалась и пропала. На камнях выступил мохнатый иней, как бывает только при самых лютых арктических морозах.

За моей спиной повелительно прокричал Гунтер:

— Больше огня в каминах!.. Зажечь все очаги!

Я вернулся к столу, передо мной поспешно поставили кубок с вином. Я осушил, не отрываясь, ухватился за горячее, обжигающее пальцы мясо. Зубы стучали, меня было крупной дрожью, будто я вылез из проруби и стою голым на ледянном ветру.

Гунтер за столом так и не появился, я слышал его зычный голос с разных сторон, к нему подходили бегом, а убе-

гали еще быстрее. Я даже по их топоту слышал, подбегают испуганные и растерянные, а разбегаются взводренные и уверенные, что коммунизм будет построен, несмотря на все происки темных сил.

Горячая гречневая каша проваливалась по сузившемуся пищеводу, обдирая со стенок иней и наледь, я хрюпал, сердце колотится, как погремушка, но оживал и, главное, ощутил, что сумел держаться внешне как обычно, вряд ли остальные даже заметили, как мне хреново.

За столом за время схватки с тенью остались немногие, в том числе монах с Севера и ксенобратьец. Северянин лишь пробормотал пару коротких фраз, явно молитвы, ксенобратьец посматривал на суету с доброжелательной усмешкой.

Когда он обратил лицо в мою сторону, свет в его глазах стал как будто ярче, я с раздражением ощутил незримую улыбку в этом пламени. Ироническую, понимающую, всепрощающую.

«Да пошел ты, — сказал я мысленно, но очень отчетливо. — Ты, может быть, вообще не человек, а так, существо».

«Человек, — ответил он мысленно. — Я человек, сэр Ричард. Почему я не человек? Из-за того, что умею общаться и вот так?»

«Мы все так умеем, — огрызнулся я. — По рожам видим, кто есть ху, по одежке, даже по походке. Ты всего лишь чуть чувствительнее».

«Так почему же?»

«А потому, — ответил я так же мысленно, — что тебе было по фигу, если бы эта тварь всех подавила».

«Я видел, что вы ее отгоните, — ответил он. — Это просто. Здесь все простые пути. Трудные только поиски Истины».

— Знаете, святой отец, — сказал я вслух, — вам не фига задирать ноздри. Ишь, поисковики хреновы! Мы все идем через потемки к Истине. Да, в отличие от крестьян и даже рыцарей окрестных королевств я знаю, что означает рисунок на моем гербе. И вы знаете. Только не думаю, что наши знания совпадают. Я даже не думаю, что вы знаете, что такое ксенобрство... Я, кстати, догадываюсь, но это слиш-

ком даже для вас... Но это ничего не значит! Мы все равно должны делать то, ради чего призваны. Не так ли?

Гунтер, Зигфрид и остальные слушали с недоумением и священным ужасом, никто не осмеливался разговаривать с монахами Ксенобрата таким тоном. Я чувствовал злость, даже закипающий гнев, что может перейти в ярость. Что-то слишком быстро я распустился, обнагел, никто мне не собьет рога, скоро уже возжелаю право первой брачной ночи, забыл, что все люди — люди и у каждого прав не меньше, чем у меня...

Почудилось, или монах застыл, прислушиваясь к моим рассерженным мыслям? Хаотичным, как сорванные сильным ветром листья...

— Я доложу братству о встрече с вами, — проговорил монах и добавил с некоторым подтекстом, которого я не уловил: — Сэр Ричард де Амальфи.

Слова прозвучали многозначительно, и хотя угрозы не уловил, но пахнуло неприятностями. Сейчас я предпочел бы, чтобы обо мне никто не знал. Пока не разберусь с тем, что свалилось на мою голову.

— Святой отец, вы идете на Север? — спросил Гунтер. И, не дожидаясь ответа, монах уже объяснил, куда идет, добавил многозначительно: — Вам надо еще вернуться, святой отец.

Монах улыбнулся, блеснув ослепительным светом.

— Я пробуду там долго. Но вернусь с подробным рассказом для своего братства. И уже знаю, что встреча с сэром Ричардом не случайна... и будет выслушана братством с большим интересом.

— Еще вернитесь, — повторил Гунтер угрюмо.

— Вы угрожаете? — спросил монах.

Гунтер не струсил, ответил дерзко, он же не простой стражник, а рыцарь, обязан быть сильным и дерзким:

— Предупреждаю, святой отец. Это у нас, на Пограничье, ни магов, ни святых — только мечи да копья, а на Севере — святые и подвижники, снискавшие великую силу через... через умерщвление плоти.

Зигфрид, не врубившись, спросил с недоумением:

— А Рихтер разве не маг? А этот... Логирд, который некромант?

Гунтер отмахнулся:

— Святой отец знает, что это не маги рядом с настоящими магами Юга.

Ксенобратьец сказал негромко:

— Ошибаешься, сын мой. Я не маг. Я смиренный монах церкви Ксенобратаства. Да, Устав нашей церкви отличается от большинства других, но... разве право большинство? Наоборот, всегда истину знали немногие. Наша мощь вовсе не от занятий нечестивой магией. Мы храним и приумножаем древние заветы... которые сейчас могут показаться странными...

Он коротко взглянул в мою сторону. Я нехотя кивнул, тут он прав, прав. Но прав и Гунтер: святость и вера в правоту дела — творят чудеса.

Глава 7

Кое-кто из пирующих вылезал из-за стола, вконец отяжелев от съеденного и выпитого. Я понимал, что, скорее всего, отлучатся до отхожего места и снова вернутся, но имена никто не вынуждает сидеть до победного конца, я поднялся, с отеческой улыбкой сделал жест, опускающий всех на сиденья:

— Пирайте, дорогие друзья, пирайте! Видит Господь, мы заслужили.

Мне вслед прокричали здравицу, я удалился под звон стакивающихся над столом кубков.

Гунтер вылез из-за стола и пошел следом, хоть и рыцарь, но все еще начальник стражи, сенешаль и вообще доверенное лицо, на которого верховный правитель оставлял замок.

— Ваша милость, вы зря задирали монаха этого Ксенобратаства... У них, говорят, какие-то жуткие ритуалы! И вообще они не совсем люди. Но, к сожалению, неуязвимы! Сколько с ними ни старались что-то делать... сами пони-

маесте, сеньоры пробовали заставить служить, а уж короли так почти всегда.... Церковь проклинает, запрещает, борется и сейчас, но эти монахи неуязвимы, а с теми, кто их преследовал, всегда что-то случалось...

— Что?

— Нехорошее, — пояснил он. — Наконец поняли, что бесполезно... оставили в покое. Время от времени находится какой-нибудь смельчак, но ничего нового, так что... Хорошо, что этим монахам наш мир вроде бы и даром не нужен. Иначе бы легко захватили.

— А чем они занимаются?

— Все говорят по-разному. Кто тайным колдовством... кроме простого колдовства есть еще и тайное, а кто...

— А что сами монахи?

— Ничего. Мол, не поймем. Но это все так говорят. И отец Ульфилла, и даже Рихтер утверждают, что их никто не поймет. Но как-то же понимаем?

Я подумал, стараясь уложить в голове новые факты и фактики, сказал:

— Отец Ульфилла прав, Христа надо не понимать, а верить в его идеалы. А насчет Юга... если он настолько силен... а он силен, то почему не завоевал все эти земли Севера?

Гунтер кивнул.

— Хороший вопрос. Да только на него нет ответа. Есть только догадки. А ясный ответ у отца Ульфиллы.

Я поморщился, какой ответ у священников, знаю, буркнулся:

— А каковы догадки? Давай выкладывай. Раз мы оказались так далеко от ракетно-ядерного зонтика северных аскетов и подвижников, то надо знать все...

— Догадок море, — ответил он тоскливо. — Большинство рыцарей, ясное дело, уверены, что нечистая сила просто страшится их оружия.

— То же самое, что и священники, — отмахнулся я. — А что другие?

— Поговаривают, что Югу пока не до нас. Они что-то там творят небывалое, и когда захотят нас прихлопнуть, то

сделают это одним-единственным колдовством. Даже не посылая войск.

Я поежился, промычал:

— Это вряд ли.

— Почему?

— А одно-единственное колдовство здорово загадит почву, — сказал я. — И тогда здесь нельзя будет ни пахать, ни сеять, ни добывать железо. А если так, то зачем Югу такие земли?

Он подумал, согласился:

— Резонно. А как же мы? Разве мы не сила, которую надо прихлопнуть?

Я прямо взглянул ему в глаза:

— А в самом ли деле мы такие уж христиане? И соблюда-ем все заповеди? Когда ты последний раз был на исповеди?

Он смущился, почесал в затылке:

— Давненько... Уже и не помню когда. Да и вы, ваша милость...

Он осекся, поняв, что позволил себе лишнее. Я поморщился, никто не любит, когда напоминают про обязанности, все предпочитаем слушать о правах, льготах и скидках. Пусть даже накопительных.

— Вот это и есть главное заклятие Юга, — проговорил я, сам ощутил, что неожиданно для себя могу попасть в самую точку. — Очень медленно действующее заклятие... но очень сильное. И охватывающее все земли. Вернее, ползущее с Юга все дальше на Север.

Он долго думал, качал в сомнении головой, наконец выговорил с немалым трудом, все еще колеблясь:

— Возможно, так и есть... У нас почти не осталось церквей, да и зачем они?.. Это на Севере священники сильны, а здесь...

Долго молчали, я сказал вполголоса, откликаясь не столько на его слова, сколько на собственные вопросы:

— К сожалению, мне это знакомо.... Очень знакомо. Вся беда в том, что беда не кажется бедой... Враг сумел внушить, что он не силен, что он пассивен и даже то, что и не враг вовсе... а кто считает его врагом, тот всего лишь дура-

чок, слепо повторяющий за невежественными попами всякую дурость. Это и есть победа Врага... Здесь еще не знают, что для победы над противником вовсе не обязательно идти в конную атаку с копьями наперевес! Куда целесообразнее, хоть и подле, пустить впереди наступающих войск доллар... да и войск тогда не понадобится, можно сразу бросаться следом и хватать, грабить, вывозить, сманивать, скучать по дешевке...

Он смотрел с беспокойством, внезапно встал, глаза расширились, побледнел, сделал шаг назад. Скамейка загремела, он чуть не упал, а потом, опомнившись, внезапно опустился на колени и быстро-быстро перекрестился.

— Что с тобой? — спросил я с раздражением.

— Ваша милость...

— Неужели проняло? — спросил я. — Вот уж не думал, что из меня проповедник...

— Нет, ваша милость, — сказал он торопливо, я наконец заметил, что смотрит не в глаза мне, а чуть выше, — я даже ничего не понял, что вы там плели...

Я нахмурился, уязвленный:

— Так в чем же дело?

— Ваша милость, над вами нимб!

Я вскинул руку, пощупал голову. Давно не мытые волосы, чешется, надо сегодня приказать девкам вымыть. Могу и сам, но все мы любим, когда нам моют и чешут.

— Где?

Он сглотнул воздух, прохрипел нечто, наконец выдал с трудом:

— Исчез... Но ведь был же, своими глазами видел!

— Никому не рассказывай, — приказал я. — Сболтнешь, удавлю!

Я в самом деле был готов удавить голыми руками: ишь. нимб узрел! У человека, который всегда насмехался над церковью, над попами, над нелепыми ритуалами, лицемерием, над верой slabakov и юродивых во всесильного Бога, которому делать больше не фига, как вот щас утирать им сопельки и раздавать на халяву пряники.

Но, видимо, в своей сбивчивой речи я в самом деле уга-

дал, попал в самую точку, зацепил нерв и на мгновение включил, так сказать, свет. До того, как сюда ринутся орды, сперва здесь постараются подготовить почву. Первонаперво, высмеять противника, показать в смешном виде. Шуточки и насмешки над попами и церковными обрядами бывают надежнее, чем стрелы из арбалета.

Второе: внушить, что Зло не есть Зло, это просто другой образ жизни, другие обычай, надо быть уживчивее. Это звучит так: надо быть добре! Самая что ни на есть христианская заповедь обращается против самих же христиан: будьте добре к иным, чем вы, будьте добре к тем, кто поступает иначе, чем вы, кто живет по другим нормам, чем вы, кто молится другим богам, кто живет по законам другой морали, а то и вовсе без морали...

И вот народы, которые допустили даже такую мысль, что можно жить иначе, уже наполовину завоеваны Злом, хотя не подозревают об этом, а скажи им такое, будут отрицать с пеной у рта, станут распинаться о демократии, терпимости, гуманизме, педофилии и прочих общечеловеческих ценностях.

— Даже не знаю, — произнес я после долгого молчания, — что такому натиску может противопоставить простой и прямодушный Север.

Гунтер передернул плечами. Несмотря на основательность суждений и даже в чем-то мудрость, он не может долго ломать голову над одним вопросом, как не могут дети и животные долго концентрировать внимание на одном предмете.

— Против всякой магии есть антимагия, — проворчал он. — То и другое идут ноздря в ноздрю, как щит и меч. Кто учится работать мечом, а кто учится подставлять под чужой удар щит.

- Ты о магах и священниках?
- Не только, ваша милость...
- А что, разве есть что-то третье?
- Да поговаривают...
- Ну-ну!

— Пошел слух, что в Черной Долине кто-то нашел новую магию...

— Новое заклинание? — поправил я.

— Нет, магию, — возразил Гунтер. — Которую не знали. А может, знали очень давно, в самом Начале, а потом забыли? Словом, в больших городах всполошились. Странники рассказывают, что император собрал совет, чтобы решить: быть этой магии или не быть? А уже потом пошлет туда либо палача, либо дорогие носилки.

Я развел руками:

— Хорошо бы, если бы все удалось... Я — за новые технологические открытия! Но только бы там все не рвануло... В смысле не выжгло землю миль на десять вширь и на полмили вглубь.

Гунтер побледнел, смотрел на меня с ужасом, как будто я положил руку на рубильник.

Поднимаясь по лестнице к своим покоям, я подозрительно присматривался к фигуркам на перилах. То ли их сменили, то ли до этого смотрел невнимательно, но что-то совсем другие. Хуже того: и ныне. Недобroe предчувствие сжало грудь. Металлическая статуя женщины с дивным щитом и мечом волнистой формы все в той же позе... как будто, но теперь меч в левой руке, а щит в правой.

Да и поза, если на то пошло, другая: раньше женщина как будто готовилась к неспешной обороне, а сейчас по ее позе видна готовность нанести удар. Я обошел по дуге, хотя, понимаю, глупо, лестница слишком узкая, достанет мечом в любом месте. Хотя кто знает, вдруг она как раз готовится защищать замок? Ведь отдавала же мне меч, когда я взял по неосторожности?

Надо еще пройти мимо горгоны, в прошлый раз не двигалась, но сейчас какое-то нехорошее предчувствие, будто съел что-то. Я подумал, вышел на террасу, там можно пройти немного и снова войти в зал, миновав опасное место...

Воздух теплый, темный небосвод выгнулся ощутимо

высоким куполом, звезды крупные, близкие, а луна плывет мелкая, но ослепительно яркая, сверкающая.

Внезапно обдало холодом, мышцы мгновенно наполнились адреналином. Еще не поняв, откуда опасность, метнулся под защиту стены, но на спину уже обрушилось тяжелое, горячее, просто обжигающее. Шею сдавило, я с усилием поднялся, сделал два шага, кто-то сидит на моей спине, на плечах, я хотел позвать стражу, в тот же миг, когда открыл рот, жестко дернуло за углы рта, я ощутил во рту тяжесть железа, зубы лязгнули по удилам, из горла вырвался хрюк.

— Все, — произнес над головой негромкий голос, — теперь ты мой конь, понял?..

Ярость ударила в голову, да что за шуточки, тут же развернулся и шарахнулся о каменную стену. Мой всадник не успел убрать ногу, я услышал хруст, над головой зашипело, я упал, захватил наездника за голову и рванул на себя. Тот упал, перекатился через голову и, хромая, бросился прочь.

— А вот это уже напрасно...

Я догнал в два прыжка, бросать молот нет смысла, пленных надо брать по возможности живьем, а потом уж решать: вешать или рубить голову. Хотя в этом случае больше светит костер...

В прыжке я почти настиг неизвестного, однако он неуловимо преобразился, ноги истончились. Мои пальцы захватили пустоту. Неизвестный подпрыгнул, ноги уже не человеческие ноги, а птичьи лапы, мощно ударили два крыла. Я перекатился кубарем, вскочил, злой и опозоренный, ринулся следом. На фоне звездного неба огромный птах, похожий на журавля, бежит, размахивает крыльями, пригибается, готовясь оттолкнуться и швырнуть себя в воздух.

Я мчался следом, журавль — не воробей, с места не старается, крупным птицам нужен разбег... Журавль уже поднимался в воздух на высоте человеческого роста, когда я догнал, подпрыгнул и ухватился за кожистую лапу. Птица покрупнее, чем журавль, судя по лапе, но мы сразу же просели, мои ноги начали загребать по камню, но птица из

последних сил заработала крыльями чаще, и мы снова поднялись в воздух.

Держась обеими руками, я посмотрел вниз. В глазах потемнело, замок остался позади, внизу быстро скользит залитая лунным светом земля, совсем близко промелькнули вершинки деревьев, начали удаляться, проклятая птаха нашла силы продолжить подъем.

Я одной рукой вытащил нож и колнул ее в пузо, тут же сунул нож в зубы, на манер пирата, ухватился за лапу двумя руками. Птица дико вскрикнула, попыталась клюнуть, потеряла поток восходящего тепла, ее резко понесло по дуге вниз. Снова заработала крыльями чаще, я опять выхватил нож и ткнул сильнее.

— Опускайся! — сказал я задыхаясь. — Опускайся!.. А то зарежу. Мне терять нечего.

Птица еще пару раз попыталась ударить клювом, во второй раз я ухитрился перехватить клюв, сжал в ладони, а отпустил только потому, что понеслись вниз едва ли не кувырком. Птица надсадно каркала, верещала, судорожно била крыльями, выровнялись почти у самой земли. К счастью, земля ровная, даже песчаная, птица снизилась так, что снова мои ноги волочатся по земле, мне достаточно разжать онемевшие пальцы...

Она тащила по песку и косилась выпуклым глазом. В лунном свете он горел адским пламенем, все ждет, тварь, что отцеплюсь, почуяв спасение. Злость заставила меня сжать одной рукой лапу еще сильнее, другой я выхватил нож и ткнул в бок.

— Остановись!.. Убью!.

Ткнул и начал нажимать сильнее и сильнее, чувствуя, как лезвие легко входит в мягкую плоть. Птица захрипела, забилась, меня потащило всем телом, и наконец птица упала на песок. Едва живой, я кое-как поднялся, сделал шаг и упал на нее, подмяв всем телом. Оба хрипели и задыхались, наконец я ощутил, что птичьи перья уже не колют лицо, а под щекой мягкое, горячее, нежное...

Приподнялся на дрожащих руках, ахнул. Я лежу на обнаженной молодой женщине, черные распущеные волосы

сы расплескались по голой спине, женщина дышит тяжело, но уже подгребает потихоньку ноги, готовится к неожиданному рывку. В моем кулаке все еще зажат нож, лезвие прыгнуло к ее левому боку, там уже темное пятно, на пальцы капнуло горячим, липким.

— Снова обернешься?

Она сникла, расслабила мышцы и прошептала в землю:

— Нет... Убей меня.

— Рано, — ответил я и, прижимая лезвие ножа к ее боку, поинтересовался: — А если Отче Наш тебе прочесть или Аве Мария, то как это тебе?

— Убей, — прошептала она.

— Ладно, — сказал я, — пообещай, что не будешь снова клевать и царапаться, уберу нож.

Она сказала так же в землю:

— А ты поверишь?

— А что делать, — ответил я, — не убивать же?

— Обещаю, — ответила она тихим голосом.

Я убрал нож, она очень медленно повернулась, легла боком. Даже в ярком лунном свете глаза темные, как озера, под ними почти такие же темные круги, а само лицо бледное, вытянутое, с красивыми чертами аристократки. Она подгибала колени, укрывая живот, а локтями пыталась закрыть грудь, на меня поглядывала искоса, с обреченностью во взоре.

— Зарости рану, — предложил я. — Там неглубоко, ничего важного не задел... вроде бы. Если ты двоякодышащая и с четырехкамерным. Иначе истечешь кровью, дурочка.

Она прошептала:

— Я не умею.

Я переспросил тупенько:

— Вовсе?

— Ну... только травами, отварами... настойками...

— Эх ты, — сказал я сожалеюще. — А еще ведьму изображаешь. Травами, отварами, настойками, бадами — всякий луряк умеет! Даже продвинутый в трусце от инфаркта. Еще скажи, чтоб вкатили порцию джинтропина. Но я тебе

не Фома Брут, да и он, сколько помнится, сам потом на ведьме прокатился всласть... Лежи тихо!

Я опустил ладонь ей на плечо, снова подивился, сколь горячо, понял запоздало, что у птиц температура тела далеко за сорок, иначе хрен взлетят, а этой ведьме для метаморфоз нужен еще тот метаболизм, сосредоточился, вызвал силу заживления ран, что-то во мне противилось, я напрягся, заскрипел, сдвигая заржавевшие ворота суеверий и предрассудков, я же не местный неграмотный виллан или барон, у нас же даже негры и кавказцы люди...

Внезапно ощутил себя усталым, вздохнул, голова закружилась, тут же все прошло. Женщина вскрикнула, торопливо провела ладонью по тому месту, где была рана. Ощупала, вскинула голову, глаза расширились в безмерном удивлении.

Я слабо оскалил зубы:

— Извини, с женщинами не воюем.

Она помолчала, произнесла тихо:

— Кто вы, сеньор?

Я отмахнулся:

— Анкетные данные и сумму заработка для налоговой полиции оставим на потом. А вообще лучше не будем упоминать, мы же люди приличные, хорошо? По праву победителя и вообще самца вопросы задаю я. Ответствуй, кто ты... и почему вот так?

Она понурилась, села, стыдливо обхватив себя за плечи, закрывая локтями грудь.

— Я... ведьма. Никто не знает, я живу, как все... Но иногда, это бывает очень редко, на меня находит вот такое...

Запнулась, умолкла, я сказал понимающе:

— Жаркими летними ночами, когда травы пахнут так одуряющее... Особенно перед грозой, когда просто... просто необходимо что-то с себя сбросить... или выплеснуть...

Она прошептала:

— Кто вы? Все именно так. Я борюсь с собой, пытаюсь обуздить это... но удается не всегда...

— К священнику обращалась? — спросил я. Взглянул на сразу поникшую фигуру, сказал виновато: — Ах да,

здесь лечение одно... Да, тут надо индивидуально. Ладно, этим фрейдизмом займемся как-нибудь на досуге. Не может быть, чтобы что-нибудь не придумали. У нас для этого секции мазохистов, там пар выпускают, а здесь... гм... Мы где сейчас? Вроде бы недалеко отлетели.

— В Чертовом Урочище, ваша милость...

— Где это?

— Между землями Галантлара и сэра Гуинга, — объяснила она. Посмотрела на мое непонимающее лицо, добавила: — Чертово Урочище принадлежит сэру Гуингу.

— Да, — сказал я, — вижу, новости расходятся медленно.

— Сеньор?

— Сэр Галантлар, — пояснил я, — и сэр Гуинг Одноглазый — это я, лапушка. Все равно не врубаюсь, ночью все по-другому: что за Урочище, почему я вчера его не видел?

Она вздрогнула, голос ее упал до шепота:

— Кто вы? Неужели...

Глава 8

Я поднялся на ноги, повелительно протянул ей руку. Она машинально вложила в мою ладонь пальцы, тонкие, изумительно аристократичные, другой рукой все еще укрывала грудь, я поднял ее со словами:

— Да, я сэр Ричард, хозяин Амальфи. Можно даже Ричард де. В смысле Ричард де Амальфи. А то и вовсе, как здесь говорят, де Амальфи. Как графиня де Монсоро или виконт де Бражелон. Ну, были... то есть будут такие. А также я и сэр Гуинг... в смысле хозяин замка Амило. Неплохой, надо сказать, замок. Хоть и малость запущенный.

Она охнула и попыталась опуститься к моим ногам, я удержал.

— Милорд, но как вы...

— Я паладин, — ответил я, — кое-что могу.

Она помотала головой, в широко распахнутых глазах страх и непонимание:

— Но как вы... святой человек... то есть святой рыцарь... а я ведьма...

— Что невозможно для одних, — ответил я, — возможно для иных. Просто мой вектор понимания святости несколько в другой плоскости. Или в ракурсе, чем понимает основная масса священников, что всего лишь простые и даже больше, чем простые люди. Правильные, но простые. Все зависит от угла зрения, понимаешь? Ну вот и хорошо, что не врубаешься, так ты даже симпатичнее. А я — умнее, соответственно. Теперь лучше подумай, как добираться обратно... Или ты тут живешь?

Она все еще в великом изумлении покачала головой:

— Ваша милость, я простая крестьянка из Серых Топей. Там и живу.

— Серых Топей? Это где... Впрочем, можешь не говорить в целях безопасности страны и государства.

Она поглядывала нерешительно, предложила, запинаясь:

— Я могла бы попробовать... если не побрезгуете...

— Что? — спросил я, когда она не решившись продолжать, умолкла. — Чего?.. А, на тебе и обратно?.. Ну, это было бы только справедливо, но я настолько пропитался здешними предрассудками, что женщина нам не ровня, страшусь, засмеют, что меня несла женщина.

— Ваша милость, но я... не совсем женщина. Я — ведьма...

Я отмахнулся:

— Да какая ты ведьма. С другой стороны, конечно...

Она встрепенулась.

— Ваша милость согласны?.. Ведь я же вас сюда несла?

— То было противу моей монаршей воли, — возразил я. — Такое допустимо без урона мужской... да какая теперь мужская — рыцарской чести. А вот добровольно на тебя залезть... Да еще не как на женщину, а как на ведьму... Засмеют!

— А если ваша милость никому не скажет?

— А молчание — не урон ли это моей... Впрочем, почему нет? Я не рыцарь, а паладин. К тому же со своим осо-

бым уставом, который пока что в разработке, можно этот вопрос обсудить без сословных предрассудков.

Я осмотрелся, под звездным небом с полной луной — черные заросли, что-то шуршит в темноте, взрыкивает, от земли тянет могильным холодом.

Ведьма тоже огляделась, руками все еще продолжала прикрывать то грудь, то низ живота, уж никакая не ведьма, а женщина, что пришла в себя и устыдилась своей недавней... нетрезвости.

— А куда ты меня несла? Здесь нет ничего интересного!

Она вознамерилась ответить, я отмахнулся:

— Молчи-молчи, это я по крестоносной привычке пограбить. Со своим бы замком разобраться, там столько всего... Ладно, и как мы обратно?

Конечно, как занесла сюда, так пусть и обратно, еще и компенсацию надо требовать за моральный ущерб, если физического не наблюдается, но я все-таки не американец, что по судам затаскает, я — мужчина, а настоящий мужчина снисходителен к женщине. Равноправие равноправием, но мы-то понимаем, понимаем...

Она встала согнувшись, уперлась ладонями в колени.

— Мой господин...

— Да-да, — ответил я. — Так и стой. А脊на не переломится?

— Обижаете, мой господин.

— Да это я так. Мы, мужчины, предпочитаем женщин послабее. Чтоб наши плечи рядом с ихними ширше, а руки — толще. Культуристки нам не по зубам.

Она посматривала с удивлением, я подошел сзади, положил руку на одно плечо, вторую на другое, словно собирался проводить массаж предстательной железы, сейчас это как раз вовремя и оправданно, подумал еще, поклонился, а тут еще одна мысль блеснула, как метеор в плотных слоях атмосферы.

— Зайчик!.. Эй, моя конячка!.. Давай ко мне!.. Ко мне, лапушка... Ко мне!..

Еще и свистнул как мог, ведьма разогнулась, среди темных распущеных волос лицо выглядит особенно блед-

ным, аристократичным, с удлиненными скулами. Пока смотрела на меня через плечо озадаченно, в ночи как будто шумнуло. Я задрал голову — дракон или что-то большое, что летают по ночам, нет, уже улетел. Я снова положил руку ведьмочке на плечо, напомнил себе о равноправии, женщины могут еще и штангу поднимать, в спецназ ходить, так что...

Зашумело, пахнуло волной горячего воздуха, ведьмочка взвизгнула, а передо мной возник, упервшись копытами в землю, мой Зайчик. За всеми четырьмя глубокие борозды, сам конь мне показался ниже ростом, но когда переступил в сторону и сразу вырос, я понял, что мой конь при резком торможении вошел в землю почти до колен.

В глазах багровое пламя, уши торчком, заржал тихонько и ткнулся мордой мне в плечо. Я обнял большую умную голову, поцеловал в бархатные ноздри. Голова разогрелась, как пролежавший в кузничном горне валун, я едва не спалил губы.

Конь тихонько ржанул, я сказал счастливо:

— Умница!.. Умница!.. Как я тебя люблю, зверюка...

Ведьма прижала обе ладони ко рту:

— Мой господин, это... это ваше?

— А я разве плох? — ответил я. — То-то. По хозяину и конь.

Она торопливо кивнула, вытаращенные глаза не отрывали взгляд от черного как смоль коня, почти растворившегося на темном небе, лишь багровые глаза смотрят жутко и пугающе, да когда распахнул пасть, плеснуло огнем, будто весь полон раскаленных углей.

Конь дышал мне в шею, горячие струйки обжигали кожу. Будь это днем, я бы наверняка увидел струйки дыма.

— Вот теперь ты лети, — сказал я ведьмочке, — а я за тобой по земле. Да слишком не отрывайся, я дороги не знаю!

Она дождалась, когда я вскочил на конскую спину, не очень удобно, уже привык к седлу, но на этом коне — что на чугунной статуе, я повернулся к ведьмочке. Вместо нее

пугливо переступает длинными костлявыми ногами неопрятная птица, похожая и на гигантского архиоптерикса, вообще-то хренового четуна, и на могучего птеродактиля.

Глаз птицы, круглый и немигающий, смотрел на меня со страхом и неуверенностью. Я похлопал коня по шее, птица повернула голову и посмотрела на меня другим глазом.

— Не очень быстро... — начал я снова, хлопнул себя по лбу. — Погоди! Я ж возил в седле спереди и сзади всяких там спасенных от драконов... А ты ж пернатое, значит — кости пустотельные, хоть свистульки из них делай. Давай обратно в человека, садись... нет, спереди — это будет чересчур, я ж не железный. Устраивайся сзади. Лучше человеком, а то перья у тебя больно жесткие.

— Ваша милость...

— Не спорь с мужчиной, — прервал я строго. — Во-первых, женщина должна лежать, во-вторых, молча... Нет-нет, вставай и садись, я же сказал! Это просто риторическая фигура, у нас все так говорили в Думе Срединного королевства. Много, красиво и неважко, что ни о чем.

Она обратилась в женщину, нерешительно взобралась на конский круп, я ощутил ее робкие пальцы на своем поясе. Зайчик всхрапнул, пошел шагом, тут же перешел в галоп.

За спиной ойкнуло, тонкие пальцы обхватили меня за талию, а сзади прижалось теплое, мягкое и горячее. Эх, снова Санегерийя явится на всю ночь...

— Ну, Зайчик, — сказал я, — давай обратно в наш с тобой замок. Только... не слишком быстро.

Во дворе с факелами в руках мечутся испуганные конюхи. От них сбежал, разворотив стену конюшни, конь сеньора, все трепещут и не знают, как пойти ко мне наверх и сообщить о такой потере.

Когда я проехал через мост и потребовал, чтобы меня впустили, стражи ахнули. Гунтер сбегал в мои покои и обнаружил, что там пусто, хотя стражи на входе в донjon

заявили, что хозяин наверху, мимо них не проходил, а других дверей нет.

Кое-как доказав, что я — это я, во дворе отдал Зайчика в дрожащие руки, снова отправился в будто заколдованный сегодня для меня донжон, тело стонет и уговаривает лечь прямо на ступеньках.

У входа на лестницу страж отсалютовал копьем, дернулся, пожевал губами и застыл, вытянувшись.

— Говори, — велел я.

Он суетливо дернул плечом:

— Что, ваша милость?

— Что хотел сказать, а потом струсил.

— Да я вовсе не...

— Я вас насквозь вижу, — пригрозил я. — Забыл? Я же паладин!

Он побледнел, признался:

— В ваше отсутствие в покой сеньора поднимался отец Ульфилла.

Я насторожился:

— Что ему понадобилось?

— Он сказал, что посмотрит насчет... насчет присутствия нечистой силы. Вроде бы в ваших же интересах, ваша милость.

Я стиснул челюсти, кивнул, хорошо, что признался, в первую очередь верность хранить нужно по отношению ко мне, а потом — к церкви.

На втором этаже привыкшие к полутьме глаза увидели свет раньше, чем уши уловили шаги. Свет стал ярче, на стене появилась расплывчатая тень, огромная и угрожающая, я опустил руку на рукоять меча.

Из горла едва не вырвался нервный смешок: по коридору топает крохотная старушка со свечой в руке. Что-то бормочет, на ходу толкнула одну дверь, дернула за ручку другую, от каждого движения на поясе позванивает связка длинных тяжелых ключей.

Я ломал голову, стараясь вспомнить среди челяди эту

старуху. Обычно челядь выше второго этажа не поднимается, там господские покои, ясно, а сейчас почему?

Старушка отворила дверь, я видел отчетливо, вошла и закрыла за собой тяжелую створку. Я отчетливо слышал щелчки поворачивающегося ключа, но когда, выждав некоторое время, потихоньку добрался до того места, там сумрачно блестели вытертые до блеска тяжелые камни.

Глупо, конечно, но я пощупал стену, прежде чем вспомнил, что не весь замок повинуется мне, махнул рукой, дотащился до своих покоев и начал снимать просто неподъемные сапоги.

Напротив на каменной стене — как раз среди скрещенных мечей и боевых топоров, — залитой красноватым светом светильников, заблистал белый праздничный свет. Вообще-то праздничным можно сделать любой свет, только врубить паярче, но этот в самом деле праздничный, взбадривающий, заставляющий верить, что не все потеряно, что Господь не покинул и все такое.

Свет залил спальню, Тертуллиан не вышел из стены, как в прошлый раз, просто возник в виде призрачного облачка, затем оформился в человеческую фигуру.

Я буркнул:

— Обязательно ли?

Он спросил настороженно:

— О чём ты, Ричард?

— О человекообразности, — объяснил я. — Мне показалось, что приходится делать какие-то усилия, чтобы из сгустка материи... Лично для меня неважно, в каком виде. Лишь бы человек был хороший, как говорят у нас мудрые старушки.

Он покачал головой. В блистающих глазах я уловил изумление:

— Сколько тебя знаю, Ричард, все время удивляешь.

— А что, не угадал?

— Признаться... ладно, мне самому привычнее, когда вот так. Я же здесь, в материальном мире, а куда приходишь, там и ведешь себя, как принято. Ты ведь в своих по-

коих ходишь голым, а на людях одет, спина прямая, нос кверху...»

Я скривился:

— Комильфо... Тертуллиан, раз уж ты заглянул в эту дыру, скажи, что на том турнире? Нет, предсказывать будущее не прошу, сам понимаю — смолчишь, просто полевую информацию. Здесь я король на болотной кочке, но на турнир съедутся орлы, перед которыми я мельче воробья!.. Что там можно, что нельзя?

Глаза вспыхнули ярче, фигура чуточку раздалась вширь, словно святой расправил плечи, примеряя доспехи. Но голос прозвучал строго и с долей тревоги:

— Ты угадал, на турнир съедутся сильнейшие. Здесь ты побеждал чаще всего с помощью магии, но для турнира отводят места всегда святые...

— Как это?

— На святых местах, — сказал он с сочувствием, — магия не живет. Ни белая, ни черная. Кроме того, перед турниром всех обойдут священники со святыми дарами. Обещает прибыть кардинал Леонковалло, а он почти святой, вокруг него аура святости на четверть мили. Всякая магия теряет силу. Это значит, что ни твой меч, ни твой лук не будут отличаться от обычных. А если метнешь молот, он останется там, куда добросишь. Так что на турнире только то, что называется честным боем!

Я сказал тоскливо:

— Честь — понятие растяжимое. Я из таких королевств, где вполне честно крылатой ракетой по бедуину на ишачке...

Он сказал несколько суховато:

— Я не стану навязывать формулу честности. Однако на Юге, куда ты так стремишься, тебе придется тяжко не только на турнире. Еще тяжелее будет другая борьба...

— С соблазнами? — догадался я. — Это ерунда! Лучший способ одолеть соблазн — поддаться ему.

— Не шути так, Ричард, — сказал Тертуллиан сурово. — Поддавшись одному — поддашься и другим. Душу загубить легко.

Я поморщился, теперь уже мой голос прозвучал чуть суще, чем я хотел даже сам:

— Тертуллиан, не будь деревенским попиком. Можно и к великой цели идти, даже скакать на коне, и баб трахать направо и налево. То есть, говоря церковным языком, тешить свои низменные страсти... Или это не церковный? Тогда — погрязать в похоти мерзкой... времяя от времени, но ухитряться не останавливаться. Ты же не останавливался? Вот и меня вся эта фигня не остановит. Я прекрасно понимаю, что вино и бабы — это очень мало, потому такое не засосет с головой.

Он вздохнул:

— Эх, Дик, если бы только это... Вино и бабы губят даже сильных, но не умных. Для умных другие ловушки. На Юге кроме очень красивых и развратных женщин еще и сильнейшие софисты. Они умеют доказать, что цель жизни — в плотских утехах, умеют передвинуть цели, заменить истинные ложными... Что-то не так? Почему так смотришь?

Я согнал с лица улыбку:

— Извини, Тертуллиан, но ты еще не видел промывателей мозгов, какие каждый день стараются повернуть нас в нужную им сторону. А я видел и слышал каждый день. Так что выдержу. Мне бы только попасть на Юг! Помоги, а? Ведь куда я пройду, туда и ты?

— Не совсем так, — уточнил он. — Если останешься христианином — да. Но если сумеют тебя...

— ...перевербовать?

— Да, тогда ты меня в тех краях больше не увидишь. Я ведь и здесь только благодаря тебе. И очень рад, что тебе пригодились доспехи Арианта, его луч и меч.

— Доспехи — нет, — ответил я честно. — Слишком уж они... архаичные. Я в них выглядел бы совсем идиотом. Или папуасом. Но лук — чудо! Да и меч хорош.

— Ариант, — повторил Тертуллиан с почтением в голосе. — Он всегда был великим... Да он и есть, герои не умирают. По-прежнему среди живущих, только незримы...

— И бестелесны, — ответил я скептически. — И не мо-

гут вмешиваться. И ни на что не воздействуют. Так?.. Это все равно что умерли, а прах их развеян. По ветру или еще как-то.

Он покачал головой, из-за блеска и сияния я иногда не угадывал, где у него глаза, где брови или выступающие скулы.

— Ты не прав.

— Почему? — возразил я. — И почему только герои? Тогда уж и все-все люди точно так же витают среди живущих, но тоже незримы, ни во что не могут вмешиваться, даже если бы и захотели...

Он помолчал, с большой неохотой, это заметно, кивнул.

— Верно, — ответил он медленно. — К сожалению. Души всех населяют мир. Но я не зря сказал именно о героях. Простые люди жили, работали, существовали, ни к чему особенному не стремились. Да ты и сам знаешь. Души их тем более ни чему не стремятся. Но герои... Герои — люди особенные. На заре мира сражались с богами, очищали землю от чудовищ, а потом боролись со Злом среди людей, наказывали тиранов, сеяли Добро. И вот сейчас, когда, как ты правильно сказал, души всех витают в мире, однако только души героев следует принимать во внимание.

— Почему?

— Я же сказал, простые люди и при жизни не стремились ничего менять в мире. Пределом их забот было починить забор или удачно выдать дочь замуж. А герои... Герои и сейчас смотрят на мир, негодуют при виде растущего зла, но сами ничего сделать не могут. Однако же их мощь настолько сильна, что могут побудить живущих к свершениям. Правда, для этого надо, чтобы человек был к этому не просто предрасположен, но и готов. И тогда герой будет в состоянии помочь...

Он говорил и говорил, но странным образом эта теология укладывалась в рациональное объяснение — ведь в моем времени могли объяснить все просто с хлестаковской легкостью! — мы все привлекаем в помощь изречения ве-

ликих, чтобы укрепить свою позицию в споре, на знаменах рисуем лики святых, Невского и Донского, учреждаем ордена Кутузова и Суворова, то и дело славим Куликовскую и Бородинскую битвы, взятие Берлина, спорим за киевских богатырей: наши они были, русские, или же, напротив, совсем украинские?

— Надеюсь, — пробормотал я, — ко мне под руку никто не лезет, ничего не нашептывает. Я сам выбираю!

Он кивнул, мне показалось, что слишком поспешно, я не сразу понял, что Тертуллиан из деликатности не стал тыкать носом в очевидное: никто из нас не свободен абсолютно, всех строят по линейке услышанные с детства песни, сказки, а потом — новости из газет, случаи на работе, увиденное в кино или на троллейбусной остановке. Даже когда голосуем «против всех» или вообще игнорируем выборы, то и в этом наш выбор.

— К сожалению, — сказал он, — человек выбирает все время. Даже когда он простой римский солдат, что повинуется беспрекословно легату. И потому, дескать, невиновен! Увы, Ричард, виновен...

— Да понимаю, — отрезал я. — И у солдата есть выбор. Это мы уже проходили. Никто ни от преступлений, ни от грехов освободить не может.

Он развел огромными руками из плазменного огня. По стенам пробежали сполохи.

— Ричард, Ричард... Опасно быть таким знающим.

— Знание — сила, — ответил я. — А почему опасно?

Он ухмыльнулся:

— Перестанешь браться за меч. Умные не любят этого дела.

У меня все вертелся вопрос: а каково быть существом из силовых или еще каких-то полей, энергочеловеком, но не рискнул, здесь мистики и веры может быть намного больше, чем науки. Понятно же, что любая наука человека сперва лечит, потом полностью избавляет от болезней, затем перестраивает его организм, начиная с простых трансплантаций органов и заканчивая переводом на внутриатомную основу... Но неужели у них наука ушла так неда-

леко?.. Или это нашупали где-то в один из последних Периодов, когда восстанавливали крохи былой мощи?

Тертуллиан передвинулся в сторону. Я уж подумал, что решил показаться и другим, однако свет разом померк, комната погрузилась в чадящую полутьму. Глаза медленно привыкали к слабому красноватому свету факелов, я пытался понять, зачем же он появлялся, осталось чувство, что это одна из косвенных проповедей, когда старается натолкнуть на «путь истинный» или же отвернуть от пути пагубного.

— Спать, — сказал я себе заплетающимся от усталости голосом.

Глава 9

Проснулся от звона кузнечных молотов, кузнецы у меня и оружейники — во всяком случае, двое из них — настоящие мастера, они полностью перешли на подгонку трофейных доспехов по фигурам моих воинов. Натужно мычит корова, прямо под окном растяжалась собачонка, а тут еще солнечный луч бьет в глаза, как Алан копьем дракона.

Кровать вздохнула то ли с облегчением, то ли сожалеюще, я сполз, кряхтя, некоторое время разминал спину, в ребрах колет, ноги распухли, ступни красные, как будто только что вытащил из тазика с горячей водой.

Явился Тюрингем, мои доспехи начищены, блестят, ремни смазаны, сам горит рвением и жаждой поскорее навесить на меня всю сбрую перевязей, двойных поясов, а также чтобы я непременно подцепил ножны с легендарным мечом Арианта, набор ножей, да чтоб еще и лук, тулу со стрелами...

Я вздохнул, постоял, пока он навешивал, сцепливал, затягивал пряжки, соединял, еще раз вздохнул, уже чувствуя, как грудные мышцы приподнимают кожаные пластины легкой брони.

— Все-все, благодарю. Пойдем вниз, пора завтракать.

Он сказал почтительно:

- А не проще ли подавать вам прямо в покой?
- Люблю общаться с народом, — пояснил я.
- Но рыцарей можно допустить и к вам в покой...
- Рыцари — не народ, — объяснил я. — Рыцари — это прослойка между классами. Вроде интеллигенции, но, слава богу, не интеллигенция.

Он благочестиво перекрестился при упоминании Господа, сказал, что да, это прекрасно, и мы пошли вниз.

Горгона в той же агрессивной позе, чудовища на перилах лестницы как будто поменялись местами, некоторые сбежали вовсе, но их места заняли звери совсем уж жутковатые. Женщина с мечом слегка расслабилась, откинулась назад всем корпусом, на губах играет мечтательно-мистическая улыбка.

В нижнем зале за столом только Алан, Зигфрид, виконт Теодерих. Зигфрид с Аланом приканчивают кувшин вина, морды довольные, сытые. Завидев меня, все трое вскочили, отвесили по церемонному поклону, Зигфрид сразу же сказал настойчиво:

— Сэр Ричард, пора в путь! Неизвестно, какие помехи встретим на пути. Лучше приехать на сутки раньше, чем мчаться, нахлестывая и загоняя коней! А то и вовсе опоздать к началу!

— А что, — поинтересовался я, — не допустят?

Фрида и еще одна молодая женщина, что опускает голову так низко, что я не рассмотрел ее лица, поставили передо мной самое нежное мясо, что берегут именно для лорда, подали рыбу и сыр, хлеб, овощи.

— Допустить допустят, — объяснил Зигфрид, — но вначале бойцы проезжают перед королем, а герольды выкрикивают их имена и заслуги. Сразу видно, кто чем силен.

— Ага, это чтоб кого вызывать, а чей щит лучше обойти?

Он ухмыльнулся:

— Это тоже. Там есть такие, которых побить невозможно.

Я покачал головой:

— Скоро выступим. Ты же сам рассчитал, что на поездку уйдет две недели.

Теодерих смотрел несчастными глазами, спорить не осмеливался, он здесь младший по рангу. Я посмотрел на него, на Зигфрида с Аланом, сказал неожиданно:

— А вообще-то, Зигфрид, ты чего решил, что поедешь со мной именно ты?

Он вскинулся:

— А кто же?

— Ты, — сказал я, — мой самый доверенный рыцарь. На кого мне еще оставлять оборону замка в мое отсутствие?

— Гунтер, — выпалил он. — Тем более что он уже рыцарь.

— Гунтер — прекрасный воин, — согласился я. — Но не все его считают рыцарем, к тому же он сам себя чувствует неуверенно в рыцарческой штурме. И не все лорды считут его равным для переговоров. Тут как раз нужен рыцарь, чье происхождение ни у кого не вызывает сомнений! Словом, рядом с Гунтером, как начальником стражи и сенешалем, должен быть и рыцарь — настоящий, с длинным, как у макаки, хвостом предков, гордый и хвастливый...

Алан сказал торопливо:

— Он самый! С хвостом, как у макаки. Это сэр Зигфрид, вылитый сэр Зигфрид! А ехать с вами, сэр Ричард, лучше всего мне.

Я взглянул на Теодериха, этот уже красный, как вареный рак, старается удержаться от «Меня, меня возьмите!», ответил многозначительно:

— Такие вопросы я решую не один. Посоветуюсь с народом... в смысле с религией и научными работниками в лице отца Ульфиллы и мага Рихтера, а там уже поступлю, как скажут эти весьма авторитетные в своих полях деятельности люди.

Вот вам, подумал мстительно. Всегда ответственность за непопулярные решения надо валить на других. Не зря же я смотрел теледебаты кандидатов на пост президента!

До полудня разбирался с делами, то есть вершил суд, на ходу изобретая и формулируя законы, рассудил три тяжбы, но не самые мелкие: к своему лицу допускал только ста-рост, те апеллируют от лица жителей сел.

Гунтеру удалось привлечь еще двух мастеров по изго-твлению луков. Как всякие умельцы, сперва покочевря-жились, критикуя композитные луки, но глаза загорелись, Гунтер незаметно подмигнул мне за их спинами.

Сторговались быстро, я плачу щедро, безопасность сто-ит дорого, а золота в подвалах Амальфи пока что в избытке.

Перед обедом от ворот подали сигнал, на той стороне моста кричит и просит позволения войти человек на тяже-ло груженном ослике. Я уже разбрался с защитой, вызвал в память мост, сосредоточился и сказал четко:

— Человека на осле — пропустить!

Во двор въехал странный путешественник, странный потому, что за все время я не встречал осликов, везде толь-ко кони, самые разные кони: мелкие, крупные, тяжеловесы, легкие скакуны, могучие рыцарские, выносливые мон-голоиды — но кони и только кони. Если не считать, конечно, мула отца Ульфиллы.

С ослика слез человек в сутане священника, усталый и покрытый дорожной пылью. Был он похож на отца Уль-филлу, разве что постарше.

Глядя на меня снизу вверх, сказал с неимоверным об-легчением:

— Вы и есть Ричард Длинные Руки?

— Ричард де Амальфи, — поправил Гунтер значитель-но. — А «Длинные Руки» отныне только для самых близких.

Священник поклонился, в глазах восторг:

— В Зорре говорят о вас как о сосредоточении всех ры-царских доблестей! И вот мне повезло вас отыскать... Сэр Ричард, я к вам с очень важным поручением.

— Каким?

Он покосился по сторонам, на лице смущение, сказал с запинкой:

— Некто... очень желающий вам счастья... велел пере-дать... передать специально для вас...

Он торопливо вернулся к ослику, развязал мешок и суетливо вытащил объемистый сверток. Снова покосился по сторонам, вздохнул, но я не выказал ни малейшего желания отослать рыцарей, и он принялся нерешительно развязывать сверток.

Ткань распалась, на свет появилась кольчуга дивной красоты. Сердце дрогнуло, в груди растеклась сладкая боль. Кольчуга, очень искусно выкованная, никаких приимет, но вязаная рубашка, в которую завернута, отмечена едва заметным гербом, который здесь ничего никому не скажет, но я-то знаю, кому он принадлежит!

— Это кольчуга, — сказал священник, — получила благословение самого прелата Войтыллы! Ее не пробить копьем, мечом или топором, не берут ни стрелы, ни болты. Человек, который носит эту кольчугу, никогда не знает усталости, ему не требуется сон, он слышит намного лучше любого человека, чует запахи, как волк...

Вокруг восторженно охали и ахали, я с трудом превозмог боль в грудной клетке, сказал сразу охрипшим голосом:

— Благодарю... Благодарю, оставь... А теперь иди отдохни, подкрепи силы. Фрида, позабочься, чтобы патера накормили и напоили.

Он протянул обеими руками кольчугу:

— Мой господин, ее нужно одеть!

— Одену, — пообещал я. — Оставь. Я никуда сейчас не еду.

Гунтер внимательно посмотрел на меня, взмахнул рукой в латной рукавице:

— Аудиенция закончена. Лорд Ричард изволит соизволить отдохнуть. Все свободны. Я сказал: свободны, мать вашу!

Голос его перешел в рык, все поспешили попятились, только священник остался и держал кольчугу в вытянутых руках. Гунтер принял ее, глазами указал патеру на дверь. Тот поклонился, удалился очень неохотно, обиженный.

Я повторил Гунтеру сломленным голосом:

— Пусть накормят... наградят... Словом, позаботятся. Он проделал такой путь...

— Надеюсь, не напрасно? — осведомился он. Наткнувшись на мой взгляд, сказал поспешно: — Будет сделано, ваша... сэр Ричард. А что с кольчугой?

— Положи...

— Куда?

— Найди место. Но так, чтобы на глаза не попадалась. Он переспросил озадаченно:

— Спрятать в ваших покоях?

— Ну, — ответил я в затруднении, — где же еще? Заверни во что-нибудь неяркое. И накрой, накрой, чтобы я не видел.

— Будет сделано, — повторил он совсем озадаченно.

Оставшись наедине, я тупо посмотрел вслед, взгляд уперся в дверь, мысленно все еще вижу кольчугу, даже не кольчугу, а ткань со знакомым до боли гербом... Глупое выражение, просто дурацкое, но сейчас я ощутил, что в самом деле может быть именно до боли. До щемящей боли в груди, где ухитряется ныть сердечная мышца, что есть всего лишь насос для перекачивания крови.

Но, тем не менее, болит, как живой червовый туз, пронзенный стрелой. Гунтер поклонился, на лице нерешительность, усы обвисли, как у запорожского казака.

— И еще, ваша милость...

— Да, Гунтер.

— Вы хотели закончить осматривать ваши земли, но... осталась такая мелочь, что и выезжать туда не стоит.

— Что? — потребовал я. — Договаривай! Когда такое вступление, то, сам понимаешь...

Он вздохнул, развел руками:

— Там узенький клинышек, ваша милость. Не стоит и внимания. В основном же с той стороны ваши земли граничат с дружелюбными соседями. А земли Волка касаются ваших земель меньше, чем в четверть мили!

Я помрачнел: если не предпринимаю ничего против Волка, то вовсе не потому, что забыл, как он предательски захватил меня, а потом подверг жестокой пытке.

— После обеда поедем, — ответил я, — посмотрим.

— Ваша милость, — сказал он предостерегающе, — вам

надо готовиться к турниру!.. Завтра рыцарский суд, а после него собирались на турнир... Какое копье подготовить?

— Не заговаривай зубы, — посоветовал я. — После обеда подбери крепких ребят. Да побольше. Я не хочу, чтобы и на этот раз что-то случилось.

Обед проходил в странной спешке: все знают, что я завтра еду на рыцарский суд, а оттуда прямо оправлюсь в Каталаун, где в предместье и будет знаменитый турнир, где победителю достанется Большой Золотой Шлем.

Я вышел из зала, навстречу бежала шустрая Фрида, я поманил ее пальцем:

— Эй, лисичка!.. Фрида, ты мне нужна!

Она подбежала, быстрая и ладная, заулыбалась, глаза засияли, пухлые губы раздвинулись в обещающей улыбке, уже готовая на все вольности. Почти на голову ниже меня ростом, придвигнувшись ближе и смотрит снизу вверх в мое лицо, прекрасно замечая, как мой взгляд невольно скользнул за низкий вырез ее платья.

— Да, господин?

— Фрида, — повторил я, — э-э... что это я хотел сказать... У тебя что, на груди растут волосы?

Она отшатнулась, сама торопливо заглянула в платье, где два нежных белых полушария настолько оттопыривают платье, что несчастная никогда не научится играть на баяне.

— Что вы, господин!

— Да? Гм, тогда это не на груди, извини, с такого ракурса расстояние смазывается... Ты всех в замке знаешь?

Она потрясла головой:

— Ну, господин, не совсем уж и всех... Зато могу вам постелить ложе так, как никто не постелит!

— Ангелину знаешь? — прервал я. — Анджелу?

Ее улыбка померкла, круглое личико вытянулось, а искорки в глазах погасли:

— Ангелину?.. Да, совсем немного. Ее мало кто видит, господин. Она... она редко выходит наверх...

— Только по ночам, — сказал я и дал понять взглядом,

что кое-что знаю. — Вот что, отыши ее и пусть немедленно ко мне.

Фрида отступила на шаг, щеки побледнели, глаза расширились. Я смотрел, как ее тонкие руки прижались к груди в немой молитве:

— Господин!.. Не делайте этого!

— Почему? — спросил я. — Ах да, ты вот о чем... Нет, в постель тащить не собираюсь. Я человек осторожный, да и не хочу ложиться с железным поясом на шее. Неэстетично, как будто металлист какой, а я ведь теперь больше яппи... Мне нужно дать ей кое-какие наказы. Хотя, впрочем, ты у меня стала как бы управительницей по верхним этажам? Я видел, челядью командуешь неплохо. Поручаю тебе сообщить Анжелине, что все деревни Одноглазого — уже мои деревни. Я не хочу, чтобы им был причинен какой-то ущерб. Если надо, можешь поспособствовать ее переселению из Амальфи в другой замок... например, к барону Талибальду.

Личико Фриды прояснилось, она мило заулыбалась, в глазах и гордость от повышения в должности, и радость, что не тащу Анжелину в постель.

— Я прослежу, господин, — пообещала она. — Вы мудро поступили, что сказали именно мне.

— Да уж, я мудр, — согласился я. — А почему я угадал?

— Я не только знаю их всех, — сообщила она застенчиво. — Я все-таки... главное. Нет, по возрасту они все старше, но мало что видят в подземельях, а я везде... простите, ваша милость!.. знаю больше...

— Еще бы, — кивнул я. — Ночи на Купалу... в смысле на Вальпургия, полеты на метле, где кто-то сгреб... Оттягивается по полной, да?

— Ах, — ответила она и подошла совсем близко, ее пальцы взялись за пряжку моего пояса, — что все те Вальпургии в сравнении с той ночью, когда я оказалась в вашей постели...

— Вернусь, — пообещал я, — тогда и попрыгаем. А сейчас, увы, труба зовет.

Лучники, что обедали последними, еще допивали эль, а конюхи уже выводили оседланных коней на середину двора. На воротах нам прокричали вслед напутствие, выказывая в первую очередь то, что на посту, блюдут, сторожат, враг не пройдет и не проползет, не подкрадется.

Гунтер послал коня вперед, а мы — я, Зигфрид, Алан и Теодерих — ехали неспешно плотной группой, Зигфрид развлекал рассказами, как они пересекали морской пролив на торговом судне, замаскировавшись под пиратов, Алан в свою очередь рассказал о сражении с дикими гномами.

Я догнал Гунтера:

— Что скрываешь, признавайся?

Он напряженно смотрел вперед, вздрогнул, повернулся ко мне голову. Лицо вытянулось, в глазах тревога:

— Ходят слухи, что к Волку прибыл старший сын. Что-то не заладилось на Юге. Боюсь, ваша милость, нападения на ваши села со стороны Волка не случайны...

— А при чем села?

— Он принуждает их принимать его власть и платить налоги ему. Так уже получилось с другими деревнями, вы же помните!

— А сейчас, когда прибыл сын...

Он кивнул, лицо стало злым:

— Боюсь, что Волк присмотрел для сына ваш замок, сэр Ричард.

Некоторое время ехали в тяжелом молчании, кони идут ноздря в ноздрю, хотя мой трусит неспешно, а остальные едва не в галопе, потом рыцари яростно заспорили, кто поедет со мной на турнир, а кому защищать замок... даже оба замка. Сошлись на том, что едут Зигфрид, Алан, Теодерих, Гунтер, Ульман, Тюргем и еще десятка два из наиболее крепких воинов. Да, еще надо не меньше дюжины лучников, нельзя превращаться в легкую мишень для стрелков на быстрых лошадках.

Я слушал, слушал, заметил саркастически:

— Я ценю ваше беспокойство обо мне... хотя я ж вас насквозь вижу, бесстыжие рожи! Ну что б не сказать честно, что самим восхотелось новых приключений, новых баб-с,

новых драконов? Увы, скорее всего, на турнир поеду вообще один... или с одним, только одним сопровождающим.

— Со мной! — сказал Гунтер.

— Нет, со мной, — возразил Зигфрид сердито. Он зло сверкнул глазами и едва не бросил руку к мечу. — Я сопровождал сэра Ричарда...

— Тихо, — сказал я. — Тихо! Вы забыли, что Устав нашего Ордена выше рыцарского самолюбия?.. Нужно делать что нужно, а не то, что говорит нам детское самолюбие, именуемое рыцарским... Для нас важнее сохранить этот замок. В нем благополучие не только наше и сел, что принадлежат нам. Враги попросту выманивают меня из защищенного места. Я не знаю, что ожидает на турнире, но, полагаю, не только турнирные схватки... Однако главный удар будет нанесен сюда! Так что именно здесь останутся лучшие. Я возьму с собой кого-нибудь из местных, кто знает дороги, обычай, имена и титулы наших соседей.

— Я! — сказал вдруг Алан. — Сэр Зигфрид прибыл из очень дальних краев, а я как раз из земель, что лежат отсюда на пути к турниру. Мы сможем заехать к моей родне...

Но сказал это без энтузиазма, я кивнул, принимая слова к сведению, но это не значит, что выберу его в спутники. Зашевелился и выдвинул коня вперед, отвесив учтивый поклон, всегда сдержанный и застенчивый виконт Теодерих.

— Сэр Ричард, — произнес он мягким голосом, — родовое имение моего отца всего в ста милях от места проведения турнира. Если бы мы летели отсюда, превратившись в птиц, нас бы могли подстрелить с башен мои братья. Я очень хорошо знаю те земли, а также сеньоров, по землям которых будем проезжать...

Я хотел промолчать, но учтивые слова требуют учтивого ответа, сказал с мягкостью железной руки в бархатной перчатке:

— Я все обдумаю.

Гунтер начал вертеть головой, я ощутил знакомый запах, в воздухе расплывается едва уловимый привкус гари и

дыма. Ветерок сделал его отчетливее, затем унес, однако с новым порывом я ощущил, что пожарище совсем близко.

Кони вынесли на пригорок, внизу с десяток хаток, половина еще золотятся соломенными крышами, другие выгорели дочиста, из трех пепелищ поднимается затухающий дым. Жутко воет пес, я пустил коня в направлении воя. Крупная лохматая собака застыла в горестной позе над трупом человека в луже крови. Голова хозяина безжалостно раскроена, одна рука срублена по плечу.

Между домами лежат убитые, в это время в стороне страшно прокричал Гунтер:

— Вот они!

На окраине деревни большой сад, из-за деревьев выехали всадники в кожаных доспехах с металлическими пластинами, все в железных шапках. Впереди на крупном коне настоящий рыцарь в добротном панцире, копье держит острием вверх. За ним пятеро в полудоспехах, все с мечами и топорами.

Зигфрид, Алан, Теодерих, Гунтер и Ульман разом обнажили мечи. Я торопливо выхватил молот, рука швырнула со всей яростью, что вспыхнула в мозгу, как будто там рванула граната. Молот унесся, я услышал шум, треск, глухой удар. Рыцаря подбросило, как мячик, еще троих разметало в стороны, я выставил руку, ухватил молот и снова швырнул с криком:

— Убивай!.. Это не люди!

И пришпорил коня, другой рукой выхватывая меч Арианта. Молот ударился в ладонь, и почти сразу же мы влетели в это паникующее стадо, где два страшных удара молота пробили широкую брешь в отряде, превратив десяток сильных мужчин в кровавое месиво.

Я никогда не переходил улицу поверху, если вблизи подземный переход, скажу честно — трусил, но сейчас оказался впереди всех, меч в опущенной руке, что удивляет всех, начиная от сэра Ланселота, но так нагнетаю кровь, во всем теле вскипает адреналин, впереди толпа вооруженной сволочи...

Оранжевое солнце зловеще заблестело на узком лез-

вии, словно я окунул его в кипящее золото. Я привстал на стременах, за спиной дикий вопль:

- Ричард!
- Ричард!..
- Ричард де Амальфи!
- Бей! — заорал и я. — Бей гадов!

Зайчик врезался в толпу, будь мое желание пробиться дальше, он бы пробился, но так окажусь в кольце, кто-то да ударит в спину, и умный зверь почти не двигался, пока я рубил направо и налево, затем делал шаг, еще шаг, и только если чей-то конь толкал его грудью или боком, он с силой бил копытами или хватал страшной пастью, и того опрокидывало вместе со всадником.

Мой меч входил в спрятанное в доспехи тело легче, чем нож в кочан капусты, я старался двигаться как можно быстрее, рубил, рубил, рубил, пока кровавая пелена не начала уходить с глаз.

Убегающих добили в спину лучники. Длинные, как дротики, стрелы из композитных луков с такой силой пронзали панцири, что высовывали острия с другой стороны. Те, кто остался, уже лежат неподвижно или корчатся на земле. Зигфрид и Алан соскочили с седел и ходили между ними с длинными узкими кинжалами, мизерикордиями, просовывали узкое лезвие в щель забрала и нажимали на рукоять, а кого не считали рыцарем, того добивали ударом боевого топора.

Глава 10

Последний, что пытался уйти огородами, превратился в кровавую лепешку под ударом молота. Я поймал за скользкую рукоять и повесил на пояс, даже не стерши кровь.

Рассело и Хруерт получили легкие раны, еще двое лучников хвастались царапинами. Я затянул им всем, несмотря на протесты, мол, само заживет, но видел, что счастливы, у них такой сеньор, и видел также, что каждый отныне готов умереть за такого хозяина.

Тюрингем насторожился, затем рука, сжимающая ру-

коять меча, вытащила до половины. Из леса выходили не-стройной толпой люди с топорами и луками. Остановились, а крупный мужчина, что шел впереди, приблизился к нам, преклонил передо мной колено.

— Мигель Сорока, — назвался он, — ваша милость. Вы меня назначили старостой, если помните...

Я поинтересовался строго:

— Что это за люди?.. Разбойничаешь снова?

— Это люди деревень Разлоги, Желтые Воды и Корсунянка, — сказал он. — После того как Волк захватил их, не все захотели служить ему... Волк — жестокий хозяин! Кто-то ушел в другие деревни, кто-то остался, а несколько человек присоединились к моей... гм... моему лесному отряду. Я все еще староста, но они меня помнят... Теперь, ваша милость, если вы собираетесь захватить замок Волка, то просим позволения присоединиться к вашему войску. А потом, если ваша милость дарует нам возможность вернуться в свои дома в отвоеванных деревнях...

Он умолк, я сказал как можно увереннее:

— Да, конечно! Я даже освобожу от податей. Ибо явились не по приказу, а по своей воле. Такое надо не только ценить, но и поощрять! Вот только войска у нас пока нет.

Гунтер сказал поспешно:

— Будет, сэр Ричард! Уже собирается.

— Где?

Он кивнул на Сороку, голос прозвучал без всякой иронии:

— Вот это и есть начало армии.

Сорока смотрел хмуро, исподлобья, сказал медленным тягучим голосом, будто выползая из патоки:

— Замок Волка не охраняет магия, как ваш, милорд, потому Волк постарался укрепить его так, чтобы никакая сила... У него самый защищенный форт в этих землях. Двойная стена, не говоря уже про вал и ров с водой, на башнях лучники, на стене люди с алебардами. Припасены камни, бочки со смолой. Сам по себе замок неприступен! К тому же в нем десятка три умелых воинов, не меньше двух-трех

рыцарей в полном облачении. С ними крестьянам не справиться.

Я повернулся к своим рыцарям, они отсалютовали обнаженными мечами.

— Давай, — сказал я Мигелю, — скажу еще нечто важное. Ты пришел со своими людьми сам, я вас не принуждал. Потому к вам отношение особое. Вы не требуете платы, значит, я дам ее сам и дам вдвойне. Кроме того, будете свободны от налогов. Еще и все оружие, захваченное в замке Волка, — ваше. Я хочу, чтобы вы в своих деревнях имели возможность защищаться. Конечно, от рыцарского отряда не получится, но от всякого рода грабителей, разбойников...

Гунтер пробормотал:

— Более чем щедрый дар.

— Из моей казны, — продолжил я, — каждый из вас получит по десять серебряных монет, раненые — по двадцать, а если кто будет убит, то семья получит пять монет золотом.

— Очень щедро, — повторил Гунтер. — Но, ваша милость, неужели вы попытаетесь напасть на этот неприступный замок?.. У нас нет шансов. Или у вас какой-то хитрый план?

— Плана нет, — ответил я честно. — Но Волк не ждет нападения, да и никто не поверит, что нападу. Ты говорил... или Ульман, не помню, что у Волка впятеро больше людей, а еще на сотни лиг родня на родне! Значит, для нападения привык собирать родню, а если кто посмеет осаждить его замок, то осаждающих в свою очередь вскоре окружит родня с многочисленным войском...

— Абсолютно верно, — подтвердил Гунтер.

— Значит, у нас есть только один шанс...

— Какой?

— Взять его замок с ходу. Итак, что мы имеем? Он послал грабить эту деревню большой отряд. Из них четыре рыцаря, двенадцать латников и пятнадцать копейщиков. Очень хорошо... в смысле уже не вернутся, а в замке были бы куда опаснее.

Гунтер кивнул:

— Да, ваша милость. На стенах замка их взять непросто.

— Второе, — сказал я, — в замке их будут ждать, ведь мы ни одному не дали уйти?

— Ни одному, ваша милость.

— Прекрасно. Если возьмем их коней, щиты с гербами, то сможем подъехать прямо к воротам.

— Но их все равно не раскроют, — предупредил Гунтер.

— Я на это не рассчитываю, — ответил я честно. — Быстрее отправь Тюрингема или кого-нибудь на легком коне в Амальфи. Пусть сюда скачут все, кто может держать в руках оружие. Если не возьмем замок Волка сейчас, то он возьмет наш... в мое отсутствие. Я ведь не могу не поехать на турнир!

Гунтер побледнел, быстро переговорил с лучниками, Тюрингем тут же унесся, нахлестывая коня.

— Если сумеем обуздить Волка, — сказал Гунтер с сомнением, — то из врагов останется разве что барон де Пусе, но де Пусе не нападет, это хитрая крыса. Однако насчет Волка... уж очень непросто.

Я молчал, мы уже проехали через лес, приблизились к опушке. А отсюда, прячась за деревьями, можно рассмотреть логово Волка во всех подробностях.

Замок почти квадратный, по углам четыре массивных башни. Самая северная опускается прямо в ров, темная вода всползает по гранитным глыбам в виде склизкой плесени, выше переходит в зеленый мох. Всего три крохотные бойницы, наверху под открытым небом небольшой зубчатый парапет, за ним поблескивают шлемы. Это не лучники, у тех простые войлочные шляпы, кто-то из рыцарей проверяет оборону.

— Когда ворвемся, — послышался голос Гунтера, я отметил, что впервые сказал «когда», а не «если», — лучникам нужно сразу взять на прицел всякого, кто кинется к конюшням. Даже не за конями, а чтоб не поджег, там все из хорошего дерева! Еще чтоб не подпалили зерноханилище или склад заготовок для копий и стрел...

Зигфрид перебил раздраженно:

— А где покой самого Волка?

— Да, — поддержал Алан, — где будет Волк? Говорят, он здесь лучший... Хорошо бы скрестить мечи...

Я сказал громко:

— С Волком придется сразиться мне. И не спорьте.

Они переглянулись, смолчали, все верно, с сеньором положено драться другому сеньору, а Гунтер, что постоянно бдит, сказал обеспокоенно:

— А это еще кого несет...

Показалась группа всадников, за ними пешком не меньше тридцати человек с топорами и щитами в руках, все в кожаных доспехах.

Я ожидал увидеть Тюренгема, хотя как это он так быстро, но впереди на поджаром гнедом коне летел Харальд. Остановив в трех шагах, он спрыгнул, подбежал и преклонил передо мной колено.

— Ваша милость, — выпалил он, запыхавшись, — я привел двадцать конных и тридцать пять пеших! Они там бегут, отстали...

— Ого, — сказал я, — но... я за тобой не посыпал!

— Ваш посыльный мчался мимо замка, — объяснил Харальд учтиво, — и успел крикнуть, что вы, ваша милость, собираетесь осадить замок Волка. Я всем обязан вашей милости! И потому не должен дожидаться зова.

Он говорил с достоинством, гордо, но просто, как само собой разумеющееся, что обязан принять участие в моей безумной авантюре и, возможно, сложить голову.

Я ощущил ком в горле, поднял его и обнял за плечи.

— Спасибо. Спасибо за верность, Харальд.

Его люди спрыгивали с коней, заводили под защиту деревьев. С великим удивлением я узнал в одном из всадников моего некроманта, который Логирд фон... как его, Темрунг.

Он соскочил с коня вполне профессионально, все в той же черной одежде, крупный, тяжелая нижняя челюсть с раздвоенным подбородком, толстые руки, прямой взгляд.

— Поможешь колдовством? — спросил я.

Он покачал головой:

— Если бы даже смог, ваши люди были бы против. Да и... не вел я поиски в этом деле. Но я, как уже говорил, из знатной семьи. Меня с детства учили владеть копьем, мечом и боевым топором.

Я развел руками:

— Ну, разве что так... Однако я не хотел бы, чтобы учёные принимали участие в воинских операциях. Умные головы дороже даже рыцарских.

Некромант поспешно поклонился:

— Простите, ваша милость... Вы так говорите, что мне... мне вдруг показалось, что вам мои занятия не кажутся... отвратительными.

Я сдвинул плечами:

— А что в них отвратительного? Работа как работа.

Удивление на его лице перешло в изумление:

— Но остальные... гм...

Я отмахнулся:

— Кто знает о прозекторах, тех некромантами не напугаешь.

Еще через пару часов начали прибывать мелкими группами воины, присылаемые Тюрингемом. С последней группой явился и сам, я переговорил, через полчаса он уже проскакал мимо замка на безопасном удалении, одетый в лохмотья, но обвешанный оружием, так обычно выглядят разбойники.

На вершине башни трое лучников, потом к ним присоединилось еще двое. Один натянул лук, недолго целился, я увидел мелькнувшую по небу темную черточку. Стрела вонзилась в землю шагах в двадцати от проскакавшего Тюрингема.

— Отлично, — сказал я с облегчением. — Будем считать, что это их лучший стрелок. Остальные даже не пытались.

— Или самый большой дурак, — буркнул Гунтер. Взглянул на меня: — Вы правы, ваша милость, это предел для простых луков.

— Значит, все наши лучники пусть не переходят ту черту! Композитные луки все-таки бьют дальше.

— Будет сделано, ваша милость.

— И никакой дурной храбости, — предупредил я. — Именем мой безумной, необыкновенной. Даже священной. Я всего лишь хочу захватить это логово и навсегда ликвидировать угрозу терроризма для своих замков и его общечеловеков.

Зигфрид выпятил грудь и пробурчал:

— Как это... А благородные схватки? А зловещая песнь мечей и грохот железа по щитам? А щем от полученных ран?

— На турнире! — огрызнулся я. — А здесь мне нужна всего лишь победа. Я сейчас не рыцарь, а хозяйственник!

Гунтер поклонился, не сводя с меня пристального взгляда.

— Будет... сделано, ваша милость.

Я еще раз внимательно осмотрел замок. Впечатляет, но я видел, конечно же, замки и побольше. Могу перечислять до вечера, у меня был каталог с рыцарскими крепостями от самых первых, которые построил Вильгельм Завоеватель, до самых последних, возведенных уже в семнадцатом веке.

Так что замок Волка не слишком, не слишком. Думаю, что не устоял бы против катапульт, не то что требушетов. Ужасающий Гунтера и Ульмана ров не так уж и широк, а стены нельзя назвать слишком высокими. Да и всего четыре угловых башни не позволяют держать в них много защитников.

— Пора, — сказал я.

Мы выехали из-за леса, веселые, беспечные, раскачивающиеся в седлах. Тюригем, изображая вдребезги пьяного, едва не выпал из седла, его со смехом придерживали с обеих сторон.

Солнце, к счастью, светит нам в спину, до мельчайших деталей освещая замок, наши лица в тени, только блестят доспехи рыцарей, на которые с большой неохотой набросили плащи с цветами Волка Зигфрид, Алан и виконт де Теодерих.

Сердце стучит часто, играю ва-банк, неудача может сто-

ить жизни всем моим людям, да и мне придется несладко. Копыта сухо стучат по земле, рыцари переговариваются веселыми голосами, но я уловил в лицах и движениях страшное напряжение. Одно дело мчаться с копьем наперевес на такого же противника, другое — ехать, не вынимая меча и не опуская забрала, приближаясь к зоне досягаемости стрел и арбалетов.

Гунтер предупредил:

— Ваша милость, лучники зашевелились!

— Пока далековато, — сказал я без особой уверенности. — Держите щиты так, чтобы хорошо видели гербы.

По его взгляду трое лучников начали подавать коней вперед, готовясь загородить меня, едва полетят стрелы. Я покосился по сторонам, оглянулся, у ребят моего отборного отряда в руках луки с наложенными стрелами.

Сердце стучало все чаще, мы уже чересчур близко, вот-вот с ворот рассмотрят наши лица, нужно начинать раньше, пока там не спохватились...

— Слава благородному сэру Уландру! — прокричал я громко.

Эти слова были сигналом к атаке, чему противились даже лучники, слишком уж въелось благородство, что в конце концов и погубит рыцарство.

Лучники разом выпустили тучу стрел, а затем еще и еще. Каждый заранее наметил себе цели, и сейчас, когда наверху никто не прячется за каменным барьером, почти каждая стрела нашла цель. Но даже сейчас уцелевшие на стене орали и вздымали кулаки, грозя нам гневом всемогущего лорда, а обстрел восприняли как пьяную выходку.

Гунтер крякнул, во взгляде, брошенном на меня, я увидел виноватость, понял. Я выхватил молот, швырнул, он унесся, послышался глухой удар, на серых камнях воротной башни появилась отметина. На воротах испуганно закричали, замахали руками.

Снова и снова свистели стрелы, наверху вскрикивали, падали, наконец начали прятаться. А из леса со всех ног к нам неслись кто на конях, кто пешком, добежав, торопливо натягивали луки.

Я швырял и швырял грохочущий молот, после пятого удара башня начала вздрагивать сильнее, от вмятины разбежалась паутина трещин. Гунтер предостерегающе закричал, я выронил молот, уже готовый к броску, ухватил лук, но справа и слева засвистели стрелы: лучники обрушили град стрел на высунувшихся стрелков. Ни один не попал, но отвлекли внимание, а моя стрела убрала еще одного.

— Ваша милость, — крикнули из отряда лучников, — не отвлекайтесь!.. Ломайте башню, вот-вот ружнет!

От нового броска башня содрогнулась, донеся треск разламываемых камней. Еще два страшных удара, молот рушит, как металлический шар в десяток тонн, которым строители ломают старые дома. Башня вздрагивала, на глазах ширилась, раздираемая трещинами, на зубчатой вершине уже ни человека, стрелки восторженно орут, я подошел ближе и швырнул в последний раз, сам чувствуя, что последний. Башня затрещала, начала оседать, огромные глыбы обрушились на землю, разламываясь от ударов один о другой, а так как башня на краю рва, то почти все обломки перегородили ров.

— Ричард! — страшно заорал Зигфрид.

— Ричард де Амальфи! — поддержал Алан.

— Слава Ричарду! — прокричал виконт де Теодерих.

Втроем ринулись по камням, за ними лавой потекли люди Мигеля Сороки. Я подцепил молот и поспешно схватил лук. Гунтер взглянул на меня с сомнением, все-таки лучший рыцарь всегда возглавляет атаку, но мое королевство создавалось на монгольских традициях, когда военачальник идет не впереди, как дурак, а руководит с холма позади войск. Я выпускал стрелу за стрелой, сшибая тех, кто на дальних башнях поднимался с луком или арбалетом в руках.

— Хорошо стреляете, ваша милость, — наконец вскрикнул Гунтер.

— Еще скажи, что я не стрелок, — посоветовал я.

Он замялся:

— Этого я не знаю, только благородные не берутся за лук.

— В моих землях берутся, — отрубил я. — Нет благо-

родных или неблагородных орудий. Все зависит от рук, которые их держат.

Я прицелился в лучника, чья стрела торчит в земле, отпустил тетиву и тут же вытащил другую, но глазами напряженно держал цель, иначе ничего не получится. Вторая стрела взвилась в воздух, а первая ударила в голову жертвы. Я поспешил выхватил третью, в то время как вторая попала в ухо своей жертвы.

Гунтер умолк, присматривается ко мне, я насторожился, поинтересовался быстро:

— Что не так?

— Все так, — сказал он испуганно, — все так, ваша милость!.. Пусть и дальше идет все так! Я просто счастлив, что у вашей милости стрел в колчане не становится меньше.

— Никому не говори, — предупредил я.

Он посмотрел укоризненно:

— Разве не понимаю?

На стенах лучников не осталось, а я, разгорячившись, сшиб и воинов с баграми в руках, что готовились отпихивать штурмовые лестницы, идиоты, какие лестницы, сейчас во двор карабкаются по развалинам башни мои рыцари, возглавившие отряд латников, а их опережают, спеша заработать обещанные вольности, лесные братья разбойника Мигеля.

— Сколько у Волка осталось? — спросил я.

— Двадцать-тридцать, — ответил он быстро.

— Разве мы не перебили десятка два-три, если не больше?

Гунтер отмахнулся с пренебрежением:

— Так то лучники!

Я кивнул, принимая объяснение. Действительно, лучники не сражаются лицом к лицу, потому их попросту не считают воинами. Воины — это те, кто грудь в грудь, глаза в глаза, кто рубит и колет, а разве можно назвать воинами тех, кто посыпает крылатые ракеты за триста миль?

За спиной послышался металлический голос Ульмана:

— В бой!.. Ваша милость, я жду приказа в бой!..

— И я, — поддержал Тюрингем. — Мы не можем позволить себе, чтобы победу для нас одержали крестьяне!

Ого, подумал я, мы уже, оказывается, белая кость и голубая кровь, но додумать не успел, рядом Гунтер выпрямился, вытащил меч и сказал с великим облегчением:

— Сэр Ричард... Вы — полководец!

С обнаженным мечом в руке он ринулся в полузыпанный ров, быстро пробежал на ту сторону, легко прыгая по огромным глыбам, обломкам воротной башни. Справа и слева от него бегут Ульман, Тюрингем и остальные мои латники, сейчас они, облаченные в трофеиные доспехи, ничуть не отличаются от настоящих рыцарей.

— Не прекращать огонь! — велел я лучникам. — Стрел не жалеть!

Лучники справа и слева стреляли по тем, кто бежал по стенам к руинам, у этих укрытий меньше. К счастью, стрелы уцелевших защитников втыкаются в землю, не долетев до нас, а наши умелцы из составных луков посылают стрелы с такой силой, что если в кого попадают, тот роняет лук и обеими руками хватается за пораженное место.

С обнаженным мечом в руке я ринулся в ров, начал карабкаться по камням, упал, больно ушибив колено, наконец сунул меч в ножны и уже быстрее перебрался через пролом во двор замка.

Возле барака наши латники рубят с десяток воинов Волка. Блестят мечи на вершине стены, оттуда падают тела, звон железа и крики со всех трех оставшихся башен.

Я снова выдернул меч, от меня шарахнулись, я ринулся в главное здание. На первом этаже сверкают мечи и топоры, орующие люди в железе с головы до ног страшно рубят один другого, трещат щиты, с проклятиями падают сраженные.

Неожиданно для себя я заорал, меня затрясло, я ворвался в толпу защитников и рубил направо и налево, не видя своего меча, только чувство тяжести в намертво сжатых пальцах, но выбегающие навстречу падают, рассеченные, словно пустые картонные коробки, из стен летят искры, это мой меч задевает камни.

Вокруг неумолчный дикий крик, звенит железо, наши латники карабкаются на башни, там надсадные крики,

словно на корчевке леса, удары железа по железу, по ступенькам скатываются, грохоча металлом, скорченные фигуры, зажимая ладонями раны.

Справа от меня, прикрывая сюзерена, сражается Ульман. Забрало поднято, выглядит металлическим гребнем доисторического ящера. В огромных руках великанский топор мелькает, как будто гейша кокетливо размахивает веером. Он страшен в великолепных доспехах, умело подогнанных, блистающих, словно на герцоге или короле, которому оруженосцы наперебой начищают каждое звено. К тому же ревет жутким голосом огромного лесного зверя, выглядит несокрушимым — первым пробился к воротам донжона и начал их рубить, не обращая внимания на сыпавшиеся справа и слева удары.

Зигфрид и Алан прорвались к нему как раз вовремя: рыцари Волка поsekли его доспехи, еще пара сильных прицельных ударов, и Ульман рухнет, но рыцарские мечи заработали с удвоенной силой, с другой стороны к Ульману пробился виконт Теодерих, закрыл щитом и телом, принял удары и начал возвращать вдвойне. Ульман без передышки рубил и рубил, под его ударами защитники падали, как кегли, ворота рассыпались в щепки, Ульман и рыцари смяли защитников и на той стороне, ворвались в донjon. У меня трое рыцарей, вспомнил я, остальные... впрочем, кто-то из них сегодня тоже станет рыцарем. Плевать, что скажут, признают их рыцарями другие рыцари или нет, но одного или двух я возведу в этот ранг! Или сословие.

Боевое исступление испарилось так же мгновенно, как и накатило. Я оглядел место боя почти трезвыми глазами.

Бой идет в нижнем зале, здесь Зигфрид, Алан, Теодерих, Гунтер, Ульман, в то время как бесполезные здесь лучники прикрывают нас во дворе под командованием Тюрингема.

Из защитников, отступая шаг за шагом к лестнице на второй этаж, оставалось десяток рыцарей и латников, но мои рыцари, а также Ульман, Рассело и Хрут рубят их с подъемом, уже чувствуя вкус победы.

Глава 11

Пролетом выше остановились трое рыцарей в хороших доспехах, закрылись щитами, в руках боевые топоры на длинных рукоятях, в прорези шлемов блещут суровые взоры.

Один чуть впереди, настоящий гигант, доспехи в палец толщиной, на груди барельеф в виде летящего сокола, зачем-то закрашен черным, двое за его спиной: ширина лестницы не позволяет встать троим. Все — могучие звери, крепкие, похоже, сам Волк с сыновьями. Или один из них сын, а третий — лучший из рыцарей, которому доверено сражаться рядом с сеньором. Мне, как лидеру, положено сейчас вступить в яростную схватку и, демонстрируя невероятные боевые комбинации ударов, а также приемы вос точных единоборств, побить всех троих, а затем, с побитой мордой и посеченными в капусту доспехами, всплыть по ступенькам наверх, орошая своей кровью, а там задыхающимся голосом провозгласить себя властелином и этого укрепления.

— Щас, — сказал я. — Ага, щас!..

Одним движением сорвал с пояса молот и швырнул в переднего. Тяжелый снаряд ударили с мощью танкового. Раздался железный лязг, треск костей, брызнуло красным. Лестница опустела, всех троих унесло наверх, там грохнулись о стену, а когда я бодренько взбежал наверх, три тела застыли в лужах крови недвижимо и в безнадежно красивых позах.

— Есть еще боссы уровня? — прокричал я страшным голосом. — Пусть прячутся! Ричард де Амальфи идет... В смысле я иду! Кто не спрятался, пусть...

На верхнем этаже двери без засовов, к хозяину никто не осмелится войти, я распахивал двери, пусто, бросался к следующей.

Вдруг вдали распахнулась дверь, выскоцил огромный мужчина в доспехах, двигается с легкостью, хотя в руке треугольный щит, а в руке меч. Забрало поднято, я сразу узнал Черного Волка.

Я закричал лютно:

— Стой, сволочь!.. За мной должок!

Он резко развернулся, я увидел оскаленные зубы, лицо, как у загнанного зверя. Молот вырвался из моей руки с такой силой, что будь перед ним крепостная стена...

Волк быстро вскинул щит, я засмеялся. Молот распорол воздух, как быстро летящая птица, по барабанным перепонкам больно резанул страшный удар металла о металл... я ахнул: молот отлетел в сторону! То ли Волк держит щит так, что молот скользнул под острым углом и ушел в сторону, то ли еще что, но Волк хоть и пошатнулся, однако устоял, бросился к окну.

Молот проломил стену, отпрыгнул к другой в тесном коридоре и, оставив на ней длинную вмятину, понесся ко мне. Я едва успел выставить вперед руку с раскрытым ладонью, молот пристыженно ударился рукоятью.

Волк прыгнул в окно, достаточно широкое, чтобы протиснуться, внизу заржал конь. С криком я бросился вдогонку, высунулся по пояс. Внизу Волк поднялся с земли, конь с готовностью повернулся боком. Волк вскочил в седло, разобрал поводья, конь ринулся, держась в тени башен и других строений в сторону пролома, где сейчас пусто.

— Ах, сволочь, — прокричал я, чувствуя себя идиотом, — запасной ход!.. Ты не волк, ты лиса с двумя норами!

Послышался топот со стороны лестницы, появились запыхавшиеся Ульман, весь в посеченных доспехах, Гунтер, следом спешит виконт Теодерих, у него на лоб стекает кровь, но лицо светится счастьем.

— Где Волк? — прокричал Гунтер. — Сэр Ричард, вы его...

Он посмотрел в мое лицо, умолк. Ульман бросился к зияющему окну, выглянув, вскричал горестно:

— Неужели ушел?

Гунтер огляделся, облегчение в глазах уступило место задумчивости, а лицо потемнело.

— У него особый щит, — сообщил он зло. — Никто еще не то чтобы пробить или расколоть, даже поцарапать не мог.

Я сказал разозленно:

— Все равно не понимаю.

— Чего, сэр Ричард?

— Молот башню разнес! По касательной или нет, он должен был... Нет, не понимаю.

Все молчали, Гунтер сказал серьезно:

— У вас молот непростой, у него — щит. Хорошо, сэр Ричард, здесь все кончено, мы будем во дворе. Надо осмотреть строения, подвалы...

Я кивнул, они поспешили уйти, я двинулся по широкому коридору, поочередно толкая и дергая двери. Только одна оказалась закрытой, я прислушался, там слышались голоса и скрип придвигаемой мебели.

— Кто не спрятался, — повторил я и крикнул: — Ложись!

Молот разнес дверь в мелкие щепы, а с нею и мебель, собранную в баррикаду. В комнате в углах с ужасом смотрят на меня три женщины: одной лет тридцать или больше, уже старуха, по мнению моих ровесников, хотя сами с такими занимаются лавом вовсю, и две девчушки лет по пятнадцати.

Все трое завизжали. Я остановился на пороге, под ногами хрустят обломки дерева, вскинул властно ладонь, все трое так же разом замолчали, словно их выключили.

— Женщины и дети, — сказал я в пространство, ни к кому не обращаясь, — под защитой Ричарда де Амальфи, захватившего замок. Насиловать и бесчестить не входит в программу. Хотя, конечно, впоследствии могут быть внесены изменения.

Старшая женщина поднялась на ноги, смертельно побледнела, но в дрожащем от страха голосе прозвучали достоинство и гордость:

— Мы ценим эту черту рыцарства, сэр Ричард... я говорю о защите женской чести, но... что с моим мужем?

— Леди... — проговорил я. — Имею я честь говорить с женой... нет, с супругой лорда Уландра?

Она наклонила голову.

— Леди Гортензия, к вашим услугам, милорд.

— Леди Гортензия, — повторил я. — Это ваши дочери?

— Да, сэр Ричард.

Я подумал. Произнес осторожно:

— Полагаю, что вы их воспитали, как дочерей могучего лорда, который идет по жизни с мечом в руке... и потому знает, что навстречу может попасться с... еще более длинным мечом.

Она медленно кивнула, не сводя с меня взгляда.

— Да. Они — дочери воина.

— Тогда имею честь сообщить, что ваш муж доблестно и благородно защищал... да, защищал. Правда, он мог героически пасть, не сходя с места, но все-таки предпочел мудро отступить.

Она спросила с недоумением:

— Отступить? Что это значит?

— Он выпрыгнул из окна, — объяснил я попроще. — Сумел скрыться. Возможно, попытается найти приют и помочь у родни. Говорят, ее у вас, как у тараканов, видимо-невидимо.

Она не изменила позы, все такая же прямая, взгляд не отвела, а тревога на лице не стала меньше. После паузы спросила напряженным, как армированный бетон, голосом:

— А... рыцарь с гербом Черного Сокола? Вы его видели?

Вот оно что, сказал я себе, поклонился и ответил учтиво:

— Я, сэр Ричард де Амальфи, готов подтвердить перед лицом короля, суда или самого Господа Бога, что рыцарь с гербом Черного Сокола не отступил ни на шаг, защищая подступы к вам и вашим дочерям. И погиб от удара в грудь, а не пораженный в спину при бегстве.

Она побледнела еще больше, покачнулась, я сделал к ней движение, но выпрямилась, гордо тряхнула головой, волосы освободились от огромной заколки и свободно рассыпались по плечам. В глазах засияла гордость.

— Спасибо, сэр Ричард. Он пал, надеюсь, от вашей руки?

— Да, — подтвердил я учтиво. — Ни один из простолюдинов даже не приближался к лестнице. Более того, мои доблестные рыцари: сэр Зигфрид из рода Нibelунгов, младший сын владетельного сеньора Кунинга, сэр Алан де Тридент и виконт Теодерих, предоставили эту честь мне, а сами оставались в нижнем зале. Могу добавить только, что

он не отступил ни на шаг, хотя мог бы, конечно, спастись бегством, как какой-нибудь... словом, как ваш муж.

Она несколько мгновений всматривалась в меня, в глазах все больше проступало странное выражение.

— Да, — произнесла она, — это так похоже на благородного сэра Рамеко. Мы уже слышали, сэр Ричард, что вы молниеносно захватили замок Одноглазого. Но мой муж уверял, что произошла какая-то странная случайность...

— Не большая, — сказал я еще учтивее, — чем сейчас. Позвольте вас уверить, что супруга Одноглазого живет сейчас в замке в безопасности. В ее покоях никто не входит. Во всяком случае, полагаю, что не входит...

Она саркастически улыбнулась.

— Вы могучий воин, но человек наивный, если в это верите. Это такая лиса...

Я поспешил прервать:

— Вы вольны оставаться в этом замке, сколько вам заблагорассудится, однако я предпочел бы, чтобы вы его покинули. Насколько знаю, у вашего мужа очень многочисленная родня. Очень не хотелось бы, чтобы сюда стягивались отряды, посланные вас спасать. А то и попытаться восстановить в правах хозяйки.

Она несколько мгновений смотрела мне в лицо.

— Вы откровенны, сэр Ричард. И правильно считаете. Правда, я не пользовалась любовью у родни, что, однако, не помешает им попытаться восстановить власть нашего могучего рода над этим замком и этими землями.

Я еще раз поклонился и, не зная чем заняться, отступил к зияющему пролому на месте двери, перешагнул через обломки и вышел.

В замке оглушающая тишина, хотя в нем масса моих людей, но после звона мечей, грохота металла по щитам, криков боли и ярости — теперь чудится, что я вовсе оглох.

С обнаженным мечом в руке я сбежал по лестнице, переступая через тела павших. Кто-то из этих распластанных пал от молота, но немало пало и от моего меча.

В нижнем зале множество убитых и раненых, наши люди и местная челядь, стараясь угодить новым хозяевам, выносят раненых под божий свет солнца.

В небе торжествующее карканье, вороны слетаются, спеша успеть выклевать еще теплые глаза, напиться горячей крови умирающих. Я оглядел залитый кровью двор, победа далась нелегко, наших полегло немало, раненых отнесли под защиту стены в тень. Там уже появились лекари, священники.

— Всех павших — в одной могиле, — распорядился я. — Гунтер, проследи, чтобы семьи получили пособие в полном размере.

Запыхавшись, прибежал Тюригем.

— Ваша милость!.. Ульман...

— Что с ним?

— Похоже... он умирает.

— Черт, — вырвалось у меня, — он же только что был вполне...

Священник, что проходил мимо, в ужасе отшатнулся от меня, торопливо перекрестился.

— Сын мой, ты не должен упоминать Врага рода человеческого!

— Простите, отец, — крикнул я на ходу.

Ульман распростерся, огромный, как лодка, в нижнем зале, где отремела последняя схватка. С него сняли шлем, а доспехи — погнутые, посеченные, с глубокими вмятинаами — сопротивлялись, скрежетали, из щелей текла густая вязкая кровь.

Тюригем сказал торопливо:

— Мы уже думали, что замок очищен, но из кузницы выскочили трое. Ульмана ударили в спину. Мы их порубили, но Ульмана... вот...

Ульман слабо улыбнулся бледнеющими губами.

— Ваша милость... Это был славный день... Никогда еще такой победы...

Я опустился перед ним на колени и опустил обе ладони на покрытый потом и кровью лоб. Слабость пронзила тепло, на миг я даже потерял сознание, в ушах тонко-тонко

запели комары, затем зрение прочистилось, я все еще на коленях, лицо Ульмана розовеет на глазах, он прошептал, все еще не веря себе:

— Я... не умру?

— Нет, — прошептал я и добавил громче: — Нет, сэр Ульман.

Он смотрел непонимающими глазами:

— Ваша милость...

Я с трудом поднялся, ощутил крепкие руки Зигфрида и Алана, сказал Ульману:

— Встань, Ульман.

Он поднялся, по моему знаку преклонил колено. Я вытащил из ножен меч, тяжелый, как наковальня, вскинул с трудом и опустил кончик лезвия на плечо коленопреклоненного оруженосца Гунтера.

— Достойны рыцари, что получают это высокое звание путем прилежного изучения благородного рыцарского дела, но вдвойне достойны те, кто завоевывает имя рыцаря на поле брани, в кровавой битве, явив пример доблести, отваги и самоотверженности!.. Видит Господь, который держал в своей деснице судьбу этой битвы, видят все участвовавшие в ней, что мало кто сражался так же доблестно, как оруженосец Гунтера Ульман, едва не отдавший жизнь за нашу победу!.. Властью сюзерена трех замков: Амальфи, Амило и... как зовется этот?

— Верден, — торопливо подсказал Гунтер. — Верден, ваша... сэр Ричард!

— И Вердена, — продолжил я, — я, Ричард Длинные Руки, наделяю тебя высоким званием рыцаря. И отныне всякий, кто обратится к тебе, должен прибавлять к твоему имени «сэр». Поздравляю тебя, сэр Ульман! Отныне ты равный среди рыцарей.

Первым обнял и поцеловал Ульмана виконт Теодерих, выказывая, что он, благородных кровей по рождению, искренне приемлет рыцаря, ставшего благородным по доблести. Кровь еще стекала по правой щеке, но уже чуть-чуть, а длинная косая рана над бровью набухла застывающей кро-

вью, багровой, почти черной, отблескивающей, как застывшая смола.

Я протянул к нему руку, но Теодерих отпрянул.

— Сэр Ричард!.. Умоляю, не нужно!

Моя рука повисла в воздухе.

— Почему? — спросил я озадаченно. — На вашу рану, сэр Теодерих, сил уйдет совсем немного.

— Да я не потому, сэр Ричард. Я не хочу, чтобы вы залечили... совсем.

Я повторил несколько глуповато:

— Почему?

Он застеснялся, украдкой посмотрел по сторонам, но мы стоим как в переполненном лифте, сказал почти шепотом:

— Пусть останется свежий багровый шрам! Чем же я похвалюсь перед братьями? Что покажу даме сердца?..

Я покачал головой.

— Как скажешь...

Гунтер наблюдал с самым что ни на есть понимающим видом.

В замке Верден повторилось, что и в Амило: челядь выгнали из нор убирать трупы, на воротах и башне поставили стражу. Уже ночью из Амило прибыло десяток мастеровых, принялись разбирать камни в проломе, закладывать брешь на месте угловой башни.

Всю ночь я поднимался на стены, спускался в подвалы, говорил со сдавшимися воинами, обещая сытную и непыльную службу, обратился к челяди, что, мол, эпоха угнетения человека человеком пала, теперь все будет наоборот и вообще все в жизни к лучшему.

Гунтер и Харальд к ночи послали в деревни призыв явиться желающим на службу в замок, к утру во дворе уже стояло человек сто молодых мужчин, хотя нужно, по словам Гунтера, не больше двух десятков. Но в селах избыток сильных парней, которые не могут найти работы, так что есть из кого выбрать и на ворота, и на стены.

Под утро я едва держался на ногах, все время не оставляло ощущение беды. Когда умывался, явился Гунтер, то-

же хмурый и не сомкнувший глаз, но бодрый и подтянутый, я тут же вспомнил, что меня тревожит: сегодня ровно в полдень рыцарский суд по иску барона де Пусе к сэру Ричарду де Амальфи по поводу незаконного захвата и удержания принадлежащей ему ценной добычи: дивной птицы хробойла.

— Гунтер, — спросил я, — сколько до земель сэра Лембита?

Он посмотрел на меня с беспокойством.

— Уж не думает ли ваша милость...

Я не понял, что его встревожило, переспросил:

— Это ж на его землях состоится рыцарский суд?

Лицо Гунтера просветлело, он с облегчением перевел дух:

— А-а-а, вот вы о чем!.. Это как раз недалеко. Успеем плотно позавтракать, а потом где шагом, где на рысях, прибудем к началу. Я все помню, ваша милость. Ульман и Тюрингем еще вчера отобрали двадцать пять лучших бойцов.

— Зачем?

— Вас должен сопровождать достойный отряд, — заверил он.

— Зачем? — повторил я. — Могут напасть?

Он сдвинул плечами:

— Так принято. Чем выше ранг, тем больше сопровождающих. Без отряда можно только инкогнито. Без замка вы могли бы ездить в одиночку, как Зигфрид или Алан, они однощитовые, как де Амальфи вы должны брать с собой не меньше трех рыцарей, а теперь, когда у вас еще замки Амило и Верден, с вами надо как минимум десять человек.

— Но тогда зачем двадцать пять?

Он помялся, взглянул искоса:

— Сэр Ричард... Ну пусть люди проедутся на суд, это же событие! Да и себя показать всем хочется. С вашей щедростью самые простые латники выглядят знатными рыцарями.

Я крякнул, развел руками:

— Так бы и сказал. Ладно, выступим сразу после завтрака. Не хочу загонять коней. Вы все железо на себя навешаете!

— А как же иначе, сэр Ричард? — спросил он с обидой.

Глава 12

Завтракали скомканно и нервожно: челядь страшилась нас, захватчиков, мы все еще не были до конца уверены, что обшарили все норы, двадцать человек спешно таскали глыбы, задевая стену, сейчас не до восстановления угловой башни, пока и трех хватит. Гунтер и Харальд громко огорчались по поводу посеченных лат, заменить не успеют, пока Зигфрид не сказал громогласно:

— Гордиться надо, а не скулить!.. Поедем на этот рыцарский суд в посеченных латах, на которых запекшаяся кровь... разве не возлиают друзья и не дрогнут враги?

— Устрашим одним своим видом, — согласился и Алан. — Нет, я вовсе не жалею... во всяком случае, не очень, что у меня грудной панцирь стал как поверхность деревенской наковальни.

— Приедем в Амальфи, — сказал я поспешно, — выберете лучшие доспехи, сэр Алан! И вообще, у нас там неплохой запас.

— Если так будем захватывать замки, — проворчал Гунтер, — то их ненадолго хватит.

Но в голосе матерого воина звучала гордость, в этом он и юный сэр Теодерих — близнецы и братья, только у юного виконта все на виду.

Он молодецки сплюнул через перила, Зигфрид поморщился.

— Гунтер, Гунтер... Не позорь рыцарского звания. Если думаешь, что рыцарь — это тот, кто лучше всех машет мечом и весь в подвигах... ошибаешься. То само собой: рыцарь всегда впереди, опасность встречает грудью, а смерти смотрит в глаза и не отворачивается. Да и уклоняться от служения Отечеству ни один рыцарь ни-ни... Но еще рыцарь чем рыцареем, тем дальше от скота, к которым так близок простолюдин!

Гунтер посмотрел исподлобья:

— О чём вы, сэр Зигфрид?

— Да будет тебе известно, — сказал Зигфрид назидательно, — что рыцарь и без всяких сражений связан по ру-

кам и ногам клятвами и обетами. Он не смеет обидеть женщину, обязан защитить ребенка, должен быть всегда вежливым, обходительным, учтивым, галантным, ибо это угодно Деве Марии и отдаляет человека от скота, к которому жаждет вернуть человека Враг рода человеческого. Вон ты плюешь на головы...

— Я не на головы, — возразил Гунтер.

— А куда?

— Да просто так, — ответил Гунтер. — Что, смотреть буду?

— Рыцарь должен все видеть, — объяснил Зигфрид. — А плевать вообще рыцарю нельзя, он не простолюдин.

Гунтер огляделся:

— Так тут же нет баб... в смысле прекрасных дам!

— Да и хрен с ними, — ответил Зигфрид. — Но мы, благородные рыцари, — есть? В нашем изысканном обществе ты не должен ни плеваться, ни чесаться, ни пердеть, ни употреблять гадкие слова... ну, разве что кто на ногу наступит или промеж глаз врежет, это другое дело, а вот так просто — нельзя! Простолюдину можно, он и так почти животное, а вот рыцарю — низзя!.. Сэр Ричард, ведь правда же?

Я с сочувствием смотрел на Гунтера.

— Он прав, Гунтер. Кому много дано, с того больше и спрашивается. Тебе, как рыцарю, больше того, что можно, но и шире список того, что нельзя. Понял?

— Нет, — ответил Гунтер честно, — но, как погляжу, в рыцарской жизни не все медом намазано.

Мы спустились во двор, я взобрался на Зайчика, похлопал по шее. Он косил на меня огненным глазом, тихо и ласково проржал что-то на лошадьем языке. Из башни вышел некромант, поспешно поклонился, мне почему-то почудилось, что нарочито выискивал момент, чтобы подойти вроде невзначай, насторожился, но кивнул милостиво и сказал с рассчитанной небрежностью сеньора в затуманенном государственными заботами взоре:

— Э... Лигурд?.. Некромант? Да-да, продолжай-продолжай некромантить...

Он поклонился снова, одной рукой придерживая меч в

ножнах у левого бедра, а когда Зайчик шагом пошел мимо, спросил торопливо:

— Ваша милость... а что такое... прозекторы?

Я оглянулся, на его бледном, словно посыпанном мукой, лице читалась мука.

— Это такие маги, — пояснил я, — что расчленяют только что умерших. Или недавно померших. Вытаскивают кишку, сердце, печень, мозг и все-все, что внутрях...

Он ахнул, его перекосило от отвращения:

— Как можно? Но... зачем?

— Чтобы знать, — ответил я строго, — почему человек умер. И что сделать, чтобы больше от такого не скопытивался. Хорошая профессия, почетная! Даже выше рыцарского звания!

Он ахнул, нижняя челюсть отвисла. Из ворот начали выезжать по двое блестящие рыцари в великолепных доспехах на огромных рыцарских конях. Они выезжали и выезжали, я с Гунтером уже на той стороне придиричиво рассматривал отряд: проехали Зигфрид, Алан, виконт Теодерих, а рыцари все выезжают и выезжают. Правда, только присмотревшись, можно заметить, что на щитах нет фамильных гербов, а только мой уменьшенный в левом углке, а так во всем настоящие рыцари: добродетельные доспехи, хорошо подогнанные каждому по фигуре, даже шлемы с опускающимися забралами, сложные пластинчатые щитки, укрывающие голени и ступни, длинные мечи, конические щиты, расписанные грифонами и львами...

Гунтер рявкнул, отряд перестроился по четыре в ряд, так и поехали, очень красиво, потом, конечно, строй нарушился, все разбрелись, растянулись в длинную цепочку, Гунтер поспешно заверил, перехватив мой взгляд:

— Когда приедем в земли сэра Лембита, я их всех по ниточке!

— Хорошо бы, — признал я. — Впечатляет. Я даже не ожидал, что у меня такая сила.

— Ваша милость, — напомнил он, — теперь располагаете мошью трех владений. И людей можете отбирать из трех гарнизонов.

— Ты, кстати, что еще сделал для защиты Вердена?

— Стену восстановят, — заверил он, — а без вашего молота ее так быстро не разбить. Провел набор среди новых и наших прежних селян. Конечно, в лучники — в первую очередь.

Я ухмыльнулся, не стал напоминать, как Гунтер сперва противился идее композитных луков, нечестно, для него они в диковинку, а я их держал в руках всякие-разные. Даже с лазерным прицелом.

Кони спокойно шли по широкой лесной дороге, колеса телег глубоко пробили колею, кусты по краям дороги заботливо вырублены, и когда впереди затрещало, даже настороженный Гунтер схватился за меч без всякой торопливости, а я медленно опустил ладонь на рукоять молота. Ветки заколыхались, на дорогу впереди вылез худой парень в одежде крестьянина, вскинул руки.

— Я без оружия! — прокричал он. — Сэр Ричард, меня просили передать несколько слов.

— Говори, — сказал я настороженно.

Он посмотрел на Гунтера, на рыцарей, что настороженно оглядывают лес, промямлил:

— Меня настоятельно просили передать вам лично. Сэр Ричард, я безоружен. Если хотите, пусть мне свяжут руки...

Я поморщился, дурак, совсем уж перегибает, такой и с оружием не страшен, бросил:

— Гунтер и вы все... подождите.

Парень покорно дождался, понурый, с печальным лицом, всем своим видом говорит, что он абсолютно беспасен, слаб, труслив, безобиден, такого страшиться могут только совсем уж трусы... Я подъехал медленно, держа его взглядом, рука на рукояти меча, второй я потрогал крест на цепочке, а затем амулет. Бог не рассердится на такую предосторожность, в конце концов, и маги, и священники — его дети, и каждый из них истолковывает его волю в меру своего детского понимания.

Он оставался все таким же, что либо говорит о высокой

магической защите, либо в самом деле безобиден, как и кажется.

Я слегка наклонился с седла:

— Говори.

Он оглянулся на застывших у изгиба тропки Гунтера и множество рыцарей, сказал шепотом несколько слов. Концовку я не расслышал, попросил повторить, он при-двинулся ближе, прошептал в самое ухо. Я задумался разве что на секунду, мозг с бешеною скоростью прогнал перед внутренним взором десятки вариантов, сценариев, как сказали бы в другом месте, кивнул, не отрывая взгляда от бледного лица.

— Хорошо.

— Спасибо, — сказал парень.

Он отступил, кусты затрещали, когда вдвинулся задом, послышался удаляющийся топот. Мои герои дождались, когда я сделал им знак продолжать путь. Некоторое время ехали молча, Зигфрид посматривал молча, а Гунтер, простоя душа, не выдержал:

— Что этот вахдак хотел от вас, ваша милость?

— Пожелал, — ответил я, — доброго пути.

Зигфрид снова смолчал, а Гунтер после долгих раздумий переспросил:

— А почему тогда шепотом?

— А чтобы некоторые помнили, — ответил я назидательно, — что не все следует говорить громко. И даже вслух.

С утра собирались мелкие барабашки, стянулись в плотное стадо и полностью закрыли небо. Потемнело, начало погромыхивать, однако ветры побрезговали опускаться к земле и попросту изорвали тучи на мелкие клочья, а те жалко истаяли под палящими лучами.

Когда далеко впереди на пологом холме показался приземистый замок, а вокруг множество домов, утопающих в садах, огороды, стада на зеленых заливных лугах, солнце уже почти не пряталось за облаками.

Народ всех сел, через которые мы проезжали, выбегал

на улицы и раскрывал рты: рыцари — редкость, а здесь на богатырских конях, накрытых цветными попонами, едут двадцать пять закованных в прекрасные доспехи ну просто несокрушимых богатырей, страшных в блистающей молнии!

Я на острие клина, за мной — Зигфрид и Алан, за ними — виконт Теодерих, Гунтер и Ульман, а дальше наши латники, не отличимые по великолепию доспехов даже от щеголеватого Зигфрида.

Дорога шла по изумрудной долине, справа и слева поля. На лугах пасется скот, в озерах плещутся гуси, утки. Время от времени встречали загородки, где хрюкают толстые откормленные свиньи. То и дело обгоняли повозки, везущие в город на продажу полотно, стада уныло бредущего на городские бойни скота.

— Это уже земля сэра Лембита? — спросил я.

— Нет, но вот по ту сторону реки... надеюсь, парома не придется ждать... уже егойная.

Я покачал головой:

— И что здесь за такие крохотные владения...

— Это здесь, — согласился Гунтер. — Но восточнее вдесятеро больше. Даже западные... Хотя там есть и мелкие, а есть и такие, как баронство Унгавния, которое по размерам и молнии уже переплюнет иное королевство. Там очень воинственный Дривинальдэ, у него неплохие советники, он и сейчас умело расширяет Пределы...

Проехали еще с полмили, открылся вид на поселение, в центре которого возвышается замок. Сердце мое заныло в сильнейшей зависти, вот так и должен выглядеть замок просвещенного и справедливого государя: на вершине холма, к которому жмутся множество домов, мастерских, это же целый город, здесь сотни домов, а в домах сотни мужчин, которых можно призвать в замок на службу.

Да они и сами прибегут в замок, едва покажутся враги, им стоит только раздать оружие...

Зигфрид за моей спиной проговорил негромко:

— Кажется, будет стычка...

— Хорошо, — проворчал Алан. — Столько ехали, и чтоб не подрались?

Впереди слева от дороги, по перпендикулярной тропке в нашу сторону двигается большой конный отряд. Впереди на огромном коне рослый рыцарь в доспехах цвета закатного солнца, конь почти такой же черный, как и мой, однако грива и хвост багровые, как и доспехи рыцаря. Я присмотрелся, почудилось, что красный цвет вовсе не окраска, а именно сам металл красного цвета, хотя я так и не смог припомнить такого сплава.

Они выехали на дорогу и остановились, загородив нам дорогу. К передним всадникам подтягивались остальные, сбивались в плотную группу. К переднему рыцарю подскакал оруженосец, подал копье. Зигфрид хмыкнул, копье в руке рыцаря — повод к схватке. Это уже вызов сам по себе, да и остальные за его спиной опускают забрала, явно не собираются с нами вступать в разговоры.

— Хорошо, — согласился Алан свирепо. — Надо и здесь показать, что в эти края пришла новая сила.

Я остановил коня, этих задиристых не меньше тридцати человек, крупный отряд и, похоже, тоже едут на рыцарский суд. Не просто хорошо вооружены, но, как и мы, выставили лучших бойцов, одели лучшие доспехи. Ко дню суда готовились, точили мечи, ремонтировали панцири, а щиты, похоже, изготовили заново. Однако, если честно, там только пятеро рыцарей, остальные простые латники, одетые в кожаные панцири. И топоры у них, мягко говоря, не самые-самые.

Я дал знак своим ждать, за нашими спинами стук копыт, это подъехали виконт Теодерих, Гунтер и Ульман. Они сразу все поняли, заняли места в боевом порядке. Не оборачиваясь, я слушал стук копыт, это подъезжают остальные, сильно растянувшись в дороге.

Рыцари на той стороне не двигались, но по каким-то признакам я ощущил, что наш все прибавляющийся отряд впечатление произвел. Не оглядываясь, я услышал по шорху, что лучники достают луки, накладывают на тетивы стрелы.

— Что медлят? — спросил я настороженно. — Если хотят напасть...

Гунтер подал голос за моей спиной:

— Дорога узковата. Больше, чем вчетвером, не получится, а это значит, первая четверка умрет сразу. Да и вторая — наверняка. Они понимают, что у нас за лучники!

— Рыцарь не боится умереть, — ответил Алан с достоинством и расправил плечи пошире.

— Никто не боится умереть, — возразил Гунтер обиженно, задетый намеком о какой-то особой храбрости рыцарей, — но одно дело умереть в бою, другое — на бойне.

— Да, — сказал и Зигфрид, в голосе звучала злая ирония. — В самом лютом сражении могут убить, а могут и не убить, а здесь первые четыре, да и следующие... Я их понимаю.

Копыта перестали стучать, я не оборачивался, понятно, подъехали все и выстроились для атаки. Я вскинул руку и сказал громко:

— Шагом!.. Мечи наголо!

Рыцари на той стороне дороги смотрели на приближающийся отряд, наклонив головы в шлемах, у нас какая-то странная атака: всегда ведь с копьями наперевес разгоняются для таранного удара, а мы идем слишком уж неторопливо.

— Дрогнули, — произнес Алан со злым разочарованием.

Я не увидел, в чем проявилась эта дрожь, но, когда наши кони сделали еще два-три шага, рыцари задвигались и, не поворачивая коней, а умело управляя шенкелями и шпорами, подали их обратно на свою дорогу. Путь свободен, Алан всхрапнул, Зигфрид выругался и со стуком бросил меч обратно в ножны.

— Это даже лучше, — успокоил я.

— Чем? — спросил уныло Зигфрид.

— Побеждены одним нашим видом, — заверил я. — В схватке можно победить с самым малым преимуществом, а победить вот так... это круто, это самая впечатляющая победа.

Изрекая такие истины, я подбодрился и сам, а червячок, что остервенело грызет внутренности, малость приутих.

Еще через полчаса верховой езды приблизились вплот-

ную к частоколу, которым обнесен город. И хотя деревянный частокол — не стена из каменных глыб, но все-таки это городская черта, защищающая дома и огороды от ночных троллей, волчьих стай, бродячих гоблинов, всякой ночной нечисти, что так и норовит прокрасться в жилища...

Мы проехали по центральной улице, кони фыркали и мотали гривами. Подковы звонко стучат по булыжной мостовой, железо доспехов позвякивает, а прапор с моим гербом в руках богатыря Ульмана трепещет по ветру. Жители явно дивились нашим богатырским коням, искусно выкованным доспехам, свирепым и полным достоинства лицам рыцарей... конечно же, рыцарей, кто еще может носить такие доспехи?

Я засмотрелся на замок сэра Лембита: стены из массивных глыб разного веса и размера, это же сколько надо труда, усилий и терпения, чтобы прилаживать одну к другой, подтесывая и подравнивая, что лежат без малейшего зазора, стены ровные, толстые, надежные. И хотя ничего их не скрепляет, нет и намека на цемент или творог с желтками куриных яиц, чем скрепляли кирпичи Московского Кремля, но держатся надежно, ничем их не сдвинуть, разве что долгой бомбардировкой чугунными ядрами, какие лежат у Царь-пушки.

Там на верхних этажах стены явно завешаны коврами, gobelenами, шкурами добытых зверей, а здесь каменная кладка во всей красе. Теперь понимаю, почему такие крепости строились веками. Вон Кельнский собор возводили пару веков, так и этот замок простоит еще не одну тысячу лет, эти камни ничто не сдвинет, пока не рассыплются в песок, а на это потребуются даже не тысячи лет, миллионы...

Глава 13

Во дворе нас встречала толпа слуг, торопливо перехватывали коней, бегом уводили в конюшни. Приземистый и очень розовый сенешаль с тремя подбородками и большой золотой цепью на груди учтиво обратился ко мне:

— Сэр Ричард?.. Мы все наслышаны о вашей великой доблести, что проистекает от необычайного благочестия. Прошу вас, благородный сэр, сюда...

Он подвел меня к изящной часовне, поклонился и торопливо удалился. Чувствуя себя самозванцем, я вошел в темное помещение, сейчас больше похожее на склеп, но, осматриваясь, увидел внутренним взором, как и где когда-то стояли золотые чаши, висели искусно вытканные gobelены, как все светилось живым огнем, когда часовня жила.

Я прошел к алтарю, странное чувство овладело мною. А почему, собственно, жила, а теперь нет? Не в золотых и серебряных дарах заключена сила, это было бы слишком просто, это для первобытных, а христианство — это более высокое, здесь даже камни пропитаны святостью, что накапливалась веками. Думаю, разрушь часовню — святость этого места все равно останется, и долго еще прохожие будут дивиться то чудесным исцелениям, то видениям, кого-то посетят пророчества, кому-то подскажут путь.

Надо бы опуститься на колени, но в моем прежнем мире больше всего стыдились мелодраматизма, эффектных жестов, мужчина должен быть суров и неподвижен, говорить мало, двигаться редко, но когда двигается, то чтобы каждый удар достигал цели.

Так что я постоял, даже не перекрестив лоб, так ли уж Богу нужны жесты, коротко поклонился, как младший старшему, и вышел в яркий, залитый солнцем мир, где конское ржание, цокот подков, суета, люди носятся бегом, устраивая гостей, а из-под ног с суматошным кудахтаньем выскаивают куры.

Щит с моим гербом повесили у входа. Зигфрид нахмурился, найдя ущемление достоинства: почему самым последним, крайним, ведь сэр Ричард уже владелец трех замков, я поспешил успокоить, что не все еще получили ясные приказы. И не всем мы преподали уроки, как тем рыцарям на дороге.

Зигфрид, Алан и виконт Теодерих ждали меня у выхода из часовни. Я увидел их лица, сам сделал подобающий вид,

дескать, разговаривал с Богом, моим Верховным Сюзереном.

Зигфрид сказал почтительно:

— Надеюсь, вы замолвили словечко и за нас, сэр Ричард?

— Разве вы не со мной? — ответил я.

— Сэр Ричард! — воскликнули они в один голос, довольно шокированные.

Я улыбнулся пошире, что-то здесь тонких шуток не понимают.

— С нами Бог, так кто же против нас?

— Никто, — ответил за всех Зигфрид гордо. — Мы видим, сэр Ричард, Дева Мария заверила вас в полной поддержке?

Я кивнул, рыцарство почему-то избрало своим знаменем именно Деву Марию, хотя, впрочем, это вообще-то понятно: мужчинам невыносима мысль, что выше их кто-то есть, пусть даже сам Бог, а вот Деву Марию допускают наверх весьма охотно: женщина!.. Это не мужчине покоряться или поклоняться.

— На всякий случай, — ответил я после паузы, — я заручился поддержкой и самого Господа Бога. Мы, паладины, как-то больше привыкли иметь дело с ним, в то время как простые рыцари — с Богородицей.

Зигфрид крякнул, смолчал. Понятно, что мужчина все же старше, у паладинов сюзерен и на небесах выше и могущественнее.

К нашей группе подошел сенешаль, поклонился учтиво:

— Доблестные рыцари, все приглашены занять места в нижнем зале.

Зигфрид нахмурился:

— В нижнем?

— Его переделали под залу суда, — заверил сенешаль.

Алан остался посмотреть, как расположились наши воины, но тут же появился Гунтер, поспешно заверил, что он следит за всем и всеми, ущемление достоинства и чести не допустит, все эти штучки знает, старый волк, так что, сэр Алан, идите с сэром Ричардом к остальным рыцарям, а он уж побудет с простыми воинами...

Впятером: я, сэр Зигфрид, сэр Алан, виконт Теодерих и Ульман, теперь сэр Ульман, вошли в помещение, где после солнечного дня показалось, как будто попали в склеп: свечильники дают ровный красноватый свет, что высвечивает грозную красоту камня, но глаза приспособились, передо мной просторный зал, в середке единственный стол и кресло, зато под стенами сколочены плотниками роскошные помосты в три яруса.

Ульман плелся сзади, тихонько поскуливал, просился остаться с Гунтером, почему тому можно, а ему нет, Алан шепотом втолковывал, что ему, дурню, оказана великая честь, на рыцарский суд пускаются только рыцари. А он — рыцарь, рыцарь, рыцарь!

На скамьях уже отдельные группы рыцарей, в центре каждой сразу угадывается лидер, сюзерен, обычно матерый волчище с суровым лицом, испещренным шрамами. Только барон де Пусе, на него указал виконт Теодерих, выглядит не рыцарем, даже не воином, а неким великосветским хлыщом: бледное лицо, выпуклые губы, их принято считать порочными, да и само лицо, если на то пошло, даже я склонен признать порочным. Среди сверкания железа он единственный одет, как на бал к принцессе: малиновый камзол, голубые панталоны и оранжевые башмаки с сильно загнутыми носками, как туфли старика Хоттабыча. Руки камзола по последней моде ужасно раздуты, словно шаровары запорожского казака.

На меня смотрели настороженно и даже враждебно. Единственный, кто с довольным ревом пошел навстречу и тут же ухватил меня в объятия, оказался сэром Тудором. Он тут же начал рассказывать ближайшим рыцарям, как мы завалили чудовищного кабана, те слушали с бледными улыбками, отходили по одному.

Подошел его отец, благородный лорд Устинакс, поклонился учтиво, в глазах некая настороженность:

— Благородный сэр Ричард, не кажется ли вам, что шагаете слишком быстро?

— Кто не идет вперед, — ответил я так же учтиво, — тот идет назад: стоячего положения нет.

— Но вы нарушили устоявшееся равновесие...

— Вся наша жизнь, — ответил я еще учтивее, — это непрестанный выбор между созиданием и разрушением. Кто знает, новое положение не будет ли лучше?

Он покачал головой:

— Вас не страшат возможные неприятности? Все-таки, захватив замок и земли сэра Гуинга...

Я улыбнулся.

— Ах вы об этой мелочи? Ну, это было так давно...

Он насторожился, взгляд стал острым:

— А что недавно? Сэр Ричард, у ваших людей посечены доспехи. Неужели что-то случилось в дороге?

Я отмахнулся с великолепной небрежностью могущественного лорда.

— Сэр Устинакс, ну что мы о таких приземленных вещах? Житейская мудрость — это понимание, что девяносто девять из ста опасностей, ожидание которых является источником страданий, не исполняются.

Он смотрел с сомнением, во взгляде попеременно менялось выражение, я наконец поинтересовался:

— Дорогой сэр Устинакс, что-то вас беспокоит?

— Сэр Ричард, не обижайтесь... на вас многие так смотрят. Вы — загадка. Никто еще, будучи настолько юн телом, не рассуждал так зрело. Не удивляйтесь, если о вас будут говорить как о волшебнике, на старости переселившемся в тело молодого парня.

Тудор захохотал:

— А что еще брешут о вас, что брешут, дорогой друг!

— Что? — спросил я, насторожившись.

— А что вы умело... ха-ха!.. управляетесь с хозяйством свалившихся на вас земель!.. Ха-ха, как будто это дело для такого отважного воина, как вы, сэр Ричард!

Я развел руками. В этом мире каждый соответствует... тому, чему и должен. В моем же при обилии информации можно впитать ее неимоверное количество буквально с копытами. Мой прадедушка и к старости знал не намного больше, чем в молодости, ибо прожил в той же деревне, где и родился, телевизора или радио у них не было, зато я знаю

в сто тысяч раз больше. Это не значит, что все мои знания применимы, что толку от информации о породах деревьев на Мадагаскаре, температуре таяния льдов в Антарктиде и как ловить глубоководную рыбу в Тихом океане? Но знаю и много полезного. Да и бесполезный багаж на самом деле не совсем лишний: это ассоциации, постоянная гимнастика мозгов.

— Я дурак, — признался я, — но мне повезло с наставниками. Они много видели, много знали, много испытали. Все передали мне. А я, хоть и дурак, но многое запомнил. У дураков, говорят, память просто замечательная! Это вроде компенсации за природную дурость.

Тудор отмахнулся, ничего не поняв, а лорд Устинакс посмотрел на меня чересчур внимательно, даже с подозрением.

— Кто так говорит, тот в самом деле знает и умеет многое.

— Ах, сэр Устинакс, если бы...

— Не скромничайте. Иная скромность паче гордыни.

Я поклонился, вспомнив, что гордыня — один из смертных грехов, хотя более гордых и надменных людей, чем рыцари, я вообще не видел на свете. Правда, одновременно они ухитряются быть и крайне учтивыми.

В зал вошла в сопровождении трех немолодых рыцарей, один сильно прихрамывает, очень яркая женщина в длинном голубом платье, в замысловатом головном уборе.

Слуги зажгли еще светильники, весь зал заблистал в почти солнечном свете, я наконец-то с удивлением узнал леди Роберту. Она бросила в мою сторону ледяной взгляд, очень быстро, даже чересчур, повернула голову в другую сторону. Ей указали на кресло, она царственно опустилась, держа спину прямой, в мою сторону уже не смотрела.

— Что ее грызет? — спросил я.

Зигфрид сказал с легкой насмешкой:

— Леди Роберта очень подозрительна ко всем мужчинам.
— В чем? — спросил я.

— Она сейчас единственная законная наследница земель Виронии, — объяснил он. — Теперь уже владелица. И очень боится, что мужчины смотрят на нее как на лег-

кую добычу. Мол, возьмут в жены, а там в чулан, править же будут сами.

Я подумал, кивнул:

— А что, и так могут.

— Да, — согласился и он, — но не стоит на всех бросаться, как разъяренная кошка. Она же не просто всем отказывает, а вот-вот нож под ребра!

Я вспомнил, с какой ненавистью смотрела при первой же встрече, исключая эпизод в подземной тюрьме, когда была слишком измучена.

— Да, перебарщивает. Я ей ничего худого не делал, а она едва глаза не выцарапала.

В зал вошел, громыхая железом, рыцарь в багровых доспехах. За ним еще пятеро, все в дорогих доспехах, рослые, надменные. Я узнал незнакомцев, что пытались загородить нам дорогу.

— Барон Талибальд, — сказал Зигфрид шепотом, — как мне уже сообщили. Очень сильный воин; очень! Храбрый рыцарь, в последние три года ни одного поражения. Говорят, заговоренный... Но человек плохой.

Я кивнул, плохой человек — тот, кого уж нет сил оправдывать. А если оправдываем, то еще не плохой. Вернее, плохим не считается.

— Он просто жестокий, — поправил Аллан. — Правда, чересчур...

Я снова кивнул, и это понятно, ибо жестокость — тот предел, в котором можно быть злым, оставаясь правым. Так что я все еще стараюсь смотреть на рыцаря Талибальда беспристрастно, хотя этот мерзавец осмелился загородить мне дорогу, да за это мало в землю вбить по ноздри, за это вообще не знаю что надо сотворить с подонком!

Кровь бросилась в голову, но, к счастью, на середину зала к столу вышел рослый и очень грузный человек, доспехи позолоченные, такие обычно делают толщиной с бумагный лист, чисто парадные, их легко проткнуть пальцем, седые волосы красиво и величественно падают на плечи. Багровый свет блестит на высоком лбу, переходя-

шем в небольшую лысину, на поясе короткий меч, рукоять осыпана драгоценными камнями.

— Благородные лорды, — провозгласил он сильным звучным голосом, и я сразу понял, что только за такой голос можно ставить Председателем Верховного Суда: красивый, богатый, убеждающий, просто гипнотизирующий, — с вашего позволения начинаем заседание рыцарского суда. Я, Лембит де Саккала, облеченный доверием и всеми полномочиями, объявляю заседание открытым. Первое дело к слушанию: граф Казимир Щедрый обвиняет барона Колобжега в незаконном пользовании титулом маркиза де Трегурда. Барон Колобжег в свою очередь выдвинул контробвинение в адрес графа Казимира: тот рубит лес в его владениях...

Как ни странно, дело вызвало живейший интерес, начало затягиваться, слишком много аргументов и контраргументов, но, как оказалось, тянется уже несколько лет, и судья, выслушав стороны, мудро решил отложить дальнейшее разбирательство до следующей сессии. Так умелый сценарист оттягивает хлесткую концовку, подогревая интерес зрителей.

Я вздрогнул, когда прозвучал тот же величественный голос:

— А сейчас приступим к рассмотрению жалобы барона де Пусе на самоуправство сэра Ричарда де Амальфи, который захватил на землях де Пусе добычу, законно принадлежащую ему, барону де Пусе. Зачитаю ее полностью...

В зале слушали с неослабевающим вниманием, хотя две трети заявления составляло перечисление всех титулов барона, а также перечень его именитых предков.

Пока зачитывалась жалоба, я оглядывал зал, стремясь обнаружить хотя бы намеки на сочувствие, но не преуспел.

Наконец сэр Лембит свернул свиток в трубку и опустил на середину стола. Затем обратил величественный взор в мою сторону.

— Прежде чем начнем разбирательство, — пророкотал

он величественно, — не желает ли сэр Ричард сделать какое-либо заявление?

Все смотрели на меня с враждебным интересом, рыцарь Талибальд бросал лютые взгляды, я почти слышал скрип его тяжелых, как мельничные жернова, челюстей.

Я поднялся и сказал громко:

— Да, ваша честь. Вообще-то я должен был промолчать, дабы не мешать судьям творить правосудие, в беспристрастности которых и великой компетентности нисколько не сомневаюсь, но у меня в самом деле важное заявление. Я человек в этих краях новый, а в тех землях, откуда я прибыл, законы и правила несколько иные. Узнав законы этих земель, я пришел в неописуемый восторг, мне все это очень понравилось, особенно многое наслышан о вашем мудром судействе и разбирательстве сложных дел на протяжении многих лет... Так вот, ознакомившись с местными правилами, я убедился в полной и безоговорочной правоте благородного сэра барона де Пусе. Потому сейчас, еще до начала судебного разбирательства, передаю ему его законную добычу, подстреленную нами странную птицу, что упала на землях благороднейшего сэра барона де Пусе.

Тюрингем вышел из-за моей спины и понес на вытянутых руках хробойла на вышитом полотенце красного цвета: Крылья хробойла свисали до земли и скрипели по каменным плитам костяными крючками. Народ вытягивал шеи, поглядывая на диковинную птицу, о которой только слышали, но видели разве что высоко в небе, тут же поднимали удивленные взоры на меня.

Сэр Лембит пожевал губами, на лице некоторая растерянность, готовился к долгому запутанному и сложному процессу, где он блеснул бы всеми знаниями законов и множеством precedентов, однако вскоре лицо подобрело, сказал густым довольным голосом:

— Ну вот и прекрасно! Благородство человека в том, что он сам понимает, где поступает верно, а где дурно, и сам принимает решение признать правоту соперника. Поздравляю вас, сэр барон де Пусе, с получением вашего хробойла... а вас, сэр Ричард, поздравляю с мужественным

решением, которое может позволить себе только благородный и справедливый человек, который не страшится молвы... А теперь переходим к следующему делу — о по-траве скотом, принадлежавшим барону Тидарелю, полей маркиза Торейда. Маркиз Торейд утверждает, что потраву барон Тидарель допустил умышленно...

Барон де Пусе вскинул руку.

— Простите, ваша честь, что осмеливаюсь прервать вас. Но у меня тоже заявление!

Сэр Лембит окинул его внимательным и не совсем уж доброжелательным взглядом.

— Хорошо, но только коротко. Я боюсь, что ваше заявление меньше доставит нам радости, чем заявление сэра Ричарда.

— Отнюдь, — ответил барон нервно и повторил быстро: — Отнюдь!.. Я не собираюсь ему уступать, уж простите, ваша честь. Я подал в суд вовсе не из-за важности этого хробойла, а потому что задета моя честь барона де Пусе, род которого насчитывает сорок знатных предков, среди которых известные Гонильд, Шарлен Доблестный, Урпенг Широкий, Ливон Горячая Ладонь, Шугильд...

Некоторые сразу начали зевать, креститься, сплевывать, сэр Лембит нахмурился, прервал нетерпеливо:

— В чем ваше заявление?

— Я заявляю, — ответил барон де Пусе с пафосом, — что не позволю сэру Ричарду победить... в этом ли суде или даже в королевском! Потому возвращаю эту дивную птицу, ибо она сражена только благодаря умелому выстрелу сэра Ричарда, который наряду с рыцарскими умениями показал и дивное искусство обращения с луком!

Из-за его спины выступил оруженосец и уже на роскошном зеленом полотнище, вышитом золотыми нитями, важно понес хробойла в нашу сторону, остановился передо мной, поклонился церемонно, протянул на вытянутых руках. Улыбающийся до ушей Тюрингем принял и передал мне.

Сэр Лембит смотрел остановившимися глазами, в зале

кто-то крикнул «ура», Лембит вздрогнул, лицо расплылось в широчайшей улыбке.

— Я счастлив, — провозгласил он с чувством проповедника христианства, — быть свидетелем такой тяжбы. Нет лучше зрелища, когда доблестные рыцари соревнуются в благородстве и учтивости!.. Такие победы еще более достойны воспевания, чем победы на турнирах, в сражениях и захвате замков. Ибо благородство — более редкое и достойное качество, чем сила и крепость мускулов. Благодарю вас, сэр Ричард. Благодарю вас, барон де Пусе! Вы обменялись великолепнейшими ударами, о которых с восторгом будут рассказывать все, кто был свидетелем этого необычного суда... А теперь, благородные рыцари и благородные дамы, приступим к разбору жалобы сэра Тидареля на потраву...

Глава 14

Барон де Пусе снова вскинул ладонь. Сэр Лембит повернулся в его сторону, взгляд стал очень внимательным, я прочел в нем предостережение, мол, не испорти такое великолепное судилище, не подгадь себе же какой-нибудь глупостью.

— Угодно что-то еще, благородный барон де Пусе?

— Угодно, — ответил барон заносчиво. — Как вы сказали верно, мы обменялись великолепными ударами, а это значит, что никто из нас не вышел победителем! А мне, барону де Пусе, наследнику великого и славного рода, в рядах которого такие великие рыцари и полководцы, как Гонильд, Шарлен Доблестный, Урпенг Широкий, Ливон Горячая Ладонь, Шугильд, Аганадерк...

Все дружно начали зевать, сэр Лембит прервал, теряя терпение:

— Дорогой барон, что вы хотели?

— Я хотел, чтобы мой удар был завершающим, — ответил барон де Пусе громче. — Потому я имею честь заявить следующее... Да, следующее! Все мы видим, что в наших землях впервые появился рыцарь, который, как все сейчас

видим, являет примеры как доблести, так и учтивости, благородства, уважения к традициям и законам. В то же время он достаточно силен, чтобы силой оружия отстаивать идеалы добра и справедливости. Потому я, барон де Пусе, добровольно и без всякого понуждения, чувствуя себя покоренным благородством и великодушием эра Ричарда де Амальфи, приношу ему присягу верности и объявляю себя его вассалом со всеми вытекающими обязанностями по праву вассалитета.

Сэр Лембит выпучил глаза, в зале наступила мертвая тишина. За моей спиной тихонько ахнул Тюрингем, начали перешептываться Зигфрид, Алан и виконт Теодерих. Сэр Лембит после паузы с шумом прочистил горло, с трудом встал и заявил во весь голос:

— Воистину сегодня великий день! Впервые в наших жестоких краях вассалитет был навязан не силой оружия, а в соревновании благородства и учтивости!.. Увы, сэр Ричард, я, как глава рыцарского суда, вынужден констатировать, что в этом соревновании победил барон де Пусе.

Я склонил голову, развел руками:

— Да, я тоже признаю поражение и принимаю присягу барона де Пусе. Обязуюсь строго блюсти все законы и права вассала, бдить и защищать его силой своего оружия и ни в чем не ущемлять чести и достоинства вверившего мне свой замок, земли и оружие.

В перерыве между заседаниями вокруг моих рыцарей собрались слушатели: только от нас узнали о захвате замка барона Уландра де Вендана, о кровавой схватке, о позорном бегстве барона, что оставил жену и дочерей на милость победителя, в то время как его дальний родственник, сэр Рамеко, защищал их до последней капли крови...

Слушали со страхом и неуверенностью, из темной лошадки я очень быстро становлюсь грозным и непредсказуемым противником. Я перехватил взгляд сэра Устинакса, старый рыцарь только сейчас понял, почему посечены доспехи и почему я счел захват замка Одноглазого делами давно минувших дней.

Еще я заметил, как вышла из зала и уехала в сопровождении своих рыцарей леди Роберта. В мою сторону даже не взглянула, но я испытал мстительную радость, когда один из слушавших Зигфрида побежал за ней вдогонку, вскочил на коня и понесся следом.

Из зала суда вышла фигура в малиновом камзоле с пышно раздутыми рукавами на месте бицепсов. Без колебания барон подошел, взглянул на моих людей, они из деликатности отошли в сторонку, а барон поинтересовался шепотом:

— Здорово мы все разыграли?

— Великолепно, — согласился я со сдержанностью, не понравилась циничность в голосе, взгляде, — только не нужно, чтобы кто-то пронал, что все детали обговорены заранее.

— Упаси боже, — вскинул барон шепотом. — Это не в наших интересах!

— И вообще, — сказал я, — пусть все верят в спонтанность заявлений, в порывы благородных чувств, что прямо захлестнули нас. Может быть, и сами хоть чуточку станут благороднее.

Он кивнул, по-крысиному улыбнулся:

— Да, вы правы, пусть мир будет чище и благороднее! Нам, крысам, в таком легче рыть норы.

Он засмеялся, ушел, очень довольный, что, еще не зная о падении замка Вендена, сумел сделать правильные выводы и выбрать самую разумную линию поведения.

Подошли Зигфрид, Алан, виконт Теодерих. Зигфрид тихонько рычал в полном восторге, глядя вслед барону де Пусе, бил себя кулаком в бок. Алан расплылся в широчайшей улыбке, даже сдержанный виконт Теодерих растянул рот в счастливой улыбке.

Как и все рыцари, они понимают, что это означает. Теперь барон де Пусе связан со мной священным долгом вассала. И хотя замок и земли получил не от меня, но именно я сейчас подтверждаю его право ими пользоваться, а это значит, что в ответ барон де Пусе принимает на себя вассальные обязанности, в числе которых даже присылка мне

по первому требованию определенного числа воинов. Правда, на строго определенный срок, все оговорено в Кодексе Рыцаря, но все же это обязанности, которых у де Пусе раньше не было.

Более того, трудно придумать отмазку, чтобы остаться дома и не стать изгоем в обществе. Вассал, который нарушает присягу, самый презираемый человек, его никто не пригласит в гости и не даст ему приюта. Не говоря уже о том, что сюзерен при случае постараётся наказать клятво-преступника, дабы другим неповадно было.

Я издали поклонился судье и, сопровождаемый своими рыцарями, покинул зал. Лучники торопливо вывели коней, седлали, а мы подтягивали друг у друга ремни, скрепляющие доспехи.

Ко мне подбежал Гунтер, лицо сияло:

— Ваша милость, это правда?

— Ты о бароне? Правда. А теперь, Гунтер, запомни еще раз, только крепко: ты не Гунтер, а сэр Гунтер. Ты не должен ко мне подбегать, а должен подходить быстро, но с достоинством, преисполненный учтивости, но не забывая, что и ты — рыцарь.

Он торопливо кивнул:

— Я стараюсь, стараюсь! Но я так долго был простым воином, что переучиваться буду долго.

— Переучивайся, — сказал я строго. — Помни, оешься сенешалем всех трех замков!.. И хотя командование рыцарями и воинской силой — за сэром Зигфридом, но на тебе вся экономика, сбор налогов... которых пока нет, справедливое судейство, а также охрана всех трех замков... Трех, понял?

Он вздрогнул, воинственно растопыренные усы разом обвисли, словно потяжелели.

— Ох, ваша... сэр Ричард! Я буду стараться, сэр Ричард. Но какое мудрое решение принял барон! Сообразил, что все равно с ним пришлось бы столкнуться. И не помогла бы родня. Он же видит, что вам, сэр Ричард, наплевать на родню и связи... А теперь он как бы свой, под вашей защитой.

Я нахмурился, сказал строго:

— Гунтер, Гунтер!.. Что-то ты совсем плохо о людях думаешь. На суде было соревнование в благородстве и учтивости. Мы соревновались, кто кому больше уступит. Барон победил... Только так и надо трактовать, понял?

Гунтер подумал, кивнул:

— Вы правы, милорд. Мы должны быть примером детям. Если будут знать правду, разве станут нас уважать? Нет, мы перед молодыми рыцарями должны быть всегда чисты и с белыми крыльышками за спиной. Кстати, ваша милость, до рыцарского турнира еще две недели. Может быть, завтра с утра?

— Нет, — сказал я решительно. — Доедем до развилки, а там вы в замок, а я на турнир.

Он посмотрел на небо.

— Стоит ли, на ночь глядя?

— Полдня выгадаю, — ответил я. — Больше откладывать некуда. Хотя, конечно, в одиночку мог бы и... быстрее.

Гунтер сказал в страхе:

— Сэр Ричард!. Вам нельзя одному. Во-первых, здешние порядки вы, уж простите, не знаете. Во-вторых, честь рыцарская терпит урон, если рыцарь без оруженосца. Это вроде бы вовсе не рыцарь!.. Одно дело по своим селам, другое — на турнир, куда и доспехи самые лучшие, и одежду побогаче, и коня заранее.

Я кивнул.

— Сэр Зигфрид, сэр Алан, сэр Теодерих... И вы, Гунтер и Ульман, вы все мои дорогие друзья, а не вассалы! Потому я и обращаюсь к вам не с приказом или повелением, а с просьбой. Я поеду на турнир... один. Нет-нет, не спорьте, дослушайте!.. В мое отсутствие замок наверняка попытаются захватить. К примеру, барон Талибальд. Или кто-то еще. Слишком велики здесь сокровища, о них наслышаны многие. А у нас вместо одного — три замка! Решая одну проблему, это я насчет безопасности, породил три... Что делать, мы взяли обязательство заботиться о людях, что вверили нам жизни, дома, поля. Я вот, как подлый трус, сбегаю от трудностей, а вам предстоит самое тяжелое...

Прошу вас, останьтесь и удержите замки, земли, защитите крестьян. Я вернусь! Я обязательно вернусь.

Они становились все серьезнее, а дослушали в гробовом молчании. Зигфрид оглянулся на остальных, кашлянул, сказал суровым голосом:

— Насчет бегства от трудностей не надо, сэр Ричард... Мы же понимаем, что предстоит и в дороге, и на турнире! Такое, что здесь и не снилось. Думаю, что отвечу от имени всех: мы не сдадим замки!.. Вам не стыдно будет вернуться. Но только...

Голос его неожиданно дрогнул и прервался. Договорил застенчиво Теодерих:

— Возвращайтесь, сэр Ричард, побыстрее.

— А то без вас заснем, — буркнул Аллан. — И так уже слышно, как мухи жужжат.

Я обнял всех по очереди.

Пока седлали коней, я, чтобы избегнуть долгих прощаний, галопом пустил Зайчика к выходу. Стражи только проводили нас зачарованными взглядами, когда мой черный конь пронесся через распахнутые ворота, как брошенная рукой великанна раскаленная скала.

Я пощупал, не глядя, объемистый седельный мешок, куда насовали все-все, без чего нельзя пускаться в дальнее путешествие. На ближайшем привале проверю, но пока проблем нет: Зайчик даже не замечает, что у меня за спиной тюк.

Впереди на холме появился и начал приближаться замок Кабана, а теперь владение благородной леди Роберты. Помня ее неприязнь ко мне, я хотел было обехать по дуге, но одернул себя: что это иду на поводу у дерганой девицы?

Зайчик бодро несся прямо, попирая копытами сувенирные земли леди Роберты. Дорога прямо к каменным громадам, а там, пустив отросток через мост в замок, снова пошла в сторону моих земель.

На стены крепости высыпал народ, мне махали руками и весело кричали.

Я сказал Зайчику:

— Хорошо хоть камни не швыряют!

На синем небе появилось нечто темное, я ощущил импульс пригнуться, потом сообразил, что в меня бросают букеты цветов.

— Ладно, это стерплю...

Решетка ворот со страшным скрипом поднялась, с грохотом упал мост. Торопливо прошествовали, почти пробежали, стремясь перехватить нас с Зайчиком, немолодые люди, отличающиеся от простолюдинов осанкой и манерами.

— Сэр Ричард!.. Сэр Ричард!

Я придержал коня, оглянулся. Они приблизились, старший поклонился, проговорил исполненным благородства голосом:

— Я граф де Нургель из рода Кастингов, а это мои друзья и соратники: барон Кукенойс, граф Семилагт и конт Мелюкэ. Да, еще пользуясь случаем представить благородных рыцарей Весцелина и Койвэ, они много сделали для леди Роберты, оставаясь ей верными в самые трудные времена.

Я кивнул:

— Приятно познакомиться. У вас какое-то дело? Я очень спешу.

Граф Нургель поклонился, указал в сторону распахнутых врат.

— Не угодно ли будет посетить наш замок... который мы получили только благодаря вашей такой своевременной помощи?

Я выставил ладони, отметая благодарности:

— Не благодарите! Я просто ехал мимо. Помочь соседу — долг. Тем более если сосед — хорошенъкая женщина. Но я вот прямо сейчас еду на рыцарский турнир, так что в ближайшее время не смогу посетить ваш замок и засвидетельствовать вашей хозяйке свое почтение..

У всех вытянулись лица, я заподозрил, что у них снова какие-то неприятности, уже с соседями. Граф Нургель даже сбледнул малость:

— А когда вернетесь, доблестный сэр?

Я развел руками:

— Кто знает? Путь туда — две недели, еще две — обратно. А сколько пробуду там... кто знает?

Барон Куkenойс рядом с графом зябко передернул плечами.

— Сэр Ричард, мы еще не успели укрепиться...

— Укрепляйтесь, — посоветовал я. — Насколько я понял, у вас справа в соседях Талибальд? Посмотрел я на него сегодня... По-моему, немалая сволочь.

Они молчали, встревоженные, поглядывали друг на друга. Мой конь, страшно перекривив морду, фыркнул и налитыми багровым огнем глазами следил за орлом, что нарезал широкие круги над башней. Вид у Зайчика такой, что сейчас прыгнет, как кузнецик, и схватит его зубами.

Барон Куkenойс и остальные посматривали с ужасом. Я улыбнулся графу, барону и конту, хотя конт, по-моему, то же самое, что и граф, вскинул руку в прощании:

— Счастливо оставаться! Еще свидимся!

Неизвестно, то ли уловили в этом зловещий подтекст, то ли еще что, но граф Нургель вскрикнул:

— Сэр Ричард, сэр Ричард!.. Подождите минутку!..

По его знаку сразу двое бросились обратно через мост с не свойственной для их возраста поспешностью. Граф Нургель умоляюще развел руками.

— Может быть, все же воспользуетесь нашим гостеприимством хоть ненадолго?

— Опаздываю на турнир, — ответил я. — Увы, как говорил, Эней, увы...

Он умоляющее сложил руки у груди, бросил злой взгляд на оставшихся спутников, те попятались, повернулись и бросились к раскрытым воротам.

— Что за парижские тайны, — пробормотал я раздраженно, — или мадридские?

Я повернул Зайчика, он пошел бодрой рысью, разгоняясь в галоп.

— Сэр Ричард!

Я придержал коня, оглянулся с досадой. Хорошо смазанные маслом ремни даже не заскрипели. По деревянному мосту, громко стуча каблучками, красиво пробежала леди Роберта. Золотые волосы выбились из-под затейливых

вого головного убора, щеки разрумянились, в глазах злой огонь, во взгляде сверкнула восхитительная ненависть.

— Слушаю вас, — сказал я почти любезно. — Э-э... леди Роберта.

Она подбежала, слегка запыхавшись, выдавила с усилием:

— Сэр Ричард, мы тут посоветовались...

— ...с народом и решили, — закончил я. — И что решили? Давайте поскорее, леди Роберта, труба зовет.

Она в недоумении огляделась:

— Какая труба? Или вы слышите... Великий Боже, вы слышите небесные трубы?..

Я поморщился:

— Ближе к телу, дорогая.

Она в самом деле придвигнулась, не только к телу коня, я ощутил, как прижимается грудью к сапогу в стремени.

— Мои советники, — сказала она с еще большим усилием, — советуют посоветовать... Нет, эти трусливые твари настаивают, чтобы я, получив слабый и незащищенный замок, приняла ваше покровительство...

— Но вы их послали в задницу? — осведомился я любезно.

— Конечно! — ответила она с готовностью. Спохватилась: — Но вообще-то если вы в самом деле не претендуете на замок, то...

— То вы решили, — закончил я, — почему бы не заполучить крышу... то бишь вассалитет, просто за так? На хлявую? Ничем не расплачиваясь?

Она вскинула голову, в серых глазах блеснул вызов, щеки полыхнули жаром:

— Если вы о плате, — проговорила она совсем тихо, — то назовите свою цену.

— Хорошо, — ответил я любезно, — можете вывесить на воротах мой герб. Герб Ричарда де ля Амальфи!

Копыта черного Зайчика застучали бодро, потом все чаще и чаще. Впереди простор, впереди Юг, я ощутил желание опустить забрало и наклонить копье.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	72
Глава 8	84
Глава 9	94
Глава 10	108
Глава 11	117
Глава 12	129
Глава 13	138
Глава 14	150
Глава 15	163

ЧАСТЬ 2

Глава 1	175
Глава 2	184
Глава 3	195
Глава 4	207
Глава 5	217
Глава 6	226
Глава 7	237
Глава 8	246
Глава 9	257
Глава 10	265

Глава 11	276
Глава 12	289
Глава 13	299
Глава 14	310
Глава 15	320
Глава 16	331

ЧАСТЬ 3

Глава 1	343
Глава 2	351
Глава 3	360
Глава 4	370
Глава 5	379
Глава 6	386
Глава 7	397
Глава 8	407
Глава 9	418
Глава 10	429
Глава 11	441
Глава 12	450
Глава 13	458
Глава 14	468

Литературно-художественное издание

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЕ АМАЛЬФИ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *А. Стариakov*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *О. Шувалова*

Корректор *И. Анина*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
 обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksмо-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksмо-канц.ru e-mail: kanc@eksмо-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве

в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12

(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО «Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksмо.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых монтажей 15.10.2004.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 22,1.

Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 4402483.

Отпечатано на ФГУИПП «Нижполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

СТРАНА ИГР

Вы первыми узнаете,
во что все будут
играть завтра

В МИРЕ ЕЖЕДНЕВНО ВЫХОДЯТ ДЕСЯТКИ ИГР
НА САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПЛАТФОРМАХ:
PC, PLAYSTATION 2, XBOX, GAME CUBE, GBA.

МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ РАЗОБРАТЬСЯ
В ЭТОМ КРУГОВОРОТЕ
И СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

ISBN 5-699-06503-2

9 785699 065035 >

Фиц Олд

de Амальфи

